Л. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ

ЗА КУБАНЬЮ





Л. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ



ЗА КУБАНЬЮ



РОМАН

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ББК 84Р7
П38

Плескачевский Л. Ю.
П38 За Кубанью: Роман:—М.; Воениздат, 1986.— 368 с.

В пер.: 1 р. 60 к.

Жестокой и кровавой была борьба за Советскую власть, за новую жизнь в Адыгее. Враги революции пытались в своих целях использовать национальные, родовые, бытовые и религиозные особенности адыгейского народа, но им это не удалось. Борьба, которую Нух, Ильяс, Умар и другие адыгейцы ведут за лучшую долю для своего народа, завершается победой благодаря честной и бескорыстной помощи русских. В книге ярко показана дружба бывшего комиссара Максима Перегудова и рядового буденновца адыгейца Ильяса Теучежа.

П $\frac{4702010200-188}{068(02)-86}$ КБ-26-31-1986
БЗВ №7-1986-№4 ББК 84Р7

Лазарь Юдович Плескачевский

ЗА КУБАНЬЮ

Редактор *Т. И. Канищева.* Художник *А. А. Салтанов.* Художественный редактор *Т. А. Тихомирова.* Технический редактор *М. В. Федорова.* Корректор *Т. Ю. Ставбунская.*

ИБ № 2720

Сдано в набор 30.10.85. Подписано в печать 29.04.86. Г-92713. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая. Печ. л. 11½. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,54. Уч.-изд. л. 21,53.
Изд. №4/908. Тираж 65 000 экз. Зак. 1005. Цена 1 р. 60 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160, 1-я типография Воениздата. 103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ильяса что-то толкнуло, и он, словно вынырнув из глубин небытия, начал ощущать окружающий его мир, неуютный и очень шумный. В голове трещало, звенело, постреливало. Вспомнилось: так громыхала витрина в Екатеринодаре, когда в нее врезался шрапнельный стакан. Сколько же тут витрин, о аллах!

Неожиданно стало тише. Откуда-то издалека донесся говорок часов: тик-так, тик-так... Только почему эти часы так отчаянно скрипят?

Еще усилие — и Ильяс открывает глаза. Странное дело: потолок над ним черно-серый, усыпанный офицерскими пуговицами. Очень знакомый потолок. И тут Ильяса начинает разбирать смех — это же надо, не узнать мартовское небо над родным аулом. Ильясу приходилось ночевать в степи во всякую пору, и ему ли не знать, что и мартовское небо и солдатская шинель — цвета серого сукна.

Но где же он? Неужели в кошаре Измаила? Когда нанялся?

Э, глупый... Ильяс смеется над собой пуще прежнего: разве кошара может так громыхать и скрипеть? А ну-ка, ну-ка... Чем это пахнет? Так и есть, самым настоящим лошадиным потом. Причем очень сильно.

А это еще что за запах? Прокатывается ветерок — и запах лошадиного пота ослабевает. Зато усиливается другой — приторный, вызывающий тошноту.

Ильяс снова закрывает глаза, морщит лоб — никак не может сообразить, куда его везут и чем здесь пахнет. А ведь и этот другой запах очень знакомый. Ясно! Так пахнет запекшаяся кровь. Видно, они тогда напоролись на офицерскую роту. Атака поначалу захлебнулась. Все залегли. Потом раздался голос Максима, такой спокойный: «Вперед, бей их, гадов!» Голос комиссара всегда удивлял Ильяса — Перегудов никогда не кричал, даже во время атаки. Но люди хорошо слышат его, подымаются, бегут за ним. И Ильяс мгновенно бросается за комиссаром. В руках у него винтовка с примкнутым штыком. Беляки уже почти рядом. Но вдруг что-то толкнуло Ильяса в плечо, и он рухнул на землю, будто выброшенный из седла норовистым жеребцом. Потом появился комиссар Перегудов, склонился над Ильясом и спросил так, словно они с детства дружили: «Что, друг, получил по первое число?» Ильяс в ответ лишь усмехнулся: нашел время шутить. «Ничего, друг, — подбодрил его Перегудов. — Главное — черепок на месте, руки-ноги целы. А дырки зарастут».

Снова что-то цвиркнуло, это отвлекло Ильяса. «Ложись, Максим, — простонал он, — убьет».

Перегудов озорно прищурил левый глаз, будто на привале пошутить собрался, прохрипел: «Нас-то? Да мы, друг, заговоренные».

Ильяс не поймет, рисуется он или ему действительно наплевать на смерть. А ведь может пропасть ни за что. «Ложись», — просит Ильяс. Но Максим подхватывает его на руки и, тяжело ступая, идет. А в ушах словно слепни жужжат.

«Максим, ложись!» — выкрикивает Ильяс. «Молчи, по-по-том, — тяжело выдыхает Максим, — потом нагово... нагово...»

«Нагово... нагово...» Ильяс пытается догадаться, что имел в виду комиссар. Но в какой-то момент тонкая нить воспоминаний обрывается, как перешибленный осколком телефонный провод. Ильяс старательно прощупывает в памяти оставшийся обрывок и облегченно вздыхает — все же понял недосказанное русским: потом наговоришься... А два года назад, когда пришел в полк, не мог и сказанное понять, знал одну-единственную фразу «Мос Шовгенов сказал: «Освободимся своей рукой — получим землю».

Ильяс добродушно ухмыляется: хорошо вот так, со стороны, поглядеть на самого себя. Ну и темным же

он был. Теперь вместе со всеми поет: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». Русский язык совсем не трудный, надо только запоминать каждое слово. А это Ильясу нетрудно — память его фиксирует все услышанное и точно так же воспроизводит. Он хоть сейчас может рассказать сказку о красавице Тлетанай, которую услышал лет тридцать назад, пятилетним малышом. Или сказку о сыне Ворона Батыре. Он хорошо помнит русские слова и песни, задорную, похожую на команду к бою речь командарма Буденного. Вспоминается и милая болтовня оставленных дома дочурок. Это же надо: пятеро дочерей и ни одного сына. Потому и жили впроголодь — женщины-то землей не наделялись, а кормиться как-то надо, вот и нанимался — то к Измаилу, то к Салеху. А проще говоря, батрачил... И на войну его никакими коврижками не заманили бы, если бы не Ленин. Его декрет. Как-то в аул приехал комиссар Кубанской области по делам национальностей Мос Шовгенов. Ильяс спросил его: «Как теперь будет с землей?» Мос ответил: землю им дает ленинский декрет.

Ильяс тогда не знал, что это такое — декрет, он думал, что это главный помощник Ленина, и только на митинге все понял, когда Мос сказал:

— Сейчас я вам прочитаю ленинский Декрет о земле!

Достал газету и начал читать. В декрете говорилось, что отныне земля полагается всем гражданам без различия пола — и мужчинам и женщинам. Хороший декрет. Такого декрета Ильяс только и дожидался, старые никуда не годились.

— Когда же мы поделим землю? — спросил Ильяс после митинга. — С этим надо бы поторопиться, чтобы все успеть сделать до сева.

— Поделить нетрудно, — ответил Мос, — поделить можно хоть сегодня. Но нельзя забывать — наступает Деникин. Надо в первую очередь покончить с белогвардейцами. А этого никто за нас не сделает. В подарок, Ильяс, тебе землю никто не преподнесет, за нее придется повоевать.

Ильяс провел без сна несколько ночей и записался в красный полк. И вот теперь, через два года, колеса выстукивают свою песню. Ильяс снова открывает глаза. Небо по-прежнему очень серое, но все-таки уже не совсем такое — то тут, то там пробиваются светлые пятнышки. Они расползаются вширь и вглубь, смывая звезды.

Ильяс пытается повернуться на левый бок. Это вызывает острую боль. Но вот боль утихает, и Ильяс решается подвинуться чуть-чуть вправо. И вдруг вздрагивает: оказывается, рядом с ним кто-то лежит!

Нестерпимая боль снова укладывает его в прежнее положение. Но теперь боль уже не единовластно хозяйничает в его душе. Им овладевает новое чувство. Он напряженно прислушивается — хочет услышать дыхание соседа: Ильяс не трус, но трястись рядом с покойником — спасибо! Ничего не услышав, неимоверным усилием приподымается он на локте и видит голову в окровавленных бинтах, а поверх них натянута буденовка. В промежутке между бинтами синеют опущенные веки, из-под буденовки выбилась русая прядь. Ильяс с трудом приподымает голову. Так он и думал: в передке повозки, скорчившись в три погибели, спит ездовой. Кони не останавливаются только потому, что оглобля привязана к задку передней телеги.

Потеряв остатки сил, Ильяс валится навзничь, в голове звенит. Но мысль о соседе неотвязно преследует его.

— Ездовой! — вдруг неожиданно громко произносит Ильяс. — Ездовой!

В ногах что-то начинает ворочаться. Наконец над повозкой вскидывается серая солдатская шапка.

— Ну, ездовой... А что, если ездовой? Не человек, что ли? — С этими словами ездовой уселся, повернув к Ильясу помятое, в рыжей щетине лицо. Из щетины, словно птенец из гнезда, обиженно выглянул срезанный кверху нос. — Ну, я ездовой...

Слова перемежаются тяжелыми вздохами, хриплым кашлем.

Ильясу совестно — ни с того ни с сего разбудил человека. Но теперь уж молчать нельзя, а признаться в том, что его тревожит, неудобно.

— Куда едем? — интересуется Ильяс.

— Куда люди, туды и мы. Дальше кудыкиной горы не заедем.

Познания Ильяса в русском языке до кудыкиной горы не простираются, но все же он понимает, что ездовому трудно прийти в себя после сна.

— А люди куда?

Ездовой долго шарит под шинелью, достает кисет и бумагу, отрывает довольно основательный клок и начинает сворачивать козью ножку. Свернув, облизывает ее, а потом сгибает так, что получается подобие трубки. На-

чинает набивать ее махоркой. Загнув края бумажки, чтобы не просыпалась ни одна крупица курева, снова лезет под шинель за спичками.

Медлительность ездового выводит некурящего Ильяса из себя.

— Мой сосед помер, — вдруг брякает он.

Однако ездовой по-прежнему не торопится. Достав спичку, чиркает ею о коробок. А ветер уже тут как тут. Он и прямо налетает, и из-под локтя, и из-за спины, да все понапрасну — огонек в заскорузлых ладонях словно в непроницаемой раковине. Просунув туда чубук козьей ножки, ездовой затягивается. На лице его появляется блаженная улыбка. Затянувшись еще глубже, он разглаживает ладонью рыжую щетину на лице. Теперь и нос уже не выглядит таким обиженным. Ноздри, обласканные махорочным дымком, пошевеливаются с какой-то неожиданной надменностью.

— Вот теперь я снова человек, — выдыхает ездовой. — Зовут меня Ермил, а фамилие мое — Коробкин. Едем мы, значит, товарищ черкес, до города Новороссийска, а Екатеринодар далеко позади. Возим мы, едреный лапоть, раненых, само собой, а покойников развозить по всей территории нет резону. Дотащимся до жилья, привал сделаем, лошадей покормим, поставим на передых, а тем часом фершал твоему соседу с этого света на тот аттестат выпишет. Без аттестата, дорогой товарищ, и там солдата не примут.

Ильяс вдруг забывает о покойнике, старается представить, что же произошло. Черт знает как они едут. Выходит, раненых повезли не назад, как обычно, а вперед. А если так, то Деникину — капут.

Так оно и было на самом деле — красные войска не просто теснили деникинцев, а гнали их к морю, не давая опомниться. В середине января 1920 года казалось, будто войска Тухачевского после взятия Ростова выдохлись. И действительно, основная ударная сила наступающих — конармия Буденного — понесла весьма ощутимые потери. Благоприятствовала деникинской грабьармии и погода. Едва беляки проскочили за Дон и Маныч, началась редкая даже для тех мест оттепель: вскрылись реки, вспучились болота; ручейки, не обозначенные даже на двухверстках, превратились в неприступные преграды.

Все это давало потрепанным деникинским частям воз-

можность привести себя в относительный порядок. Донская и Кавказская армии белых провели массовые мобилизации, из Туапсе и Новороссийска непрерывным потоком шла иностранная боевая техника, не ощущалось недостатка в продовольствии и боеприпасах, на вооружение деникинцев поступило много танков и самолетов.

К середине февраля соотношение сил было таково: под ружьем у Деникина находилось примерно семьдесят пять тысяч солдат и офицеров; преследовавшая его группа войск под командованием Тухачевского насчитывала менее пятидесяти тысяч бойцов и командиров.

Однако, вопреки прогнозам западных стратегов, красные части в середине февраля перешли в наступление. Смелый маневр живой силой позволил создать численное превосходство на участках наступления. В результате многодневных ожесточенных боев белые были выбиты с позиций, укреплявшихся в течение всего месяца. Наращивая удары, не давая противнику закрепляться на промежуточных рубежах, красные части превратили отступление деникинцев в паническое бегство.

В конце февраля снова ударили морозы, а в начале марта наступила оттепель, и тылы красных отстали. Небывалый героизм революционных войск решил участь оплота контрреволюции на Дону и Кубани: последнюю значительную водную преграду — реку Кубань — они форсировали буквально на плечах противника. Дорога к морю была практически открыта.

— Сколько же до Новороссийска? — почему-то шепотом осведомился Ильяс. Новая догадка ошеломила его, он закрыл глаза в ожидании ответа.

— А зверь его знает! — огрызнулся Ермил и, выплюнув опалившие губу остатки козьей ножки, достал из кармана маленькое зеркальце. — Сей момент проверим твоего дружка, едреный лапоть.

Ездовой пересел на борт повозки и, склонившись над подозрительно бесчувственным соседом Ильяса, приставил к его рту зеркальце. Подержав минуту-другую, повернул его к себе. Видно, Ермил заметил в зеркальце что-то приятное. Он самодовольно хмыкнул и полез на свое место. Усевшись, затараторил:

— Фершал, едреный лапоть, человек ученый, а только и он не в силах разобраться, жив человек или помер, на энтом он свете или уже перед апостолом Петром рожи корчит. Штука это анафемская. Но подозрительных мужеского пола проверить — плевое дело. Пущай человек

самый что ни на есть слабый, вот-вот душа с телом разъединится, а все же на бабий дух клюнет. Вот и носит с собой фершал бабскую принадлежность. Ежели солдат живой, обязательно на зеркальце его парной след останется. И я себе такую стекляшку завел — чего с поля боя покойников таскать, если раненые тебя ждут не дождутся.

Довольный собой, Ермил снова полез за кисетом.

Повозка мягко катит по песчанику. Ильяс, натужно ворочая головой, вглядывается в придорожные кусты, присматривается к редким тополькам вдоль дороги, к межникам, рассекающим степь вдоль и поперек. Взгляд его становится все более напряженным, он уже не только о подозрительном соседе, даже о ране своей позабыл.

Так оно и бывает. Нежданная встреча с домом волнует нас пуще всего прочего. Конечно, хорошо бы подъехать к своему плетню, как не раз рисовалось в мечтах, верхом, лихо соскочить с коня, отвязать притороченный к седлу мешок с гостинцами, по очереди поцеловать Мариет, Куляц, Нуриет, Сару, взять на руки младшенькую Зейнаб... Она, верно, и не помнит отца...

— Ездовой, а ездовой?

— Я ездовой, — дернув головой, вскрикивает снова задремавший Ермил. — Ну?

— Стань-ка, хороший человек, на повозку, посмотри: впереди, за дальним тополем, развилка имеется?

— А зверь его знает, — сердится Ермил. — Доедем — увидим. Не один ли тебе черт, едреный лапоть?

Ильяс пытается приподняться сам, но неловко падает. Невольный стон вырывается из его груди. Слабо застонал и сосед, которого он затронул при падении.

— Нечаянно, — извиняется Ильяс. — Больно? — Он рад, что лежит не с покойником.

— Пить...

«Пить...» Черта с два тут достанешь воды».

— Пить! — повторяет сосед. — Пить!! Пить!!

«Пить!» Ильяс прислушивается. Знакомый голос. Еще бы!

— Максим! — спохватывается Ильяс. — Это ты, Максимка?

Сосед умолкает. Синие веки его чуть заметно раздвигаются. Он пытается скосить глаза в сторону Ильяса. Приподнявшись на локте, Ильяс наклоняется над ним. Распухшие веки Максима мелко дрожат, сузившиеся от боли зрачки едва заметно оживляются.

— Узнал? — Голос Ильяса подозрительно дрожит.— Максимка, друг!

Максим тоже рад. Он пытается крикнуть что есть силы: «Узнал, друг! Как не узнать-то...» Но сил как назло так мало, что слова не получаются... Лишь по движению губ Ильяс догадывается: узнал. Он так рад, что забывает о развилке. Хорошо, что ездовой следит за дорогой.

— Э, черкес, — вдруг окликает он. — Впереди развилка. Угадал, едреный лапоть. Обоз правей забирает. Знакомая местность?

— Знакомая, — хмурится Ильяс. — Направо станция будет.

— А левей ежели взять, там что?

— Аул Адыгехабль, шесть верст.

— Шесть верст, — бормочет Ермил. — Шесть верст до небес, и все лесом... Твой, значит, кабель?

— Мой, — с трудом выговаривает Ильяс. Силы покидают его, лицо покрывается потом, он ест глаза. Но Ильяс не замечает.

Ездовой пристально вглядывается в черкеса — он сникает на глазах. Глубоко вздохнув, Ермил соскакивает с повозки, неуклюже топчется, разминая затекшие ноги, потом семенит в голову колонны. Подложив под затылок кулак, Ильяс наблюдает за его щупленькой фигуркой до тех пор, пока она не растворяется среди подвод.

Появляется Ермил внезапно. Легко вскакивает на передок. С минуту молчит. Потом осведомляется:

— Фершал-то в вашем хабеле есть, едреный лапоть?

Ильясу еще невдомек, куда клонит ездовой, но сердце что-то чует. Оно бьется, как раненый зверь.

— Есть, — отвечает Ильяс, хотя он вовсе не уверен в этом: мало ли что за два года могло случиться с их врачевателем Схатбием.

Ермил тянет за повод, повозка съезжает с дороги, сворачивает на обочину.

— Твое счастье, черкес, — бурчит он. — Лазареты переполнены, разрешено довезти. А соседушку твоего на другую подводу переволокем.

Ильяс тяжело дышит. С ума сойти — через час-полтора он будет дома. Лицо его краснеет, все тело покрывается потом. Теперь бы малость землицы да пару хроменьких коней, которых неделю назад обещал командир полка шахтер Афанасий. Еще час... А как же Максим?

— Стой! — срывающимся голосом требует Ильяс. — Стой, черт!

Повозка останавливается.

— Сдурел? — осведомляется Ермил.

— Без него не поеду, — кивает Ильяс на Максима.— Куда он, туда я, куда я, туда он.

— Зверь тебя знает, — ругается ездовой. — Сразу сообразить не мог?

Он снова соскакивает и, бормоча что-то про едреный лапоть, бежит в голову обоза.

Где же ездовой? Очевидно, не разрешили... Что ж, может, оно и к лучшему? У Дарихан и без того забот хватает.

Ильяс пытается представить, что сейчас делает Дарихан. Очевидно, кормит детвору. А есть ли чем? Скорей бы добраться до аула. Пусть раненый, но дома.

Лежит с закрытыми глазами, представляет, как его встретят. Первым прибежит сосед Лю, затем появятся Умар с Гучипсом. Они всегда вдвоем. Интересно, Умар все такой же злой или подобрел? Нет, наверное, еще злее — собирался уйти на фронт вместе с Ильясом, да неожиданно умерла жена. На кого малых ребятишек оставишь, если старуха мать еле ноги волочит?

Увлеченный мыслями о доме, Ильяс не слышит шагов ездового.

Ермил глядит на Ильяса молча, словно не решаясь нарушить его покой. Черная борода раненого, как лишаями, изъедена сединой. Продолговатое худое лицо от напряжения сильно покраснело. В зарослях усов заплутались слезинки. Как капли росы. Громко вздохнув, Ермил взбирается на передок.

— Н-но... Поехали, едреный лапоть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Это очень напоминает игру. В большой комнате двое. Первый — за столом, второй — у стены, лицом к стене.

Первый произносит название аула, второй называет имена и фамилии, пароли и явки.

— Так, верно, — подтверждает первый. — Джиджихабль?

Второй отвечает.

— Так, верно. Уляп? Ходзь?

Второй шпарит фамилии и пароли без запинки, как сохта [1] утреннюю молитву.

[1] Сохта — ученик мусульманской школы.

Проверка окончена, карта пройдена с запада на восток до конца. Ни единой ошибки. Да и мудрено было бы ему ошибиться — сам снаряжал, инструктировал и отправлял каждого, уславливался о явках, особо доверенным указывал места, где загодя было припрятано оружие.

— Не забудешь? — Первый складывает карту вчетверо.

Второй поворачивается к столу. У него скуластое лицо с невысоким лбом, на широких плечах серая черкеска, корнетские погоны. Узкая талия стянута наборным серебряным поясом, на нем кинжал с инкрустацией чернью. Средний палец правой руки играет, словно маятником, офицерским Георгием.

— Захочу забыть, и то не смогу. — В тоне корнета — почтительность, обожание.

— Смотри, Ибрагим, это последняя проверка. Ты один знаешь всех, больше никто. На мою память в этом смысле надежда плоха.

Ибрагим не отвечает — к чему лишние слова? Каждый из названных сидит в его голове намертво. Ну а если все же потеряется, его начальник убытка не понесет — полковник Кучук Улагай и более сложные тексты запоминает с первого раза. Кокетство памятью — одна из его любимых привычек.

Улагай поднимается, выходит из-за стола. Он чуть выше Ибрагима, стройнее, более подтянут и, судя по одежде, меньше заботится о своей внешности, чем корнет. На нем не черкеска и даже не китель, а простая гимнастерка с полевыми полковничьими погонами, высокие, до блеска начищенные хромовые сапоги, простой офицерский ремень с орлом. На груди — орден святого Владимира с мечами и бантом и крест «За службу на Кавказе». Пробор разделяет темно-каштановые волосы на две неравные части. Благородно. Подчеркивает породу. Заставляет подчиненных не забывать о дистанции. Впрочем; Ибрагим не завидует: облик Улагая, как ему кажется, не отвечает национальным традициям. Надменное, без единой морщинки лицо даже цветом своим отличается от лица типичного горца: матово-бледная кожа просвечивает слабым, почти девичьим румянцем. Ни тени загара. Тонкие, плотно сжатые губы, прямой нос. За длинными немигающими ресницами — сверкающие холодным блеском черные глаза. Они, будто из овальной решетки, уставились на Ибрагима и давят, давят...

Ибрагим непроизвольно вытягивает руки по швам, таращит и без того выпуклые глаза и замирает. Вот так вдруг, без единого слова, умеет Улагай совершить мучительный для иных служак переход от фамильярности к официальному тону, за которым укрывается как за каменной стеной.

— Спички! — коротко бросает полковник.

Ибрагим лихорадочно шарит по карманам, почтительно подает коробок. Полковник сворачивает карту и подает Ибрагиму.

— Вот что, Ибрагим, — цедит полковник, доставая красноголовую спичку. — Запасись-ка ты хорошими спичками, если успеешь. У них там, в этой Совдепии, и лампу зажечь нечем будет.

Он чиркает спичкой о коробок. С шипением вспыхивает яркое пламя. Медленно, словно колеблясь, подносит спичку к уголку карты. Огонек нерешительно прыгает в голубые разводья Черного моря. Пламя смелеет, подбирается к побережью. Вот уже пылают населенные пункты, и огонь неудержимо шагает в горы. Пересеченная местность успешно форсирована, пожар пылает в аулах и станицах, подбирается к Екатеринодару, накатывается на земли Войска Донского.

Улагай с захватывающим интересом следит за развитием событий. Полковник не суеверен, но эта неожиданно возникшая в пламени картина кажется ему символичной: Ростов, Харьков, а там глядишь... Но дорога каждая минута.

— Брось карту в камин и позови Аскера.

Ибрагим мгновенно скрывается за дверью.

Полковник с минуту остается на месте. В глазах его еще сверкают отблески пламени, в один миг сожравшего огромный край. Подходит к окну. С высоты второго этажа открывается чудесный вид на море. Оно почти такого же цвета, как и небо, и такое же тихое. Вдали, между небом и водой, как нарисованная, замерла белоснежная яхта. Берег взбегает к зданию, покачивая зеленой гривкой — на побережье ветерок. Улагай поворачивает шпингалет, и створки окна расходятся. Черт побери, кончается весна, а он еще и не разглядел ее как следует. Свежий воздух бьет в ноздри. Глубокий вдох. Знакомый вкус у этого воздуха — будто пьешь из бокала, недопитого когда-то, давным-давно. На лице Улагая появляется слабое подобие улыбки: он вспоминает аул на берегу моря, ватагу босоногих мальчишек, пенистые брызги волн.

«Э, кто дольше пробудет под водой?» Конечно он! «Э, кто дальше заплывет?» Это и так известно — лучше Кучука никто не плавает. «Дельфины! Дельфины!» — волнуется ребятня. «Э, — кричит он, — кто щелкнет дельфина по носу?» И сразу бросается в волны... Плывет и корит себя: «Зачем сболтнул? Теперь попробуй догони дельфина». Хвастунишку спасает случайность — на берегу появляется всадник на взмыленном коне: «Кучук, к отцу! Немедленно! Скачи!»

Он застывает на пороге кунацкой для почетных гостей. Отец беседует с генералом. Мальчик вежливо здоровается. На него никто не обращает внимания, и он имеет возможность, не нарушая этикета, разглядеть дородное лицо гостя, его блестящий мундир, украшенный орденами. О аллах, ведь это их родственник... Каким стал!

Разговор отца с гостем не менее интересен.

«Настоящий офицер должен с детства приучаться к походной жизни, к строю, — говорит гость. — С пеленок!» В тоне гостя — едва заметный оттенок превосходства.

«Очень правильно, очень», — соглашается отец. Почтительно, но без заискивания: Улагаи никогда ни перед кем не заискивают, Кучук знает это. Чуть повернувшись к сыну, бросает: «Поедешь учиться. Завтра. Собирайся... И помни: ты — Улагай! Помни это всегда: ты — Улагай!»

Южное деревце пересаживают в мерзлый северный грунт. Крепкое деревце выживает. Но никогда уже не будет оно похоже на своих южных братьев. Как непохож Кучук Улагай на Ибрагима.

Звонит телефон. Улагай захлопывает окно и берет трубку.

— Слушаю, — произносит он по-русски без акцента. — Да, буду ждать. Сейчас? — Взгляд его падает на большие настенные часы, они показывают три. — Чуть попозже, часам к пяти.

Ибрагим вводит Аскера. Ему нет и двадцати пяти. Он худощав, подтянут, на гимнастерке новенькие погоны — успел перед капитуляцией выслужиться. Звонко щелкает каблуками, лихо отдает честь.

— Оставь нас, Ибрагим. И смотри, чтобы никто не мешал.

Ибрагим выходит. Улагай внимательно оглядывает Аскера, замечает, что молодой офицер старается во всем

походить на него, даже волосы разделил пробором. На такого можно положиться.

— Мне очень жаль, Аскер, что ты сорвался с коня в самом начале пути, — произносит он садясь. — Обстоятельства пока не в нашу пользу, продолжать борьбу на фронте в условиях, которые сложились сейчас, — значит, безрассудно рисковать всем. Надо выждать время, сохранить силы, улучить момент...

Улагай умолкает. Его черные зрачки впились в Аскера.

— Нам придется на некоторое время расстаться: я не могу рисковать людьми, которые составят будущее свободной Адыгеи. В твои руки я вложил ключи к восстанию. Все запомнил?

— Так точно!

Улагай достал из планшета аккуратно сложенный лист — это была точно такая же карта, какая сгорела тридцать минут назад.

— Проверим. Шенджий?

Аскер тихо назвал имя и фамилию, пароль.

— Что? — раздраженно переспросил Улагай. — Нас никто не подслушивает.

Аскер вдруг вспомнил, что полковник глуховат: офицеры называли его между собой «глухим дядей». Он громко повторил пароль и фамилию. Проверка заняла совсем немного времени — Адыгея невелика.

— Теперь смотри, Аскер, — проникновенно произнес Улагай. — Я хочу, чтобы ты понял, какое место отведено тебе в будущих событиях. Вон камин, брось карту в огонь.

Аскер неуверенно комкает карту и бросает ее в камин. Пламя медленно лижет новую добычу.

— Завтра начнется сдача. — В голосе Улагая — металл. — Пойдешь к красным вместе со всем взводом, на виду у всех. Громко ругай Деникина, говори, что ошибался, возвращайся в родной аул. Поступай на работу к красным. Любую. Трудись добросовестно. Не вздумай подаваться в лес, ты можешь понадобиться в любую минуту. Ничем себя не выдавай. Все понял?

— Так точно, зиусхан!

— Я могу появиться в твоем ауле. Аллах тебя упаси приблизиться ко мне, показать, что мы знакомы. Ну, прощай.

Щелк-щелк каблуками, налево, кругом, арш!

Улагай снял трубку телефона:

— Дежурного по штабу. Махмуд? Где генерал? Когда проснется, позвонишь.

Входит Ибрагим.

— Неизвестный господин... — докладывает очень громко. И потише добавляет: — Старый знакомый. Ему хотелось, чтобы я его не узнал.

Улагай бросает удивленный взгляд на корнета: оказывается, и он — неоткрытая книга. Впрочем, это его воспитание.

— Зови!

Господин в чесучовом костюме, в пенсне и с тросточкой совсем непохож на того штаб-офицера, с которым они когда-то познакомились при выполнении специального задания где-то на Востоке.

Гость протягивает хозяину руку, без приглашения усаживается в кресло, снимает котелок, сдергивает парик и вытирает платком бритую голову.

«Вечно эти водевили с переодеваниями», — хмурится Улагай, глядя на невозмутимого Энвера. Не странно ли? Все эти дни он неотступно думал именно об Энвере. Решая задачки, кадет Кучук частенько заглядывал в ответы. И в дни, когда он собрался решать уравнение со многими неизвестными, хотелось иметь в кармане бумажку, если и не с ответом, то хотя бы с волшебным словом, которое позволило бы ему пройти сквозь стену.

— Выкладывай, — произнес Энвер, отдышавшись. — Что у тебя?

Улагай улыбается. Пожалуй, впервые после сдачи Екатеринодара.

— Это все? — хохочет Энвер. — Вряд ли ради этого стоило тащиться из Москвы.

— Из Москвы? — Узкие глаза Улагая еще больше сузились, превратились в щелки.

— Брось валять дурака, Кучук, — вдруг тихо и жестко произносит Энвер. — Я буду поддерживать с тобой связь. Назначь явки в нескольких аулах. Лучше всего — у мулл. И не забудь, что все мы ходим под аллахом. Если Врангеля постигнет неудача и твоя миссия...

— Все хорошо продумано и подготовлено, дорогой.

— Если Врангеля постигнет неудача, — повторяет Энвер, — и твоя миссия провалится, мы не успокоимся. Ты сможешь продолжать свое дело под нашей крышей. У меня должны быть все нити. Но возможен и третий вариант: не мы будем искать связи с тобой, а ты с нами.

Это уже совсем другой разговор.

— Что ты имеешь в виду, Энвер?

— Иностранный паспорт. Яхта в условленном месте.

Улагай тотчас же подошел к окну — яхта стояла там же, где и раньше.

— Не напрягай зрение, Кучук, это «Фарэ», можешь воспользоваться ею для перехода в подполье. Аул? Для первой явки.

— Для начала — Адыгехабль, дом главного муллы. Дальше — по алфавиту.

— Связи?

Улагай достает из кармана гимнастерки сложенный лист. Да, это она, дважды сожженная карта.

Достав записную книжку, Энвер заносит туда все необходимое. Через несколько минут и третья карта превращается в комочек пепла.

— Мне пора. На крайний случай спрячь этот порошок. Не пугайся, Кучук, это пирамидон. Нацарапаешь на порошке своей рукой слово «Сурет» — новое название яхты — и передашь мулле в ауле... — Энвер шепчет название аула.

Улагай угадывает его и едва слышно повторяет, пряча порошок.

— «Фарэ» к твоим услугам, могу высадить в любом месте.

— Это мне подходит, — после некоторого колебания решает Улагай. — Жду сегодня в десять вечера внизу, завтра начинается сдача.

— В десять, — повторяет Энвер. — Будь осторожен, кругом предатели.

— На их спинах в аулы проедут мои люди.

Энвер натягивает парик, по-русски подмигивает и быстро уходит.

Трудный день. Кажется, хлопотам не будет конца, на завтра уже ничего не отложишь. Не успел уйти старый знакомый, как появились сразу двое — казначей и дежурный офицер. Улагай приглашает дежурного. Круглолицый, не ко времени веселый корнет сразу же доложил о ходе подготовки к сдаче. Докладывал так, будто именно в этот момент совершалось главное дело его жизни.

— Самое важное сделано — составлены новые списки частей с учетом наличного состава. А то пойдут разговоры: где тот да где этот? За каждым ведь не досмотришь, многие уже ушли домой.

— Молодец, Махмуд. Надо усилить караулы.

— Есть, усилить караулы.

— Пароль заготовил?

— Последний пароль на двадцать третье мая утвержден вами.

— Предпоследний. Есть данные, что на рассвете группа штабных офицеров попытается улизнуть в Грузию. После двух ночи смени пароль, поставь заслон с пулеметами за дачей генерала. Без шума.

— Есть, без шума. Разрешите вопрос, господин полковник? Как вы думаете, что с нами сделают? Я имею в виду нас, офицеров.

«Нас, офицеров». Такая постановка вопроса покоробила Улагая и в то же время рассмешила. Святая простота, он полагает, что большевики ко всем отнесутся одинаково. Милый, глупый барашек. Черное — белое, день — ночь... И еще: да — нет...

— Наверняка предложат служить, ведь у них нет приличных командиров.

— С этим не согласен, господин полковник. Сдаемся мы им, а не они нам. Таким служить — еще полбеды, — добавил вдруг Махмуд с неожиданной рассудительностью.

— Служить слугам, Махмуд, это не полбеды, а самая настоящая беда.

— Все же со своим народом... — Махмуд оборвал себя на полуслове, встретившись с Улагаем взглядом.

— Можешь идти. Пригласи казначея.

Вошел Джумальдин. Улагай с трудом узнал его — балагур Джумальдин выглядел так, словно перенес тяжелую болезнь.

— Я все знаю, Кучук, — выпалил он, едва закрыв за собой дверь и плюхаясь в кресло.

— Поздравляю тебя, — равнодушно буркнул Улагай.— Раньше я полагал, будто все известно одному аллаху.

— Ты все шутишь! Как ты можешь? Ведь ты обрекаешь себя на верную смерть! Подумай, стоит ли это делать? Ради чего?

— Джумальдин, что ты плетешь? — Глаза Улагая сузились еще больше.

— Кучук, мне все известно, вы затеяли гиблое дело. Поднять адыгов на восстание после разгрома Колчака, Деникина, всех белых армий сущее безумие!

— Ты думаешь, адыги смирятся с большевистским

игом? Они сбросят его, как конь сбрасывает вшивую попону.

— Опять кровопролитие? — Джумальдин вскочил с кресла. — Аллах не позволит свершиться этому.

— Ты думаешь, аллах тоже перешел к красным? Не надейся. Не все такие трусы, как ты.

— Не мели чепуху, Кучук, уж ты-то знаешь, что я не трус. Подумай лучше, что будет с народом.

Улагай брезгливо сморщился:

— Ты, Джумальдин, словно с неба свалился. Поляки в Киеве, Врангель готовится к наступлению на Кубань, наш народ на распутье. Оставить его? Пусть идет куда вздумается? Народ, дорогой мой, что конь — ему повод нужен, повод в сильной руке. Да, народ сейчас на распутье, но у меня хватит сил натянуть повод и направить коня, куда нужно. А что ты предлагаешь?

— Сдаться! Безоговорочно и честно, явиться всем во главе с офицерами, во главе с генералом.

— И с денежным ящиком?

— Да, и с денежным ящиком, — повторил Джумальдин. — Сдаться и потребовать автономии, как финны.

Улагай подошел к столу, нажал кнопку. В дверях появился Ибрагим.

— Денежный ящик вместе со всей охраной немедленно перевезти на мою дачу.

— Есть, перевезти! — козыряет Ибрагим.

— Иди выполняй. И ты, Джумальдин, можешь уходить.

— Кучук, зачем ты перевозишь к себе ящик с деньгами?

— На всякий случай, Джум. Приказ тебе известен — теперь финансами и вообще всеми делами ведаю я.

— Ты употребишь эти деньги во вред народу.

— Не все. Ровно половину я возьму лично себе. Должен же я получать жалованье в подполье?

— И ты способен это сделать?

— Вынужден, Джум, вынужден. Ведь с завтрашнего дня официально ни одно казначейство не будет меня финансировать. Прощай, мы ведь больше не увидимся.

— А может и мне с тобой? Друзьями ведь были.

— Давай уж лучше к большевикам, мне люди нужны надежные.

Едва слышно скрипнула дверь.

Внезапно перед глазами Улагая возникла картина: он в гостях у Джумальдина. Хозяин чуть не на голове хо-

дит, чтобы развеселить неулыбчивого гостя. Дарит ему многообещающие улыбки и жена хозяина. Да, красавице Сурет придется поплакать. Что ж, сам виноват...

Опустился в кресло перед окном, но тут же вскочил: не сделано последнее дело. Быстро вышел, сбежал с крыльца. За ним Ибрагим.

Из конюшни вывели любимую лошадь Улагая — арабскую чистокровку Астру. Кобылица, узнав хозяина, радостно заржала.

За воротами дачи к ним присоединился почти целый взвод. Улагай бросил на Ибрагима недовольный взгляд.

— Сейчас ничего не поймешь, — стал оправдываться Ибрагим. — Идешь к другу, встречаешь врага...

Начинает смеркаться, но Астра уверенно взбирается по крутой тропинке, вьющейся среди густых зарослей. Дача генерала Султан-Гирея Клыча находится на высоком плато, от нее тянется сравнительно хорошая для этих мест дорога на Гагру. Неподалеку — граница между Советской Россией и меньшевистской Грузией.

Тропинка петляет среди вековых чинар. Вдруг перед самой мордой Астры появляется фигура в бурке.

— Стой!

Астра отпрянула было в сторону, но Улагай трогает повод, и она продолжает свой путь.

— Стой, стрелять буду...

— Какой ты горячий, Хасан, — усмехается Ибрагим. — Своих уже признавать не хочешь. И тебе не стыдно?

— Надо отзываться, — недовольно бурчит Хасан, один из адъютантов генерала.

Вскочив на коня, он едет вслед за Улагаем. Несколько раз, чаще всего на поворотах, издает протяжный свист.

«Старику палец в рот не клади, — со смешанным чувством уважения и досады думает Улагай. — Что у него теперь на уме? Молчит как пень».

К командиру конного кавказского корпуса начальник его штаба питал самые противоречивые чувства. Султан-Гирей Клыч был очень богат, имел большие связи и в силу этого занимал главенствующую позицию в адыгейской дворянско-феодальной клике, быстро продвигался по служебной лестнице. У Деникина он командовал корпусом. Улагай был едва заметен за широкой спиной хлебосольного генерала. С Улагаем считались как со знающим офицером. И только. Вождем же был Клыч. Перед ним

юлили Шеретлуковы, Забит-Гиреи, Болотоковы, Траховы, не говоря уже о менее знатных и богатых дворянах. Теперь соотношение сил менялось. Улагай оставался в подполье, а его шеф получал какое-то особое задание. В этом не было сомнений — несколько дней назад с ним беседовал тот самый полномочный представитель Врангеля, который приказал Улагаю остаться в подполье. Но генерал делал вид, будто его судьба еще не решена. Улагай боялся, что он вдруг всплывет, когда восстание будет выиграно, и снова оттеснит его на задний план.

Отдав поводья Ибрагиму, Улагай направился было к крыльцу, как вдруг услышал:

— Генерал в саду.

Султан-Гирей сидел в беседке, увитой еще небольшими, похожими на гусиные лапки, ветвями винограда.

— Садись, Кучук, — вежливо пригласил он. — Хорошо, что пришел попрощаться.

— Не только, — тихо проговорил Улагай, садясь напротив генерала.

— О, у тебя всегда новости, даже в последний момент.

— В последний момент всегда бывают самые сногсшибательные новости. Я хочу спросить тебя: может, останешься с нами?

Генерал в упор посмотрел на собеседника.

— Я уверен, что ты и один управишься, — ответил он. — А потом не забывай: приказ есть приказ, раз барон назначил тебя, значит, он исключал мое присутствие. Быть может, ты передумал?

Передумал? Вопрос больно задел Улагая. Он не раз спрашивал себя об этом. Были дни, когда он готов был бросить все, перемахнуть через границу и пойти на службу к туркам или англичанам. И те и другие использовали бы его для организации разведки на Кавказе. Дело, конечно, прибыльное. Но понимал: это не уйдет. Слава, успех, истинное величие — там, в родном краю. Как будто стоит в его ауле высокий столб, высокий и гладкий, как стекло, столб, а на самом его верху — золотое яблочко. Взобраться на столб, овладеть золотым яблочком — вот его мечта. Стать первым человеком в Адыгее.

— Нет, Султан, буду в трудный час со своим народом.

— Вам, молодым, хорошо, — устало вздохнул Султан-Гирей. — Желаю успеха. — Он поднялся и вышел из беседки. Улагай последовал за ним.

— Ну... — Клыч крепко обнял полковника. — Поверь, люблю тебя, Кучук, как брата. Думаю, что скоро снова обниму тебя как победителя. Береги себя.

Что-то шевельнулось в черствой душе Улагая, под влиянием внезапного порыва он сказал:

— Уходи до двух; потом дежурный сменит пароль.

— У, свинья, — разъярился Султан-Гирей. — Я ему покажу двойную игру.

— Не поднимай шума, Султан, это мой приказ.

Улагай направился к Астре, но генерал окликнул его:

— Вот что, Кучук, насчет засады хорошо придумано. С начальником караула поговори, пусть палят в белый свет — была, мол, перестрелка, прорвались... А кто — разве узнаешь? Кого нет, тот и проскочил. Так и тебя искать не станут.

— Не поверят, — поразмыслив, ответил Улагай. — Чтоб из засады, хоть и ночью, никого не уложить... Догадаются, что инсценировка.

Генерал сразу же уловил мысль своего помощника.

— Кого же, по-твоему, могли бы уложить?

— Джумальдина. Самый неуклюжий. Зазевался, размяк...

— Ты прав, Кучук, мы это устроим. Ну прощай...

Обратно Астра шла шажком, на ощупь: темнота сгущалась с каждой секундой, подул свежий ветер. Одна за другой начали гаснуть звезды. За несколько минут все небо обложило плотными, будто стегаными тучами. Воздух сдавило невидимым прессом — не продохнешь. Вот-вот хлынет ливень.

Улагай весь ушел в себя. Не часы, а считанные минуты решали сейчас его судьбу. Еще можно все повернуть и так и этак. Но другого такого случая больше не представится. Это он знает твердо.

Астра, пропустив поворот на дачу, продолжает спуск. Что ж, иногда и коня послушаться не вредно. Ибрагим с охраной поворачивает в штаб. Вдруг, словно прорвавшись откуда-то, с шумом и грохотом низвергается ливень. Крупные, хлесткие струи воды окатывают всадника. Улагаю кажется, будто он оказался под водосточной трубой. Берег. Астра в нерешительности останавливается. Впрочем, Улагай и сам не знает, куда сворачивать. Спешившись, укрывается с конем под огромным кедром. Гремит гром, и гигантская штыкообразная молния врезается в воду: будто транспорт с боеприпасами наскочил на мину.

— Зиусхан... — Это Ибрагим. Он словно возник из дождя и ветра.

— Людей отправил?

— Осталась небольшая группа, — выждав, пока станет тише, докладывает адъютант. — Пятеро, самые надежные. Маршрут им известен.

— Отправь и их. Посади у телефона дежурного. Пусть на все дает один ответ: полковник спит, приказал не будить. Проверь, не оставил ли я чего в столе, возьми все деньги и спускайся сюда. Своего коня оставь в конюшне. Так донесешь.

— Есть!

— Погоди... Забери Астру. А впрочем, не нужно. Иди.

Улагай снова остается на берегу один. Ливень внезапно прекращается, становится тихо и тепло. Полковник срывает с головы намокшую фуражку и с силой швыряет ее в море. Она шлепается плашмя и через несколько секунд идет ко дну. Тишина. И вдруг в нее врывается какой-то звук. Он неясен и уже потому тревожен. Улагай прислушивается — сзади что-то шаркнуло. Выхватив револьвер, резко оборачивается. Никого.

Снова шорох. И снова тишина.

Улагай готов открыть огонь.

В этот момент совсем рядом раздается спокойный голос:

— Неосторожно, мой дорогой полковник.

Улагай вздрагивает. Энвер прав. В подполье он это учтет. Напряжение спадает, он снова собран и непроницаем. Однако всякая пауза должна иметь свои пределы.

— Дорогой Энвер, разве не интересно испытать судьбу?

— Орел или решка, — в тон добавляет Энвер, они говорят по-русски. — Где тебя высадить?

— Где угодно, только не в родном ауле. Уж там-то меня определенно ждут.

Шуршит галька — по тропинке спускается Ибрагим, навьюченный до предела.

— Что там?

— Все в порядке.

Энвер поднимает над головой электрический фонарик — в море улетает условный сигнал.

Улагай вглядывается в мрак, пытаясь разглядеть ответ. Энвер спокойно прохаживается. Галька шуршит под его ногами. С моря доносится короткий свист. Энвер снова включает и сразу же гасит фонарик.

Люди молчат, только Астра бьет по песку копытом.

Через несколько минут неподалеку от них закачалась на волне шлюпка. Шлепая по воде, Ибрагим швыряет в нее узлы и чемоданы, протягивает руку Улагаю, потом Энверу. Стоя в воде, выжидающе поглядывает на полковника.

— Ты чего ждешь? — удивляется Улагай. — Живо в лодку! Астру держи на поводу. Тяни, болван, не понимаешь? Лезь в лодку и тяни за собой коня, пусть плывет за нами...

Ибрагим нерешительно перебрасывает свое тело за борт шлюпки и вдруг разражается нервным смехом. Энвер напряженно следит за лошадью. Послушная поводу, она доверчиво ступает по морскому дну.

Команда Энвера — и весла тихо опускаются в воду. Шлюпка трогается. За ней, задрав голову вверх, плывет Астра. Берег скрывается во мраке. Бьет волна, конь начинает всхрапывать, пытается сорваться с повода. Отчаянно дернув головой, Астра вырывает повод из руки Ибрагима. В ту же секунду раздается тревожное ржание, и лошадь скрывается в пенисто-черной пучине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оказывается, не простое это дело — вылечить человека, особенно если он буквально набит железом. Молодой врач, присланный командиром полка, возился с Максимом несколько часов. Он извлек осколок из головы, два или три вытащил из спины, нашел кусочек свинца и пониже поясницы. Сестре милосердия, приехавшей вместе с врачом, помогали старшая дочь Ильяса Мариет и ее подруга, соседка Биба.

— Теперь тебе, Максим, необходим покой, полный покой, — пояснял врач, вытирая пот со своего взмокшего лба. — Через неделю, не раньше, надо будет сменить повязки, мазь оставляем, сестра научит Бибу, как это сделать. Возможны сильные головные боли, поэтому оставляем пилюли, но они помогают слабо, придется терпеть. Главное — не спеши подниматься. Скажи спасибо Ермилу, что не потащил тебя в Новороссийск, такую дорогу ты бы не выдержал.

Врач уехал, Максим пытался выполнять все его предписания. Но покой не шел: ни ночью, ни днем он не мог сомкнуть глаз. Чтобы не стонать, лежал, стиснув зубы. И тогда Ильяс, посоветовавшись с председателем ревко-

ма Нухом, пригласил фельдшера Схатбия. Поглядев на раненого, тот только прищелкнул языком и ушел. А вскоре возвратился в сопровождении престарелого хаджи Сулеймана и Меджида-костоправа. Поглядев на пациента, хаджи тоже прищелкнул языком. Щелканье это могло иметь только один смысл: «Перед волей аллаха смертный бессилен». И хаджи, закатив глаза под чалму, стал взывать к его милости.

Меджид вел себя иначе. Задав Ильясу несколько вопросов, он задумался. Хаджи и фельдшер тем временем направились к дверям: в такие минуты костоправу лучше не мешать. Вскоре вслед за ними вышел и Меджид. Впрочем, он скоро вернулся обратно с плетеной корзинкой, в которой побрякивали склянки.

— Кто перебинтовывал русского? — обратился он к Ильясу.

Биба, стоявшая вместе с Мариет у дверей, ответила, что делала все так, как велела приезжая женщина.

— Хорошо сделала, — объявил костоправ. — Будешь помогать мне.

С помощью девушек Меджид промыл раны Максима настойкой собственного изготовления, деревянной лопаточкой достал из фарфорового пузырька коричневую мазь, тоже собственного изготовления, и полностью залепил ею раны.

— Ну-ка забинтуй, — попросил костоправ Бибу. — У тебя хорошо получается, девушка, быть тебе лекарем, умница.

Раскрасневшаяся от похвалы Биба старательно перевязала Максима. Костоправ пошарил в корзинке, достал пузырек и, поднеся его к носу Максима, открыл. По комнате разнесся острый запах эфира. Максим невольно сделал глубокий вдох.

— Завтра опять приду, — объявил Меджид, направляясь к выходу. Но уходить не торопился, присел на топчан у стены. — Послушай, Биба, он сейчас уснет, и пусть его никто не будит. А когда проснется, покорми его, потом рассказывай сказки. Ты знаешь сказки? — Меджид поднял глаза на девушку.

— Знаю, — чуть слышно пролепетала Биба. — Какие рассказывать?

— Любые, какие хочешь, он все равно ничего не поймет. Говори спокойно, и он опять заснет... — С этими словами Меджид, важно всех оглядев, удалился.

— Смотри, — прошептала Биба, подталкивая Мариет, — засыпает...

Вот так и пошло, как говорил Меджид. И с каждым днем Максиму становилось все лучше и лучше.

Однажды Ильяс услышал во дворе знакомый голос — это прибыл Ермил, тот самый ездовой, который когда-то доставил их в аул.

— Командир полка приказал пригнать тебе двух жеребцов: ноги у них засеклись. Да это ничего, едреный лапоть, у тебя они отойдут.

Сгрузив корзины с продуктами и передав Ильясу деньги для него и Максима, — оказывается, поскольку они не попали в госпиталь, их все прошедшее время числили на довольствии в полку, — Ермил достал из-под сиденья аккуратненький, перевязанный бечевкой сверток.

— Начальство наше Максиму трахеи прислало. Выздоровеет, сказал комиссар, а на свет божий показаться не в чем, все казенное мундирование народной кровью залито. Вот, говорит, пусть и носит эти трахеи.

В пакете оказались желтоватые английские шоферские галифе с черными хромовыми нашлепками, английский же френч цвета хаки с четырьмя огромными накладными карманами и густо пахнущие дегтем обычные яловые сапоги.

— Енеральские трахеи, едреный лапоть, — восхищался Ермил. Увидев, что лицо Максима прояснилось, добавил: — Я б за-ради такой муниции из гроба выскочил! А теперь — до свиданьица, ехать надо.

— Нехорошо, — возмутился Ильяс. — Без обеда не отпущу!

— Отпустишь, едреный лапоть, — невесело улыбнулся Ермил. — Завтра утром нас, обозников, по эшелонам грузить начнут. Конники уже тронулись.

— Куда?

— А зверь его знает! Ординарец Семена Михайлыча сказывал, будто на польский фронт.

Вскоре Максим стал подниматься. Но ходить не мог — сразу же начиналось головокружение, к горлу подступала тошнота. Врач был прав: покой и только покой! И конечно, время. А тянулось оно так медленно, что казалось, будто тоже ранено и едва волочит ноги. А иногда и вовсе останавливалось — это когда Биба рассказывала сказки. Поразительно: вслушиваясь в ее медленную, плавную речь, Максим словно бы начинал понимать чужой язык. Когда Биба останавливалась, он произносил

некоторые адыгейские слова, правда, довольно смешно, но правильно объяснял их смысл по-русски.

— Говори помедленнее, — попросил он однажды Бибу, — и я пойму.

Все чаще заглядывал к Максиму председатель ревкома Нух — рад был, что в ауле появился еще один коммунист, дивился его умению в любом деле до самой сердцевины докапываться. Вот и сегодня пришел, да, что называется, в неурочный час — впервые Максим сам уснул среди белого дня.

— Хотел посоветоваться насчет передела земли, — сокрушенно проговорил Нух, усаживаясь напротив Ильяса под кроной густого стройного ореха. Говоря это, оглядывал чудесное дерево, посаженное Ильясом в честь рождения первой дочери, Мариет, примерно тринадцать лет назад. Ну и смеялись тогда над ним: да где же это видано, чтобы в их ауле орехи росли! А саженец Ильяса креп, зеленел, набирался сил. И вот уже несколько лет Ильяс угощает всех молодоженов вкусными плодами: хорошая это примета. Не раз собирался Нух попросить у Ильяса отросток, да все стеснялся: ведь и он когда-то вместе со всеми смеялся над ним. «Вот проведем раздел земли, — решил про себя Нух, — тогда и загляну к Ильясу за саженцем». — Прибыло приглашение явиться в Лакшукай на съезд горцев Екатеринодарского отдела. Спросят там, что с землей, а мне и сказать-то нечего — все никак не решу, на кого ее делить.

Ильясу эти сомнения казались в высшей степени странными.

— Как это, на кого? На членов семьи. На кого же еще?

Нуху это известно и без Ильяса. Вздохнув, он пояснил:

— Члены-то в семье разные. Вот у Асланчерия семья — трое тут, один в Конной армии на польском фронте, а сопляк Сафер к Алхасу ушел. Сколько же у него всего душ?

Да, задачка... Если б такое положение у одного Асланчерия, то еще обошлись бы как-нибудь, а то ведь так обстоит дело почти в каждом дворе. Один Врангеля бьет, другой без вести пропал, третий в фильтровочном лагере для пленных деникинцев под Сочи — вот-вот домой вернется. А кое-кто под боком — в лесу, в банде Алхаса. А некоторые и вовсе не знают, где их сыновья, или братья, или мужья. Раздели сегодня землю, а они завтра

явятся с польского фронта — и несправедливость получится.

— Перво-наперво объяви в мечети, что начинается передел. Кто у Алхаса — пусть домой идет, иначе не получит ничего — бандитам земля не положена. Кто в Красной Армии — на того нарезать. Остальных не считать, — предложил Ильяс.

— А вдруг явятся? Через месяц, два...

— А ты сделай, как наш командир полка перед атакой — одну часть в бой посылает, а другую в запасе держит — на всякий случай. Оставь эдак десятин сто.

— Дело! — согласился Нух. — Дело! А землю эту мы, как в старину, засеем сообща, будет у ревкома свой хлеб — учителям или кому там, сиротам.

Он поднялся.

— Хорошо, если бы к собранию наши ребята от Алхаса ушли, — произнес Нух и тяжело вздохнул.

— Черт с ними! — взорвался Ильяс. — Пусть па себя пеняют. Сопляки... Их там меньше десятка, стоит ли говорить о них.

Спор не новый. Нух и Максим с тревогой заговорили о засевшей в лесу банде бело-зеленых. Ильяс же полагал, что она рассеется сама собой.

— У этих сопляков-дезертиров — винтовки и гранаты, — повысил голос Нух. — Кроме наших там сотни две-три всякого сброда — несдавшиеся деникинцы, кулачье, грабители, Ерофей со своими головорезами. И кто назвал их бело-зелеными? Никакие они не зеленые, самые настоящие беляки — недавно продотряд разгромили, обоз с хлебом в лес завернули, на ревкомы нападают. Разве секрет, что Измаил и другие наши кулаки связаны с Алхасом? А как мы можем противостоять этой силе? Беспрерывно твержу, что в ауле надо создать свою охрану. А что слышу в ответ? Одни насмешки. Кроме Максима, никто всерьез не задумывается над создавшимся положением. Хватимся, Ильяс, но будет уже поздно.— В голосе Нуха — укор. — Ладно, завтра проведем собрание, там все и решим.

Нух ушел. Тотчас же из-за плетня донеслось:

— Есть новости, сосед? — Это Лю, отец Бибы. — Можно к тебе заглянуть?

Лю удобно устроился под знаменитым орехом. За ним перешли дорогу сидевшие у своей сакли Юсуф и неразлучные Умар и Гучипс. Умар невысок, строен, подвижен, добрые глаза его глядят печально — вдовцу здорово до-

стается: когда не стало жены, младшему было всего лишь три месяца. Толстяк Гучипс тщетно пытается женить друга.

Все чинно усаживаются, и Ильяс начинает излагать свой взгляд на земельную реформу: дели землю на тех, кто есть, ждать нечего, а на всякий случай имей резерв. Белые, бело-зеленые не в счет.

— Позволь! — вскакивает Юсуф. — Выходит, если мой сын сейчас у Алхаса, я на него ничего не получу? Разве это справедливо? Вернется и будет жрать, как все. Черт побери, да он и сейчас все из дому тащит.

— М-да, — вмешался в спор Лю, — тут что-то не так. Белые, красные, бело-зеленые...

— А как быть с Нурбием? — задумывается Юсуф. — Его старшего, Меджида, расстрелял генерал Покровский, а Сафера мобилизовал Султан-Гирей.

— А ты, Юсуф, полагаешь, — с трудом сдерживая раздражение, замечает Умар, — что мы будем выделять землю своим врагам?

— Какой же тебе Сафер враг? Опомнись, дорогой. Что ты несешь?

— Такой же, как и Султан-Гирей, — подтверждает Умар. — Солдат или генерал — разница маленькая, стреляет солдат, а не генерал.

Из лесу доносится глухой треск выстрелов. Все прислушиваются.

— На обед собирают, — сообщает Юсуф. — Теперь там дисциплинка.

— Это хорошо, — радуется Лю. — Без дисциплины ничего у них не получится, расползутся по бабам.

— А что у них должно получиться? — удивляется Ильяс.

— Что? — Умар желчно кривится. — Они ведь собрались поиграть в солдатики, разве ты не знаешь? Разобьются на две группы и начнут палить друг в друга. Пиф-паф... Ты ведь твердишь: сопляки, соберутся и разойдутся. А мне эти шутки с порохом уже надоели. Думаешь, они не наблюдают за нами? Хорошо, если не впутаются, когда мы землю начнем перекраивать.

Ильяс понимает: его приперли к стенке. А в самом деле, что предпримет Алхас, когда они начнут делить землю? Этого он сказать не может — видел Алхаса в последний раз около двадцати лет назад... Но тогда они были совсем другими.

Спор обрывается, люди расходятся, так и не придя ни

к какому выводу. Один Лю спокоен: пусть хоть весь аул с ума сойдет, лишь бы это не коснулось его семьи. Надо уметь пройти по болоту, не испачкав сапог, — вот его девиз.

Интересы аульчан, разумеется, не ограничиваются этими спорами. Адыгехабль — аул большой, и народ там весьма разношерстный. Если заглянуть в кунацкую Салеха, нам откроется нечто иное. Сюда гости начинают сходиться, когда на аул опускаются сумерки. Калитка не скрипит, пес надежно привязан в глубине двора, за сараем: кто бы ни зашел, не его это собачье дело.

— Завтра собрание, — сообщает Салех, когда все усаживаются и умолкают.

Гостям это известно.

— Будут землю делить...

И это всем известно.

— Лучше бы этого собрания не было, — заканчивает Салех.

Поднимается шум — все говорят сразу. Измаил ударяет кулаком по столу — все смолкают.

— Салех прав! Будем так сидеть, они отберут у нас все.

— Надо посоветоваться со стариками, — предлагает Джанхот.

— Не штановиш на тонкий шук... — скорчив глупую рожу, шепелявит Салех. — И шлепой швинье попадает шолудь...

Все хохочут: Салех точно копирует их мудрого хаджи Сулеймана — от любого вопроса тот отделывается ничего не значащими поговорками.

— Придется сегодня ночью кому-то прогуляться. Решай, Измаил.

...Пролетают сутки. И вот уже люди собираются на площади перед ревкомом. Старики располагаются по старшинству на бревнах. Хаджи Сулейман усаживает рядом с собой раненого красноармейца Ильяса — не стоять же человеку, опирающемуся на палку. Идет степенный разговор о погоде, о Мекке, о коране — невозмутимости стариков могут позавидовать даже рыбы.

Но в толпе, которая все увеличивается с каждой минутой, говорят только о земле. Слева собираются сторонники передела, справа тесной группкой сбились довольные существующим положением.

На крыльце ревкома — Нух. Несмотря на жару, он в суконной гимнастерке, подпоясанной широким солдатским ремнем, поношенных диагоналевых галифе и хромовых сапогах. На бритой голове — папаха с большой красной звездой. Портупея с наганом — дома: нехорошо козырять оружием перед земляками. Нух стоит, опершись о перила, глаза его, грустные, встревоженные и все же полные решимости, устремлены на толпу. Будет бой, он это понимает. И радуется. В конце концов, революция — не для богатеев, они это сегодня узнают. Большинство проголосует за передел, и тут же начнет действовать комиссия. Интересно, как поведет себя Алхас: слухи о переделе достигнут леса этой же ночью. А может, уже достигли? Нух непроизвольно морщит лоб: думать об этом не хочется.

Солнце скатывается за тополя, на площадь ложится мягкая тень. Пожалуй, можно начинать.

— Собрание важное, — звучит голос Нуха, — поэтому предлагаю избрать председателя и секретаря. Надо вести протокол.

— Нух! — кричат слева.

— Салех! — раздается справа.

Салех поднимается на крыльцо.

— Секретарю полагаются стол и бумага, господин тхаматэ[1], — низко кланяясь Нуху, произносит он.

Справа прокатывается злорадный хохот: Салех всегда паясничает на собраниях. Эх, будь в ауле хоть один грамотный бедняк, Нух бы этого секретаря быстро поставил на место. Ильяс вот у Буденного читать и писать выучился, но с секретарскими обязанностями вряд ли справится. «Слушали, постановили, избрали...» Тут сам черт ногу сломит, а Зачерий требует, чтобы все было оформлено по правилам.

— Ты не дури, Салех.

Обычно после первого предупреждения Салех утихомиривается. Но сегодня он в ударе. Еще ниже кланяясь Нуху, он громко, так, чтобы было слышно повсюду, говорит:

— Если ты недоволен мной, могу подать в отставку. — Неожиданно выпрямившись, Салех козыряет.

Теперь уже смеются все — отзывчивая на шутку толпа воспринимает кривляние Салеха как невинное зубоскальство. Но Нух мгновенно настораживается—он улав-

[1]Т х а м а т э — старшина, председатель.

ливает в этом нечто иное: осторожный Салех никогда не импровизирует, каждый шаг его заранее продуман. И сейчас он неспроста валяет дурака.

— Товарищи! — кричит Нух. — Внимание!

На площади становится тихо.

— Предлагается на обсуждение один вопрос — о переделе земли согласно ленинскому Декрету от 26 октября 1917 года. Будем ли его читать? Кажется, все с ним знакомы?

— Не надо, знаем! — раздаются голоса слева.

— Читай! Пусть читает! — гремит справа.

Нух сразу все понимает: они тянут время. Значит, на что-то надеются. Надежда у них могла быть только одна — на лес. Да, сплоховал он, не следовало объявлять о собрании накануне. Впрочем, теперь уже ничего не переменишь.

Нух переводит декрет с русского, фразу за фразой. Тишина. С каждой минутой он чувствует себя увереннее, крепче.

— Декрет обязателен для всех. Давайте же наконец наведем порядок с землей, выберем комиссию, которая переделит ее. Отберем излишки земли у всех без исключения и дадим ее тем, кто будет обрабатывать ее своими руками. Разве мы не при Советской власти живем? Разве у нас нет сил выполнить наказ товарища Ленина?

— Есть! — закричали в толпе.

— Кто скажет что-нибудь?

Площадь затихла, было слышно, как ветер перебирает серебристые листья тополей.

— Что же вы молчите? — хмурится Нух.

— А о чем говорить? — выкрикивает Измаил, самый крупный землевладелец аула. — В декрете вовсе не сказано, что надо лишать земли честных тружеников. Там записано как раз наоборот — земля у крестьян не конфискуется.

— А мы и не будем конфисковать. В декрете написано, что земля распределяется на всех, а не только на мужчин. Вот мы и переделим ее. По едокам. Кто за это, прошу поднять папахи.

Левая сторона как бы вырастает на целый метр — над ней взлетает, колышется лес папах, правая разражается злобными ругательствами.

— Теперь надо выбрать комиссию по переделу.

Но тут внимание толпы отвлекает зловещий шум: свист, гиканье, топот. Все поворачиваются. Из переулка

вылетает окутанная облаком пыли ватага всадников. В лучах заходящего солнца обнаженные клинки сверкают как молнии. Кавалькада лавой растекается позади толпы. Впереди на дородном караковом жеребце — грузный мужчина в черкеске с серебряными газырями: Алхас. Под громадной папахой — влажные, карие навыкате глаза, мясистый, похожий на перезрелую грушу нос и лохматые, топорщащиеся усы. Он медленно оглядывает толпу.

Теперь у собрания как бы два президиума, и толпа не знает, к какому повернуться. Левая сторона переминается с ноги на ногу, правая дружно поворачивается лицом к Алхасу.

Старики встают со своих бревен. Стоит, облокотившись на палку, и Ильяс, его буденовка торчит среди каракулевых папах. Сердце бешено колотится. Лишь теперь он начинает понимать, как были правы Нух и Максим.

Удивительно легко для своего веса, даже красиво, Алхас спешивается, бросает поводья. Их на лету подхватывает какой-то юнец. Медленно проходит он сквозь толпу, давая возможность людям расступиться, поднимается на крыльцо, становится рядом с Нухом.

— Аульчане! — рявкает Алхас. — О чем вы здесь толкуете?

Нух делает глубокий вдох. Лицо его невозмутимо.

— Секретов нет, — спокойно, но медленнее, чем обычно, произносит Нух. — Разбираем два вопроса. Первый о земле. А второй... — Нух снова глубоко вздыхает, в глазах его замирает смертельная тоска: как ни крути, ставка одна. — А второй — о ликвидации бандитизма. Мы хотим обратиться к обманутым и запуганным людям с просьбой разойтись по домам обрабатывать землю. Я к вам обращаюсь, люди, которые пришли с Алхасом: чего вы добьетесь в лесу? Что можете вы сделать против Советской власти, которая разбила Деникина?

Алхас делает шаг к Нуху, еще шаг, и грузная фигура атамана теснит председателя. Легкий, худощавый Нух с трудом удерживается на ногах.

— Ты кто такой? — осведомляется Алхас, сжимая эфес короткой кривой сабли.

Нух бросает взгляд на толпу. Люди ждут. С интересом поглядывают на него и всадники Алхаса. Злорадное оживление царит среди тех, кто столпился справа. Отступать нельзя!

— Я — Советская власть! — гордо заявляет он, делая шаг вперед.

— Советская? — Алхас театрально подносит к уху согнутую ладонь. — Что это за власть? Не слышал о такой. В аулах ее нет и не будет.

— Алхас, не валяй дурака! Прикажи своим молодцам сдать оружие, и пусть идут по домам. И ты сдайся властям, другого пути у тебя нет.

Опиравшийся на палку Ильяс распрямляется, подается вперед. Ну и молодец этот Нух! За таким идти на коне в атаку — одно удовольствие. Глаза сверкают. Кажется, вот-вот вырвется из них пламя. Грозный Алхас теперь очень похож на зарвавшегося индюка: ему и сказать-то нечего.

Глаза Алхаса наливаются кровью, рука рвет клинок. Но что-то заело, и Алхас скрежещет зубами. Но вот клинок со звоном вылетает из ножен. Салех роняет тетрадь, переваливается через перила и лягушкой плюхается на булыжник.

Ильясу все это начинает казаться подозрительным: настоящий адыг не позволит себе оголять шашку в споре с безоружным.

— Эй, Алхас!.. — кричит он. — Опомнись!

В этот миг клинок взлетает вверх. Тело Нуха еще несколько секунд раскачивается, словно не зная, куда упасть, и вдруг ничком валится на ступеньки крыльца. Голова вот-вот отделится от туловища. Со ступенек бесшумно сбегает ярко-красный пузырчатый ручеек.

Алхас быстро наклоняется, вытирает клинок о старые, выношенные сзади до белизны диагоналевые галифе Нуха, вкладывает клинок в ножны и поворачивается к толпе.

— Собака! — взлетает вдруг над толпой отчаянный возглас..

Это кричит Умар. Он мигом подлетает к крыльцу — маленький, щупленький, — норовя достать Алхаса кулаками.

И тут начинается нечто невообразимое. Бандиты бросают лошадей на толпу. Она раздается в стороны. Крики, вопли, ругань. Взмывает нагайка Алхаса, и Умар, схватившись руками за лицо, валится наземь.

Из толпы вырывается Ильяс, он бежит, не чувствуя боли в простреленной ноге. Хрясь!.. Его палка достает атамана.

Сбоку на Ильяса налетает всадник. Клинок разрезает воздух.

— Э-э! — ревет Алхас. — Шумаф... Стой, сволочь!

Клинок Шумафа повисает в воздухе, нагайка Алхаса перетягивает его спину.

— Кто разрешил самовольствовать? — гремит Алхас. — Забыл приказ — никого не трогать! На кого саблю поднял, подлец? На Ильяса, сына моего спасителя, моего брата! Запомните все: кто хоть пальцем тронет Ильяса, тому не быть живым.

Ильяс замирает, потрясенный этим неожиданным заступничеством не меньше, чем подлой расправой с Нухом.

Алхасу подводят коня, он вскакивает в седло. Приподнявшись на стременах, объявляет:

— Собрание окончено, господа аульчане, расходитесь по домам.

Всадники не спеша сворачивают в переулок.

Ильяс склоняется над Умаром, распластанным на земле. Лицо Умара наискосок перетягивает широкий кровавый жгут. Кто-то приносит воду. Умару вливают в рот несколько глотков. Он открывает глаза.

— Хаджи Сулейман, эй, люди! Меджид! — кричит Ильяс. — Надо Нуха похоронить.

Гучипс помогает Умару подняться, стряхивает с его бешмета пыль.

Ветер налетает на деревья, и долго еще шумит растревоженная листва.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Было время, когда ворота этого дома не запирались даже на ночь — гости приходили, когда им вздумается. Теперь накрепко заколочены ворота. Калитка всегда на запоре. Старый Осман не ждет больше гостей. Да и кого ждать? Сын Камболет пал в боях с красными где-то в соленых астраханских песках, родной брат расстрелян, как уверяет Осман, по ошибке Чрезвычайной комиссии, а все остальные члены семьи дома. Их немного — жена Фатимет и сын Казбек. Соседям и в голову не взбредет невзначай завернуть к Осману — это исключено.

Был когда-то Осман большим дельцом, поставлял лошадей лучшим конным заводам, участвовал в бегах и скачках, держал деньги в крупных банках Петербурга и Екатеринодара. Сильно изменился Осман за годы рево-

люции. Конечно, дело не только в том, что он, мягко говоря, подурнел, что ли, — его и в молодости нельзя было назвать красавцем. Теперь в свои семьдесят пять лет он скорее смахивает на бабу-ягу, чем на мужчину. Весь как-то сжался, усох, лицо покрылось желтыми морщинами, нос каким-то образом загнулся, стал крючковатым, волосы, словно взбунтовавшись, все до единого покинули голову. Проблема бритья головы, столь важная для местных стариков, для Османа отпала раз и навсегда.

Изменился и характер Османа. Раньше его называли «скряга Осман», или «проклятый скопидом», или просто «жила» — все зависело от того, кто пускал в ход эти эпитеты: посторонние, домочадцы или батраки. Теперь Осман считался самым щедрым человеком в ауле Новый Бжегокай. Без преувеличения. Как только белых выбили из аула и создали ревком, Осман стал его первым посетителем. Он принес заявление, в котором добровольно отказывался от всех своих земель, лугов и пастбищ. Отдал все народу. Он просил оставить за ним лишь участок в пять десятин, на котором мог бы кое-что посеять, да небольшой виноградник.

Прошел месяц — и Осман еще больше поразил аульчан. Произошло это на митинге, где выступал комдив Елисей Михайлович Воронов. Комдив рассказывал о подвигах адыгейца Махмуда Хатита. Осман стоял рядом с белым вороновским конем, не пропустил из рассказа комдива ни единого слова, у всех на виду вытирал крючковатый нос широким рукавом старого бешмета. Комдив то и дело бросал любопытные взгляды в сторону расчувствовавшегося старика.

— Кто ты такой? — спросил Воронов, закончив рассказ о героической смерти Махмуда Хатита. — Может, ты его брат?

— Я недостоин даже ногтя этого героя, — тихо ответил Осман. — Мне в моем возрасте врать не пристало — стою на краю могилы. Когда-то Махмуд батрачил у меня, у меня же стал известным табунщиком. Что говорить, в жизни бывало всякое. Бывало, что и недоплачивал Махмуду, обижал сироту. Поздно понял свою неправоту, стараюсь теперь замолить грехи перед аллахом. Землю и табуны я уже отдал аулу, теперь хочу пожертвовать на общие нужды свои сбережения. Вот, Елисей, держи...

Он передал комдиву пачку денег. Воронов крепко обнял Османа.

— Золотой старик! — растроганно молвил он. — Вот, братцы, сила революции: был эксплуататором, а стал своим, что называется, в стельку.

Это последнее слово Елисей Михайлович употребил для того, чтобы присутствующие вспомнили, что он, комдив, — человек простой, в недалеком прошлом самый обыкновенный сапожник, и в этом факте тоже увидели силу революции.

Что же касается «золотого старика», то он сразу же после митинга заперся в комнате, чтобы — в который уже раз — пересчитать оставшиеся у него ценности. Брось комдив взгляд на золото, драгоценные камни и иностранную валюту, понял бы, что был дважды прав, дав Осману столь лестное прозвище. Восприимчивые к шутке аульчане, не верившие ни одному слову Османа, между собой уже иначе и не называли его как «золотой старик». Изменилась за эти годы и Фатимет, на которой Осман женился в начале века. К глубокому сожалению Османа, время оказало на нее обратное воздействие. Из семнадцатилетней девушки с заплаканными глазами она превратилась в тридцатилетнюю красавицу. Лицо ее, озаренное застенчивой, грустной улыбкой, всегда было приветливым, а при виде сына светилось нерастраченной нежностью. Осман, несмотря на годы, обладал острым зрением. Не заблуждаясь относительно чувств Фатимет к нему самому, он ревниво приглядывался — кому же принадлежит ее сердце? И с радостью убеждался: никому. Что ж, никому, значит — ему. Фатимет холодна, равнодушна. Пусть. Но ведь и остальные сокровища его бесстрастны, а все принадлежат ему. Осман скорее согласился бы лишиться жизни, чем хоть какой-нибудь части сокровищ.

А сегодня «золотого старика» не узнать. Возвратился с виноградника раньше обычного и уже в воротах окликнул Казбека. Мальчик сидел, склонившись над медными и серебряными бляшками. Немой Ханашх Хатит показал ему, как делать наборный пояс, и дал материал, и вот Казбек комбинировал теперь различные узоры орнамента. Не хочется бросать это занятие, но раз зовет отец...

Старик проходит в большую кунацкую, настоящую гостиницу, осматривает ее. Быть может, вспоминаются ему в этот момент все те шикарные господа, которые останавливались здесь: князья, дворяне, чиновники, помещики, прокуроры. Впрочем, тени прошлого ненадолго занимают воображение Османа, столь же скупое, как и

душа. Его волнует: где принять гостей? Ни большая, ни малая кунацкая не подойдут — кто-нибудь да заметит свет в чужом окне, потом начнется — кто, да когда, да зачем?

Заперев кунацкую, Осман направляется в сарай, достает большую лампу, велит Казбеку заправить ее керосином. Пока Казбек откручивает горелку, Осман снимает с полки скатанную в плотный валик кошму. С этими трофеями они входят в дом. Фатимет поднимает на мужа грустные глаза: ей все ясно без слов. Старик отнесет кошму на свою половину, отправится в курятник или овечку зарежет, а если гость деловой, достанет из погреба бутылку французского вина.

Так и есть. Через несколько минут на кухне у Фатимет дымится, распространяя приторный запах, овечья тушка, а Казбек поливает шкурку кислым молоком. Фатимет подтаскивает к очагу дрова.

«Хитрый старик, — думает она. — Когда только успел узнать о приезде гостей? Утром не приходил никто, днем на винограднике тоже как будто никого не встретили». Фатимет незаметно приглядывается к Осману, но понять ничего не может.

— Казбек, — слышится вдруг голос Османа, — посади Медведя на цепь.

Медведь, огромный звероподобный лохматый пес, не подозревая подвоха, радостно мчится к молодому хозяину. И вдруг — щелк! Это уже сущее свинство. Медведь начинает остервенело носиться по проволоке. Свернув морду набок, пытается перегрызть цепь. Напрасные усилия, дружище: Осман хоть и скуп, но вещи у него самого высшего сорта — цепь так цепь, защелка так защелка.

После ужина Осман отправляет Казбека на чердак конюшни, где свалена свежая люцерна. Мальчик долго ворочается, но сон побеждает. Потерпеть бы ему еще с полчасика, и он бы увидел, как в услужливо распахнутые Османом ворота вкатилась бричка, крытая легким брезентовым верхом. Если бы Казбек высунул голову в окно на чердаке, наверняка запомнил бы и короткий разговор между отцом и гостями. Он состоялся, разумеется, после того, как ворота снова захлопнулись.

— Салам алейкум! Доехали, слава аллаху! — сказал высокий человек в чалме и бурке.

На что Осман ответил:

— Я ждал вас раньше. Кебляг, прошу располагаться.

Тем временем второй гость, не ожидая особого приглашения и не теряя времени на разговоры, распряг лошадей и повел их в дальний угол двора, к кормушке. Похоже, он тут не впервой.

Они входят в дом, построенный лет пятнадцать назад, незадолго до женитьбы на Фатимет, по европейскому образцу. Хозяин проводит гостей на свою половину — она состоит из двух комнат. В первой — письменный стол, стулья, на полу — кошма, во второй — спальня.

— Располагайтесь, — приглашает Осман. — Ибрагим, покажешь... гм... своему господину, где умывальник.

Человек в чалме приходит на помощь хозяину.

— Зови меня хаджи, ведь я в дни молодости побывал в Мекке.

Фатимет хлопочет на кухне. Казбек спит. Самое подходящее время для беседы. Но хаджи не торопится. Раздевшись до пояса, он фыркает, плещется, пыхтит. «Ишь разыгрался, — неприязненно думает о нем Осман. — Нет страха в его душе. А я одним страхом живу, только им». Осман всего боится. Ведь не могут люди не знать, что у него есть золото. А вдруг ворвутся, начнут искать... Или покажется кому-нибудь, что слишком стар он для красавицы Фатимет.

От неприятных размышлений Османа отвлекает гость. Он уже в синем бешмете, на коротко стриженных темно-каштановых волосах сверкают водяные блестки. Узкие глаза его кажутся прищуренными. На чисто выбритом надменном лице — выражение довольства.

— Осман, у меня к тебе дело, — начинает разговор гость, усаживаясь в кресло. — Поэтому-то хотел бы я знать, как ты настроен. Если новая власть тебе по душе, наш разговор на этом закончится.

Осман пытается угадать, что нужно этому «хаджи». Если он из тех, что не раз уже приходили к нему с просьбой дать денег «на правое дело», то пускай побыстрее убирается. Осман уже давно решил, что самое правое дело — держать деньги в надежном месте.

— Ты знаешь, Кучук, э-э, хаджи, — быстро поправляется он, — ведь я коммерсант и потому никогда не впутывался в чужие дела.

— Если они не приносили выгоды, — уточняет Кучук.

Входит Ибрагим. В руках у него потрепанный саквояж из крокодиловой кожи. Он бросает его на кошму и снова выходит.

— Не будем тратить времени, — говорит гость. — Хочешь помочь восстановлению старых порядков? Говори: да? нет?

— Старые порядки — это было бы здорово! — Верхняя губа Османа чуть заметно дергается. Быть может, он намеревался улыбнуться, но позабыл, как это делается. О, он, разумеется, хочет помочь. Но в его возрасте браться за оружие...

Гостю ясно, что Осман хитрит.

— Это тебе не будет стоить ни гроша, — поясняет он. — Будешь сидеть дома, как и всегда. Больше того, если захочешь, я в порядке благодарности смогу через некоторое время переправить тебя вместе с семьей в Турцию.

— Куда мне, — отмахивается Осман. Он знает, как это делается — человека принимают на пароходик, очищают от денег и вещей, привязывают к ногам камень и пускают в самостоятельное плавание. Сколько черкесов нашли себе приют на дне морском...

— Дело твое, — соглашается гость. — Однако могу ли я рассчитывать на тебя?

Осман нерешительно кивает.

— Я оставлю у тебя бумажные свертки. Ты их понадежнее спрячь и выдавай Ибрагиму. Будешь давать ему столько, сколько он скажет. Иногда я буду присылать к тебе других людей, у каждого будет записка с моей подписью. Согласен?

Дело несложное. Но что в этих пачках? Где их хранить? Не взорвутся ли они в один прекрасный час без ведома аллаха?

Гость пристально смотрит на хозяина. Кажется, он все читает в его тусклых глазах.

— Они не взорвутся, не бойся. Это деньги. Мне нужен казначей.

Деньги! Впервые на лице Османа появляется подлинная заинтересованность. Может ли быть, чтобы у них завелись деньги? Скорее всего, какая-нибудь мелочь. Впрочем, Кучук не из тех, кто считает деньгами какую-нибудь тысячу. Похоже, им действительно нужен надежный казначей. Уж лучшего им вовек не найти!

— Ладно, — говорит Осман. — Мой сейф пуст, я ведь теперь ничего не имею. Пусть там полежит что-нибудь. Выдам, кому скажешь. Оставь образец своей подписи.

— Ибрагим! — зовет гость.

Никто не откликается.

Осман меняется в лице: пока они тут толкут воду в ступе, Ибрагим жмется к его жене. «О старый олух, поделом тебе», — клянет себя Осман.

Выдержка, присущая адыгейским старикам, оставляет его.

— Сейчас мы его найдем, — срывающимся от волнения голосом объявляет Осман и выбегает из комнаты.

В столовой полутемно, но старик сразу чувствует, что тут кто-то есть. Он подскакивает к дивану — оттуда доносится ровное дыхание. Теперь и его слабые глаза замечают распростертое на диване тело. Заснул, сын гяура. Старик облегченно вздыхает.

— Ибрагим! — Осман сильно толкает его в плечо.

Ибрагим вскакивает, в руках у него что-то сверкает. О аллах, спросонья еще палить начнет.

— Опомнись, человек! — отступает Осман. — Тебя хозяин зовет.

Ибрагим прячет револьвер и покорно следует за Османом.

— Отдай деньги Осману, — говорит гость.

Ибрагим поднимает с кошмы саквояж. Щелкает замок, и саквояж раскрывает широкую беззубую пасть. Над столом Ибрагим опрокидывает его — на скатерть падают аккуратно перевязанные небольшие пачки.

— Для удобства мы все приготовили заранее, — обращается гость к Осману. — Тебе ничего не придется считать. Выдал одну-две пачки, и все. Расписок не нужно, храни мои записки.

— Сколько же тут? — не выдерживает Осман.

— Сто пачек.

— А в пачке? — В глазах Османа появляется нездоровый блеск.

— В каждой пачке одинаковая сумма — иностранная валюта.

— Казначей, — говорит Осман, — должность довольно опасная.

Страх перед именитым гостем борется в нем с алчностью, он явно что-то недоговаривает. Улагай понимает: это явный намек на комиссионные. Он багровеет. В другое время отсчитал бы ему комиссионные нагайкой. А сейчас... Он считает про себя: «Раз, два, три, четыре, пять...» Лицо его снова бесстрастно, он готов на уступки. И в душе гордится собой — воспитание и выдержка, как говорится, на улице не валяются.

— Разумеется, — небрежно роняет гость, — и ты кое-что получишь. Обычный куртаж — два процента, две пачки. Они все одинаковы, можешь выбрать любые. Пожалуйста, выбирай.

— Я свои буду держать отдельно, — торопливо бормочет Осман.

Он протягивает руки к деньгам, выбирает два тугих прямоугольничка. Ловко согнув один из них, срывает белую обертку. Под ней играют радугой иностранные кредитки. Теперь остановить его невозможно. Послюнив палец, он лихорадочно шелестит деньгами. Кажется, одной бумажки не хватает... Он начинает считать снова...

На благородной физиономии гостя — брезгливость, отвращение. Опора старого режима! Запойная жадность... Забрать все и плюнуть ему в глаза? Заберешь, как же, положение безвыходное. Лучше места не найти, он выяснил: старик вне всякого подозрения. Да и аул, хоть и на отшибе, но неподалеку от магистрали, связывающей Екатеринодар с Новороссийском.

Сунув деньги в ящик стола, Осман без стеснения запирает его и прячет ключ в карман.

— Сейчас будем ужинать! — Осман направляется к двери.

— Подожди, — останавливает его Улагай. — Я хотел тебе напомнить, просто так: ты ведь меня знаешь не один день — кто попытается обмануть меня, долго не протянет.

Осман вздрагивает, будто застигнутый на месте преступления.

— Что ты, Кучук!

— Ладно, будем ужинать, — обрывает его Улагай. — Только помни, что я шутить не люблю.

Осман исчезает за дверью.

— Адыгейская финансовая олигархия! — мрачно бросает ему вслед Улагай.

— Не нравится он мне, — признается Ибрагим. — Сумасшедший какой-то. Зато жена... ищи — не найдешь.

Осман вызывает их в столовую. Ставни плотно притворены, над столом, уставленным бутылками и блюдами, — большая лампа. Рядом анэ—маленький столик. Гости могут располагаться где им вздумается.

Улагай садится за большой стол. Его примеру следует Осман.

— Садись, — кивает Улагай Ибрагиму.

Вдруг лицо его преображается. Уж не заснул ли он? Такое может только присниться. В дверях, в тени — женщина. Невысокая, худощавая, в черном закрытом платье. Словно призрак. На овальном лице — миндалевидные глаза, приветливая улыбка. Сквозь длинные полуопущенные ресницы плещет жаром, как из приоткрытой дверцы печи. Сдержанность. Спокойствие. Черт побери, вдова Джумальдина годится ей разве что в горничные.

Улагай замечает торжествующий взгляд Ибрагима и досадливо опускает глаза.

Фатимет делает легкий поклон, на лице ее вспыхивает румянец, теперь она и вовсе походит на девушку.

— Иди, — роняет Осман.

Женщина бесшумно скрывается за дверью.

Улагай размышляет об обычаях. Будь они неладны, из-за них не удастся посидеть за столом в обществе такой красотки. Но и без них не обойтись. Шариат и обычай — вот две руки, которыми удобнее всего держать народ за глотку.

Наконец-то удовлетворен и Ибрагим — он еще никогда не видел своего хозяина в таком приподнятом настроении. Впрочем, удивляться нечему. А ему все равно, лишь бы постройнее, да поподатливее, да помоложе. Любопытно, однако, что сейчас отколет полковник? Ноздри его раздуваются, значит, нужно быть начеку.

Ибрагим переводит взгляд на Османа. У, старый скряга, чуешь, где таится опасность. Пора бы уже поделиться с кем-нибудь своим кладом. Что ж, Кучук неплохой компаньон, по крайней мере, бедная Сурет расставалась с ним очень неохотно.

А Улагай все наливает и наливает. Пьет молча, зрачки его расширяются, он все чаще поворачивается к двери, за которой скрылась Фатимет. Так недалеко и до скандала. Ибрагим склоняется над ним, что-то шепчет.

— Ты прав, болван, — выдавливает Улагай. — Пошли.

Осман провожает их в спальню. Ибрагим помогает полковнику раздеться и укладывает его. В постели Улагай порывается произнести речь, но вдруг затихает.

Ибрагим располагается в соседней комнате на кошме.

Осман уходит в комнату жены, но уснуть никак не может. На рассвете он на всякий случай отправляет Фатимет с Казбеком в поле, а сам готовит четлибж: пусть волки будут сыты и овцы целы. А когда «овцы» вернулись, повозки с брезентовым верхом во дворе уже не было.

Смерть в глазах Ильяса уже давно потеряла тот таинственный облик, в каком существовала в его воображении с детства. За два года, проведенных в гуще кровавой рубки, ему много раз приходилось встречаться с ней накоротке, но притерпеться, привыкнуть к потерям друзей он никак не мог. Провожая в последний путь товарища, искренне считал, что уж лучше бы тот слепой свинцовый комок или осколок столкнулся с ним самим. Но бой есть бой, и его приговор обжалованию не подлежит. Никто не знает, чей черед наступит.

Трагическая гибель Нуха вовсе не походила на смерть в бою. Безоружный Нух бросил вызов целой бандитской шайке. Это было его право, даже долг. А как мог принять этот вызов Алхас? Ведь он все же адыг. Навеки опозорит свое имя человек, поднявший оружие против беззащитного, совершивший злодеяние в месте, где ему было оказано гостеприимство. Эти истины с пеленок вдалбливались каждому адыгу. Поднять шашку на безоружного может только палач. Алхасу ничто не угрожало. Выходит, он слов Нуха боялся больше пули. Если бы Нух молчал, Алхас не тронул бы его. Но молчать — значило упасть на колени перед бандитом. Большевик Нух выбрал смерть. И Умар бросил вызов врагу. Вот он плетется к кладбищу рядом с Ильясом. Лицо его от левого виска наискосок вниз, словно окровавленный жгут, перетягивает лиловый шрам.

А он, Ильяс, почему не бросился на бандита, когда тот занес саблю над Нухом? Какая сила сковала его в тот проклятый миг?

Стыдно признаться даже самому себе — он до последней секунды не верил, что Алхас пустит в ход оружие. Покуражится, думалось, и отправится восвояси...

Последний ком земли брошен на могилу друга. Меджид-костоправ устанавливает на могиле столбик, и вот уже люди уныло плетутся к выходу.

Ильясу кажется или так оно и есть? Почему все проходят мимо, не глядя на него? Неужели поверили Алхасу? Ведь каждому аульчанину известно, что он никакого отношения к Алхасу никогда не имел. Сторонятся его или просто пришиблены горем и сознанием своей вины, как он сам?

Теперь хоть домой не иди. Сможет ли он взглянуть в глаза Максиму? Как рассказать правду? Открыв двери,

застывает па пороге. Но Максиму уже все рассказали. Он глядит на Ильяса со смешанным чувством жалости и тревоги: конечно, он верит Ильясу, но все же ждет объяснений.

— Что ты стоишь?—наконец выговаривает Максим.— Твой отец действительно имел какое-то отношение к Алхасу?

— Так случилось, — подтвердил Ильяс, продолжая стоять у дверей, — что стали они очень близкими людьми. Лежал он на той самой койке, где лежишь ты, а я ухаживал за ним, пока он не окреп...

Сказав это, тяжело зашагал по комнате — пять шагов к кровати, пять назад, к двери. Вдруг опустился на лавку у окна — обмякший, готовый свалиться. Стал рассказывать.

Однажды Юсуф — так звали покойного отца Ильяса — под вечер возвращался с хворостом из лесу. На полпути кони стали как вкопанные: поперек дороги лежал человек.

«Если у тебя есть сердце, — донеслось до Юсуфа, — помоги мне».

Юсуф сбросил хворост в снег, положил в сани человека и погнал домой. Там обмыл его раны, перевязал, уложил в постель. При этом, разумеется, ни о чем не спрашивал: известно, что мужчина, сующий нос в чужие дела, только наполовину мужчина. Немного окрепнув, раненый сам все рассказал о себе. Имя его Алхас, был он в свите князя Тлевцерукова. Как-то поругался с сыновьями князя. Словно волки набросились они на него, навалились стаей, били чем попало. Едва не прикончили строптивого, чудом вырвался. В пути силы оставили его.

Юсуф предложил: «Оставайся в моем доме, будешь мне другом, сыну моему Ильясу — старшим братом».

Раненый поблагодарил, но в семье Юсуфа не остался. Сказал, что никогда не забудет оказанной ему услуги, всегда будет считать Юсуфа другом, а Ильяса братом. Но в жизни у него одна лишь цель: отомстить обидчикам.

Алхас не бросал слов на ветер. Страшная кара постигла княжеских отпрысков — они были выслежены, изловлены и зверски замучены.

Преследуемый властями, затравленный родней и друзьями князя, Алхас постепенно из абрека-мстителя превратился в профессионального бандита-унару, стал атаманом шайки. К нему начали примыкать любители легкой наживы, вокруг него собирался всякий сброд, банда его росла. Дважды его ловили, отправляли на каторгу,

но Алхас ухитрялся бежать и снова объявлялся в окрестных лесах.

Во время революции Алхас затаился, ни к кому не примыкая. Он заботился только об одном — о пьяной, распутной жизни. Как-то заглянул к Ильясу, пытался навязать деньги, золото. Его помощь Дарихан отвергла — самого Ильяса дома не оказалось. И вот новая встреча.

Закончив рассказ, Ильяс обратился к Максиму с вопросом:

— Почему Советская власть не покончит с Алхасом?

Максим пролежал в доме Ильяса около двух месяцев. Он был так же плохо знаком с общей обстановкой, как и Ильяс, а потому мог высказать только предположение:

— Очевидно, друг, силенок, не хватает, все брошено против поляков и Врангеля.

— Но ведь есть же солдаты в Екатеринодаре. Послали бы их громить бандитов. Сколько нужно сил, чтобы покончить с бандой?..

— Не так это просто, Ильяс, как кажется. Разве один Алхас безобразничает? Банд развелось много. Возьмем и бросим все войска против бандитов, а в это время Врангель двинется через пролив на Кубань. Что тогда? Ведь рукой подать. Да и прикончить большую банду в лесу летом — дивизия потребуется. А малыми силами удастся в лучшем случае разогнать их. Но надолго ли?

Странная жизнь потекла в ауле после трагического собрания. Раньше многие думали: что это за власть — один человек? А не стало этого человека, и все увидели, что такое безвластие. Что ни случись — податься некуда.

Так продолжалось не меньше недели. Неспокойно стало в Адыгехабле. Люди, словно ожидая новых бед, старались не отлучаться далеко от дома, по вечерам накрепко запирали ворота. Собирались лишь у Ильяса да у Салеха.

В кунацкой Ильяса теперь главенствовал Умар. Лицо его, наискось перехваченное почерневшей полосой запекшейся крови, пылало, когда разговор заходил о бандитах. Умар, не говоря никому ни слова, съездил в город, сообщил обо всем случившемся в исполком в горскую секцию, требовал немедленной помощи. Ему что-то пообещали. Но дни проходили за днями, а из города никто не приезжал. Видно, не один Адыгехабль переживал тревожные дни.

В кунацкой Салеха обсуждали планы дальнейших действий.

— Главное — разобщить их! — доказывал Измаил. — Пусть каждый думает о себе.

— Напрасно Алхас проявляет свои симпатии, — волновался Салех. — Пусть берет Ильяса в банду и там целуется с ним. А здесь хорошая плетка нужна Ильясу еще больше, чем Умару.

— Вы оба, я вижу, из одного гнезда,—вмешался Джанхот. — Слепые щенки! Алхас для нас сделал больше, чем мог.

— Что он сделал? Растолкуй, пожалуйста, — стал просить Салех.

Джанхот начал выкладывать свои соображения. В кунацкой стало совсем тихо.

«Все ж таки у этого ублюдка Джанхота что-то есть в черепке, — с завистью думал Салех. — Не зря беспрерывно со стариками шушукается».

Вскоре Ильяс заметил, что отношение определенной группы аульчан к нему подозрительно изменилось. Когда он однажды шел к ревкому, — а проделывал он этот путь ежедневно в полдень в надежде встретить представителей исполкома — навстречу ему попался Измаил. Раньше богатей, завидев Ильяса, демонстративно отворачивался, теперь же еще издали заулыбался, да так, словно увидел пропавшего без вести старшего сына. Еще больше поразился Ильяс, увидев, что Измаил направился ему наперерез, явно намереваясь завести разговор. Только этого не хватало! Буркнув что-то в ответ на приветствие Измаила (промолчать недостало духу), Ильяс прошел не останавливаясь.

В ревкоме сидел престарелый писарь Магомет. Выслушав его жалобы на безвластие, Ильяс отправился домой. Не успел он пройти и десяти шагов, как его окликнули.

— Ильяс! — кричал Джанхот. — Два слова...

Вот навязались, нечистые!..

— Чего тебе?

Джанхот догнал его, пошел рядом. Разговор начинать не торопился. Выглядело со стороны так, будто они на досуге прогуливаются по аулу. Ильяс остановился, выжидающе глядя на Джанхота.

— Послушай, Ильяс, — вдруг зашептал тот, хотя поблизости никого не было. — Да ты не бойся меня, я свой. Один паренек хочет уйти к Алхасу, сможешь замолвить за него словечко?

— Ты что, смеешься? — заорал Ильяс, потеряв само-

обладание. Он в сердцах даже поднял палку, но Джанхот вовремя отскочил.

С того дня и пошло. Стоило Ильясу куда-либо пойти, как ему навстречу обязательно попадался кто-либо из кулацкой своры. Однажды даже Салех попытался остановить его на виду у многих.

— Не о чем нам разговаривать, — громко объявил Ильяс.

— Конечно, — дурашливо хихикнул Салех.—Куда нам с тобой тягаться, ты ведь знатная особа, брат лесного князя.

Кое-кто громко засмеялся. Ильяс почувствовал на себе неприязненные взгляды. С обидой поплелся домой. Успокоившись, подумал: можно ли обижаться на земляков? Ведь многие и в самом деле не знают, каковы его взаимоотношения с Алхасом. Каждому ведь не расскажешь. А Измаил с Джанхотом, судя по всему, специально создают ему славу алхасовского дружка. В следующий раз, решил он, выложит кулакам все, что думает и о них, и об убийце Алхасе. Но осуществить это намерение не пришлось. Перед обедом влетела запыхавшаяся от быстрого бега Биба и сообщила, что прибыли люди из города. На трех подводах. Среди них даже женщина.

— Она стриженая, в штанах, сапогах, — шепотом добавила Биба. — И вокруг них вертится Салех.

Среди прибывших кроме бойцов охраны были сотрудники милиции, представитель горской секции облисполкома, невысокий улыбчивый Зачерий и инструктор исполкома Екатерина Сомова — круглолицая, обаятельная даже в солдатском облачении и фуражке. Она с любопытством оглядывала все своими синими глазами. Видимо, впервые попала в аул и чувствовала себя весьма неуверенно.

Салех, первым примчавшийся на площадь, проводил приезжих в управление. Усадив, стал рассказывать о последнем собрании.

— Меня избрали в президиум, я вел протокол. Алхас как туча надвинулся. Ближе к нему стоял Нух, ему и досталось...

Зачерий переводит все это Сомовой. Она бросает на Салеха сочувственный взгляд, понимает: в тот момент было не до шуток.

— Если б не банда, — добавляет уже по-русски Салех, — мы бы давно переделили землю. А то что получается? Революция совершилась, враг разбит, а земля все еще у прежних хозяев.

Сомова понимающе кивает.

Зачерий назначает время собрания и отдает приказания Магомету.

— А теперь, — снова ввязывается в разговор Салех, — пока милиция будет допрашивать свидетелей убийства Нуха, приглашаю дорогих гостей прогуляться по аулу и заглянуть в мою убогую саклю. Пусть гостья посмотрит, как живет трудовой человек, если он не ленится.

Сомова колеблется: стоит ли до собрания?

— Не забывай, Катя, что ты в ауле, — шепчет ей Зачерий. — Тут все держится на обычаях. Отказаться — значит кровно обидеть человека.

Этого Сомова, разумеется, не знала. Конечно, нужно считаться с местными обычаями. Зачерий прав.

Салех выводит гостей на площадь, становится справа от женщины.

— Таков обычай, — поясняет Зачерий. — Если по улице идут двое, то младший обязан занять место слева. Если же идут трое, порядок меняется: младший становится по правую руку старшего. Это на тот случай, если старшему вздумается дать одному из спутников поручение. Младший уйдет, а оставшимся не нужно будет перестраиваться.

Сомова поражена. У русских ничего подобного нет, ходят как попало.

Но вот и дубовые ворота Салеха. Бесшумно раскрывается калитка. Справа от нее — большой дом, в глубине двора — другой, поменьше, еще дальше — третий. Двор утрамбован, чисто подметен, нигде ни травинки, ни пылинки. Куры кудахчут где-то за плетнем, в отдельном загоне — овцы. Каждый сверчок имеет здесь свой шесток. Это ясно.

— Кебляг! — кланяется Салех у порога, и Зачерий поясняет, что это соответствует русскому «милости просим», «пожалуйста».

На взгляд Сомовой, выросшей в семье екатеринославского каталя, сакля Салеха вовсе не убога: на стенах ковры, старинное оружие, золототканые безделушки. Посреди комнаты — большой стол, покрытый узорной скатертью. Сомова застывает в дверях.

— Это — большая кунацкая, — поясняет Зачерий. — Здесь хозяин принимает самых почетных гостей.

Сомова робко притрагивается к золоченому ободку кинжала, висящего на персидском ковре, ей и в голову

не может прийти, что ободок вовсе не золоченый — в сакле у Салеха подделок не держат.

— Не все, наверное, могут иметь такие кунацкие, — тихо замечает она.

— О, конечно, — тотчас же соглашается Зачерий. — Но не подумай, Катя, что дело в зажиточности. Ты ведь читала ленинский труд «Развитие капитализма в России». Адыги, если взять их в общем и целом, — довольно однородная масса, феодальная община. Для настоящего адыга главное в жизни — гостеприимство, взаимопомощь. Если у адыга бедная кунацкая, если он недостойно примет гостя, знай: этот человек ленивый, жадный, забывший об обычаях.

Пока Сомова знакомится с обычаями горцев, хозяин дает распоряжения насчет обеда. И он появляется, как в сказке «Столик, накройся», — впархивает в кунацкую на руках молодой женщины.

— Жена Салеха Чебохан, — представляет ее Зачерий.

Поставив столик, Чебохан неловко пожимает руку Сомовой. При этом она сильно краснеет и бесшумно исчезает.

— А обедать она с нами не будет? — искренне удивляется Сомова.

— Она только что пообедала вместе с детьми, — поясняет Салех. — Разве меня дождешься? После налета банды никого в ревком не затащишь, приходится одному всеми делами заниматься. Должен же кто-то рисковать. Вот поэтому-то вы и находитесь все время на волосок от смерти.

От этих слов Сомовой делается не по себе. Ей действительно приходится рисковать, но тон Салеха пропитан лестью.

— Где вы научились так хорошо говорить по-русски? — интересуется гостья.

— Немножко знаю, — смущенно говорит Салех. — Приходилось ходить в город на заработки. — В подробности вдаваться не следует — стоит ли утруждать гостью малозначительными деталями? А Зачерию и без того известно, как Салеху доставался хлеб — на должности управляющего миллионера Трахова бездельничать не приходилось.

«Пожалуй, подходящая кандидатура на пост председателя, — прикидывает в уме Сомова. — По собственному почину сидит в ревкоме, да и русским неплохо владеет. Где-то батрачил...»

За столом между тем течет спокойный разговор, и все больше об обычаях. На них Зачерий, как говорится, собаку съел. Он не умолкает почти ни на миг. О разных обычаях, один удивительнее другого, слышит от него совсем растерявшаяся Сомова, при этом он успевает отдать должное столу.

— Одним из достоинств нашего народа, — говорит Зачерий, с аппетитом обгладывая баранью ножку, — является аскетизм. Настоящий адыг никогда не станет говорить о еде. Пища в его представлении — предмет низменный.

Никогда в жизни не приходилось Сомовой сидеть за таким обильным столом. Зачерий, замечающий абсолютно все, подает ей чашку с напитком белого цвета:

— Пожалуйста, это бахсма. Попробуйте. Уверяют, что бахсма вкуснее русского кваса.

Сомова выпивает всю чашку: да, бахсму придумали не дураки. А теперь можно уточнить повестку дня собрания.

— Прошлый раз вы не успели выбрать комиссию по перераспределению земли, — вспоминает она. — Значит, поставим также вопрос о выборе комиссии, пусть начинает передел. Это сейчас главное.

Зачерий с сомнением чмокает губами: подошло ли время? Алхас-то еще стоит в лесу. Что ему стоит повторить налет? Опасно и другое — страх есть страх, аульчане сейчас могут выбрать в комиссию не тех людей, каких нужно. Но лучше всего дождаться собрания, оно само все покажет. Народ — самый чуткий барометр.

Гости благодарят хозяина.

— После собрания — ко мне, — предупреждает всех Салех.

— Таков наш обычай, — просвещает Зачерий Сомову. — Уж коли ты пообедал у человека и остаешься в ауле на ночевку, будь добр идти к нему, а то он, чего доброго, решит, будто чем-то обидел гостя. Хозяина менять нельзя.

Эти полезные сведения из быта черкесов Сомова слушает невнимательно. Ее беспокоит какая-то мысль, сразу и не уловишь, голова забита побасенками Зачерия. Ах, да: ей что-то перестал нравиться хозяин. Какой-то вертлявый, скользкий, что ли. Видно, мало физическим трудом занимался. И зачем только она слушала сказки о ленивых бедняках? Как дурочка. Отец ее с детства гонял вагонетки на Брянском, мать там же надорвалась, сама она с двенадцати лет вынуждена была стать трактирной посу-

домойкой. Вся их семья трудилась без роздыха, но даже жилья человеческого не имела — ютилась в сыром подвале на Иорданской. Только весной наступало раздолье — подвал заливало днепровским паводком, и они перебирались на чердак.

«Что-то ты не учла, Катя, — корит она себя. — Как бы эта баранина не вышла тебе боком...»

Ох как трудно без языка! Понимала бы адыгов, может, и не сидела бы за тем столом. Она вспоминает подробности собрания, о которых упоминали в исполкоме. «Стой-стой, кто-то напал на атамана, он кого-то огрел нагайкой. Кого?» Зачерий недоуменно пожимает плечами:

— Я об этом не слыхал, сейчас спросим у Салеха.

— Э... — морщит лоб Салех. — Ага, вспомнил: Умар. Вообще тогда каша получилась, не поймешь, кто кого...

На площади собрался весь аул. Располагаются, как обычно: молодые подальше, пожилые поближе. Еще дальше, чуть не у самой дороги, столпилась детвора, вернее, одни девчонки; мальчишки, невзирая на подзатыльники, шныряют среди мужчин.

Стоя на крыльце, Сомова разглядывает собравшихся. Все мужчины в папахах, двое в буденовках. «Постой, постой, кажется, один из них русский, вот тот, во френче». Она приглядывается к нему: из-под буденовки видны бинты. Раненый?

— Кто это там в буденовке с перевязанной головой? — спрашивает Сомова.

— Дружок Ильяса, того самого, за которого заступился атаман, — отвечает Салех. — Не знаю его.

— Буденновец! Хорошо бы с ним поговорить! — загорается Сомова.

— Неудобно как-то, — вмешивается Зачерий. — Лучше после собрания. А то люди подумают, будто мы с кем-то сговариваемся. Заметят, что мы с ним шушукаемся, тогда всё, останемся одни на площади. Потерпи уж...

Он снова прав. Очень жаль.

На площадь выезжает тачанка с милиционерами. Она привлекает всеобщее внимание. Милиционеры пялят глаза на живописных широкобровых стариков в папахах, с кинжалами поверх черкесок.

— Начнем? — склоняется к Сомовой Салех. — Зачерий говорил, что вы собирались сделать доклад о раскрепощении женщин.

— Кому тут нужен мой доклад, — хмурится Сомова. — Кто меня поймет? Зачерий, выбирайте президиум.

Тревожно бьется сердце Сомовой — теперь уверена: где-то сбилась с ноги, промахнулась. Может, перенести собрание на завтра, поговорить с буденновцем, другими, с тем же Умаром? Впрочем, поздно — Зачерий уже приступил к выборам президиума. Шум, крики. Вверх вздымаются папахи — председатель собрания избран. На крыльцо неторопливо поднимается человек с лицом, как бы перехваченным наискосок рубиновой лентой.

— Умар, — осведомляется со своей неизменной улыбочкой Зачерий, — ты когда-нибудь проводил такие большие собрания?

— А что, ты хотел бы поручить это своему хозяину Салеху? — говорит Умар. — Четлибж понравился? — Он оглядывает Зачерия с головы до ног с явным презрением.

Сомова перехватывает этот взгляд: что тут происходит?

— Открывай собрание и предоставь мне слово, — не обращая внимания на едкую реплику, начальственным тоном приказывает Зачерий. — Я все разъясню.

— Слово просит Зачерий, — объявляет Умар. — Говори!

Зачерий сообщает, что в связи с убийством Нуха им нужно выбрать нового председателя, теперь уже не ревкома, а Совета. Он долго перечисляет качества, которыми должен обладать претендент на такую должность: грамотность, знание жизни, умение ладить с людьми, трудолюбие, даже некоторая зажиточность — бедный начальник может польститься на взятки. Время сейчас тяжелое, обиженных много, вот кое-кто и пользуется.

— Ясно! — Умар хлопает оратора по плечу. — Мы и сами знаем, какого человека выбрать. Нам нужен председатель, который бы горой стоял за Советскую власть и не жалел себя для народа. Как Нух!

— Нахал, — шепчет Зачерий Сомовой. — Не дал закончить речь.

— Да что тут развозить? — удивляется Сомова.

Это понял и Умар. И вообще, как потом узнала Сомова, он неплохо говорил по-русски, но с очень заметным акцентом, и потому стеснялся. Он улыбнулся Сомовой, сказал «Карашо» и объявил:

— Называйте фамилии. Кто заменит нам Нуха?

— Ильяс!

— Салех!

— Умар!

Людей не пришлось тянуть за язык. По этим выкри-

кам Сомова поняла, что в ауле имеется несколько группировок, и у каждой — своя кандидатура.

Первым дал себе отвод председатель. Умар считал, что Ильяс лучше справится с таким большим делом, да и грамотнее он, два года воевал за Советскую власть.

На крыльцо поднимается Джанхот. Говорит спокойно, уверенно, взвешивая каждое слово, употребляя идиомы и иносказания — не каждый адыг с ходу проникнет в сокровенный смысл сказанного.

— Ильяс человек неплохой, детей у него много, говорят, даже воевал где-то. Возможно, что это и так. Если человек говорит, ему нужно верить. Что получится, если мы не станем верить друг другу. Алхас тут кричал, что Ильяс его брат. Что имел в виду Алхас, мы не знаем. Я, Джанхот, полагаю, что, пока у Алхаса сила, может, и хорошо иметь председателя с такими связями. Тогда я эа Ильяса. — Выкрикнув это, Джанхот поднял вверх обе руки.

За время, проведенное в ауле, Максим научился понимать адыгейскую речь. Если говорили прямо, без ужимок, медленно. Скрытый смысл выступления Джанхота до него не дошел, более того, ему и впрямь показалось, будто оратор поднял обе руки за его друга. Но, взглянув на Ильяса, догадался: что-то важное, видимо самое важное, от него ускользнуло.

— Что он такое сказал? — Максим наклонился к побледневшему от оскорбления Ильясу. — Я не уловил...

— Потом расскажу, — выдавил Ильяс. — Постой, что там такое?

Умар, которого возмутила речь Джанхота, крикнул ему в лицо, что он бессовестный лжец.

— Я лжец? — Бабье лицо Джанхота побагровело.

— Лжец и негодяй! — подтвердил Умар. — Ты ведь знаешь, что Ильяс боец Первой конной армии и к Алхасу никакого отношения не имеет.

— Я лжец? — Джанхот бросился к Умару. — Мало тебе дали...

Зачерий стал между Умаром и Джанхотом — самый подходящий момент, чтобы взять власть в свои руки.

— Но-но, петухи, нашли место. — Он обвел площадь спокойным взглядом. — Умар, конечно, прав — Ильяс сражался в армии Буденного.

— Видишь, — теребит Максима Ильяс. — Люди знают правду.

— Но... — продолжил Зачерий после паузы, — но Советская власть потому и считается народной, что она прислушивается к голосу народа. Раз поступили сигналы насчет связи Ильяса с бандитами, их надо проверить. Уверен, что имя Ильяса останется незапятнанным! Тут находятся работники милиции, попросим их оградить от клеветы человека, сражавшегося за Советскую власть. А пока что остается одна кандидатура — Салеха. Кто за него, прошу поднять папахи.

Поднимается невообразимый шум. Молчит лишь ошеломленный Умар: как все вывернул, гад!

В воздухе то тут, то там замелькали папахи.

— Хватит! — подвел итог Зачерий. — Председателем избран Салех.

Это Сомова поняла и без перевода.

— За Умара почему не голосовали?—возмутилась она.

— За Умара? Он же сам снял свою кандидатуру, вы разве не поняли? Как быть со вторым вопросом? Впрочем, пусть это решает председатель.

— Мне кажется, — проговорил Салех, — что с комиссией лучше повременить. Кто даст гарантию, что Алхас и ее не порубит?

— Я не раз говорил Полуяну, что делить землю под боком у банд крайне рискованно, — заметил Зачерий.

— Ладно, — вздохнула Сомова. — Теперь ждать недолго.

— Объяви, что собрание закончено,— повернулся Зачерий к Умару.

— Я тебе не холуй! — выкрикнул Умар и, сбежав с крыльца, присоединился к Ильясу и Максиму.

Люди начали расходиться — делать им здесь больше нечего.

— Я хочу поговорить с Максимом, — напомнила Сомова Зачерию. — Теперь-то нас уже ни в чем не заподозрят.

— Эй, Максим! — подал голос новый председатель. — Сюда!

Максим неторопливо направился к крыльцу, на ходу одергивая новый френч — «енеральский трахей» не улегся еще на нем.

Сомова вглядывается в бледное грустное лицо Максима.

— Извини, — говорит она, подавая руку, — что не поговорила с тобой перед собранием: люди могли подумать, будто мы сговариваемся. Я инструктор облисполкома Екатерина Сомова.

— Перегудов, — назвался Максим. — Ты, конечно, партийная?

— Конечно.

— Вот видишь, Катерина, тут я с тобой не согласен. Коммунисты обязаны обо всем договариваться заранее. Не сделали этого — и здорово сплоховали. — Он рассказал о себе, Ильясе, кратко познакомил с обстановкой в ауле.

Садится солнце. Снова тополя бросают тень на крыльцо, как тогда, когда на площадь ворвался Алхас. Ильяс, ожидающий Максима, снова переживает все сначала. Проклятье! Лучше получить пулю в лоб, чем этот плевок. Глядя на друга, молчит и Умар. Кажется, он читает мысли Ильяса.

— Большая ошибка, — признает наконец Сомова. — Если бы я понимала по-черкесски...

К ним подходит следователь. Он закончил опрос, можно ехать.

Им теперь оставаться нет смысла: дело сделано.

— Как чувствуешь себя? — обращается Сомова к Максиму. — А то поедем? Долечишься в городе, включишься в дело, теперь каждый коммунист на учете. Решай.

Максим не колеблется — конечно, пора ехать, Меджид-костоправ не подкачал. Он сообщает Ильясу и Умару о своем решении. Ильяс чувствовал это. Ох, не ко времени расставание.

— Растрясет, — недовольно бросает Ильяс. — Уж лучше я тебя завтра сам отвезу.

— Еще и лошадей гонять из-за меня... — Максим опускает глаза: резать — так сразу, без проволочки, не так больно будет. — Пошли, попрощаюсь с Дарихан, с детишками.

Сборы недолги. Максим набрасывает на плечи шинель, сует в карман кисет. Дарихан протягивает ему кулек с лепешками. На глазах — слезы: очень привыкла к русскому, родным братом стал. В ауле Максима почитали за то, что их земляка спас, но ведь она сумела разглядеть и нечто большее — уверена была, что не случайность это, что Максим ради друга ничего не пожалеет. Шмыгают носами девчонки, насупилась Мариет. Старается казаться спокойной Биба — таков этикет, — но красные пятна на щеках не скроешь. Очень надеялась, что сумеет он на Аюба повлиять. А теперь что будет?

— Погоди, Максим, — вспоминает Дарихан. — Еще минутку... — Она вбегает в дом, возвращается со свертком: чистое белье, полотенце, портянки. — Бери, Максим.

Подходит Ильяс со своим вещевым мешком и молча запихивает туда весь Максимов скарб. Челюсти сводит судорога, не разжать. Умар отворачивается: можно ли смотреть, как двое мужчин обнимаются у всех на глазах.

Ильяс и Умар остаются на месте, Максим, волоча мешок, плетется к калитке.

Из переулка на коне появляется Зачерий. На его круглом лице еще более круглая улыбка.

— Где воевал, земляк? — осведомляется он таким тоном, каким обычно разыскивают однополчан. Улыбка эта, сочувственные нотки в голосе да и весь такой открытый, простецкий облик Зачерия разоружают Максима.

— Воевал рядом с Ильясом, — отвечает он.

Зачерий хлопает себя по лбу.

— Надо было нам поговорить перед собранием, — сокрушенно восклицает он. — Я расспросил аульчан, узнал, как Ильяс стал «братом» Алхаса. И смех, и грех... Поторопились...

— Да, здорово поторопились вы с Салехом, — подтверждает Максим. — Не из того он теста, чтобы поддерживать Советскую власть. Богатей!

— «Вы»! — взрывается вдруг Зачерий. — А может, мы? Не думал, что коммунисты так легко отказываются от ответственности.

— Не отказываюсь я, но...

— Позволь, позволь! — не дал досказать ему Зачерий. — Поглядим в лицо фактам. Когда-то, много лет назад, отец Ильяса спас Алхаса от верной гибели. Так? Вот-вот, дорогой, так. Бандит с тех пор считал отца Ильяса своим отцом, а самого Ильяса — братом. Верно я говорю? Вот он и старается не дать в обиду братишку. Но ведь сам-то Ильяс не считает Алхаса братом. Как же ты мог спокойно выслушивать клевету в его адрес? Почему не поднял голос при народе?

Сгоряча Зачерий хлопает коня по холке, он вздымается на дыбы.

— Н-но, ты... — Зачерий ловко осаживает коня. — Да я, Максим, тебе не в укор, у русских одни обычаи, у адыгов другие. Но факт остается фактом — ты знал правду про Ильяса и в такой важный момент промолчал.

Максим и сейчас молчит — эта поразительная смесь правды, полуправды и лжи сбивает его с ног. Надо бы объяснить Зачерию, что он не так уж силен в адыгейском языке, что речь Джанхота показалась ему вполне нормальной, никакого подвоха в ней он не уловил, что вовсе

не в обычаях русских отступаться от друзей, что он готов костьми лечь за Ильяса, что коммунисты и не мыслят отказываться от ответственности. Но инстинктивно чувствует, что никакие слова положения не изменят, безапелляционный в своих суждениях Зачерий их даже не услышит.

— Да не расстраивайся ты так, — вдруг дружески улыбнувшись, замечает Зачерий. — Могли и тебе не поверить. Остается одно — требовать работы от Салеха, пусть потрудится на благо народа. Я его предупредил: чуть начнет вилять — к стенке! Даже в нашей горской секции имеется дворянская прослойка — зятек князя Адиль-Гирея. И что? Вкалывает за милую душу. Вот только революционной решительности еще не хватает нашему Рамазану, но и это придет, переварится в горниле классовой борьбы, поумнеет, хлебнув настоящей жизни. Двинемся, что ли. Наган-то далеко не прячь, мало ли что...

Максим усаживается в телегу рядом с Сомовой. Небольшая колонна трогается. За ними следуют подводы с милиционерами, следователем. Поскрипывают колеса. Стучат колеса. Пылят колеса. Позади — последние плетни, дорога выбегает в степь. Справа темнеет громада леса.

Ездовые нахлестывают лошадей, непроизвольно косясь на лес, милиционеры крепко сжимают винтовки. И не зря — на опушке появляется группа всадников.

Теперь уж не нахлестывают, а хлещут лошадей ездовые. Зачерий уже не впереди, а позади. Через седло — маузер.

Копыта стучат или бьются сердца? Минута, еще одна, и вот уже дорога начинает забирать влево. Лес редеет. Грозовую тучу словно относит ветром. Раздается чей-то нервный смешок, резкий выкрик. Зачерий снова обгоняет отряд и переводит коня на строевую рысь.

Напряжение спадает, и Максим вдруг с необыкновенной силой ощущает, что расстался с аулом навсегда. Бывает, уносятся в пропасть прошлого долгие годы, не оставляя следов и отметин. Так было на каторге. Дни там похожи один на другой, словно вороны, черными стаями посившиеся вокруг острога. Три месяца в ауле для Максима — как три жизни, прожитых одна за другой. Первая началась, когда он увидел небольшой прямоугольник окна, услышал чужую речь, в которой горловые звуки удивительно сочетались с напевностью интонации. Незнакомая речь звучала, как слова позабытой песни, хотелось

вспомнить их. Смысл некоторых фраз Максим начал понимать задолго до того, как к нему вернулись силы.

Склоненное над ним, полное невыразимой тревоги лицо Дарихан; ложка, которую Мариет пытается втиснуть ему в рот и неожиданно радостный запах бульона; глубокие, бесхитростные глаза Бибы, ее нескончаемые рассказы; и, наконец, решающий визит Меджида-костоправа, возвращение сознания — все это этапы первой его жизни в ауле.

А может, и неверно будет назвать это целой жизнью. Скорее это рождение и детство. Зачем наступает отрочество и юность. Максим впитывает в себя окружающее, оно входит в него, по-своему преломляясь и преобразуясь, словно солнечный луч в пшеничном колосе. По поступкам, жестам, отдельным репликам, которые уже начинает понимать, разгадывает Максим характер народа, издавна окруженного ореолом зловещей таинственности. Дарихан отрывала куски от своих малюток, чтобы выходить его, чужого, а по шариату — неверного, гяура. Отрочество и юность — восторги узнавания. Он узнавал, и восхищался, и думал, что хоть и дорогой ценой получил на это право, но не потерял ничего, а напротив, обогатился сам.

И незаметно пришла третья жизнь — зрелость. Она наступила, когда он стал выздоравливать, когда адыги, не боясь утомить его, вели у его постели бесконечные споры о жизни, о земле, об аллахе, о самообороне. Порывистый Умар, лавирующий Лю, верный Гучипс, упругий и твердый, словно пружина в затворе, Нух. Особняком стоит его хозяин, друг и брат — Ильяс. Максиму кажется, будто он не совсем типичный адыг, по крайней мере, не такой, каким он рисуется в сказках Бибы. Ильяс немного сутул, лицо его не бесстрастно, а выразительно до предела — на нем прочтешь все, что творится в душе. Границы между добром и злом он проводит совсем не там, где, например, Умар. Он терпелив и терпим и, пожалуй, видит в иных людях больше хорошего, чем есть. И это не самообман. Максим в этом убедился. Ильяс не по-глупому доверчив, а убежден, что всякий человек способен на хорошее. Порой Максиму кажется, что перед ним — несколько Ильясов. Но ведь это один и тот же человек, который по-разному раскрывается в свете различных событий и по-разному реагирует на них. Иной раз эта реакция оказывается настолько неожиданной и непонятной, что прямолинейному Максиму не по себе становится. Да свой ли ты? Ты ли это два года рубился со мной в одном строю?

И этого Ильяса, со всеми его странностями, Максим полюбил, как брата, полюбил людей, которые выходили его, полюбил аул. Теперь у него две родины.

Возможно ли — две родины?

Очевидно, возможно, ведь так оно и есть. По крайней мере, у него, Максима.

Кони все дальше уносят Максима от его второй родины, и сердце заполняется уже не физической, а какой-то другой болью, ноющей, сосущей. Тоска, словно судорога, стягивает душу в узел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рамазан расседлал коня и похлопал его по черной холке. Жеребец тихо заржал и, скосив голову набок, стал следить за Рамазаном.

«Словно понимает, что расстаемся, — невесело усмехнулся Рамазан. — И кажется, не очень доволен».

Две недели назад, когда конюх Кубанского ревкома передавал чалого жеребца очередному всаднику, Злой изгибался, норовя укусить своего нового хозяина, пытался лягнуть его, ударить. Осмотрев коня, Рамазан вернул его конюху.

— Что, не подходит? — осклабился тот. — Другого нет, все в разгоне. А этого сами спортили, а теперь брать не желают.

— Такого коня, — пояснил Рамазан, — брать под седло сейчас нельзя, у него холка сбита, на спине язвины. Пойду достану мази, пусть хоть до утра полечится, а там видно будет.

— Это дело. — Конюх с уважением взглянул на Рамазана. Он привык к тому, что дежурных лошадей чаще всего брали никудышные наездники. От Злого отказывались все — жеребец мог выбросить седока из седла посреди дороги и вернуться домой налегке. Последний ездок искалечил лошади спину. Норовистый по натуре, Злой и вовсе остервенел, даже на конюха бросал одичалые взгляды.

Вернувшись, Рамазан с помощью конюха покрыл раны Злого мазью. Утром конь подпустил Рамазана к себе и вел себя спокойно до тех пор, пока на раны накладывалась новая порция мази. Видно, его когда-то пользовали ветеринары. Но как только конь заметил в руках у Рамазана седло, его будто плетью перехватили: начал взбрыкивать, злобно ворочал глазами, тяжело ды-

шал, брызгая пеной. Почувствовав на спине седло, вдруг замер, насторожился.

Рамазану все эти штуки давным-давно известны: хитрое животное ждет седока, чтобы разделаться с ним в самом неподходящем для этого месте.

— Эх ты... — укоризненно обратился Рамазан к лошади. — Отвык от хорошего обращения. И не стыдно тебе? — Рамазан притронулся к передней луке седла. Злой, будто почувствовав сигнал тревоги, дернулся. — Да разве я позволю себе обидеть тебя? — продолжал между тем Рамазан, стоя на месте.

С этими словами он взял коня за повод и вывел на улицу. Тот косил глазом, но не сопротивлялся. Так дошли до базара. Рамазан довольно быстро разыскал земляков. Конь тем временем был привязан к задку повозки, в которой добирался домой Рамазан. В ауле конь простоял дней пять в просторной конюшне, нажимая на молодую люцерну. Перепадал иной раз и овес. На коня он сел лишь тогда, когда ранки полностью зажили, пропутешествовали около десяти дней и вот теперь расставались.

Еще раз потрепав коня по холке, Рамазан отдал повод конюху.

— Справный конек получился, — одобрительно заметил конюх.

— Я через день-другой снова поеду, — заметил Рамазан, — так что ты его никому не давай. Пусть подлечится.

— Его и не возьмет никто, — улыбнулся конюх. — Похоже, что теперь он другого и не подпустит. Смотри, как зыркает.

Злой, словно понимая, о чем толкуют конюх и понравившийся ему высокий, худой человек с большими грустными глазами, коротко заржал и мягко ударил о землю копытом.

Смеркалось. Выйдя на улицу, Рамазан остановился в раздумье: куда путь держать? Идти к знакомым, у которых он жил после того, как его вызвали из армии, не хотелось, на постоялых дворах — грязь, вши. А может... Но Рамазан не позволил себе даже додумать мысль до конца: никогда не будет его ноги в том доме.

Через парадный ход вошел в здание ревкома: в горской секции столов хватает. А утром виднее будет.

В комнате горской секции оказался Зачерий, работавший, как и Рамазан, инструктором горской секции.

— А, Счастливчик! — шумно приветствовал вошедшего Зачерий. — Особая командировка кончилась? Поздравляю! У Полуяна был? Он о тебе дважды спрашивал, хотел послать расхлебывать кашу в Адыгехабль. Но тебя не оказалось, и этой высокой чести удостоились мы с Сомовой. Да ты садись, рассказывай, как там в ваших аулах?

Зачерия Рамазан знал давно. Когда-то Зачерий собирался стать учителем — недоучился, занимался юриспруденцией, где-то служил, в войну спекуляцией занялся. После победы революции на Кубани он, связанный дальним родством с полковником Кучуком Улагаем, попросился вдруг в Комиссариат по горским делам, который возглавлял Мос Шовгенов, и работал, как говорят, неплохо. В дни наступления Деникина, когда революционно настроенные адыги отступали с красными, исчез с горизонта. Рамазан толком не знал, где Зачерий провел эти два тревожных года. Известно было лишь одно: в первые дни освобождения Екатеринодара он явился в ревком и предложил свои услуги как бывший соратник Моса Шовгенова. Сам Рамазан два года сражался с белыми в рядах 9-й Армии. Там же вступил в партию. Командовал эскадроном, потом был взят в политотдел. А теперь вот, по настоянию заместителя председателя Северо-Кавказского ревкома Яна Полуяна, был откомандирован в горскую секцию. Почти два года он не был дома. В ушах до сих пор звучали обидные, несправедливые слова, которые бросила ему в лицо родная мать. Он ушел из дому непонятым, и это тревожило его в долгом пути по бесконечным дорогам России. Теперь он сможет побывать в родном ауле, объясниться с матерью в спокойной обстановке — победителей ведь не судят. Может быть, и Мерем ждет его?

Но первый же человек, которого он тогда встретил на крыльце ревкома, внес в это дело ясность.

— А, Счастливчик! — услышал Рамазан голос Зачерия, такого же розового, толстого и неунывающего, каким он был всегда. — Знаю, все знаю. Честно говоря, даже подсказал эту мысль кое-кому. Очень рад поработать с тобой. Послушай, Счастливчик, как у тебя с Мерем? Я недавно видел ее.

— Она в городе? — сорвался у Рамазана вопрос.

Зачерий засмеялся.

— Неужели ты ничего не знаешь о своей собственной, аллахом данной тебе жене? Впрочем, ты ведь ее

бросил. А какая любовь была! Какая любовь! Ромео и Джульетта! Вот уж действительно — ничто не вечно под луной.

Рамазану стало не по себе от этой неискренней болтовни, но сделать замечание старшему по возрасту он постеснялся.

— Где кабинет Полуяна? — спросил он, когда Зачерий умолк.

— Сейчас покажем. Ведь я — первый работник горской секции, по сути, ее организатор. Один остался из сотрудников незабвенного Моса Шовгенова, всех встречаю и устраиваю. Квартира у тебя есть? А то дам адресок, примут, как самого дорогого гостя.

Полуян, на днях назначенный председателем Временного Кубанского облисполкома, встретил нового сотрудника очень приветливо.

— До сих пор в секции нет ни одного коммуниста, — сообщил он. — Ставлю вопрос о том, чтобы прислали еще двух-трех товарищей. А пока действуй. Первое задание — поезжай в родной аул, побывай у знакомых в соседних аулах, ознакомься с настроениями. Сам разберись и нам поможешь. Может быть, удастся разузнать подробности гибели Моса и Гошевнай Шовгеновых. Они были оставлены в деникинском тылу, и сведения об их последних днях крайне противоречивы. Коня можешь взять в нашей конюшне. Вот тебе записка.

Не успел Рамазан закрыть за собой дверь, как к нему подлетел Зачерий.

— В аулы? Для ознакомления? — зарокотал он.

Рамазан неприязненно покосился на него и едва удержался от резкости.

— Я попросил разрешения проведать мать, и Полуян разрешил, даже коня дал.

— Да, старушка у тебя, помнится, с характером. Однако я не советовал бы тебе сейчас отправляться туда, — зашептал Зачерий. — Дорога, сам знаешь, какая. Если не Кващенко, так Алхас перехватит. Это — из крупных. А мелочь в каждом лесочке кишит.

— Но ведь ты же ездишь?

— То я, — самодовольно протянул Зачерий. — Многие помнят меня как коммерсанта, адвоката. И вообще — с моим языком...

...И вот после поездки снова встреча с Зачерием.

— Мать здорова, — стал рассказывать Рамазан. —

Брата расстреляли деникинцы. Вот, собственно, и все новости.

— Деникинцы? — прищурившись, спросил Зачерий. — Скажи правду — ведь свои шлепнули?

— Сафера расстреляли белоказаки.

— Надеюсь найти в тебе единомышленника, — доверительным тоном проговорил Зачерий, поднявшись со стула. — Я требую немедленного уничтожения всех банд. В первую голову — черкесских. Нужны самые решительные меры для спасения революции в аулах — время не ждет. После уничтожения банд следует приняться за семьи бандитов. Всех — под корень.

— А семьи при чем? — осторожно осведомился Рамазан.

— Неглупый человек, большевик, а спрашиваешь. Ведь братья и отцы бандитов начнут мстить Советской власти.

— Мне кажется, Зачерий, — возразил собеседнику Рамазан, — что ты плохо знаком и с политикой большевиков, и с настроениями людей. Большевики в таких случаях не мстят за ошибки. А большинство братьев и отцов тех, кто ушел в лес, только и думают о том, как бы вернуть их домой. Тем более что бандитов не так уж много, больше дезертиров, обиженных.

— Невелика разница — бандит или дезертир.

— Даже очень велика, Зачерий. Дезертир — чаще всего темный, несознательный человек, не понимающий, кто и с кем воюет. Или трус.

— А бандит, выходит, сознательный!

— По-моему, да. Он, во всяком случае, знает, на что идет. Но и среди них, конечно, много спровоцированных, обиженных теми или иными неразумными деятелями.

— Думаю, ты вскоре сам поймешь, что не прав, — произнес Зачерий тоном, в котором чувствовалось явное сожаление. — Прошу ко мне, поужинаем. Я, правда, еще не перевез родителей, но не бедствую.

— Спасибо, мне надо поработать.

— Как знаешь...

Хлопнула дверь, и Рамазан остался один. Он прошелся по комнате, пытаясь осмыслить то, что видел и слышал в аулах. Но усталость, а главное — неприятный осадок от разговора с Зачерием не давали сосредоточиться. Да, в армии было проще, там почти все — единомышленники, все подчиняются приказу. Тут каждый но-

сится со своими идеями, порой одна гнуснее другой. «Уничтожить семьи бандитов!» И это предлагает представитель Советской власти!

Рамазан сдвинул два стола, убрал с них чернильницы-невыливайки, расстелил шинель и, погасив свет, улегся. Минуту-другую пролежал, не шевелясь, стараясь ни о чем не думать. Глаз не закрывал. Знал: как только закроет глаза, в воображении сразу же возникнет смуглое краснощекое лицо с пухлыми губами и прямым носом. Большие миндалевидные глаза, полные слез. Любящие глаза. Без сомнений. Теперь они в одном городе. Почему бы ему не повидать жену? Изменился мир, но сердца их могли остаться прежними. Впрочем, ясно почему: Мерем — верная дочь своих родителей, их рабыня. Когда он, простой учитель, женился на единственной дочери князя Адиль-Гирея, ему даже прозвище дали — Счастливчик. Да, он был счастлив с Мерем, очень счастлив, и был бы, может быть, самым счастливым человеком на земле, если бы не оскорбительные попытки родителей Мерем «сделать из него человека». Для этого они хитро использовали его родную мать — женщину добрую, но слишком тщеславную.

В начале тысяча девятьсот восемнадцатого года власть на Кубани перешла в руки большевиков. Адиль-Гиреи, а с ними и мать Рамазана, попритихли. Рамазан, не колеблясь, сразу же стал помогать новой власти. Мерем же металась между мужем и родителями. Когда на Екатеринодар двинулись деникинские дивизии, Рамазан вступил в Красную Армию.

Настали тяжелые дни отступления. Рамазан надеялся, что Мерем будет с ним. Но она решила остаться в ауле. Тогда ему казалось, что он возненавидит Мерем на всю жизнь. Но сердце рассудило иначе. Не было дня, чтобы не сжималось оно от тоски.

— Рамазан, ты здесь? — донеслось вдруг из-за двери.

Воспоминания не сразу исчезли. Включая свет, Рамазан все еще слышал слабый голос Мерем. Но вот под потолком вспыхнула лампочка — и действительность победила. Не было никакой Мерем. Рамазан открыл дверь и увидел Полуяна.

— Значит, ты и живешь здесь, — произнес Полуян, оглядываясь по сторонам. — По-пролетарски... Чего не зашел ко мне?

— Поздно было. Неудобно ночью беспокоить...

— Неудобно, — пробурчал Полуян. — Живешь и действуешь, как пролетарий, а рассуждаешь, как интеллигентский хлюпик. Рассказывай. Со всеми подробностями. Как живут, что думают, куда гнутся?

— Куда гнутся? — повторил Рамазан и усмехнулся. Полуян заметил это и насторожился.

— Куда гнется наш народ? Еще до революции я понял, что народ тянется к справедливости, правде, равноправию. Наши люди не очень грамотны, но в житейских вопросах разбираются не хуже других. Каждый народ — птица, — с чувством проговорил Рамазан, — и ни одна птица добровольно не согласится жить в клетке.

— Это верно, — согласился Полуян. — Но слишком абстрактно. Что люди думают сейчас, в создавшейся обстановке?

— То же самое, что я уже сказал. Только не все ясно понимают, за кем идти. Большевики, деникинцы, эсеры, бело-зеленые, анархисты, монархисты, панисламисты, националисты — кто они такие, кто из них прав? Коммунистов среди горцев очень мало, а русские товарищи, к сожалению, не могут объясняться с черкесами.

— Выходит, ничего не ясно? — констатировал Полуян.

— Совсем наоборот, — нахмурился Рамазан. — Все ясно. Ничего не изменилось в аулах, никому не удалось столкнуть народ в сторону. И не удастся. Народ всегда стремился к справедливости и стремится сейчас, готов бороться за нее. Многие уже понимают, что наша партия, коммунисты, — на верном пути, значит, надо усилить агитационную работу. А главное — надо поверить самому народу, его силе и мудрости. Не становиться на страшный путь репрессий за прошлые ошибки, не мстить за преступления, совершенные родственниками, как предлагают некоторые.

Полуян увлекся взволнованным рассказом Рамазана.

— Что же ты предлагаешь? — спросил он после длительной паузы.

— Прежде всего, — Рамазан вскочил, — прежде всего покончить с неверием в наш народ, поверить ему.

Полуян тоже поднялся.

— Ты зря... подозреваешь меня, — произнес он, нахмурившись. — Я-то верю народу. А вот один работник вашей секции требует суровых мер, репрессий. Поэтому я хочу знать мнение коммуниста, советуюсь с тобой. Пойми, с адыгами меня связывает большая дружба.

Сколько соли мы съели с Мосом Шовгеновым, сколько надежд возлагала партия на него и его жену Гошевнай. Но Шовгенова нет. Нет человека, которому адыги так безгранично верили. А контрреволюция еще не обезглавлена, ее главари живут, действуют. Кое-кого им удается привлечь на свою сторону, увести в лес. По проверенным сведениям, банды бело-зеленых теперь возглавляет Кучук Улагай. Как мы должны действовать в этих условиях? На кого можем твердо опереться?

Лицо Рамазана прояснилось: он почувствовал, что резкость суждений не помешала Полуяну понять его. А раз так, значит, они единомышленники.

— На адыгейскую бедноту можно опереться полностью, — убежденно ответил Рамазан. — А Зачерия что слушать: он толкает нас на вредный путь. Не репрессии нужны, а доверие. Нужно создавать в аулах отряды самообороны, дать людям оружие, поднять бедноту. Поднять ее можно не словами, а делами, ведь бедняк точно взвешивает, что несет ему новая власть. А пока, надо смотреть правде в глаза, перемен очень мало. Я имею в виду перемен существенных, экономических. Передел земли почти нигде не проведен, пока все остается попрежнему. Слухи об Улагае, насколько мне известно, вполне обоснованы.

— Подведем итог, — проговорил Полуян, вплотную подойдя к Рамазану. — Первое, побыстрее завершить передел земли. Второе, создать отряды самообороны. Третье, усилить разъяснительную работу, сплотить бедноту. А для этого надо создать в аулах партячейки, коммунистические союзы молодежи. Насчет отрядов напиши мне, будем решать на исполкоме, а то и в Москве, — ведь у нас тут еще немало сторонников Зачерия: с дубиной на народ... Решили? Ну отдыхай. А завтра зайдешь в ЧК, расскажешь об Улагае.

В дверях Полуян остановился:

— Кстати, ты чего домой не идешь? У тебя, говорят, жена в городе?

Рамазан нахмурился: есть уголки в душе, куда посторонним вход воспрещен. Неужели такой тонкий человек, как Полуян, этого не понимает?

— Мы с ней еще в восемнадцатом разошлись, — нехотя выдавил Рамазан. Он рассчитывал этой фразой и ограничить объяснение, но поскольку Полуян не уходил, считая, видимо, ответ недостаточным, нехотя доба-

вил: — Она из князей, голубая кровь. А я — из бедных дворян. Не по пути нам.

— Голубая... — досадливо поморщился Полуян. — Уж мы-то с тобой знаем, что кровь у всех одинаковая. А жена есть жена. Ты сильный человек, можешь массу людей за собой повести. Неужели любимую женщину не увлечешь своей идеей? Тебе, конечно, виднее, но я бы на твоем месте, если б любил, все же повоевал за нее, не отдал бы князьям. Ну отдыхай.

После разговора с Зачерием Рамазан почувствовал себя разбитым. Но вот произошел разговор с Полуяном, и все представилось в ином, совсем не мрачном свете. Рамазан уже не чувствовал себя усталым и измученным, энергия другого человека как бы переселилась в него.

Сон пропал, в уме уже складывался текст записки о необходимости создания в аулах отрядов самообороны. В каком-то порыве он сел за стол и бегло набросал все это на бумаге.

Теперь он снова чувствует усталость. Гасит свет, укладывается на столах. И снова воображением овладевает Мерем. Но если раньше вспоминалось только все самое мрачное, тягостное, то теперь на память приходят светлые и радостные дни их короткой совместной жизни.

Первая встреча с Мерем произошла во время репетиции спектакля. Рамазан, недавно окончивший учительскую семинарию, был приглашен на роль главного героя. Героиней оказалась Мерем. Вскоре девушка поняла, что слова любви, которые произносил на сцене ее партнер, предназначались не героине пьесы, а ей. И ответ последовал тотчас же. Они почти не разговаривали друг с другом, но обменивались такими взглядами, которые заменяли самые пылкие слова. Спектакля Рамазан ждал, как ждут большого несчастья. Он готовился к разлуке: ведь после спектакля их встречи станут невозможны. Он не играл, а жил на сцене, прощался со своей любовью, с мечтой о счастье.

Мерем понимала, что происходит в душе влюбленного юноши. После спектакля она спросила Рамазана, увидит ли его у них дома.

— О, конечно, — ответил он, вспыхнув. Но долго не решался переступить порог княжеских хором.

А однажды будто что-то толкнуло его. Решительно вошел в переднюю, гордо прошел в девичью Мерем.

Лицо девушки при виде Рамазана засветилось. Начался обычный в таких случаях разговор — собирает-

ся ли она замуж, пойдет ли за того, кто сидит перед ней, хоть он и недостоин этого. Но кончился разговор не по традиции. Мерем сказала, что пойдет замуж за того, кто сидит перед ней, лишь в одном случае. Рамазан подумал: «В случае, если бедный учитель разбогатеет». Все же спросил: в каком? Если тот, кто сидит перед ней, женится на ней немедленно, до конца этого дня.

Рамазан заснул с блаженной улыбкой: Полуян прав, нужно бороться за свое счастье. Утром он все выяснит...

И утро приходит — яркое, горячее, веселое, даже задиристое. Оно возмущено: спать в такое-то время! И протягивает к лицу Рамазана тонкие пальцы-лучи. Они щекочут его до тех пор, пока он не открывает глаза. Рамазан поднимается, ставит столы на место, вешает на гвоздь шинель и спешит к конюху умываться.

— Товарищ Рамазан, — окликает его дежурный милиционер у входа. — Приехал? А тебя тут, — милиционер перешел на шепот, — одна краля спрашивала. И вчера была. Видно, тревожится.

Рамазан готов броситься милиционеру на шею. Конечно, это глупо. Но ведь лучший друг не мог бы сообщить ему более радостную весть. Он топчется на месте, будто потеряв ориентировку, и вдруг направляется к выходу.

На улице оглядывается. «Если она была вчера, — рассуждает он, — то может прийти и сегодня. Она сделала первый шаг, и я не уроню себя, если пойду ей навстречу». Рамазан сворачивает в переулок, который ведет к дому Мерем. Кто это впереди? Худенькая женщина в синеньком платьице, таком простеньком платьице, увидев Рамазана, вдруг останавливается, потом делает несколько шагов в сторону и прислоняется к акации.

Рамазан быстро подходит к ней, берет за руку, они молча глядят друг на друга.

— Идем, — вдруг произносит он.

— Куда? — Она почти смеется. Или плачет? Не поймешь...

— Все равно куда, — бросает Рамазан.

— Нам с мамой оставили две комнаты, — рассказывает Мерем. — Одна выходит на улицу, а другая во двор. Мы будем заходить с парадной стороны, а мама — с черного хода, вы никогда не встретитесь.

— А отец? — Рамазан все еще не верит своему счастью.

— Ты разве не знаешь? — Мерем мнется — говорить об отце ей не хочется. — Он ведь...

— Скрывается? — догадывается Рамазан. — У Врангеля?

— Скрывается в плавнях.

«Скорее бы его ЧК сцапала», — подумал Рамазан, но, разумеется, вслух этого не произнес.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вот где отдыхает душа Ильяса. Он срывает с высокого стебля колосок и, подняв его на уровень глаз, разглядывает. Солнце сделало все, что требовалось, Ильяс это подмечает сразу: колосок приобрел стойкий серовато-золотистый оттенок, в его одежках должно находиться спелое зерно. Ильяс трет колосок меж ладоней точно так, как когда-то делал отец: легко, но настойчиво. Зерно быстро отделяется от половы.

— Пф-ф... — Дуть слишком сильно нельзя, вместе с половой может улететь и зерно, оно ведь еще легкое.

Ильяс выбирает одно зернышко — овальное, пухлое, с глубокой продольной ложбинкой из конца в конец, слегка приминает его между большим и указательным пальцами. Не поддается. Тогда он ногтем рассекает зернышко поперек: под тонкой золотистой кожурой обнажается белая мякоть; Ильяс отправляет одну половинку в рот, осторожно ощупывает ее кончиком языка, медленно сдавливает зубами. Удовлетворенно улыбается: да, это уже хлеб!

Невелико его поле, двадцать шагов влево — межа, столько же вправо — другая. Впереди — еще одна межа, ее нетрудно заметить: на ней золотистый ковер обрывается. За межой — черные пары Измаила.

Ильяс делает двадцать шагов влево и ступает на узкую, поросшую репейником и горошком межу, отделяющую его полосу от земель Салеха. Здесь пшеничка погуще и колос покрупнее. Ничего удивительного: земля хорошо обработана, семена пропущены через триер. Его же полоска была засеяна перед самыми заморозками. Спасибо Умару и Гучипсу, сами вспахали и засеяли собственным зерном, а то бы стояла его земля в ожидании кормильца. Что сталось бы с детишками, Дарихан и матерью? Набегает ветерок. Нива колышется так, словно ее с двух сторон раскачивают. Пахнет чем-то сладковатым, дурманящим, словно дыню с медом смешали. Дой-

дя до межи, за которой разлеглись пары Измаила, Ильяс сбрасывает рубашку и растягивается на покрытой травой впадине. Прохладно, веет спокойствием и миром. Сонная истома охватывает его, он закрывает глаза. Вот где душа отдыхает!

Отдыхает? Нет, Ильяс, себя не обманешь: не отдыхает, а прячется, пытается ускользнуть от чего-то тяжелого, неотвратимого и потому забирается в мир грез.

А почему бы не помечтать? О чем? Да все о том же, о чем мечтал семьсот дней в седле. Вот бы прирезали пустующую по соседству землю Измаила — семь десятин! — и зажил бы лучше не надо. Десять десятин! Тут тебе и пшеница, и просо, и люцерна, и кукуруза, и подсолнечник, и табак... Пшеницу можно двух сортов сеять: озимую скороспелку и твердую яровую — арнаутку. Полдесятины овса и ячменя, четверть бахча займет. Ильяс знает сорт арбузов — в руках не удержишь. И совсем немного ржи — для себя, и солома у нее как железный прут, можно будет перекрыть крышу, подновить хлев. Всю бы весну, все лето и осень — на своем поле. Придет домой — веселые лица дочурок, помолодевшая Дарихан. И больше ему ничего не нужно. И ведь Измаил нисколько не пострадает. Ртов у него в семье вдвое меньше, чем у Ильяса, а земли почти вдесятеро больше. Вполне оставшейся обойдется, да и тот клин не сумеет своими руками возделать — отвык, разъелся, забыл, как и плуг держать. А жена его и вовсе никогда в поле не выходила.

Интересно, как будут делить? Нарежут участки наново или начнут отбирать излишки? Хорошо бы ему остаться на старом месте — межи тут мелкие, в один пласт пароконного плуга. И земля как масло. Далековато, правда, да ничего, кони, подаренные полком, уже вошли в тело, даже застоялись, им, как и ему, только подавай работы. Но что-то не торопится Салех с переделом.

«После уборки! — рявкнул он, когда Ильяс особенно настойчиво пытался выяснить его намерения. — Дай людям урожай собрать».

«Дай...» Он бы и часу не медлил. В ленинском декрете ясно написано: передел проводить немедля. А урожай и бедняку пригодится, на то и революция. Заводы у капиталистов отобрали, не ожидая, пока они еще один урожай снимут.

Вот и отдыхай. Мысли о земле душу выворачивают. Ильяс вскакивает, натягивает рубаху и выходит на до-

рогу. Справа, из лесу, доносится резкий гулкий крик кукушки. Вслед за тем раздается отрывистый треск — будто обломился крепкий сук.

«Постреливаете, собаки, — ругается про себя Ильяс. — Всех бы вас к стенке».

Он уже усвоил: не будь этих выстрелов, не гуляй по лесу Алхас, межа между его пшеницей и черным паром Измаила была бы давно перепахана. Прав Умар, надеяться не на кого, надо самим брать винтовки в руки и кончать с бандой. Хлеб уберем, а тогда... Это немного успокаивает Ильяса, и к дому он подходит в хорошем настроении.

Во дворе — мать, Дарихан, дочери и соседка Биба. Его ждут, но не показывают этого, каждый чем-то занят. Вот народ, ведь никому не сказал, что уходит в поле. Определенно Нуриет подглядела. Ах ты, плутовка. Ильяс треплет дочурку за жиденькую косичку, она робко жмется к отцу. Ее примеру тотчас следуют другие. А Зейнаб мало обычной ласки, она тянет к отцу ручонки. Конечно, ни один уважающий себя адыг не сделал бы то, что делает Ильяс, тем более на виду у соседей: он берет на руки дочь и крепко прижимает к груди. Даже Дарихан неловко становится. Она оглядывается — не смотрит ли на них кто, спрашивает:

— Как там?

Ильяс опускает Зейнаб и, достав из кармана горстку зерен, высыпает их на маленькую, темно-коричневую, с бугорками серых мозолей ладонь жены. Одно зерно она пробует на зуб. Смотри, не пролежало в кармане и часа, а уже подсохло, отвердело.

Дарихан нажимает ногтем на ложбинку — зернышко делится на две дольки... Разглядывает, снова пробует на зуб. Их мнения сходятся: завтра! В снопах дозреет.

Биба убегает домой сообщить новость отцу.

Во дворе Ильяса поднимается невообразимая возня. Он выносит из сарая косу, достает брусок, пристраивается в тени под орехом. А это что? Дарихан достает серпы — аж четыре! Как будто в доме нет мужчины.

— Спрячь эти штуки! — хмурится Ильяс. — Я уже дома.

Дарихан кротко улыбается и тотчас уносит серпы. Адыгейке и в голову не взбредет спорить с мужем. Сказано — отрезано. Возвратившись, прислоняется к серой чешуйчатой коре ореха.

Брусок уверенно отбивает косу. Длинный тусклый

нож сверкает под лучиком, пробивающимся сквозь зеленую крону ореха. Вдруг становится пасмурно.

— Нана сказала, — тихо произносит Дарихан, — что скоро начнутся дожди.

Ильяс и бровью не ведет.

— Я еще скажу, а ты не обижайся, — уже совсем чуть слышно говорит Дарихан. — Не обижайся и не обижай нас. Мы хотим косить с тобой. — По имени она мужа не называет, это у адыгов не принято. — Пойдут дожди, хлеб пропасть может.

— Это не женское дело...

— Ты забываешь... — Дарихан вот-вот расплачется. — Ты забываешь... Ты не спрашивал, как мы тут жили без тебя.

Будто острием косы задело. Разве не о них он думал, когда поднимался в атаку на белогвардейскую свору? Не спрашивал... Разве сам не понимал? Разве не собирается он сейчас искупить вину перед ними, освободить их от тяжелого труда?

— Такое время, — не сдается Дарихан. — Все женщины будут в поле. Ты хочешь, чтобы люди думали, будто мы белоручки?

Ильяс в сердцах швыряет брусок и поднимается: черт побери, с ней не договоришься!

— Покончим с хлебом за три дня! — кричит он. — А потом?

— А потом поможем жене Нуха: Куляц никак не придет в себя. Да и Умар нуждается в помощи, его старшенькой еще и двенадцати нет. И Гучипсу хорошо бы помочь. Если бы не они... — Дарихан опускает глаза. Конечно, этого не следовало говорить, но если Ильяс что-то позабыл, то уж лучше напомнить.

Ильяс тяжело опускается на скамью. Дарихан подает ему брусок. Какая она тоненькая, его жена. Совсем как девочка.

Чирк-чирк — продолжает брусок свою въедливую песню.

«Хорошо бы получить землю рядом с Умаром, Гучипсом и Нухом... Ну в общем, с его семьей. Тогда бы мы всегда помогали Куляц». Так думает Ильяс. А что, Совет обязан учесть, ведь Нух погиб на посту. Ильяс подсмотрел недавно: мальчишки играли в войну и передрались — каждому хотелось быть Нухом. Надо будет поговорить о переделе с Умаром.

А вот и он сам.

Дарихан оставляет мужчин. Впрочем, она свое дело сделала, теперь можно помочь матери на кухне, завтра не до того будет.

Умар достает из кармана нож с круглой деревянной ручкой, кривым лезвием поднимает с земли щепку и начинает строгать ее. Щепка становится круглой и тонкой, как вязальная спица. Нож, лязгнув, захлопывается.

— Вчера в соседнем ауле убили коммуниста, — с трудом выговаривает Умар. — Днем потребовал, чтобы землю поделили, ночью нашли с пулей в сердце.

Ильяс пробует косу на ноготь — хоть брейся.

— Возле Горячего ключа, — продолжает Умар, — почту ограбили, все дотла сожгли.

— Откуда у тебя эти новости? — наконец открывает рот Ильяс.

— Еще не все. В станице пропала учительница, рассказывала о ленинском земельном декрете. Говорят, утащили в лес и там издеваются.

Ильяс относит косу в сарай и возвращается.

— А сведения у меня самые достоверные, — уверяет Умар. — Ночью к Нурбию заскочил его сынок Аюб. Парня лихорадка трясет, а уйти боится. Чуть что — пуля в рот.

— Аюб трусишка, — качает головой Ильяс.

— Неужели жизнь тебя еще не научила? У нас один выход! — Умар начинает горячиться. — Надо браться за оружие.

— Создавать свою банду? — грустно шутит Ильяс. Он прекрасно понимает, что без своего отряда не обойтись, но что-то в душе противится этому. Хочется сперва убрать хлеб. Ведь отряд — это бой, а в бою всякое бывает. Вот и хорошо бы сперва хлеб убрать.

Но Умару не до шуток.

— Мне все равно, как нас назовут, — упрямо твердит он. — Пусть это будет красная банда, если хочешь. Мы дадим отпор всем, кто сунется в аул, кто против новой власти, против передела земли.

— А как на это посмотрит власть?

— Салех? — Вдоль шрама на лице Умара возникает бордовая каемка. — Я этого Салеха не признавал и признавать не собираюсь. Когда мы создадим отряд, он поймет, где власть. Он говорит, будто начальники в Екатеринодаре не разрешают создавать в аулах отряды. Черкесам, мол, нельзя доверять оружие. А мы сами себе доверим!

— Он и мне это говорил. Но у нас другого выхода нет. Вот уберем хлеб и возьмемся. Мы завтра начинаем косить. Нана говорит, пойдут дожди.

Умар вздыхает: только дождей ему не хватало.

— Через пару деньков мои женщины подсобят тебе...

— Надо сперва у Куляц... — возражает Умар. — Пожалуй, и я завтра начну. Вот что, Ильяс... — Умар мнется. — Думаю, нам нельзя оставлять хлеб в поле без присмотра, лучше ночевать там. Что-то наши кулаки очень оживились.

— Снопы надо свозить домой, — предлагает Ильяс. — Все лето в поле не проведешь.

— Ладно, — соглашается Умар. — А потом соберем собрание и выберем людей в отряд. Пусть Салех попробует перечить всему аулу.

В этот вечер аул ложится спать рано — многие решили утром начать жатву. Но просыпается первым Ильяс. Еще не совсем рассвело, а он на ногах. Спал ли? Выводит из конюшни лошадей, поит их, дает сено, укладывает на повозку разную мелочь. Незаметно небо начинает бледнеть. Просыпаются птицы. Они пока еще щебечут в гнездах — видимо, рассказывают друг дружке сны.

Жаль Ильясу будить Дарихан и детей, он медленно прогуливается по двору. Но Дарихан будить не нужно, она уже тут как тут. Через минуту весело шумит в плите пламя.

А вот и вся орава, спит только маленькая Зейнаб. Так ее и увозят спящей. Не просыпается она и в поле. Ильяс втыкает между досками повозки кнут и устраивает нечто похожее на навес: теперь малютку не потревожат и первые лучи солнца.

Четверо с серпами начинают. Ильясу не приходилось видеть свою семью на жатве: в эту лямку жена и дети втянулись без него. Ловко орудуют. Но любоваться некогда. Обойдя участок, он делает поперек первый прокос. Немного зудит левое плечо, ноет простреленная нога... Но скоро все забывается — перед глазами только сочная прозелень стеблей.

После обеда наплывают тучи, и женщины начинают споро вязать снопы. Ильяс продолжает косить. Все облегченно вздыхают, когда гроза проходит стороной.

На пшенице Салеха — ни души. У него сноповязалка и десяток лошадей, можно не волноваться.

К концу третьего дня весь хлеб закопнен. На двух подводах — своей и Умара — они перевозят снопы во двор. Потом выходят на полоску Куляц, тут дел немного. Наступает очередь Умара, Гучипса. И вот все снопы свезены.

Как-то вечером у плетня Ильяса остановился Измаил.

— Салам, фронтовик! — приветствует Измаил хозяина. — Давно не виделись. Как управился с пшеницей?

«Что-то он слишком приветлив, — думает Ильяс. — Послушаем дальше: шакал не может долго петь соловьем».

— Когда-то в дни жатвы ты приходил мне на помощь. И не оставался в накладе. Может, и теперь столкуемся?

Ильяс едва сдержался. Батрачить? Нет, не то время... Он заламывает буденовку, подобно папахе, набекрень и лихо бросает:

— Поищи дураков в другом месте.

Измаила этим не смутишь.

— Поищем, — говорит он, — и найдем. А ты напрасно надеешься на милости Советской власти. Не глупый ты человек, Ильяс, а все никак не поймешь: висит эта власть на ниточке.

— Врешь, собака! — срывается Ильяс.

Грязно выругавшись, Измаил уходит.

Почти сразу покидает свой двор и Ильяс. Опираясь на палку, направляется в дальний конец аула — к Умару.

Давненько не бывал он в этих местах, с тех пор как ушел на фронт, но ничего не изменилось. Все та же босоногая детвора в дорожной пыли, все тот же журавль глядит в небо у колодца посреди широкой улицы, над крохотными оконцами нависают все те же изъеденные дождями и вспоротые временем соломенные стрехи.

Умар словно ждал его. Усадил за стол, поставил кувшин бахсмы, тарелку круто сваренной пшенной каши.

— Будешь командиром отряда, — говорит Умар. — Я уже кое с кем успел договориться. Почти у каждого припрятана винтовка.

Он начал перечислять имена и фамилии. Набиралось около тридцати человек. Имея такую силу, можно приступать к переделу.

Условились встретиться утром у сельсовета, объявить свое решение Салеху. С его согласия или без него — собрать митинг. Беднота только и ждет создания отряда.

Все обрадуются. А там пусть Салех жалуется в город. Приедут — разберутся, не дураки же там.

Разошлись, уверенные в успехе. А утром пошел дождь. Хлесткий, обильный, с неведомо откуда примчавшимся ледяным ветром. Раненая нога Ильяса распухла, становиться на нее было мучительно. Опираясь на палку, он с трудом доковылял до сельсовета.

Умара еще не было. В передней сидел единственный аульный милиционер Тембот, назначенный на эту должность две недели назад. Зажав коленями винтовку, Тембот завтракал. На холстине лежали лепешки, куски холодной баранины.

— Жизнь, — проворчал Тембот с набитым ртом. — Дежурь тут круглые сутки напролет. А кому это нужно? Давным-давно известно: один в поле не воявка.

— Салех здесь?

— Еще не провалился сквозь землю.

Ильяс проходит в следующую комнату. Здесь царство Магомета. Все свободные от дверей и окон стены заставлены массивными черными шкафами. В каждом — полно бумаг, на все у него имеются оправдательные документы. Появлению посетителя Магомет обрадовался — не часто теперь сюда заходят люди.

— Прибыла директива, — сразу же сообщил Магомет, — касающаяся лично тебя. Участники гражданской войны, ставшие инвалидами, имеют право на пенсию. Можно подать ходатайство.

— Какой я инвалид! — обижается Ильяс. — Все у меня на месте.

— Не думай, дурачок, что ты знаешь больше старого Магомета. — Магомет снисходительно улыбается. — Ранен, хромаешь, значит, инвалид. А деньги никому не мешают.

— Что деньги, Магомет? Я, дорогой, за землю воевал.

— Знаю, — соглашается Магомет. — Только ты, — он вдруг переходит на шепот, — ее не скоро получишь. А деньги — хоть завтра.

— Почему это? — набрасывается на старика Ильяс.

Но Магомет уже ничего не слышит. Он как будто даже и не видит Ильяса. А Умара все нет и нет. Ильясу надоедает ждать, он решает пройти к Салеху один. Старик решительно преграждает ему дорогу.

— О человек! — громко провозглашает он. — Если есть начальник и есть подчиненный, то что должен де-

лать подчиненный? О человек, погоди, я узнаю у начальника, может ли он принять тебя.

— Не суетись, Магомет, я на минутку, — успокаивает его Ильяс. — Войду и выйду, всего делов-то.

Салех сидит за столом. В руках у него газета.

— Чего тебе? — Председатель нехотя отводит глаза от газеты. — Живее... — Во взгляде Салеха самодовольство и презрение. Самодовольства, пожалуй, больше.

Ильяс пододвигает стул, садится напротив Салеха.

— Ну? — Салех откладывает газету.

— Я хочу узнать, думаешь ли ты заняться землей? — напрямую спрашивает Ильяс. — Только скажи: думаешь или нет?

Ильяс уверен: сейчас Салех начнет объяснять что-то насчет обстановки, Алхаса, Врангеля. Вот тогда-то он и выложит ему идею о создании отряда. Как-то председатель будет изворачиваться? Но Салех ничего подобного не делает. Он глядит на посетителя так, будто ему неведомо, что означает даже само слово «земля». Теперь на первый план выступает презрение. И откровенная ненависть.

— Что ты имеешь в виду? — не скрывая иронии, спрашивает он.

— Передел земли. Как в ленинском декрете написано.

— Все, что написано в декрете, у нас сделано, — ухмыляется Салех. — Там сказано: крестьянские земли конфискации не подлежат. Как же я могу конфисковать землю у твоего соседа и отдать тебе? Ты воображаешь, будто Советская власть только для тебя. Для других она тоже власть, это говорю тебе я, представитель Советской власти, говорю человеку, которому собрание этот пост не доверило. Все понял?

Ильяс понимает лишь одно: его бессовестно надувают. Он достает из кармана сверток, разворачивает его, выравнивает ладонью загнувшиеся уголки. Это газета, которую ему подарил когда-то Мос Шовгенов. Правая ее сторона в желто-бурых разводах — с того дня, когда Ильяс получил пулю в плечо, — но текст отлично сохранился.

— Читай! — тычет Ильяс газету председателю.

— Читай сам, — прищурившись, будто прицеливаясь, отражает натиск Салех. — Меня старые газеты не интересуют, читаю свежие.

— Я за этот декрет два года воевал! — вспыхивает Ильяс.

Во взгляде Салеха уже нет ни самодовольства, ни презрения — одна ненависть, лютая, невыразимая ненависть.

— Еще не известно, где ты воевал, сейчас выясняем. Может, у своего дружка Алхаса служил? Он ведь тоже воюет. Может, и ему рядом с тобой землицы нарезать? Братишка ведь...

Ильяс сжимает кулаки.

— Буржуйский прислужник! Кулак! — Ильяс вскакивает со стула.

— За оскорбление ответишь — оскорблять власть не разрешается. А этой своей газеткой, — Салех брезгливо, двумя пальцами приподнимает «Известия», — этой бумажкой можешь подтереться.

Буденовка чуть не валится с головы Ильяса — его словно ножом пырнули. Удар был рассчитан точно и нанесен в самое больное место. Нет, такого издевательства он не потерпит. Прыжок — и он возле Салеха.

— Эй, ты там!.. Тембот!.. — неистово орет Салех, но тут его настигает сучковатая палка Ильяса.

— Получай, гад проклятый! Будешь знать, с кем я воевал. Будешь знать, что такое ленинский декрет!.. Получай!..

Кто-то ловит на лету и мертвой хваткой сжимает его руку.

— Садись, садись, — слышит Ильяс ворчливый голос Тембота. — Позавтракать человеку не дадут, обязательно сцепятся!..

— В подвал его! — визжит Салех, почувствовавший себя в безопасности. — Пусть сидит, пока не приедет милиция из города. Я находился при исполнении служебных обязанностей, ты видел, как он меня избивал.

Милиционер не уверен в необходимости подобной меры пресечения.

— Ничего я не видел, — возражает он.

— В подвал! — орет Салех. — В подвал! В холодную!

— Пошли, — вздохнув, обращается к Ильясу Тембот. — Ничего не поделаешь, очень ты горячий человек, Ильяс. Пошли.

Ильяс не сопротивляется — в подвал так в подвал. Что ж, представителей из города можно и там подо-

ждать. Зато душу отвел — наверное, не одна вмятина осталась на спине негодяя.

Щелкает замок. Из-за двери раздается голос Тембота:

— Пошлю Магомета, пусть позовет Умара. Не нравится мне эта история, Ильяс, с Салехом тебе лучше бы не связываться.

Пошарив рукой по стене, Ильяс опускается на землю. Опухшая нога полностью онемела от боли.

Магомет отправляется за Умаром. По дороге сообщает ошеломляющую новость каждому встречному:

— Ильяс арестован. Какой? Разве не ясно? Да, тот, что ходит летом в суконной шапке с верхом, устремленным в небо, подобно персту неверного. Ильяс, брат Алхаса.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Плохо Ильясу. Никогда еще ему не было так плохо. Даже когда трясло его на санитарной повозке Ермила.

Эх, как хочется Ильясу повернуть время назад. Хоть бы на каких-то полчасика. Ни за что не начал бы разговор с этой жирной харей до прихода Умара. Но что с ним случилось?

Боль в ноге, словно узда, поворачивает его мысли к дому. Знают ли там, что он посажен в холодную? Какой позор! Красный кавалерист, буденновец — в каталажке. И как он мог смириться? Подчинился власти, дурак. Какая же это власть, если ее представляет Салех?

Действительно, раньше Ильяс не придавал особого значения тому, кто сидит на месте Нуха, полагал, что все само собой образуется. Знал: в городе начальники думают совсем не так, как Салех, и полагал, что разобраться во всем — их забота. Но ведь управляет-то жизнью аула Салех. И вот, когда дошло до дела, получилось совсем нехорошо. Салех — единственная власть в ауле, но Салех и не собирается делить землю, ленинский декрет для него — пустая бумажка.

— Ильяс! — доносится из-за двери голос Гучипса.

Сердце Ильяса начинает учащенно биться: товарищи узнали о его позоре, теперь хоть сквозь землю провалиться.

— Ильяс! — уже громче зовет Гучипс. — Заснул ты, что ли?

— Тут заснешь, — нехотя откликается Ильяс. — Где Умар?

— Мать у него, понимаешь...

— Заболела?

— Э... — мямлит Гучипс. — Надо бы самому уразуметь, что может произойти с таким старым человеком, как мать нашего друга.

— М-да... — К Ильясу приходит запоздалое озарение. — Теперь понятно. Попрощалась, выходит... Как это я сразу не догадался...

Ильяс автоматически начинает читать молитву. К нему присоединяется Гучипс. Но вот молитва окончена. Переговоры продолжаются.

— Умар просил передать, — сообщает Гучипс, — что придет сразу же после похорон. Он сказал: пусть Ильяс сидит и ждет. Сейчас Дарихан принесет тебе поесть, а я помогу Умару. Что он теперь будет делать со своей ребятней?

Ильяс представил Умара, разрывающегося между плачущими малышами и умирающей матерью. Конечно, не до переговоров человеку. А ему, Ильясу, вместо того чтобы злиться, надо было пойти к нему домой. Запоздалое раскаяние. Сейчас раздастся голос Дарихан. И зачем ему эта еда? Что он, тут век сидеть будет?

— Ильяс! — Это голос Тембота.

— Чего тебе? — раздраженно откликается Ильяс.

— Дарихан принесла поесть. Сейчас передам. А ее я отправил к Умару, пусть поможет бедняге. Салех сказал, что будешь сидеть, пока не приедут представители из города. Сейчас составляет бумагу. Наверное, повезет сам. А может, с кем-нибудь передаст.

— Он что, рехнулся? — возмущается Ильяс. — Позови его.

Забыв о боли в ноге, Ильяс вскакивает и начинает что есть силы колотить в дверь.

— Сам ты рехнулся, если ничего не понимаешь, — тихо произносит Тембот, когда Ильяс утихомиривается.— Я сейчас открою, передам тебе сверток, только не вздумай со мной войну начинать.

Какая уж тут война. Нога вдруг словно взрывается невыносимой болью, он валится на пол. Скрипят петли, в глаза бьет яркий солнечный свет. Ильяс жмурится.

— Что у тебя с ногой?! — испуганно восклицает Тембот. — Допрыгался! Надо позвать Меджида. Э, знаешь

что, давай помогу тебе чувяк снять, а то потом резать придется.

Прикосновение к ноге вызывает у Ильяса обморок. Придя в себя, он разглядывает обнаженную ногу. Она распухла, приобрела какой-то фиолетовый цвет.

— Посиди, — говорит Тембот. — Пойду к Салеху.

Через минуту возвращается.

— Собака, — тихо ругается Тембот, — не разрешает отпустить. Пусть, говорит, знает, как нападать на Советскую власть. — Оставив сверток с едой, Тембот запирает двери подвала.

Опираясь на руки, Ильяс усаживается поудобнее. Боль утихает, однако на смену ей приходит слабость: ни пошевелиться, ни даже подумать о чем-либо нет сил. Туго натянутые нервы вдруг отпустило, мозг впал в дрему, а затем в сон. Проснулся от крика: голос Умара.

— Я тут вздремнул, — признается Ильяс. — Дурацкая нога...

Щелкает замок, скрипят петли, но светлее не становится. Неужели проспал весь день? Его выпускают? Оказывается, и Салех иногда соображает. Но радость преждевременна.

— Салех уехал в город, — сообщает Тембот. — Велел держать тебя в холодной. А Магомет сказал, что его слова ничего не значат: приказ об аресте должен быть изложен на бумаге.

— Сейчас поможем тебе добраться домой, — добавляет Умар, — и подумаем, что делать дальше.

Его берут под руки, приподнимают, и вот он уже в повозке. Яркие звезды глядят на Ильяса, словно глаза Вселенной, и ему становится жутковато. Огромный враждебный мир окружает его со всех сторон. Что делал бы он, если б не друзья, шлепающие за повозкой?

— Гучипс! — Ильяс уверен, что это повозка Гучипса, ее колеса поскрипывают как-то по-особенному, будто под коробом сидит перепел, — наверное, на передней оси шероховатость.

— Молчи, вояка, — ворчит Гучипс. — Наделал ты, друг, в собственный суп, а хуже этого нет, вот что я тебе скажу.

Он дергает за вожжи, лошади идут веселее, перепел под коробом надрывается, словно пришел час токования. Ильясу хочется повторить этот дурацкий свист, он еле сдерживается. Но вот перепел умолкает, словно он завидел самку. Умар и Гучипс помогают Ильясу спу-

ститься на землю. Он узнает свой плетень и вырисовывающиеся за ним контуры родного дома. Орех во дворе скрывает половину неба. Опираясь о плечо Умара, он скачет на одной ноге к калитке. Угрожающе тревожно рычит щеколда, и на этот сигнал мгновенно откликаются в доме. Дверь распахивается, в светлом проеме появляется невысокая фигура Меджида в огромной папахе.

— Нехорошо ведешь себя, — слышит Ильяс добродушное ворчание Меджида-костоправа, и на душе становится совсем легко.

— Терпи, больно будет... — предупреждает Меджид, осматривая опухшую ногу и неодобрительно цокая языком.

Ильяс прихватывает зубами нижнюю губу, сжимает руками железный ободок кровати. Но изо рта не вырывается ни звука. Наконец Меджид начинает укладывать инструменты в сумку.

— Спи, — говорит он. — Спи как можно больше.

— Спасибо, — откликается Ильяс.

Но Умар не уходит вместе с Меджидом. Вот уже рычит щеколда за костоправом, а Умар все не трогается с места. Прислонившись к косяку двери, позевывает Гучинс.

— Как дальше поступим? — наконец нарушает молчание Умар.

— А что дальше? — удивляется Ильяс. — Мало ли что между людьми случается?

— То между людьми, — возражает Умар. — А Салех разве человек? Он отправился в город за чекистами. Магомет говорит, что есть такой закон: если в военное время кто нападет на власть, того и расстрелять могут.

— Разберутся все ж таки, — нерешительно замечает Ильяс. Ему не верится, что его, воевавшего за Советскую власть, та же власть вдруг пустит в расход из-за обыкновенной горячности.

— Разберутся, конечно, — соглашается Умар. — Но боюсь, что не те, кого привезет Салех. Он привезет таких, которые будут заодно с ним. А ворон ворону глаз не выклюет.

Неужели и в городе такие есть? Это, по правде говоря, Ильясу и в голову прийти не могло. Но Умар, конечно, прав: раз городские товарищи согласились сделать Салеха председателем, то они и поддержат его в любой

момент. Ильяс вопросительно глядит на Умара. Так и есть, Умар что-то придумал.

— Понимаешь, — говорит Умар, взвешивая каждое слово, — все зависит от того, кого привезет Салех, а это большой риск. Мы можем спрятать тебя на время, но тогда Салех будет кричать, что ты испугался расплаты, тебя начнут искать, как преступника. И к лицу ли тебе прятаться от Советской власти?

Эта перспектива и Ильяса не устраивает.

— Остается одно — немедленно поехать в город самому, найти Максима или его товарищей, все рассказать. Помогут. Говорят, в городе лечатся от ран буденновцы, и они тебя в обиду не дадут. Приезжай вместе с Максимом, устроим новое собрание и выгоним Салеха.

— Утром поеду, — соглашается Ильяс.

— Утром будет поздно. — Умар неумолим. — В объезд не доберешься, а если встретишься с Салехом и его дружками в степи, совсем плохо будет. Сейчас выедешь — к утру можешь попасть в город. Больного и бандиты не тронут. Гучипс довезет тебя до исполкома и вернется домой.

И вот Дарихан собирает мужа в дорогу. Ильяс злится.

— Ничего мне не нужно, через день вернусь.

Он берет лишь сверток с едой.

— Приезжай с Максимом, — говорит Дарихан, стоя в сторонке от повозки. Как ни старается, не может унять слез.

Умар отправился бы в город вместе с Ильясом, если б не это несчастье дома. Очень уж ему не повезло. Жена, теперь мать... Видно, придется жениться снова. Не хотелось Умару вводить в дом мачеху, да уж чему быть, тому не миновать.

— Вот и прогуляемся, — невозмутимо произносит Гучипс, когда повозка оказывается за аулом. — Я бы не поехал на ночь глядя, но ведь с тобой и меня алхасовцы не тронут.

Шутит он или всерьез? Кажется, всерьез. Но обижаться Ильяс уже не в состоянии. Глаза в небо. В голове, словно телеграфист на морзянке, что-то отстукивают колеса. Кажется Ильясу, они долбят: ду-рак, ду-рак, дурак... Действительно дурак. Когда надо сказать что-нибудь — молчит, а когда лучше промолчать — лезет в драку. И за что обижаться на Гучипса — шутит ли он, всерьез ли говорит — один черт. Стоит появиться на дороге бандитам, как одно лишь имя Ильяса сразу приве-

дет их в чувство. Хочет он того или нет, а Алхас считает его братом, и это всем известно.

Усталость навалилась как-то вдруг, веки Ильяса слипаются, колеса уже не выстукивают обидное слово, а напевают тихую песню, словно Дарихан у колыбельки младшенькой. Он засыпает.

Ночь бежит, оставляя за собой пыльные версты. Неподалеку от города Гучипс сворачивает с дороги — коням нужно передохнуть. Пока рассупоненные лошади щиплют траву, Гучипс срезает толстую раздвоенную на конце ветку и сооружает из нее нечто вроде костыля: надо же Ильясу как-то передвигаться по городу без посторонней помощи.

— Эй, Ильяс, — будит он товарища. — Еще не выспался?

Веки Ильяса начинают подрагивать, глаза открываются. Ему кажется, будто он в своей постели. Вдруг улыбка исчезает, лицо становится напряженным, на лбу собираются продольные морщины.

— Я тебя, Ильяс, до базара довезу, — решает Гучипс, — а до исполкома ты и сам доберешься, это совсем рядом.

— Доберусь, — соглашается Ильяс. — Нога почти в порядке. Скажи Дарихан, пусть не волнуется, скоро буду, — смущенно добавляет он.

Гучипса конфузит эта просьба: ну и мастер же Ильяс разводить телячьи нежности.

— Встретим — скажем, — бормочет Гучипс. И вдруг решительно добавляет: — Ты ни о чем не беспокойся, добивайся правды и поскорее приезжай.

Они жмут друг другу руки.

Ильяс оглядывается. Нужно, помнится, пройти прямо по улице, потом повернуть направо. Верно, вот и исполком.

Человек в буденовке и черкеске, с забинтованной ногой, опирающийся на костыль, вызывает сочувствие у дежурного милиционера. Он рассказывает, как найти горскую секцию, сообщает, что совсем недавно видел Зачерия. Стараясь поменьше шуметь, Ильяс направляется по длинному широкому коридору к нужной двери. Шагах в пяти от нее останавливается. Прислонившись к стене, соображает, что сказать Зачерию. Все же хорошо, что придется объясняться с адыгом, да еще с таким, который побывал у них в ауле, знает Максима. Вдруг дверь от-

крывается, и в коридор выходит сам Зачерий. Он чем-то озабочен, проходит мимо Ильяса, не замечая его.

«А вдруг он сейчас уйдет?» — приходит на ум Ильясу. Эта мысль пугает его, он неожиданно громко произносит:

— Зачерий!

Зачерий на ходу оборачивается. Узнав Ильяса, радостно улыбается, поворачивает к нему.

— Вот кого не ожидал увидеть. Ты ведь Ильяс?

— Ильяс. Я за помощью к тебе. Или к Максиму.

Зачерий хмурится.

— Максим в Хакурин уехал, вернется нескоро. Твое счастье, что не успел в комнату войти и меня встретил — там сидит Салех, требует твоего ареста. Но я прежде всего — адыг, можешь на меня полностью положиться.

Ильяс в нерешительности опирается на палку. Как он не подумал, что именно здесь может столкнуться со своим врагом? И тогда уж наверняка пропал бы. Кто его здесь знает?

— Нельзя терять времени. — Зачерий берет Ильяса под руку. — Обопрись на меня, не шуми. Милиционер видел тебя? Плохо. Тогда пойдем во двор.

Он доводит Ильяса до конца коридора, проходит с ним направо, там небольшая дверь.

— Давай сюда, не робей, — улыбается Зачерий. — Теперь все обойдется, опасность позади.

Помедлив, Ильяс вышел. Задержался он не из робости. Мелькнула мысль — не лучше ли сейчас, здесь же, встретиться с Салехом, тут же все и выяснить — что будет, то будет... Да, виноват, побил. Но бил не зря — за такие слова под горячую руку и пристрелить можно, пусть начальники рассудят. Но Зачерий уже во дворе. Ильяс с трудом догоняет его.

Зачерий завел Ильяса за конюшню, потом переговорил с конюхом, взял у него ключ. Они двинулись в глубину двора, к флигельку.

— Здесь конюх живет, сиди, жди меня. Запрись, никому не отворяй, конюх до вечера будет занят. И не вешай нос, Ильяс, что-нибудь придумаем. Отделал ты Салеха здорово, он рубаху снимал, спину показывал. — Зачерий расхохотался. — Тяжелая у тебя рука, вот уж не думал... — С этими словами он ушел — улыбающийся, доброжелательный, уверенный в благополучном исходе.

Ильяс вошел в переднюю, задвинул засов, прошел в комнату. Стол, солдатская койка, два стула — вот и вся мебель. Окно во двор. Пристроился на стуле у окна, сквозь тюлевую занавеску видел все, что происходило во дворе.

Незнакомые люди проходили к конюшне, выводили лошадей, выезжали за ворота. Иные въезжали на пролетках, забрызганных грязью. Верховой ворвался во двор на полном карьере, еще на ходу соскочил с коня и бросился в здание. Какую тревожную весть привез он? Медленно въехала подвода, покрытая брезентом, за ней — несколько всадников. Спешившись, они сняли брезент, и Ильяс содрогнулся — на подводе лежали трупы. Покойников перегрузили на закрытую фуру и вывезли за ворота. «Бандиты, наверное, напали», — подумал Ильяс.

Горестные раздумья не давали Ильясу сосредоточиться на том, что происходило во дворе, и все же за несколько часов он многое увидел. «Наверное, таких салехов немало, — вдруг подумал он. — Да и алхасов столько, сколько лесных чащоб. Попробуй управься с ними, разберись, кто прав, кто виноват. А каков же выход?» За два года в кавалерийском эскадроне Ильяс научился рубить с маху, без осечки, научился не только говорить по-русски, но и читать, и даже немного писать. Он узнал: вождь революции — Ленин. Вождь конников — Семен Буденный. Вождь адыгов, черкесов — Мос Шовгенов. Портрет Ленина он видел: лоб большой, взгляд твердый. И декреты пишет самые необходимые. Семена Буденного не раз слушать приходилось. Ильясу казалось, что командарм — точно такой человек, как он. Если бы Ильяса вдруг вывели на трибуну и велели держать речь, он бы, наверное, говорил то же самое, что говорил Буденный. Но Буденный ворочает большими делами, ему в их аульные распри впутываться некогда. На то имелся Мос Шовгенов. Уж он-то знал цену земле, понимал горца с полуслова. Белые растерзали Моса. Говорят, случилось это в ауле Хакуринохабль. Кого ни расспрашивал Ильяс, все об этом по-разному рассказывали. Чувствовал — по-разному говорят о гибели Моса не случайно: кто-то пытается правду скрыть, упрятать концы в воду. Да, был бы жив Мос, не пришлось бы Ильясу сидеть здесь в страхе перед всякой контрой. Таких, как Салех, Мос бы и близко к Совету не подпустил. Он говорил: кто был ничем, тот станет всем. А кто был всем, конечно

же, станет ничем. А Салех хотя и был крупной шишкой, богатеем из богатеев, а вон гляди — снова выскочил.

Но Моса нет, а жить надо. Что ж, может Зачерий выручит.

А вот и сам Зачерий идет. Улыбка во все лицо — наверное, уладил дело. Или Максим приехал? Но может ли Максим помочь, не будет ли вмешательство русского истолковано так, будто Салех все же прав? Многие адыги до сих пор считают русских врагами. «Сами разберемся в своих делах», — говорят они.

Зачерий на полпути замечает прилипшего к оконному стеклу Ильяса и зовет его взмахом руки. Взмах этот тоже какой-то особенный, уверенный, даже веселый. Видимо, все улажено. Как же он доберется до аула? Придется на рынке искать попутчиков.

— Пошли, для начала пообедаем, — предлагает Зачерий, все так же улыбаясь. — Ну и насолил же ты, черт побери, этому Салеху. Как ни уламывал, он знать ничего не хочет. Судить, говорит, и все!

Они вышли за ворота.

— Я, понимаешь ли, в командировку должен срочно ехать, а тебе бы лучше с недельку не появляться в Адыгехабле. Салех добился своего — в аул направляют комиссию. Время военное, за нападение на представителя Советской власти, не разобравшись, сгоряча и шлепнуть могут, так что тебе лучше переждать. А потом, глядишь, Максим вернется, он поручится за тебя, я голос подам, Рамазана уговорим заступиться, все вместе к Полуяну отправимся, разгоним тучи.

Ильяс привык полностью доверять своим начальникам, слова Зачерия принял как окончательное решение. «Что ж, переждем, — решил он, — а тем временем и нога поправится».

В каком-то тихом переулке Зачерий остановился у невысокого здания, огражденного высоким забором. Две ступеньки вели к нише, в которой пряталась резная дверь. Зачерий коснулся черной кнопки — и Ильяс услышал за дверью дребезжание звонка.

Дверь отворилась, и их пропустили в полутемную переднюю.

— Вот и мы с Ильясом, — проговорил Зачерий.

— Кебляг! — ответил хозяин, и на его немолодом лице мелькнуло подобие улыбки. — Заходите, я сейчас к вам подойду.

Зачерий провел Ильяса в большую комнату, посреди которой стоял овальный стол, покрытый бархатной скатертью. У одной стены — книжный шкаф, с полок которого выглядывали золотые корешки переплетов, у другой — диван, вокруг стола множество одинаковых кресел. Усадив на одно из них Ильяса, Зачерий что-то буркнул себе под нос и вышел.

«Богатые у Зачерия друзья, — подумал Ильяс. Такие кресла ему довелось однажды видеть в доме ростовского губернатора. Дом этот он очищал от деникинцев. — Князь, наверное. Что мне тут делать? Отправлюсь-ка лучше в аул, спрячусь где-нибудь».

Вошли Зачерий и хозяин, оказавшийся высоким, худым, очень смуглым человеком с резкими чертами лица и тяжелым взглядом.

— Что посоветуем земляку, Сулейман? — проговорил Зачерий.

— Прежде всего, — ответил хозяин, — нужно позаботиться о его желудке. Он, наверное, последний раз ел еще до встречи с Салехом? — Доброжелательный тон незнакомца никак не вязался с его суровым обликом и потому мог показаться неискренним. Но Ильяс не придал этому значения. Он лишь отметил, что Сулейман в курсе его дел, и обрадовался: не придется объяснять, что и как. — Прошу за стол! Зачерий, веди гостя в столовую.

Столовой оказалась соседняя комната, тоже большая, но обставленная поскромнее — кроме стола и венских стульев тут ничего не было. На столе — блюдо с ароматным шашлыком, кувшин, бокалы, тарелки. На большом подносе дымились лепешки. Вошел Сулейман, неся тарелку со свежими помидорами и огурцами.

— Где такие красивые вырастил? — не выдержал Ильяс. — У нас в ауле помидоры еще зеленые.

— Кушай, не жди напоминаний. — Хозяин едва заметно улыбнулся, наполняя бокалы бахсмой. — За счастье адыгейского народа!

Ильяс осушил бокал и принялся за еду. Он никак не мог насытиться. Вкусная пища, казалось, не утоляла, а лишь возбуждала аппетит. Хозяин не уставал наполнять его бокал. И вскоре житейские невзгоды показались Ильясу не такими уж страшными. Откинувшись на спинку стула, он неожиданно для себя засмеялся.

— Что же мы посоветуем земляку, Сулейман? — повторил свой вопрос Зачерий.

Ильяс с любопытством уставился на хозяина: что может предложить этот богатей? И почему Зачерий с ним советуется?

— Сейчас лучше подумать о его здоровье, — ответил Сулейман. — Человек без ноги — это не человек, а рот. Пошли...

Ильяс попытался было опереться на подаренную Гучипсом палку, но оказалось, что за время обеда он потерял устойчивость и чуть было не растянулся поперек комнаты. К счастью, Сулейман подхватил его под локоть и в другой комнате усадил на стул, подставив под раненую ногу табуретку.

— Сиди, — сказал он. — Пойду за доктором.

Ильясу даже неловко стало — черт побери, один неосторожный шаг, и сколько людей должно теперь отрываться от дел, хлопотать вокруг него. Э, будь что будет, он сегодня же уедет в аул. Решение это успокоило его. Откинувшись на спинку стула, он застыл в полудреме. Переполненный желудок одурманивал мозг.

— Ну-ка, молодой человек, — услышал над собой Ильяс, — вынужден вас потревожить.

Врач оказался человеком не старым, суетливым и разговорчивым. Он обращался то к Ильясу, то к хозяину, доставал какие-то инструменты, раскрывал пузырьки, нюхал их содержимое, зажег спиртовку, поставил на нее металлический, плотно прикрытый крышкой сосуд.

— Старые раны, как оскорбленные женщины, могут напомнить о себе в самый неподходящий момент. Вы потерпите немного? — наклонился он над Ильясом. — А впрочем, стоит ли спрашивать, такой вопрос может лишь обидеть черкеса. Отвернитесь, молодой человек, начинаю...

Ильяс закрыл глаза. Он услышал треск, будто рвали на части брезент, почувствовал тупую боль. Подошел Сулейман, опустил руки Ильясу на плечи — тяжелые руки горца, привыкшего повелевать.

Доктор копошился, пыхтел, позвякивали какие-то инструменты. Потом Ильяс почувствовал резкий запах, с которым он сталкивался в госпиталях, — запах йода. Зашелестели бинты.

— Ну-с, молодой человек, — объявил врач, — ноге нужен полный покой. С недельку хотя бы. А там видно будет.

Сулейман вышел с врачом, в комнату вошел Зачерий.

— Видик у тебя, — засмеялся он. — Впрочем, чего и ждать, я и глядеть-то не могу, когда режут по живому. Что же мы, однако, посоветуем нашему дорогому гостю, Сулейман? — обратился Зачерий к возвратившемуся хозяину.

Сулейман уселся на стул, заложил нога за ногу, уставился на Ильяса. Складки на его лице стали еще жестче. Он застучал подошвой сапога об пол, словно работал на телеграфном ключе: точка-тире-точка-тире, точка-тире, тире-точка-точка, тире-точка-тире-тире, тире-тире-точка. Знай Ильяс морзянку, он бы немало подивился — Сулейман выстукивал: я адыг, я адыг... Но вот передача в никуда оборвалась.

— Все зависит от самого Ильяса, — угрюмо, словно тяготясь необходимостью впутываться в чужие дела, проговорил он. — Хочет он жить или нет? Верит он Советской власти или нет?

Странные вопросы, возмущался в душе Ильяс. Кто же не хочет жить? Схвати воробья — и он будет трепыхаться в твоей руке, пока сердечко не лопнет. Ну а Советской власти он, конечно, верит — кое-где уже раздали землю бедноте. И Буденный о земле говорил. Ленинский декрет, говорил он, выполним! И даже саблей взмахнул. Ильяс понял это так — выполним, чего бы ни стоило!

Слушая сбивчивый ответ Ильяса, Зачерий и Сулейман переглянулись. Но если с лица Зачерия не сходила веселая улыбка, Сулейман все больше и больше мрачнел. После продолжительной паузы он сказал:

— Советская власть, дорогой мой Ильяс, власть, конечно, справедливая. Верно ведь? И врагов у нее много. Верно? Что же получится, если она будет прощать того, кто нападает на ее представителей? Одного простят, другого... А враги Советской власти не дремлют, только и ждут послабления. И власть, хочешь не хочешь, вынуждена быть жестокой. Понял?

Ильяс ничего не понимал. Ну конечно, власть должна быть жестокой с врагами, но ведь враг-то не он, а Салех.

Хозяин вскинул на него глаза, видимо чем-то удивленный.

— Узнаю настоящего адыга, — вздохнул он. — Наивное дитя! Доверчивое, правдивое, неспособное на вероломство и не ожидающее подвоха от других. О аллах, не суди его слишком строго.

Сулейман прошелся по комнате, молвил:

— Вижу, тебе нужно объяснять все прямо. Слушай же. В аул выезжает комиссия, чтобы разобраться с тобой. Ее задача — наказать виновника нападения на председателя Совета. Долго разбираться не станут. Бил? Бил. К стенке, дружок. Если ты доверяешь Советской власти, возвращайся в аул. Может, и разберутся. А не разберутся, то погибнешь как герой.

Хмель мигом выветрился из головы Ильяса. Обессиленный операцией, загнанный в тупик безвыходными, как ему казалось, обстоятельствами, он в этот миг не был способен рассуждать здраво.

— Да, — пробормотал он, — может и такое случиться.

— Уже и раскис, — вмешался в разговор Зачерий. — Ты же боец, адыг! Когда адыгу грозит незаслуженная кара, он уходит в горы, становится абреком. Такого народ уважает. А тебе и в горы идти незачем, — поспешно добавил он, поймав удивленный взгляд Ильяса. — Попросим Сулеймана, он отправит тебя в дальний аул. Поживешь, подлечишься, а там, глядишь, приедет Максим. Вместе мы и уладим дело по-хорошему. А теперь прощай, очень тороплюсь.

У Ильяса отлегло от сердца — оказаться рядом с Максимом — о большем он и мечтать не мог.

Вместе с Зачерием вышел и Сулейман. Возвратился, держа в руках костыли. Ильяс примерил их, прошелся по комнате, заулыбался.

— Спасибо, — сказал от души. — Приезжай ко мне, гостем будешь.

— А не откажешься от этих слов? — вдруг как-то вызывающе, откинув голову и глядя прямо в глаза Ильясу, спросил Сулейман. Глаза его, казавшиеся Ильясу черными, оказались карими.

— Зачем обижаешь? — покраснел Ильяс. — Что я, не адыг?

— Не горячись! А то еще, как Салеха, костылем измочалишь, — все так же вызывающе, без тени шутки оборвал его хозяин. — Адыги теперь разные, иной за одного русского десять своих продаст. Ладно, вояка, пора тебе отдохнуть, пойдем.

Чистенькая комнатка, на кушетке простыня, подушка, одеяло. Усталость смертельная. Ильясу кажется: прикоснется к постели — и провалится в небытие. Но вот Ильяс удобно улегся, закрыл глаза. А сон не идет. Кто-то словно бы спрашивает: куда собрался, Ильяс? А Да-

рихан с детьми как же? Не пристало буденновцу скрываться в чужих аулах. Суд? Пускай судят! На суде потребует, чтобы спросили о нем аульскую бедноту, Максима, буденновцев. Решение окрыляет, сна как не бывало, тело наполняется молодой силой. «Домой!» Он поднимается, открывает двери, громко зовет Сулеймана. Тот мгновенно появляется.

— Что случилось? — В голосе ирония.

— Не поеду в горы! — сообщает Ильяс. — Не заяц я, чтобы без толку носиться. Решил домой возвращаться.

— Не сомневался, что додумаешься до этого, — невозмутимо произносит Сулейман. — Поступай как находишь нужным, у человека одна жизнь, и он ей сам хозяин.

— Утром пойду на рынок, поищу попутчиков...

— А вот это уже глупость, — возражает Сулейман.— Нога твоя требует покоя. В Адыгехабль отправить тебя проще, чем в горы. Отдыхай, набирайся сил, утром подвернется какая-нибудь оказия.

Ильяс возвратился в спаленку, улегся и тотчас заснул. Разбудил его голос Сулеймана:

— Если не передумал, собирайся, есть попутная подвода.

За окном темно. Ночь это или раннее утро? Сколько он спал? Впрочем, сейчас не до вопросов. Входят какие-то люди, помогают ему выйти, подсаживают на повозку. Сулейман подает костыли.

— С ними до развилки доедешь, а оттуда пешком доберешься.

— Спасибо! Приезжай, большим гостем будешь.

Сулейман молча глядит вслед удаляющейся повозке.

При выезде из города Ильяс решает познакомиться со своими спутниками. Все трое в бурках, лиц не видно.

— Вы из какого аула?

Ни один на его реплику не откликнулся. «Глухие, что ли?» — обиделся Ильяс и умолк. Устроился поудобнее в задке повозки, устремил взгляд вверх. Скоро рассвет. Если лошади и дальше будут бежать так же резво, они к утру доберутся до развилки.

Поля покрываются серой пленкой, отчетливее проступают межи. Алеет восток. Повозка с булыжной мостовой съезжает на мягкую обочину. Под мерный скрип колес Ильяс засыпает. Просыпается от разговора. У подводы — группа всадников. Среди них он узнает паренька, кото-

рый едва не прикончил его во время нападения банды Алхаса на аул. Ильяс инстинктивно прикрывает лицо рукой. «Узнает или нет?» — бьется тревожная мысль.

Узнал. Шумаф улыбается Ильясу, как доброму знакомому.

— Куда путь держишь, Ильяс? — спрашивает он. — Вай, что у тебя с ногой? На костылях ходить стал? В больнице был?

Ильяс молчит.

— Ты не соскучился по Алхасу? — продолжает между тем Шумаф. — А он каждый день о тебе вспоминает, от тоски сердце его на части рвется. Надо проведать его. Заодно и отдохнешь. В пути, наверное, растрясло.

Шумаф спешивается, достает из кармана обрывок веревки и связывает Ильясу руки. Обшарив, отбирает наган.

— Извини, — ухмыляется Шумаф. — Ты ведь шалить любишь. Сворачивай! — приказал ездовому. — Вздумает кричать — заткни глотку. Бить — ни-ни, Алхас узнает — порешит.

Шумаф и остальные всадники, свернув с дороги, скачут через степь к чернеющему вдали лесу. Подвода, перекатываясь на ухабах, загромыхала за ними.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ибрагим начинает терять терпение. Но главный пункт в инструкции гласил: договориться о встрече на любых условиях. И он терпеливо втолковывает:

— Пойми ты, человек, речь идет и о твоей выгоде.

Человек, о выгоде которого так заботится Ибрагим, в упор разглядывает собеседника немного выпученными карими глазами. Под носом, похожим на переспелую грушу, топорщатся лохматые усы, прошитые неровными белыми строчками.

— Я сказал все. Не поеду! Разговор окончен.

Красивое лицо Ибрагима покрывается багровыми пятнами. Черт побери этого Алхаса! Будь его воля, он бы давно плюнул в глаза этому вонючему борову. Но Алхас в планах Улагая занимает видное место, и он обязан переиграть атамана.

— Тебя что, блохи заели? — зло осведомляется Ибрагим.

— Какие блохи? — удивляется Алхас.

— А если не заели, то не вскакивай. Говори свои условия.

Алхас давно понял: к нему явился тот самый человек, который разъезжает с Улагаем. Слухи о полковнике, рыскающем по аулам, давно дошли до Алхаса — ему известно все, что творится в «его» зоне. Верный правилу ни при каких обстоятельствах ни с кем не связываться, ни на кого не работать, он категорически отказывается от встречи с «хаджи», как именует Улагая Ибрагим.

— У меня только одно условие: оставь меня в покое. Я разрешаю тебе уйти из леса, мои люди тебя не тронут.

Кровь приливает к глазам Ибрагима, он на секунду теряет зрение. Хлопнуть его, что ли? Впрочем, это не так просто.

— Послушай, Алхас, — глубоко вздохнув, произносит он. — Дело серьезнее, чем ты думаешь. Увильнуть тебе не удастся. Такой человек, как хаджи, не отступит. Скоро все изменится. Ты адыг, ты должен думать не только о себе, но и обо всем народе.

— Это значит — о князьях? — Алхас щурится, нос его краснеет еще больше. — Смех мне с вами, господами, один смех. У каждого князя для меня приготовлена намыленная веревка.

— Времена меняются, — замечает Ибрагим. — Князьям есть теперь кого вешать и без тебя.

— Да, — соглашается Алхас, — до меня очередь не скоро дойдет. Но дойдет, они меня не позабудут. — Он доволен своей репликой.

— Назначь место и поговори с хаджи, Алхас, тебя от этого не убудет. А выиграть можешь много, очень много. — Оглянувшись, словно проверяя, нет ли кого кроме них в комнате, Ибрагим шепчет: — Скоро шумно тут станет, много крови прольется. Но хаджи помнит своих друзей, учти это, Алхас, править нашей страной будет он. Но запомнит хаджи и врагов и с ними будет беспощаден.

Да, времена меняются, можно оказаться между молотом и наковальней. Алхас тяжело ходит по комнате, взвешивает... Ибрагим рассеянно глядит на него. Собственные слова о том, что хаджи помнит своих друзей, совсем некстати вызвали воспоминание об Астре. Он явственно слышит, как всхрапывает конь, как, задохнувшись от перенапряжения, отчаянно дергает головой. Тревожное ржание, и голова лошади скрывается в черной пучине. Рука

Ибрагима дрожит, будто повод вырвался из нее только что...

Алхас тяжело ходит по комнате. «За»... «Против»... Его авторитет в банде до сих пор непоколебим. Но... многие хорошо знают Улагая, сражались под его командованием против красных. Стоит Улагаю обратиться непосредственно к ним, и дело может принять нежелательный оборот. Не будь здесь коренных врагов Советской власти, Алхас наверняка ограничился бы грабежами. Гуляй, душа. Какое ему дело до того, кто в ауле владеет землей. Будь они все прокляты. Но его Чоху, его Ерофеичу, всей его своре это очень не все равно, и поэтому они втягивают Алхаса в политику. И Нуха со счета не сбросишь. Мужественный был человек, только плохой дипломат. Кто знает, как поступил бы Алхас, если бы Нух нашел к нему дорожку, тогда у него еще было два пути. Внезапным взмахом клинка он сам отсек второй путь. Выходит, что и спорить-то не о чем. Раз так, речь пойдет о цене.

— Скажи Улагаю, пусть приезжает. Могу выделить проводника. К нему не поеду.

Включается в торг и Ибрагим.

— Не бойся, уедешь живым, хаджи — человек слова.

Алхас свирепеет, лицо его становится сине-багровым, глаза наливаются кровью.

— Дурак! — хрипит он. — Не понимаешь, что все вы в моих руках.

Ибрагим самодовольно улыбается: этого он и добивался — вывести атамана из себя, что, говорили ему, совсем не просто.

— Есть хорошее местечко — роща неподалеку от перекрестка дорог. Выбирай — днем или ночью, хаджи все равно.

— И мне все равно, — раздраженно бросает Алхас. — Днем, конечно, ночью спать надо.

Время назначено. Ибрагим покидает дом лесника. Алхас провожает его. Кажется, в лесу ни души. Июльский зной сморил бандитов, они укрылись в землянках и ямах, ловко замаскированных дерном. Иной человек пройдет по лесу из конца в конец и не заметит ничего, кроме работящих дятлов. Но наметанный глаз Ибрагима засекает разные мелочи, которые выдают присутствие людей: окурки в траве, десятки едва заметных тропок, разбегающихся во все стороны от дома лесника.

В повозке Ибрагима подремывает Абдулах. Услышав

голоса, он поднимается, обматывает шарфом шею до самого рта. «Бедный старик захворал, везем в больницу». Или из больницы — в зависимости от дороги, на которой встретится патруль. На этот случай у Ибрагима и документик припасен, согласно которому он является фельдшером. Но патрули встречаются редко. Повозка с брезентовым верхом беспрепятственно следует из аула в аул. И сейчас никто не чинит препятствий вороной упряжке. Сытые кони, натренированные на перевозке трехдюймовых орудий, строевой рысью несут к Улагаю доброго вестника. Вечером повозка подъезжает к аулу. Ибрагим, любящий пофорсить, на этот раз скромно минует главную улицу и подкатывает к воротам так, словно возвращается с поля после тяжких трудов. Абдулаха в повозке уже нет — старик свое дело сделал.

Улагай выслушивает Ибрагима, нетерпеливо помахивая носком начищенного до блеска сапога. На его надменной физиономии проступает легкий румянец: полковник доволен.

— Подготовься, — говорит он Ибрагиму, — после переговоров сменим стоянку. Пока буду у Алхаса, заедешь в Адыгехабль.

Улагай меняет свое местопребывание часто. В аул приезжает под видом гостя муллы, правоверного, а долго гостить в такое время не принято. Очередной аул уже намечен. Знатного хаджи ждут. Мулла даже поделился своей радостью с соседями: со дня на день ждет родственника из Кабарды. Славный старик, как раз накануне войны совершил хадж в Мекку. Вполне может статься, что кто-либо из соседей в молчаливом хаджи узнает вдруг Кучука Улагая, но и виду не подаст: с таким «праведником» шутки плохи.

Улагай почти не прибегал к маскировке. Ему нравилось иной раз пощекотать собственные нервы. Выйдет перед ужином на аульскую улицу и не спеша пройдется из конца в конец. Прохожий, поздоровавшись с незнакомым хаджи, вдруг остановится, словно наткнувшись на невидимую стену, и тут же ускорит шаг, стараясь придать лицу выражение полного безразличия.

Полковник в таких случаях пытается определить — напугало встречного это открытие или обрадовало? Правда, по первой реакции, тем более у адыга, этого не узнаешь, но все же ему кажется, будто большинство попросту удивлено. Впрочем, сейчас не до отвлеченных рассуждений. Улагая тревожит встреча с Алхасом. Ему необходи-

мо подчинить себе эту банду не потому, что она является серьезной боевой единицей. Сотня-другая сабель решающего значения иметь не будет, хотя и на дороге не валяется. Но на Алхаса держат равнение главари десятков мелких банд, а все вместе — это уже сила. Не подчинится Алхас — не добьешься повиновения и этой мелюзги. Задача Улагая — поднять в адыгейских аулах контрреволюционное восстание в момент наступления Врангеля на Кубань. Полковник понимает — начать бунт нетрудно. Но руками нескольких головорезов власть в аулах не удержишь. Судьбу восстания решит народ, без его поддержки восставшие окажутся в положении всадника, вскочившего вместо лошади на дикого кабана. Главное в подготовке к восстанию — поссорить народ с новой властью.

Ничего замысловатого в этом плане нет, но осуществить его без вооруженной поддержки невозможно. И потому первый пункт плана — создание десятка крупных банд. Одна есть — алхасовская. Другие, мелкие, станут ядрами будущих крупных соединений. Банды будут переименованы в повстанческие отряды. Опираясь на них, Улагай добьется того, что во многих аулах, особенно отдаленных, советские законы выполняться не будут. Если взяться с умом, тонко, то можно сделать так, что завопят даже те, кто еще вчера поддерживал революцию. Наиболее строптивые начнут жаловаться. Куда? Кому? В горскую секцию Екатеринодарского исполкома. Почистить ее, посадить там верных людей, войти в контакт с адыгейской интеллигенцией — значит оградить адыгов от воздействия новой власти.

«Счастье, — думает Улагай, — что Зачерию удалось проникнуть в секцию. Зачерий — это лодка, снующая меж враждебных берегов. Пяток таких помощников — и адыги перестанут искать правды в городе».

Переговоры с Алхасом — важная часть операции по созданию вооруженных сил и взрыву коммуникаций между красными и адыгами. Бело-зеленые должны доказать, что новая власть — фикция. Улагай скрупулезно продумал план беседы, даже сделал наброски на листке: «27 июля 1920 года. Встреча с А. Спокойствие. Придется подать ему руку».

Крытая повозка плывет по пыльной дороге. Улагай удобно устроился в задке — он лежит в пахучем гнезде из сена. В изголовье мешок с каким-то никому не нужным тряпьем. Если мешок чуть-чуть повернуть, из-под

него выглянет ствол ручного пулемета. Короткая остановка, и — тра-та-та. Впрочем, можно косить и на ходу. Свобода есть свобода, и Улагай так просто с ней расставаться не собирается, смерть лучше, чем плен. Он не сомневается: обращаться с ним будут так, что сам на себя руки наложишь.

На перекрестке дорог повозка останавливается, седоки выскакивают поразмяться. Ибрагим подходит к пастуху в черной бурке, который неподвижно, словно памятник, стоит на бугре, опершись о герлыгу. Они перебрасываются короткими фразами, и повозка мчится дальше. На опушке леса еще одна встреча. Человек не то пасет, не то куда-то гонит корову. Ибрагим едва не наскакивает на него.

— Можете не задерживаться, все в порядке, — шепчет незнакомец.

— Пойди к мулле, предупреди: сегодня ночью состоится встреча, там, где условились.

Улагай из глубины повозки внимательно оглядывает лесную опушку. Ничего подозрительного. Торопиться незачем, по лесу кони идут шагом.

— Ибрагим! — Улагай соскакивает на упругий ковер из дерна. — Веди его сюда, — приказывает он.

Повозка проскакивает вперед. Улагай достает из заднего кармана галифе крошечный браунинг, досылает патрон и прячет оружие за борт просторной черкески из дорогого синего шевиота. Чуть что — приложи руку к сердцу в знак уважения и пали без промаха.

Улагай с удовольствием расхаживает по дерну — разминка необходима: десять шагов вперед, десять — назад... Десять вперед... Стоп, у самой ноги — муравейник. Тысячи маленьких существ снуют взад и вперед. Одни тащат ко входу всякую всячину, другие разыскивают что-то. А ну, как это получится? Каблуком сапога он закрывает едва заметный вход. Муравьи начинают вертеться вокруг каблука.

— Ну-ка, попрыгайте...

Один муравьишка, словно смекнув в чем дело, подлезает под каблук — очевидно, какой-то проход остался. Улагай поднимает каблук. О, как они обрадовались. Не очень спешите, трудяги, каблук полковника опускается на прежнее место, с силой вдавливается в землю. Носок приподнимается. Вправо-влево, вправо-влево... Поищите-ка теперь вход, голубчики. Он снова расхаживает по поляне. Ему мерещатся люди с красными звездами на

шлемах. Губы его плотно сжаты, подбородок выдается вперед. Вот так бы их, этих, в шлемах... Всех бы до единого. Скорей бы. Уж пусть не жалуются, когда придет его час, их спор может разрешить только пуля. Или петля.

На тропинке появляется повозка с Ибрагимом, за ней цугом — несколько всадников. Первый спешивается и подходит к Улагаю. Секунду они смотрят друг на друга. Улагай невозмутим, даже чуть-чуть приветлив, но в душе его клокочет негодование: Алхас — типичный пропойца. Грушевидный нос, как кусочек географической карты, изображающей Гималаи, — темно-коричневая масса с кровавыми прожилками, синюшные щеки... Преодолев чувство брезгливости, Улагай протягивает Алхасу руку.

— Салам, хаджи, — добродушно улыбается Алхас.

Атаман доволен — колебания князя понятны ему. Протянутая рука — знак временного признания. Он немало слышал об Улагае, но все же полагал, что встретит его в окружении большой свиты. Ну хоть с полдюжины человек. А он — один. Такой слопает и не подавится. Надо быть настороже, и, конечно, побольше самостоятельности. Никаких уступок!

— Присядем? — Улагай указал на поросшее мхом бревно. — Я давно хотел с тобой познакомиться.

Алхас воспринимает эти слова весьма своеобразно: он хохочет, показывая крупные, как ногти, желтые зубы. Смех его прокатывается по лесу, словно дальний гром.

— Что с тобой? — не выдерживает Улагай.

— Слышал я, что именно тебе поручали в тысяча девятьсот шестнадцатом году поймать меня. И еще собирался я с тобой познакомиться, когда ты гостил у князя Пшизова, мы тогда случайно разминулись.

— Я имею в виду не прошлое, а настоящее, — холодно замечает Улагай. — Тогда было одно, теперь другое. Время все изменило. Теперь мы равны, и у нас одинаковые обязанности перед народом.

— Мы равны только наполовину, — уточняет Алхас.

— Почему наполовину?

— Ты — пши, я — пшитль [1]. Разве ты забыл об этом?

Улагай чувствует, что инициативой овладел Алхас и разговор принимает весьма нежелательное направление.

[1] Пши — князь, пшитль — крепостной, буквально — «человек, который принадлежит князю».

— Э, забудь ты об этом, — досадливо морщится он. — Я уже говорил, да ты и без меня знаешь: сейчас другое время. Есть у тебя какие-то мечты? Что ты больше всего любишь?

— Больше всего люблю хорошо пожрать. И выпить. И поспать с бабой. И чтобы баба была толстозадая... — Алхас в упор смотрит на Улагая: как-то князь проглотит эту пилюлю?

— В таком случае мы еще ближе, чем ты думаешь, — снисходительно улыбается Улагай. — У нас много общего. Если бы ты согласился быть моим гостем, я бы мог доказать тебе, что недостатки очень часто сближают людей куда больше, чем достоинства.

Что-то мудреное. Алхас не привык утруждать себя разбором таких сложных предложений. Но все же кое-что понял.

— Но пока тебе некуда меня приглашать... Понимаю, князь. Ну что ж, поехали ко мне, за столом обо всем договоримся.

Секундная, едва заметная пауза. «Не ловушка ли?» — соображает Улагай. И тут же отбрасывает это предположение. Нет, он ничем не рискует, зато увидеть может многое.

— Согласен! — Улагай поднялся. — Но условие: поеду к тебе один. Ибрагим отправится по делам, а потом заедет за мной.

Алхас бросает на князя взгляд, полный уважения. Простой человек, он путает смелость с холодным расчетом.

— Эй, Аюб!

К ним подлетает юный всадник. Он таращит глаза на человека, имя которого ему известно с детства: вот он какой, Улагай!

— Поедешь с Ибрагимом на повозке. Выполняй его приказания.

Улагай вскакивает в седло. По лесу Алхас следует за ним. На опушке они останавливаются. Весь путь ехали не спеша, мирно беседуя.

— Вообще-то, с князьями мне не по пути, — признался Алхас. — Но ты мне нравишься. Рад, что наши дороги тогда не сошлись. Поговорим о деле. Что ты хочешь получить? Зачем я тебе?

— Я хочу, чтобы ты выполнял мои задания. Главное — нарушить связь аулов с городом, парализовать Советскую власть в аулах.

— Понятно. — Алхас придержал коня. — Если бедняк успеет получить землю, тебе тут делать нечего будет.

— Это еще как сказать, — нахмурился Улагай. Он возлагал большие надежды на национальные и религиозные чувства адыгов.

— Ладно, — махнул рукой Алхас. — Что будет со мной после победы? Смогу я спокойно дожить свой век?

— В почете будешь, — заверил его Улагай. — Служба своему народу в решающий час искупает все прошлые грехи. Как глава адыгейского государства я буду ориентироваться на Запад. Да, да. В правой руке кнут, в левой — пряник.

— Не заглядывай так далеко, Кучук, — заметил по простоте своей Алхас. — Когда дело дойдет до дележки, тебя могут и оттеснить — многие любят загребать жар чужими руками.

Улагай замолк. Ему показалось странным, даже зловещим, что бандит, с которым он связался только в силу безвыходных обстоятельств, которого надеялся использовать именно для загребания жара под свою сковородку, высказал мысли, неотступно тревожившие его самого. Что сейчас делает Султан-Гирей?

Задумался и Алхас. Действительно, служба народу в решающий час искупает прошлые грехи. Скрутить сейчас Улагая, доставить вместе с Ибрагимом в ЧК, разоружить белогвардейцев... Но тут перед глазами мелькнуло полное презрения лицо Нуха. В ушах зазвучали его укоризненные слова: «У нас один язык, и мы поймем друг друга». Зачем он пустил в ход клинок? Не лучше ли было договориться с Советской властью? Э, что после драки гадать. Уж теперь-то наверняка поздно, Нуха ему не простят.

А тем временем повозка с Ибрагимом и Аюбом не спеша двигается вперед. Ибрагим блаженствует, развалившись в сене.

— Ты, желторотый, — лениво позвал Ибрагим.

Аюб слегка повернул голову.

— Не обижайся, друг, — примирительно добавил Ибрагим. — Я тоже был желторотым, когда впервые взял в руки винтовку. А теперь кое-что узнал. Даже больше, чем кое-что.

Повозка добирается до развилки. Не получив никаких указаний, Аюб сворачивает влево.

— Нет чутья, желторотый, — протянул Ибрагим. — Направо.

— Направо — Адыгехабль. — В голосе Аюба Ибрагим различает новые оттенки. Пожалуй, это уже не любопытство, а радость. Значит, парень из этого аула. Ибрагим бывал там не раз, знаком со всеми богатеями, их сыновьями. А этого не знает.

— Кто твой отец? — осведомляется Ибрагим.

— Нурбий, — с некоторым удивлением произносит Аюб. — Ты что, знаешь его?

Вот простота. Черт их, всех этих нурбиев, запомнит.

— Сколько земли?

— Удобной пять десятин и десятина всякой ерунды.

Ибрагиму не ясно, что этому парню нужно в банде. Дезертир? Аюб отрицательно мотает головой — его не вызывали.

— Желторотый! — выносит окончательный приговор Ибрагим. — Каким же ветром занесло тебя к Алхасу?

Каким ветром?

Аюб не знает, что ответить этому дотошному человеку. Биба говорила ему — не туда пошел... А вышло так. Ночью прибежал его друг Карох, вызвал во двор и что-то нашептал на ухо. Спросонья Аюб понял только одно: идем со мной, жизнь будет, какая другим и не снилась. Аюб заколебался было. «Эх ты, трус, — выругался Карох, — товарища в беде покидаешь». Аюб не стал спорить и последовал за Карохом. Но разве в этом кому-нибудь признаешься?

— Попал, и все... — сказал — и пожалел: понял, что сморозил глупость — действительно, желторотый птенец, вывалившийся из гнезда чуть раньше, чем оперился.

Ибрагим глядит на Аюба «по-улагаевски» — прищурясь. В последнее время он незаметно для себя стал перенимать внешние приметы поведения своего начальника. «Попал, и все...» Странный ответ. Каждый человек должен знать, куда и зачем идет. Ибрагим свою дорогу выбрал сам. К Улагаю он привязан, как темляк к шашке. Улагай его произвел в корнеты, приблизил, посвятил во все свои тайны. Он верит — Улагай любит его, как младшего брата. А уж он за Улагая готов пойти на любые пытки. Или атаман Фостиков. У того свои счеты с Советской властью — на одной земле им тесно, ставит ва-банк — или-или. А этот, желторотый? Глупость какая-то: попал... Он выпытывает у Аюба детали его побега к Алхасу и еще больше удивляется.

— Карох с кем-то поругался. С Нухом, кажется, с бывшим председателем, которого Алхас рубанул. Рассказать подробно не успел — во время перестрелки убили Кароха.

Аюбу хочется добавить, что он уже давно сожалеет об опрометчивом поступке, что ему хочется домой, но вовремя спохватывается: ничего хорошего эта откровенность не даст.

— Девка у тебя есть? — интересуется Ибрагим.

Аюб краснеет.

— Э, да ты действительно Желторотый. Спеши, а то ухлопают, как Кароха, и бабы не попробуешь.

Аюб совершенно растерялся: с этой Бибой узнаешь что-нибудь... Попробуй подступись к ней. Однажды попытался было, так стукнула, что вся смелость из головы вылетела. «Сегодня все решим», — думает он с ожесточением.

Начинает смеркаться.

— Как там у вас насчет жратвы? — допытывается Ибрагим.

— Найдется, — с некоторым колебанием отвечает юноша. — Конечно, не особенно... Сам знаешь — перед урожаем.

— Тпру... — командует Ибрагим. — Сворачивай к реке, поужинаем.

Аюб слегка отпускает лошадей. Тем временем Ибрагим достает из-под сена потертый саквояж и раскладывает на траве разную снедь, заставляет Аюба хлебнуть из своей фляги.

Перед дальнейшей дорогой Ибрагим снимает брезентовый верх и поворачивает мешок с тряпьем так, что одним краем он оказывается на борту повозки. Передняя часть мешка у него на коленях.

— Теперь не спеши. И никого не бойся. Возле тополей сворачивай в поле, поедем задами.

— Да у нас в ауле не только ночью, и днем никого не останавливают. И кому останавливать — председатель-то теперь свой.

Вот что значит хороший глоток спирта. Аюб вдруг осознает то, о чем раньше и не догадывался: он храбрый парень, ему все нипочем. Язык так и чешется, так и чешется, ему хочется рассказать Ибрагиму, какая она занятная, эта Биба. Она и не отталкивает его, и близко не подпускает. Ладно, так было. Уж сегодня они наверняка

договорятся. А нет — ко всем чертям. Аюб больше не позволит водить себя за нос.

— Бери правее, в жнивье, — слышится голос Ибрагима.

Правей так правей, Аюбу все равно. Больше он ждать не намерен. Не одна она на свете... Вот и его дом. Оставив карабин в повозке, Аюб перелезает через родной плетень, распахивает ворота, пропускает вороных. Ибрагим входит в тесную кунацкую. При тусклом свете коптилки отец Аюба Нурбий кажется старым, изможденным нуждой человеком.

— Сейчас что-нибудь сварганим, ребятки, — говорит он. — Спасибо, что не забываете.

Нурбий принимает Ибрагима за одного из дружков непутевого сына. Что ж, тем лучше. Но Аюба это не устраивает. Отец должен знать, что у него в гостях не кто-нибудь, а главный помощник полковника Улагая — знаменитый Ибрагим. Кто знает, что еще наболтал бы Аюб, если бы Ибрагим не сжал железной пятерней его руку чуть повыше кисти. Аюб осекается на полуслове.

— Мы есть не хотим, — вежливо извиняется гость.— Ваш сын немного выпил и все перепутал. Я фельдшер, у меня во фляге спирт. Увидел на дороге парня, подвез... — Он достает какую-то бумагу.

— Фельдшер, и ладно, — отмахивается от бумаги Нурбий. — Я ведь неграмотный, мне все равно.

— Мы немного погуляем по аулу и скоро вернемся. Пусть к повозке никто не подходит.

— Аллах с ней, — пугается Нурбий. — Будь спокоен, я ее сам охранять буду. Но, может быть, вам лучше никуда не ходить? В аул сегодня прибыли из города вооруженные люди.

Ибрагим подробно расспрашивает, на чем приехали, сколько, чем вооружены, что делают, где остановились.

— Мы все же прогуляемся, — говорит он. — Скоро вернемся.

За воротами обе фигуры сливаются с ночной темнотой. Идут медленно, Ибрагим придерживает Аюба за локоть. Ни одного встречного. У дома муллы Ибрагим оставляет своего спутника.

— Лезь в кусты, жди. Ни с кем не болтай.

Он стучит в калитку: раз-два-три, раз-два-три... Она мгновенно пропускает гостя. Буквально через минуту Ибрагим выходит.

— Теперь домой, Аюб, к девчонке завтра сбегаешь.

— Подожди хоть десять минут, — просит Аюб. — Это рядом, скажу два слова и уйду.

— Ладно, пошли.

На всякий случай, по совету Ибрагима, подбираются к дому Лю огородами. В маленькой кунацкой — огонь. Ого, у них гости. Может, у Бибы жених объявился? Пока он там воюет, у него невесту уведут. Он подкрадывается к кунацкой. Так и есть — жених! Надо же было оставить карабин в повозке. Аюб приглядывается. Эге, их двое, и один — русский. В углу винтовки, наверное, тех, что приехали.

Возвратившись, Аюб докладывает Ибрагиму обстановку.

— Нужно немного подождать, — решает тот. — Может, твоя девчонка сама выйдет, кликнешь.

Проходит несколько минут, и дверь домика отворяется.

— Она! — шепчет Аюб. — Смотри, какая красивая!

Очевидно, у влюбленных зрение сильно обостряется. Ибрагим не успел ничего разглядеть: черная тень движется по двору.

— Биба! — едва слышно окликает Аюб. — Биба!

Тень замирает, прислушивается, нерешительно направляется к огороду, готовая в любую минуту отпрянуть в сторону, скрыться, поднять тревогу.

— Ты, Аюб? — Биба делает еще несколько шагов.— Я не пойду дальше.

Теперь и Ибрагиму кое-что заметно. У нее приятный голос, тонкая фигурка. Видно, девка что надо.

— Хочу поговорить с тобой, — нерешительно бормочет Аюб. — Скажешь ты мне что-нибудь определенное или нет?

— Хочешь поговорить, заходи в дом.

— У тебя гость...— ревниво замечает Аюб.

— Он тебя не тронет, не бойся. Это Максим.

Ибрагим автоматически отмечает в памяти: «Максим, русский. Его знают и не боятся».

— Я не один... — вдруг выпаливает Аюб.

— Сколько же вас? — Биба делает решительный шаг назад.

— Со мной товарищ.

— Заходите оба. Ну, ладно, тут постоим. Где он?

Ибрагим, нащупав в кармане револьвер, выступает вперед. Они втроем подходят к калитке. Ибрагим разглядывает девушку. В темноте она кажется слишком

смуглой. Но вот она поворачивается лицом к двери, теперь на нее падает тусклый свет. Ибрагим тяжело дышит: этот сосунок прав — такие красавицы встречаются не каждый день.

— Говорите, я погуляю, — решает Ибрагим. На глазах у такой девушки он не может шнырять огородами, как последний трус.

Разговор короткий. Ровно через минуту Аюб подходит к Ибрагиму. Сильно хлопает дверь дома.

— Уже? — удивляется Ибрагим. — Что-то быстро...

— А чего тянуть... Сказал, что мне у нее нечего делать.

— Это серьезно? — В голосе Ибрагима нескрываемый интерес.

— Сказал, и все! — хорохорится Аюб. — Мало баб, что ли...

Дальше идут молча. Во дворе все как и было — рядом с повозкой расхаживает Нурбий, лошади жуют сено.

— Поужинайте, ребята, — приглашает старик. — Все готово.

— Торопимся, отец, извини, — произносит Ибрагим.

Выходит худенькая женщина, сует Аюбу торбу с харчами. Губы плотно сжаты, сухие глаза: адыгейка на людях не может проявлять свою скорбь — на все воля аллаха, слезы оскорбляют его.

Аюб садится в повозку.

— Постой, — говорит Ибрагим, словно вспомнив что-то. — Ты ведь хотел передать отцу деньги. — Он сует Аюбу какой-то сверток и толкает парня под бок. — У них сегодня жалованье давали, — добавляет он. — А деньги ему там не нужны.

Сверток переходит к Нурбию.

— Держи свой карабин, Желторотый, — сердито шипит Ибрагим, когда они выезжают на улицу. — Может пригодиться.

Сам он пристраивается к пулемету. Но вот аул позади.

— Послушай, Ибрагим, зачем дал деньги отцу? Это нехорошо, я скажу, что деньги не мои.

— Дорогой мой! — хохочет Ибрагим. — Да понимаешь ли ты, кто ты? Ты бандит, ты должен грабить, понимаешь? Убивать и грабить. А ты от чужого отказываешься. Награбишь — отдашь.

Аюб таращит глаза. Дальше едут молча.

В доме лесника дым коромыслом. Улагай пьян, Алхас такой же, каким был днем. Говорят, желудок у него словно бурдюк — лей сколько хочешь, результат один. На третьем стуле — Ерофей. Красными осоловелыми глазами разглядывает он Ибрагима, на лице — тупость, равнодушие.

— Ну что там, какие новости? — Улагай щурится еще больше, чем всегда. — Говори, у меня от друзей секретов нет. И знай — отныне Алхас мой заместитель. Если меня убьют в бою, передаю командование народному герою Алхасу. Говори же, что там?

— Передали три слова: «Готовься радостной встрече».

— Понятно... Какие новости в ауле?

— Сегодня туда прибыла вооруженная группа из города.

— Уничтожить при возвращении, — медленно произносит Улагай. И вдруг, ожесточаясь, добавляет: — Изрубить в крошево!

— Сделаем, — обещает Ерофей. — Пошинкуем, как на засол.

Ибрагим присаживается к столу. Алхас наливает ему вина. Подняв бокал, Ибрагим глядит на рубиновую влагу. На ее поверхности, словно выплыв из глубины, появляются сторожкие, пугливые глаза, затем и лицо, готовое вспыхнуть как факел. Нет, она вовсе не смугла, так в тёмноте показалось. Лицо ее прекрасно, таких девушек он никогда не встречал.

— Так что передали? — вдруг спохватывается Улагай. Лишь сейчас он осознал, что Ибрагим сообщил ему нечто чрезвычайное.

Ибрагим с удивлением глядит на начальника.

— Готовься к радостной встрече, — повторяет он и поднимается. — Вы приказали мне в два ночи напомнить об отъезде. Уже два, зиусхан.

— Знаю, свиное ухо, знаю. Посплю немного, и поедем.

Алхас ногой толкает дверь в другую комнату, Улагай валится на постель.

— Свой в доску, — резюмирует Ерофей.

Алхас занят непривычным делом: думает. Конечно, и сейчас еще есть шанс: Улагай — крупная птица, с таким трофеем его могут простить. Конечно, посадят... А вдруг у Улагая получится? Тогда живи, не знай горя. А лучше всего в разгар драчки сунуть драгоценности за пазуху и податься в Турцию — каждый отвечает за себя.

Полжизни, а то и больше провел Максим в пути. Это время, считал он, отпущено судьбой на то, чтобы обдумать совершенное ранее. Без скидок на любовь к собственной персоне.

Каждая дорога для Максима — очередная самопроверка. Так ли ты поступал, Максим, как надо? Как ты должен поступать теперь? Конечно, признаться в этом кому-то невозможно, немыслимо. Никто и догадываться не должен, что Максим сам себе устраивает протирку ежиком. Драит, словно боевую винтовку, чтобы била без осечки.

Впрочем, разве знает он, как ведут себя наедине с собой другие? Вот хотя бы этот Рамазан, который едет рядом с ним. Хороший конь у Рамазана, даже странно, что в исполкомовской конюшне мог такой сохраниться. Они как будто не замечают друг друга — конь и человек. Рамазан погружен в свои мысли, конь между тем идет строевой рысью, словно между ними так было условлено заранее. О чем он думает, Рамазан? Быть может, как и Максим, перебирает в мыслях свои поступки?

Приглядывается Максим к Рамазану еще и потому, что не может заняться обычным делом. Последние события так растревожили его, что больше ни о чем думать не в состоянии.

Ведь пропал Ильяс, его лучший друг.

Весть эту привез Умар. Дней десять назад Салех примчался в город с требованием отдать Ильяса под суд. В секции находился один Рамазан. Он попросил Максима помочь разобраться в этой истории. Когда Салех начал рассказывать о происшествии, в комнату вошел Зачерий. По словам Салеха выходило, будто Ильяс потребовал немедленно начать передел земли, а когда Салех с этим не согласился, стал избивать его палкой. Спас Салеха милиционер Тембот. В доказательство Салех снял черкеску и поднял рубаху. В душе Максим, конечно, порадовался этому зрелищу — он был уверен, что Ильяс зря и мухи не обидит, значит, Салех свое заслужил. Однако никому не дозволено решать спор таким способом.

Тронуло Максима отношение к этому делу Зачерия.

— Не могу допустить, чтобы Ильяс набросился на тебя ни с того ни с сего, — сказал он Салеху. — У него хватило выдержки промолчать на собрании, когда кулаки обливали его грязью.

Салех так и застыл с открытым ртом. По предположениям Максима, он больше всего мог рассчитывать на поддержку Зачерия.

— Где сейчас Ильяс? Ты, случаем, не привез его с собой? — осведомился Рамазан.

— Сидит в холодной.

Во время разбора дела раздался телефонный звонок — Зачерия попросили зайти к заместителю председателя. Возвратился он нескоро. Рамазан и Максим решали, как поступить дальше. По-человечески, следовало бы немедленно отправить в аул комиссию для разбора этой истории, но у каждого имелось неотложное дело. Максиму уже было предложено ехать с группой товарищей в Хакуринохабль, Рамазан и Зачерий тоже получили срочные задания.

— Скачи, дорогой Салех, в свой аул, — предложил Зачерий, — и жди, недельки через две приедем, разберемся, виноватого накажем.

— Да ведь Ильяс сидит, — напомнил Максим.

— А зачем ему сидеть? Ильяса надо немедленно выпустить.

— Как это выпустить?! — возмутился Салех. — Он избивает Советскую власть...

— Салех, — расхохотался Зачерий. — Побойся, дорогой, аллаха. Какая же ты Советская власть? Ты моя и Сомовой ошибка — вот ты кто, досадное недоразумение. Ильяса следовало тогда выбрать. Или, судя по последним событиям, Умара. Ильяс слишком скор на руку. Вот что, Салех, возвращайся-ка в аул, выпусти Ильяса, а мы, как получим возможность, приедем, разберемся. Все понятно?

— Ничего не понятно, — возразил Салех, глядя на Зачерия с укором и недоумением. — Я полагал...

— Думаешь, мы не узнаем, кто ты есть на самом деле? — оборвал Салеха Зачерий. Взгляд его вдруг стал жестким и холодным, лицо вытянулось, да и сам он както подтянулся. — И не вздумай вилять, Салех! Не играй с огнем, — предупредил он. — Иди!

Салех мгновенно сник, ссутулился. Глядя в пол, пошел к выходу.

Максим был уверен, что дело улажено. Возвратившись из Хакурина, он попросил, чтобы его включили в состав комиссии, направлявшейся в Адыгехабль. Собирались отправиться туда дня через два, но под вечер к нему в комнату вошел Умар.

— Где Ильяс? — спросил он, даже не поздоровавшись.

— У вас в ауле, — ответил Максим, но тут же понял, что произошло нечто необычное: если бы Ильяс был дома, Умар не искал бы его в городе.

— Дней десять назад, — упавшим голосом начал Умар, — Ильяс отправился к тебе за помощью. Совершенно больной, с распухшей ногой. Гучипс довез его до базара, оттуда он отправился в исполком...

Поиски никаких результатов не дали. Правда, один из дежурных милиционеров подтвердил, что беседовал с горцем и направил его в горскую секцию; припомнил он, что посетитель опирался на самодельный костыль, был очень удручен, растерян. Но куда он девался, к кому отправился — этого, хоть убей, вспомнить не мог. Уверял, что до конца дня с поста не отлучался, но черкеса с костылем больше не видел, из здания он не выходил.

Так ничего и не выяснив, двинулись в аул: Максим и Рамазан — верхом, Сомова с группой бойцов караульной роты — на подводах.

Следовало бы поторопиться, чтобы засветло добраться до места, но они едва плелись: престарелая умаровская кобыленка никаких аллюров, кроме степенного шага, не признавала. Ехать вразвалку молча для общительного Максима было особенно трудно — тревожные мысли искали выхода.

— Не нравится мне эта загадка, — проговорил он, поравняв свою кобылку с конем Рамазана. — Человек — не иголка. В исполкоме Ильяс был. Куда же он, беспомощный, с распухшей ногой, мог деваться?

— История в самом деле странная, — согласился Рамазан. — Я со вчерашнего дня ломаю голову над этой загадкой и пришел к выводу, который может показаться еще более странным, чем сама история. А вывод таков: Ильяс встретил в исполкоме знакомого, которого посвятил в свои злоключения. Конечно, черкеса. И тот отвел его к себе или отправил в свой аул. Вот Ильяс и гостит где-нибудь.

— Не верится в это, — поразмыслив, возразил Максим. — Уж мне-то приходилось наблюдать Ильяса в разной обстановке, и никогда он не проявлял трусости, не забывал о товарищах. А сейчас, выходит, забыл? Ведь он не может не знать, что его хватятся, станут искать, что, наконец, дома все взволнуются. Нет-нет, здесь что-то не так.

— А я и не утверждаю, будто он забыл о товарищах, о семье, — возразил Рамазан. — Просто мог оказаться в условиях, о которых мы и представления не имеем. Чудес не бывает, это мы с тобой хорошо знаем. Если он не возвращался тем же путем, значит, воспользовался ходом во двор. Конечно, не по своему желанию, об этом ходе он не мог знать. И вполне возможно, что он уже дома.

Разговор зашел о недавних боях с деникинцами, и Максим, к величайшему удивлению, узнал, что «зятек Адиль-Гирея», как именовал Рамазана Зачерий, последние два года тоже провел в седле — в соседней армии, но на одном с ним направлении. Каждое слово сближало их, в аул прибыли друзьями.

Здесь все было по-прежнему: в передней Совета восседал Тембот, в следующей комнате склонился над бумагами Магомет, в председательском кабинете читал газету Салех.

Салех поднялся со стула, приложил руку к сердцу.

— Где Ильяс? — обратился к нему Рамазан, поздоровавшись.

— Где Ильяс, — спокойно ответил он, — спрашивайте у его дружков, у тех, кто его освобождал и усаживал на телегу. Когда я вернулся в аул, подвал был уже пуст.

— Почему не сообщил об этом?

— Думал, сам расскажет, ведь Умар его в город отправил.

Максиму показалось, будто Салех вёл себя совсем не так, как тогда, в городе, держался на этот раз увереннее, наглее. Словно знал что-то важное.

— О чем вы тут спорили с Ильясом? — обратился он к Салеху.

— О земле. Впрочем, спросите об этом Ильяса, когда встретитесь, ведь нас было двое, а мне вы не верите. — Салех нагловато ухмыльнулся.

Положение создалось какое-то непонятное. Но в этот момент в комнату вошел писарь. Магомет притронулся рукой к тому месту старенькой черкески, где бьется сердце. Лицо его было невозмутимо.

— Пусть аллах будет свидетелем, что я не подслушиваю, — произнес он почти торжественно. — Каждое слово, которое вы тут говорите, слышно в моей комнате так же хорошо, как и здесь. — Он совсем неплохо говорил по-русски.

— Вон отсюда! — взорвался вдруг Салех. — Без тебя обойдемся, старый болтун.

Да, Магомет умеет себя держать. Он выпрямляется, отчего становится еще тоньше, лицо его по-прежнему спокойно.

— После таких слов, — с презрением бросает он Салеху, — ты не адыг. Впрочем, ты и без этого уже давно не адыг.

Магомет демонстративно поворачивается к Салеху спиной, слово в слово повторяет то, что уже сказал, и добавляет:

— Но особенно хорошо слышно, когда люди кричат. Один аллах знает, как орали тут Ильяс и Салех.

Лицо Рамазана проясняется, до него доходит то, что уже давно понял Салех: Магомет подслушал что-то очень важное.

— Максим, Сомова, — поднимает руку Рамазан. — Есть беспристрастный свидетель!

Магомет, слегка коверкая русские слова, рассказывает все, что произошло тогда в этом кабинете между Ильясом и Салехом.

— А какую бумажку Ильяс показал Салеху? Она сохранилась?

Магомет довольно улыбается: за время его писарства у него не пропадала ни одна бумажка, сохранил и эту. Он выходит и возвращается с газетой «Известия», покрытой в отдельных местах ржавыми пятнами.

— «Известия» номер 209, — читает Максим. — Суббота, 28 октября 1917 года. Цена в Петрограде 15 копеек, на станциях железных дорог 18 копеек... Декрет о земле...»

Эту газету Ильяс возил с собой почти два года. Теперь ясно, что тут произошло. У него появляется неодолимое желание схватить Салеха за глотку, увидеть его посиневшую физиономию...

Взяв у Максима газету, Рамазан с почтением разглядывает ее, находит под декретом подпись: «Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов-Ленин. 26 октября 1917 года».

— Значит, не подходит тебе ленинский декрет? — обращается он к Салеху. — Чего же ты стоишь? — добавляет он по-адыгейски. — За это можно получить пулю — ту самую, которую ты заслужил.

Сомова поднимается, протягивает руку Магомету.

— Спасибо, товарищ, спасибо от Советской власти.

Магомет привычным движением поглаживает седую бороду.

— Мне все равно, какая власть, — важно говорит он. — Мне главное — порядок. Порядок и правда.

Через несколько часов на площади у сельсовета аульчане выбирают нового председателя. Абсолютное большинство за Умара. Он поднимается на крыльцо, от волнения шрам на лице снова становится лиловым.

— Спасибо, аульчане! — Голос Умара тверд и решителен. — Я хочу спросить вас — будем мы выжидать или действовать? Я имею в виду главное — землю.

— Делить! — раздаются крики. — Делить!

После собрания разговор о земле продолжается в Совете.

— Дело сложное, — отмечает Рамазан. — Зачерий, например, считает, что, пока банды не уничтожены, делить землю бессмысленно.

— А ты как думаешь? — осторожничает Умар.

— Как раз наоборот. Чем скорее беднота получит землю, тем решительнее станет она на сторону Советской власти.

— Остается одно, — предлагает Сомова, — немедленно перейти к выполнению ленинского декрета. Надо выбрать комиссию.

Рамазан грустно качает головой.

— Это можно сделать при одном условии... — Он колеблется. Хотя Полуян и поддержал его предложение, но официального решения еще нет. Можно ли самостоятельно действовать? Вопрос не простой.

— Не тяни, — хмурится Максим. — Не набивай себе цену.

Рамазан улыбается — его не так поняли.

— Сначала нужно создать в ауле отряд самообороны, а потом делить землю. Но постановление об отрядах еще не принято.

Максим задумывается. Несколько дней назад комиссия по борьбе с бандитизмом, членом которой он состоит, приняла решение просить исполком создать в крупных населенных пунктах караульные части из местных жителей. В данном случае инициатива как нельзя более уместна.

— Придется собирать сход... — прикидывает он.

— Ни-ни, — вмешивается Умар. — Ты плохо знаешь наших. На собрании никто войти в отряд не согласится. Я сегодня обойду надежных людей, кое с кем перегово-

рит Рамазан, обо всем договоримся, создадим отряд и объявим об этом на сходе: кто хочет, пусть вливается. Тут уж другое дело, будет из чего выбирать. В одиночку против Алхаса никто не выступит, а когда человек окажется перед выбором, то уж куда-нибудь да повернет. Уверен, повернут туда, куда надо. Только одно, — смущается Умар. — Неудобно спрашивать. Вы не подумайте, я бы никогда не решился...

— Опять церемонии. — Рамазан укоризненно смотрит на председателя. — Пойми, мы не гости, а товарищи по работе.

— Хочу попросить вас задержаться в ауле, пока мы не сколотим отряд, иначе ничего не получится — разведка Алхаса работает неплохо, и нам не дадут организоваться.

Рамазан не колеблется. Максим и Сомова — тоже.

— Лучше одно дело сделать хорошо, чем пять плохо, говаривал мой отец, когда начинал дубасить кого-нибудь из нас, пятерых ребятишек, — шутит Сомова. Она рада, что ошибка, допущенная ею, будет исправлена.

Рад задержаться здесь и Максим — он надеется в эти дни хоть что-нибудь узнать об Ильясе. Уверен: искать его надо где-то здесь.

Напротив сельсовета стоит пустой дом за высоким прочным забором, его при отступлении белых покинула семья корнета Едыгова. Умар предлагает поселить там бойцов, прибывших из города с комиссией, а в будущем разместить там отряд самообороны.

Они отправляются к Едыговым. Дом встречает их скрипом половиц, удушающим запахом гнили и плесени. Но вот распахнуты ставни, выставлены рамы — и все меняется. Прекрасный дом, даже мебель сохранилась. В небольшом буфете — посуда. На стенах в разных видах портрет усатого кавалериста.

Максим приводит сюда бойцов. Они сразу же начинают обживать новое пристанище. Осматривают усадьбу с точки зрения обороны: на случай внезапного налета банды.

В сельсовете Умара уже ждут посетители. Увидев их, председатель хмурится: тоже мне правдоискатели. Два года разгуливали под командой Клыча и Улагая, а теперь ищут справедливости. Конечно, некоторые были мобилизованы насильно, с них, как говорится, взятки гладки. А этот верзила Мурат! Польстился на лычки!

Выстроил Улагай на площади всех мужчин и спросил, кто желает влиться в деникинскую армию. Вперед вышло несколько человек из тех, кто побогаче. Призывы не помогали — люди отводили глаза в сторону и стояли на месте. Среди оставшихся самым заметным был Мурат: он почти на целую голову возвышался над толпой — плечистый, стройный, улыбчивый.

— А ты что? — обратился к Мурату Улагай, восседавший на кобылице Астре.

— Я ничего, — улыбнулся польщенный таким вниманием Мурат.

— Такие красавцы, как ты, — Улагай приподнялся на стременах, — честь и слава адыгейского народа. Произвожу этого молодца в унтер-офицеры. Ибрагим, выдать серебряную сбрую, а в награду — двести рублей. Переодеть!

Через минуту новоиспеченный унтер-офицер предстал перед Улагаем в полном параде.

— Как зовут? — отрывисто выкрикнул Улагай.

— Мурат, зиусхан.

— Пойдешь в добровольцы?

— Так точно, зиусхан.

— Почему сразу не шел? Большевики нравятся?

— Никак нет, зиусхан, большевиков никогда не видел. Детей куча дома. О них думал.

— Молодец! — рявкнул Улагай. — Так и нужно! Пусть старшина позаботится о детях тех, кто идет сражаться за родину. Конечно, за счет тех, кто изменил народу и снюхался с красными.

Вот те раз! Родной брат Мурата, Индар, уже полгода в Красной Армии. Уходя, просил: побереги, Мурат, моих детей, а я за землю повоюю. Но размышлять некогда: корнет подал команду, и новоиспеченные добровольцы зашагали в отведенное для них помещение.

Через час Мурат прощался с женой и детьми.

— Как ты мог? — только и спросила она.

Молчал Мурат. Что тут скажешь? До сознания еще не дошел весь ужас содеянного, но понимал — произошло нечто непоправимое.

А теперь вот сидит среди других на крыльце Совета, виновато потупив глаза.

— Можешь поговорить с людьми тут, — советует Умару Рамазан. — Это совсем не обязательно — за столом сидеть.

Умар доволен: на свежем воздухе толковать куда лучше.

— Ну что там у вас? — обращается сразу ко всем Умар.

Мурат встает. Он почти недосягаем для взглядов.

— Сядь, не ломайся, — сердится Умар. — Не перед Улагаем...

Напоминание об Улагае действует.

Мурат кусает губу.

— Как с землей будет? — угрюмо спрашивает он.

— Хватился! — Умар зло глядит на Мурата. — А что насчет земли говорил Улагай?

Мурат еще больше хмурится. «Сколько можно попрекать!» — хочется сказать Рамазану, но он молчит. А Умар не знает меры.

— Можешь распахать свои лычки, — советует он.— Унтерские...

— Я не про свою, — уже не скрывая злости, уточняет Мурат. — Ты же знаешь — Индар убит, его жена умерла, а малышня — мои племянники — у моей жены. Землю его при белых Измаил запахал...

— Может сам и ухлопал Индара, — продолжает кипятиться Умар.

Мурат возмущенно откашливается: это уж слишком!

— А Измаил действительно захватил землю Индара? — интересуется Рамазан. Таким деликатным образом он пытается направить внимание нового председателя на самое существенное.

— Он обещал давать часть урожая сиротам, — уточняет Мурат, — но не давал ни шиша — ведь Индар сражался на стороне красных.

— Сколько же у тебя теперь душ? — обращается Максим к Мурату.

Гигант морщит лоб: что он, считал их? Бегают себе.

— Кажется, одиннадцать. Нет, постой, с бабкой двенадцать.

Все молчат.

— Натворили делов эти улагаи... — вздыхает Мурат.

— А ты-то чем думал? — уже спокойно спрашивает Умар.

— Задницей, — откровенно признается бывший унтер.

— Советская власть вас всех простила, отпустила домой, значит, и насчет земли на вас закон распространяется. А землю племянников тебе вернем сейчас же.

Сегодня! Вместе с урожаем, который собрал за все эти годы Измаил. До зернышка. Когда будем распределять землю, получишь и на свою семью, на всех. Сразу помещиком заделаешься, — шутливо заканчивает Умар.

— Это правда? — Мурат от волнения вскакивает на ноги, теперь его опять не разглядеть.

— Вполне. Не уходи, сейчас все и уладим. — Умар просит милиционера, все того же Тембота, привести в Совет Измаила.

— А как будем землю делить? — спрашивает кто-то.

Умар вкратце рассказывает о том, какая земельная реформа предполагается в ауле.

— Когда же? — схватываются все сидящие.

Максим смотрит на этих людей: лица их светятся надеждой. Каждый чувствует себя неловко — почти два года сражались, переносили лишения, рисковали головой, и вдруг выясняется — стояли не на той стороне, своих били, против себя же шли. Но разве они виноваты? Если б им тогда все как следует объяснили... А впрочем, может, слова бы тогда и не помогли: есть узлы, которые может разрубить лишь один судья — время, жизнь.

— Когда? — Умар вздыхает. — Сами знаете, кто в лесу стоит и чью сторону держит. Через день-другой соберемся на сход, сообща обдумаем, как быть. И вы подумайте, как все это лучше провернуть, чтобы Алхас не помешал.

Бывшие белогвардейцы поднимаются, прощаются и расходятся в разные стороны. Остается Мурат.

Появляется Измаил. Выслушав Умара, удивляется:

— Вот дела! Только сейчас собирался зайти к Мурату, чтобы посчитаться. Пойдем, дорогой, рассудим по-соседски.

— Мурат, закончишь расчеты, приходи ко мне, — просит Умар.

Под вечер Мурат заходит к новому председателю. Умар невольно улыбается — человека не узнать.

— Я вижу, Мурат, ты в последнее время поумнел.

Мурат смущенно подтверждает: да, кажется, вся дурь улетучилась.

— Тогда подожди-ка минутку.

Умар, Максим и Рамазан переходят площадь, заходят в дом корнета Едыгова. Бойцы уже успели навести кое-какой порядок: на подоконники навалены мешки с песком, забор украшен кружевами из колючей проволоки, несколько мотков которой валялось во дворе.

— Правильно, товарищи, — одобряет Максим.

Расхаживая по двору, Умар излагает Рамазану и Максиму свои соображения. Отряд создать можно. Но самое трудное — командовать им, умело вести оборону. Хорошая голова отряду нужна, знающая, смелая, честная.

Рамазан догадывается, о чем дальше пойдет речь. Хорошо, когда человек горяч, но справедлив.

— Что ж, поговори с Муратом, — решает он. — Я «за».

— Э, Мурат! — кричит Умар, высунувшись из калитки. — Сюда! — Он без предисловий делится своими планами. — Теперь решай сам. Согласен — сразу приступай к делу, нет — поищем другого.

Мурат не на шутку задумывается. На память приходит последний бой: лежит он с винтовкой, устало глядит на перебегающую цепь красных. «Огонь!» — дерет глотку офицер. Мурат палит в белый свет. Сдаться бы... Нет, страшно. И он улепетывает вместе с другими. Так домчались до Сочи. Потом свалили оружие в кучу и строем отправились в сортировочный лагерь. Решил никогда больше не брать в руки винтовку, ни за что... Но, выходит, без винтовки нормальная жизнь не наладится.

Умар не торопит, понимает: не просто это — из огня да в полымя. Из двух братьев остался он один. И какая семья на шее!

— Что ж, — голос Мурата тверд, — воевал по дурости, теперь всерьез повоюю.

Умару хочется обнять Мурата. А Мурату хочется обнять всех этих людей, которые так хорошо его поняли. Но их лица ничего этого не выражают. Разве что глаза поблескивают ярче обычного.

Скоро сядет солнце, надо покормить гостей. Но Максим затвердил одно — прежде проведаем Дарихан с детьми.

Дарихан выходит навстречу, спокойная и приветливая, как всегда. Ее знакомят с Рамазаном.

— Скорее за стол садитесь, — приглашает она.

Биба тут как тут.

— Приходите с Рамазаном ночевать в нашу кунацкую, а у Дарихан останется женщина, так велел Лю.

Наконец-то Сомовой удается познакомиться с бытом бедного адыга. Домик Ильяса сильно отличается от жилища Салеха. Правда, и здесь чисто и уютно, но почти все, что видит глаз, самодельное, домотканое. Все дев-

чонки в платьицах из домашнего полотна, лишь хозяйка в темноватом ситцевом одеянии до пят.

— Так и зимой ходят, — говорит Максим. — Только набрасывают на голову платок. Почти ни одна горянка не имеет пальто.

На белых стенах — вышитые простенькими узорами небольшие полоски материи, над комодом — искусно разукрашенное геометрическим орнаментом панно. Стол накрыт небогато, но видно, что гостям подносят все самое лучшее... И с таким радушием, с такой любовью! Сердце Сомовой болезненно сжимается, от горького воспоминания кусок не лезет в горло: «Как я могла тогда так опростоволоситься?»

— Здорово я тогда ошиблась, — говорит Рамазану Сомова. — И все же больше виноват Зачерий. Разве могла я тогда сразу во всем разобраться? А ему все было ясно с самого начала. Уверена, что его сверхреволюционное фразерство — маска.

— Зачерий, конечно, виноват, — согласился Рамазан. — Я его еще не раскусил. Быть может, действительно за его сверхреволюционными фразами прячется что-то другое. Я всегда отношусь с недоверием к людям, которые хотят быть революционнее самой революции. Но и вас, Екатерина, не оправдываю. Если бы вы попали в русскую деревню, как начали бы действовать?

— Ну, там проще, — вздохнула Сомова. — Зашла бы в первую попавшуюся завалюху и разговорилась.

— Вот видите. А в ауле растерялись. Да что уж теперь...

После ужина мужчины уходят к Лю, а Сомова остается с женщинами. С трудом они находят общий язык — помогает Биба. И где она успела нахвататься русских слов? Чешет без запинки.

— Ильяс и мухи не обидит, — говорит Дарихан, а переводит Биба. — Этот проклятый Салех нарочно все подстроил...

Вскоре Биба убегает домой — как-никак и у них гости. Но к Рамазану и Максиму не подступиться — с ними ведет обстоятельный разговор Лю. Наконец и он возвращается в дом. Теперь гости одни. Биба прошмыгивает в двери и крадется по двору.

Чу... кажется, ее зовут. Так и есть. А, это Аюб. Жаль, что не один. К счастью, его дружок отходит к калитке.

— Биба, мы должны... — начал было Аюб.

Биба перебивает его:

— Немедленно возвращайся домой, тебе ничего не будет. Тут Максим. Понял? А когда придешь, все решим...

— Биба... — Аюб протягивает девушке руку.

— Я сказала: иди! Пока ты в банде, нам не о чем разговаривать. Возвращайся домой! Завтра же!

Все утро Биба ходит веселая. Она уверена, не сегодня завтра Аюб покинет банду и решится наконец ее судьба. Не пожалеет ли она? Нет, Аюб — паренек серьезный. И любит ее. С кем бы поделиться своей тайной? Мариет для этой цели не подходит — слабовата на язык, Рамазан — чужой.

— Аюб скоро вернется, — тихо говорит Биба, сливая Максиму воду из ярко начищенного медного кувшина.

— Он был здесь? Вчера?

Биба краснеет.

— Почему не послала ко мне?

— Ты был не один, и он не сам приходил.

Максим трет щеки ледяной колодезной водой.

— Лей на затылок и спину, — просит он. — Великое дело — холодная вода поутру. Кто с ним был?

— Ибрагим. Такой крупный, с усиками... Глаза нехорошие.

— Почему не послала Аюба ко мне? Большую глупость сделала.

Но Биба уверена — Аюб послушается ее.

Весел сегодня и Умар. Вдвоем с Муратом они вербуют бойцов для отряда самообороны, дело идет успешно. Пока что ни одной осечки. У каждого «случайно» обнаруживается винтовка, несколько гранат, сколько-то патронов. Отговорился один Лю, его довод известен: ни во что не вмешиваться. С ним, впрочем, говорили недолго.

Самую важную новость принес Меджид-костоправ. Обойдя здание сельсовета, он заглянул в открытое окно председателя. Увидев Рамазана, поманил его пальцем. Не долго думая Рамазан выскочил в окно — старый человек не станет зря тревожить приезжего, да еще «комиссара», как тут все называли представителей исполкома.

— Ты сын Шумафа? — спросил Меджид, внимательно оглядев собеседника. Рамазан подтвердил. — Я хорошо знал твоего отца. Большой силы был человек. И ты, говорят, в него.

Рамазан смутился. Покраснел.

— Я буду рад когда-нибудь заслужить эту похвалу,— пробормотал он. — Но боюсь, мне это не удастся.

— Я позвал тебя, конечно, не для того, чтобы вести пустой разговор. — Меджид вдруг перешел на шепот.— Ты умеешь хранить тайну? Сейчас сообщу кое-что. Согласен?

Рамазан заверил, что его тайна будет сохранена. И Меджид повел его... к уборной. Рамазан терпеливо следовал за ним, лихорадочно соображая, что́ все это может значить.

— Посмотри... — попросил Меджид, приоткрыв дверь уборной.

Старый шутник! Рамазан даже разозлиться не в состоянии: аульские остряки совсем потеряли чувство меры. Но лицо Меджида свидетельствует о том, что шутить он вовсе не собирается. Подавив улыбку, Рамазан входит за ним в уборную.

— Посмотри в щель. Что видишь?

Лицо Рамазана сразу становится серьезным. Щель велика, увидеть можно все, что делается в соседнем дворе. И услышать.

Меджид уводит Рамазана в сторонку.

— Вот так я зимой стоял в своем домике и застегивал штаны, как вдруг услышал голоса. Посмотрел: деникинцы тащат в сарай тяжелые ящики. Очень тяжелые, несут и ругаются. Ими командовал Ибрагим, тот, что одевал погоны на нашего дуралея Мурата.

— На чей двор выходит уборная? — спрашивает Рамазан.

— Салеха.

— Может, потом унесли?

— Это известно аллаху. Но ведь и я еще не оглох.

— Спасибо, Меджид.

Рамазан шепчется с товарищами. Решают: не терять ни часа. Умар, Мурат, Сомова, Максим, четверо красноармейцев и десяток бойцов из формируемого отряда самообороны подходят к воротам Салеха.

— Кто там? — Это голос жены Салеха, Чебохан. Сомова узнает его: как-никак знакомая...

— Открой!

— Мужа нет дома, ушел в поле. Что вам нужно?

Вопрос — ответ, вопрос — ответ... Наконец Умар взрывается:

— Открой, ведьма, обыск...

Защелка отодвигается, они вваливаются во двор. Мурат выставляет у сараев караулы и вместе с Умаром обыскивает саклю. Нигде ничего подозрительного. Чебохан стоит подбоченясь.

— Что вы ищете?

Ей не отвечают. Максим простукивает пол, стены. Простукивается стена под ковром. Умар приподнимает его и находит маленькую дверцу. В тайнике огромное богатство — золотые монеты, вещи, драгоценные камни, золотая посуда.

— С этим потом, — распоряжается Умар.

Оставив возле тайника бойца, он направляется к сараям. На одном — огромный замок. Ключей у Чебохан, разумеется, нет. Ломик и топор открывают двери. Наглец, он даже не закопал их — ящики слегка притрушены соломой. Ну и тяжелые: даже Мурат вспотел. Что в них?

Умар велит запрячь лошадей: ящики переезжают на новое жительство — в дом корнета Едыгова. В усадьбу Салеха направляется Магомет. Старый служака в присутствии понятых пересчитывает деньги и драгоценности, составляет обстоятельный протокол. Акт о содержимом ящиков будет составлен особо.

Над ящиками колдуют Мурат и Максим. Ура! Три ручных пулемета, гранаты, десяток винтовок, патроны. Откуда-то появляется ветошь, идет лихорадочная работа — детали освобождаются от заводской смазки и ложатся на уготованные им места. Через какое-то время все три пулемета собраны.

— Испробовать бы их, — загорается Максим. — Прямо с завода. С английского, не какого-нибудь. Но не стоит поднимать шум: как бы Алхас не всполошился раньше времени.

Через несколько дней снова собирается сход. Решено, что бойцы отряда выстроятся во дворе дома Едыгова, оттуда выйдут колонной, промаршируют по площади и займут основные въезды в аул.

Утром, накануне схода, в аул заезжает Зачерий. Совсем другой Зачерий, как будто родился заново. Жмет Умару руку, поздравляет.

— Я рад за тебя, друг, уверен, что мы найдем общий язык. Править людьми не так-то просто, ты еще многого не знаешь...

Умар приветлив с Зачерием — ему говорили, что это именно он предложил Салеху освободить из подвала Иль-

яса. Дружеский тон Умара тотчас вызывает у Зачерия ответный отклик. Он плотнее закрывает дверь и переходит на шепот.

— На этом месте можно и счастье найти, и голову потерять. Разве хорошо семье Нуха? Подумай. Я вернусь через несколько деньков, когда уедут комиссары, поговорим.

Ошеломленный такими откровениями, Умар молчит. «Они», «мы»... Что это значит? Конечно, он не большевик, не «комиссар», но отделяться от них не собирается. В это время в дверях появляется Максим. Зачерий бросается ему на шею, как брату.

— Сделал круг, чтоб сюда заскочить,—сообщает он.— А где Рамазан? Перед моим отъездом твой начальник попросил вручить вам обоим пакет. Что-то срочное...

Максим вскрывает прошитый суровыми нитками и запечатанный сургучными печатями пакет. В нем отпечатанный на машинке листок и небольшая записка начальника:

«Посылаю копию приказа № 265 от 26 июля 1920 года о формировании караульных частей, рот, полурот, взводов из местного населения и прошу Вас с помощью Рамазана попытаться создать взвод или полуроту в Адыгехабле. Задержитесь на несколько дней, но приезжайте со списками. Командира подберите сами из надежных товарищей. Мы возьмем всех людей на довольствие и снабдим оружием и боеприпасами. Желаю успеха».

Максим спрятал письмо в карман гимнастерки.

— Что загрустил? — ухмыляется Зачерий. — Наверное, начальник в город вызывает? Не очень хочется с аульских шашлычков на кондер? Ничего, Максим, наша жизнь принадлежит народу.

Входит Рамазан.

— Вот с кого мы должны брать пример, — повышает голос Зачерий. — Вот человек, который готов отдать революции все, даже собственное счастье! Приветствую тебя, Рамазан, и восхищаюсь. Привет тебе от Мерем. Она надеется, что ты не задержишься.

— Ты ее видел? — удивляется Рамазан.

— Случайно. Сказал, что буду проездом в Адыгехабле, спросил, что передать тебе...

— Послушай, Зачерий, — перебивает его Максим. — Ты не встречал Ильяса? Помнишь, это тот адыг в буденовке, из-за которого тогда на собрании спор разгорелся?

— Адыгов в буденовках, — усмехается Зачерий, — мне встречать приходилось, не один Ильяс воевал за Советскую власть. А Ильяса после собрания не видел. Значит, еще не нашелся? Не расстраивайтесь, объявится ваш друг, не дух же он. До встречи в городе. Кстати, будьте осторожны — бандиты оживляются. Никак не пойму — воинские части стоят без дела, а бело-зеленые бесчинствуют...

Зачерий крепко жмет всем руки и выходит.

Рамазан сидит задумавшись. Поведение Зачерия все время кажется ему каким-то наигранным, неестественным. Он то льстит, то предлагает свои услуги, то выступает с левыми фразами.

— Почему он вас не любит? — нарушает молчание Умар. Он передает содержание разговора с Зачерием. Рамазан поражен. Что, собственно, Зачерий имел в виду? Но что бы ни имел, дело тут не чисто. Подозрения Сомовой, да и его, не лишены оснований. Конечно, товарищам по работе надо доверять, но проверка иной раз не помешает.

Умар более категоричен.

— Зачерий — сволочь, он определенно связан с Алхасом. Будь я проклят, если это не так. По-моему, он даже родственник Кучука.

Максим ухмыляется:

— Может, оно и так, но одних подозрений мало.

— А родственников у каждого в аулах много, — невесело добавляет Рамазан. — Тебе, конечно, известно, что и у меня есть подозрительная родня. И довольно близкая.

Умар смущенно извиняется — он не собирался бросать тень на кого-либо. Просто уверен, что Зачерий — чужак, вот и все.

Они выходят на площадь, где уже собралось довольно много народа. Собрание начинается необычно. Умар объявляет, что в ауле, как предписано советскими властями, создана караульная полурота под командованием их односельчанина Мурата. Чтобы бандиты не помешали, как это уже было однажды, ведению собрания, он приказывает ей занять основные въезды в аул.

Из ворот дома Едыгова выходит вооруженный винтовками отряд. Это производит сильное впечатление. Одни подбрасывают вверх папахи, другие озлобленно озираются — улетучиваются их последние надежды.

Избирается земельная комиссия, утверждается норма

земли на душу, независимо от пола. Рассматривается состав каждой семьи. Спор заходит только из-за бандитов и дезертиров. Решают: тем, кто в эти дни уйдет от Алхаса, выделить землю, как и остальным.

Сразу же после собрания комиссия начинает действовать. Грамотных здесь немного, но людям известен каждый клочок земли. Составляется план передела: что у кого взять, и что кому дать, и как сделать так, чтобы родственники оказались рядом, а земля вдовы Нуха — между участками Умара и Гучипса. Время совершать вечерний намаз, но ни один не выходит из сельсовета. Аллах милостив, уж ему-то известно, что передел земли происходит в ауле не каждый день.

Умару почти не приходится вмешиваться — комиссия учитывает абсолютно все. Он лишь изредка выходит подышать свежим воздухом.

— Умар, — доносится из темноты. К нему подходят двое подростков, что-то шепчут.

— Голуби вы мои! Цены этим сведениям нет, понимаете?!

Один из ребят еще что-то шепчет Умару.

— Хорошая мысль, ребята, поддерживаю. Но надо посоветоваться с Муратом, ведь он командир. Спасибо вам, дорогие мои, ни в коем случае не лезьте на рожон, не рискуйте.

— Не все еще. Наклонись-ка пониже, большой секрет. — Шепот становится едва уловимым.

— А вы не ошиблись? — вскрикивает Умар. — Не может быть.

Подростки скрываются, а Умар долго стоит на месте, потрясенный страшной вестью. Внезапно появляется головная боль. В жизни Умар не знал, что это такое, а сейчас вот затылок словно прикладом огрели — трещит так, что хочется улечься тут же, в пыльной траве. Тяжело вздохнув, медленно переходит площадь, стучит в калитку дома Едыгова.

— Кто? Пропуск?

Молодцы, уже наводят порядок.

— Это ты, Умар? — к калитке подошел Мурат. — Начинаем жить по-военному. Раз человека берут на довольствие, значит, он солдат.

Они входят в дом.

— Нужно выделить комнату для Сомовой. Рамазан и Максим пусть с тобой поживут. Бери винтовку, пару бойцов, пойдем за ними.

— Что-то случилось?

— Ничего. На всякий случай.

Хозяевам Умар объясняет: срочная работа, гости проведут ночь в сельсовете.

— На дороге засада, — объявляет Умар, когда они усаживаются в «штабе» — комнате командира полуроты в доме Едыгова.

— Это точно? — переспрашивает Максим, хотя ему ясно, что Умар не станет среди ночи шутить такими вещами.

— Точно, моя разведка выследила. А ведь она появилась после того, как уехал Зачерий.

— Уверен, что Алхасу и без него известно о нашем пребывании в ауле, — возражает Рамазан. — Неужели ты думаешь, что у него нет здесь своей агентуры?

Умар качает головой — он не так наивен. Но факт остается фактом — до отъезда Зачерия засады не было. Он рассказывает о своих юных помощниках. Ребята увидели засаду еще засветло — бандиты замаскировались в кустах за мостом — в том месте, где дорога ближе всего подступает к лесу. Прождав до темноты, мальчишки подкрались к засаде совсем близко. Они даже узнали голос нашего аульчанина Аюба, сына Нурбия.

Когда Сомова уходит в свою комнату, Умар выкладывает самое главное:

— Ребятки очень надежные, зря болтать не станут. Они уверяют, будто Ильяс в банде у Алхаса. — Голос его срывается, кажется, будто у него началась одышка. И у остальных перехватило дыхание. Первым приходит в себя Максим.

— Выдумки, — твердо произносит он. — Что ему там делать?

— По аулу слух об этом пронесся еще утром, — сообщает Мурат. — Не поверил, потому не стал вам передавать.

— Может, испугался ареста? — предполагает Рамазан.

— Если б ты знал Ильяса, — укоризненно замечает Максим, — никогда не сказал бы такое. Это бесстрашный человек. Видимо, ты был прав, когда предположил, что он встретил кого-то в городе. Но кого?

Молчание затянулось, все думали об одном — какое влияние эта весть окажет на жителей аула.

— Как же теперь? — вырвалось у Умара. — Ведь завтра — передел.

— А что изменилось? — с несвойственной ему запальчивостью выкрикнул Рамазан. — Идет бой, одного бойца не стало, остальные ведут огонь. Разве не так, Максим? Мы будем делать свое дело, даже если под нами задрожит земля.

На сон остается совсем мало, рассвет встречают в поле: помогают комиссии перемеривать землю. Здесь весь аул. Многие уже заготовили новые межевые колышки, впрягли лошадей в плуги: перепахивать старые и нарезать новые межи. Тут же и люди Мурата. Одни смешались с толпой, другие выдвинулись далеко вперед, между лесом и полем маячат вооруженные всадники — дозорные полуроты.

Максим исподтишка наблюдает за Дарихан: дошел до нее слух или нет? Дошел! Слух — что огонь на ветру — враз аул облетит. По лицу женщины видно, что не радует ее эта земля. И ту, что была, она готова навсегда отдать, лишь бы Ильяс оказался дома. Зачем ей земля, если нет мужа. Словно в насмешку, ее участок оказался рядом с Куляц. Хоть в поле не ходи. Как она будет смотреть в глаза вдове Нуха? Кто-то вбивает колышки на ее участке, опахивает межу. Она уходит, едва волоча босые ноги. За ней поднимают пыль пять пар детских ног.

Комиссия тем временем дошла до участка Измаила. Но где же хозяин?

— Дома хозяин, — злобно бросает его жена. — Не может смотреть, как его средь бела дня грабить будут.

Члены комиссии переглядываются.

— Так не пойдет, — решает Умар. — Беги за мужем. А не явится — не получит землю. Может, твой муженек уже у Алхаса.

— Это твои дружки к Алхасу бегут, — парирует кулачка. — А мой дома, болен он, прийти не может.

Двое верховых отправляются на проверку. Возвратившись, сообщают: Измаила дома нет.

— Нарезать на полтора гектара меньше! — решает комиссия.

Вдруг появляется сам Измаил. Да не один, а в сопровождении Джанхота и других богатеев. Видимо, совещались. Или отправили гонца к Алхасу — Салеха среди них нет. Чувствуется: выжидают. И все чаще бросают нетерпеливые взгляды в сторону леса — не заклубится ли на опушке пыль? Нет, молчит лес, ничего подозрительного не обнаруживают дозорные караульной роты.

И вот Декрет о земле приведен в действие. «Где ты, Ильяс? Хоть одним глазком полюбуйся на свое новое поле. Правда, далековато оно от старого, но зато какое просторное, гладкое, жирное! Почти половина участка — залежи. Вот тучка на горизонте, дождь собирается. Пустить бы после дождя на эту залежь твоих застоявшихся битюгов с плугом — то-то радости... Где ты теперь? Может, валяешься на соломенной подстилке в землянке? Или бродишь с карабином? Может, думаешь, мы перестали верить тебе? Может, и в самом деле решил, будто Салех действовал от имени Советской власти?»

Тяжкие мысли одолевают Максима, когда он глядит на радостные лица бедняков, на сжимающиеся в бессильной злобе кулаки тех, кого революция сегодня лишила земельных излишков. Нет, не смирятся они с этим, много еще будет крови пролито. И закипает в его груди ненависть, какой не чувствовал, даже идя в атаку...

Можно бы уже возвращаться в город, Рамазан торопит: их ждут другие дела. Но Максим все тянет — вдруг появится Ильяс. Но ни его самого, ни каких-то вестей о нем нет. Не объявился и Салех, со дня обыска никому на глаза не попадался. И вот назначен день отъезда. Последний разговор с Умаром.

— Пора тебе вступать в партию, — замечает Максим.

— В партию? — Умар поражен. Он переводит взгляд с Рамазана на Максима. — Разве таких, как я, берут?

— Именно таких и берут, — улыбается Максим и шутливо добавляет: — Меченых...

— Да ведь я малограмотный.

— Ты — большевик на деле, — произносит Максим. — Остается оформить это. Позовем Екатерину Александровну, она поможет.

Заявление Умара в кармане, рядом с «вещественным доказательством» — декретом, за который вступился Ильяс. Можно ехать.

— Мы проводим вас всем отрядом, — решает Умар. — Засада не снята.

— Не нужно, — возражает Рамазан. — Мы с Максимом уже все обдумали. Перехитрим. Ведь они полагают, что нам о засаде ничего не известно, воображают себя кошкой, которая притаилась у мышиной норки. А вместо мышки появится совсем другой зверь. Возьмем у вас один ручной пулемет, надо же его испробовать. Пусть Алхас узнает, что мы не зайцы. И Сомова с этим соглас-

на. А вашу силу демонстрировать сейчас не стоит. Придет час...

— О! И женщину с собой в огонь тащите! Нехорошо.

— Умар, эта женщина была пулеметчицей в отряде Пархоменко.

— Смотри. Но лучше бы всем аулом на них навалиться.

— Много чести гадам, — махнул рукой Максим. — Да и отрядом рисковать нельзя. Сил у вас мало, люди неопытные. Алхас может отрезать вас от аула, тогда отряду конец. Кстати, ни при каких обстоятельствах не выводи отряд из аула! Это заруби себе на носу, Умар.

Прощание. Тачанки пылят по дороге. Навстречу засаде. На первой тачанке — Рамазан. У него орлиное зрение, он ясно различает кусты, в которых расположились бандиты. Пожалуй, можно начинать. Его тачанка слегка разворачивается. Самое удобное место — до леса версты полторы, до засады — саженей триста. Ничего, пулемет достанет, не винтовка.

Люди мгновенно занимают боевые позиции. Максим сверяет расстояние с прицельной планкой. Указательный палец пытается слиться со всей пятерней.

И тотчас: та-та-та-та... Сразу же вступают и винтовки.

За кустами заметна возня, кто-то вскакивает, но тут же валится на землю. Чаще защелкали винтовочные выстрелы. Что-то плохо отвечают бандиты. Видно — это нечто вроде отвлекающей группы. Главное, как и предполагали, — впереди. Не прозевать бы...

Теперь у Максима как бы три глаза, он водит ими вправо и влево, вверх и вниз. Два глаза мечут ненависть, третий — огонь. В кустах, заметно поредевших, не шевелится ни одна ветка. Максим поворачивает все три глаза к лесу. Так и есть — на опушке появляется группа всадников. Они развертываются лавой, шашки наголо, головы прижаты к конским гривам.

«Далеченько развернулись, молодчики, не всякий конь выдержит такой карьер», — думает Рамазан. Максим успевает сосчитать — кажется, чертова дюжина. С какого края начинать? Слева направо. Огонь!

Тарахтят винтовочные выстрелы, их перекрывает гулкий гогот пулемета. Третий глаз ниже, еще, так! Не пропустить ни одного!

Лава переходит на галоп, вот-вот спешится. Тогда не

уйти. Рамазан и бойцы не спеша целятся — главная надежда на Максима.

— Огонь!

Пятеро или шестеро всадников все еще несутся навстречу своей смерти. Они совсем близко. Один из них поднимает голову. Неужели! Глаза Максима заволакивает туманом. Конь, несущийся на него, со всего размаху опрокидывается через голову, придавив всадника, остальные заворачивают к лесу.

— По тачанкам! Эй, Петро, заезжай вперед, я буду прикрывать! — кричит Максим. Петро нахлестывает лошадей. Когда его повозка проскакивает мимо, Максим замечает: раскинув руки, к задку приткнулась Сомова. Догнала пуля?

Максим то и дело оглядывается — нет ли погони. И зорко посматривает на громаду леса справа — опытный вояка обязательно бы выставил еще одну засаду, для страховки. Но ее нет. Впрочем, если бы не пулемет, вряд ли удалось бы им отсечь вражью лаву.

Вот уже и опасность позади, а его все трясет. «Эх, черт, и примерещится же, — бормочет он. — А то б ни одного не выпустил».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ошибся Максим: не Ильяс скакал на него, а Чох.

А Ильяс, тот самый Ильяс, которого он тащил с поля боя, тот самый Ильяс, который потом его самого вырвал из цепких лап смерти, лежал в темной землянке в лесу. Лежал на сырой соломе и, перебирая события последних дней, пытался выделить главное.

Все пошло через пень колоду с той самой минуты, когда он сорвался, набросился на Салеха. Ильяс знал: Салех не может быть на стороне бедняков, он богатей, кулак, свой огромный клин без батраков обработать не может. Раньше, до революции, Салех вообще редко появлялся в ауле. Но вот получилось так, что стал он у них председателем. Ильяс думал: пусть Салех, пусть сам шайтан, лишь бы наконец что-то переменилось.

А что менялось? Ровно ничего. Для чего же Ильяс два года торчал под пулями? Нет, ждать он больше не мог, а терпеть издевательства — тем более. Играть в прятки с Салехом — занятие не для него. Положено — давай, а нет — скажи прямо.

Однако же Салех прямо и сказал: не положено, Советская власть для всех. Вот этого Ильяс никак понять не может — власть для всех. Для бедных и богатых, для тех, кто воевал за нее, и для тех, кто подался к белым?

Конечно, так мог заявить только чужак. Впрочем, всем и без того известно, что Салех — противник Советской власти, горой за своих: ворон ворону глаз не выклюет. И все же пускать в ход палку не следовало, только дело испортил, даже Зачерий в Краснодаре не сумел помочь ему. И он решил возвратиться домой, будь что будет. А по пути в аул люди Алхаса случайно перехватили его и привезли в банду. Со связанными руками, с распухшей ногой притащили к атаману.

Ильяс снова и снова восстанавливает в памяти этот момент — именно здесь цепь его рассуждений обрывается, словно зацепившись за колючую проволоку. Как же все произошло? Когда они въехали в лес, к ним снова подскакал Шумаф, развязал его, помог спуститься с телеги и подал костыли. Из домика лесника вышел Алхас, подошел к нему.

— Есть аллах на небе! — воскликнул Алхас. — Знай, брат, я только и мечтал отплатить добром за добро, ведь таким людям, как я, это редко удается. Сейчас тороплюсь, отдохни, вернусь — навещу тебя.

— Алхас! — выкрикнул Ильяс. — Если ты действительно помнишь добро, которое сделал тебе мой отец, прикажи немедленно отпустить меня, я должен быть в своем ауле.

— Отпустить под пулю? — побагровел атаман. — Скажи спасибо своим друзьям, вовремя предупредили, удалось перехватить тебя, а то бы сегодня же поставили к стенке. Эй, Шумаф, отведи Ильяса в землянку, пусть его кормят и поят, пускай фельдшер посмотрит. Скоро, дорогой, увидимся.

Он сел на коня. Среди небольшой группы бандитов, сопровождавших атамана, Ильяс заметил и Аюба. Кавалькада во главе с Алхасом умчалась, а его привели в это логово.

Вот и все, что произошло в тот момент. Что же не дает покоя Ильясу? Что он такое узнал особо важное? Вот оно: «Скажи спасибо своим друзьям, вовремя предупредили...» Предупредили! Ильясу становится душно, кровь приливает к голове, тело покрывается потом: как просто объяснилась «случайность».

Теперь Ильяс и боли в ноге не чувствует — злость на

самого себя обрушивается на него, как молот, лишает последних сил. Злость и стыд. Он лежит опустошенный, опротивевший самому себе. В ушах звучит и тогда показавшийся ему диким вопрос Сулеймана: «А не откажешься от этих слов? Иной теперь за одного русского десять адыгов продаст».

Как же легко обвели его вокруг пальца! Конечно, Зачерий — враг, а Сулейман с ним заодно. Но как рассуждали! Председателя Салеха избил? Он отправился в город жаловаться? Воспользовавшись этим, ты удрал из аула? Спасать тебя надо? Кто же это сделает, если не мы, единоверцы! Спасибо Алхасу, раскрыл ему глаза.

Но теперь наплывает новая догадка, еще более мучительная. Уж раз эта шайка все так здорово выкрутила, то заботилась она вовсе не о том, чтобы у Алхаса появился еще один человек. Не для того каша заваривалась: им хотелось, чтобы адыгейская беднота увидела, что даже буденновцам не по пути с Советской властью. Сейчас по аулу наверняка катится невероятная новость: Ильяс в банде! Выходит, хочешь ты того или нет, а имя твое бьет по Максиму, Умару, по каждому, кто стоит за новые порядки, сечет не хуже пулеметной очереди. Сечет на радость салехам.

А Дарихан? Что думает она о муже? Два года мыкалась с пятью крошками, но тогда цель была ясна: покончить с теми, кто препятствует осуществлению Декрета о земле, отстаивает старые порядки. Тогда ее мучения смягчались надеждами на лучшее будущее. А теперь, когда его занесло в банду, когда он оказался среди людей, с которыми еще вчера сражался, что теперь скажет Дарихан?

А может, его догадки ошибочны? Нет, уж слишком все ясно: попался на удочку врагов.

Надо что-то срочно предпринимать, любой ценой сделать так, чтобы в ауле узнали, как он сплоховал, а там будь что будет. Надо выбраться из лагеря, проникнуть в аул и честно рассказать, что с ним случилось. Пускай понесет заслуженное наказание, зато вовремя будут схвачены такие предатели, как Зачерий и Сулейман. Пока день, следует осмотреться, наметить путь бегства.

Ильяс пытается приподняться, но боль в ноге приковывает его к соломенной подстилке. Непроизвольно из глаз катятся слезы: страшнее всего — умереть вот здесь, не оправдавшись перед товарищами, перед Дарихан и Максимом. Ну уж нет, предателем он не умрет.

Новая попытка подняться — и снова Ильяс на подстилке. Придется отложить осуществление замысла до тех пор, пока не окрепнет нога.

Наступает ночь, но сон не идет. Приходит утро. Двери землянки распахиваются, проем заполняет огромная фигура Алхаса.

— Жив еще? — коротко осведомляется атаман. Не дождавшись ответа, весело добавляет: — Живи, брат! Зачем помирать? Выздоравливай.

— Чем тут жить, — вырывается у Ильяса, — лучше помереть.

Алхас приглядывается к собеседнику, неожиданно вздыхает.

— Помирать везде плохо, Ильяс, это я знаю наверняка. В твоем же доме понял это. Да что толковать о смерти тебе, солдату, на котором живого места не найти. Пускай, Ильяс, помирают другие. А ты послушай меня внимательно. Первое. Что бы ты сейчас ни говорил, словами делу не поможешь. А навредить себе можешь в два счета. Поэтому держи язык за зубами. И второе. Попал сюда — лежи. Тебя будут поить, кормить, лечить. А ты лежи и молчи. Молчи и лечись. Выздоравливай. Так мне говорил твой отец, когда подобрал на дороге, так и я говорю.

Алхас просунул голову в проем, огляделся, тихо предупредил:

— Не вздумай смываться, предупреждаю: часовые пристрелят. И не надейся на наше ротозейство, мои помощники теперь каждую ночь будут дополнительные посты выставлять, муха не пролетит. Лежи и лечись. Прислать кого-нибудь из аульчан?

— Не нужно... — И вдруг вспомнил молодого Аюба.— Парнишка наш у тебя, может, знаешь, Аюб...

— Я всех знаю, — усмехнулся Алхас. — Будет у тебя Аюб.

Алхас поглядел пристально на Ильяса и вдруг както по-домашнему, что совсем не вязалось с его обликом, осведомился:

— А у тебя так сыновья и не появились? Одни дочери?

Наступила пауза.

— Не дал аллах, — смутился Ильяс. — Были бы и сыновья, — добавил, словно оправдываясь, — если б не война.

— А у меня сынишка где-то растет, — вырвалось у

Алхаса. — Пронюхала моя милка, чем занимаюсь, и сбежала на край света.

Это признание поразило Ильяса не столько своей откровенностью, сколько трагизмом.

— Сын! Да как же мог ты грабить? Все бросить надо было, хоть в тюрьму пойти, зная, что тебя ждет сын.

Атаман снова просунул голову в дверной проем, огляделся.

— Обложили меня тогда, — чуть слышно проговорил он. — Войска на меня пустили, окружили, еле вырвался. А потом долго по пятам гнались. Видел волка, которого охотники обложили? А когда удалось проникнуть в ее село, на дверях замок висел. Через соседку передала, чтоб не искал, — Руслан не должен знать, кто его отец. Искал долго, но не нашел — очень уж Россия велика.

Помолчали. Бесхитростный Ильяс решил, что сейчас самый подходящий момент переманить атамана на сторону революции.

— А ведь еще можно кое-что исправить, Алхас,— с чувством произнес он.—Сдайся властям, честно признайся во всем, может, и жена, и сын объявятся.

— Поздно, дорогой,— ответил атаман.— Видал камень, который катится с горы в море? Что его может остановить? Долетит до воды — и бултых на дно.

— Но ведь ты тащишь за собой на дно сотни людей, невинную кровь льешь. Подумал ты об этом?

Глаза Алхаса стали вдруг жесткими, непроницаемыми.

— Ладно, — бросил он раздраженно, — поболтали, и хватит, мне пора делом заняться. Предупреждаю: сегодня сам караульную службу проверю, а то шастают по аулам, как будто у меня пансион для жеребцов.— И скрылся, будто и не было его здесь.

Ильяс понял: неспроста закончил он разговор этими словами, ему сделано твердое предупреждение — не выходи из землянки, не вздумай искать дорогу в аул. Что же предпринять? Но подумать не удалось — в проеме землянки показался невысокий мужичок в офицерском кителе. От него разило самогоном так, что Ильяс закашлялся.

— Очухался, герой? — осведомился мужичок, усаживаясь рядом с Ильясом.— Докладай, что болит, фельдшер я, Степа.

Ильяс протянул забинтованную ногу, но фельдшер не дал себе труда даже взглянуть на нее — извлек из сумки

обтянутую серым сукном армейскую флягу и с радостной улыбкой всколыхнул ее.

— Слышишь? Самое верное лекарство. Перед едой принимай немного для дезинфекции, после еды для настроения, а в промежутках — просто так, чтоб во рту не пересыхало. И все пройдет.

Не успел он скрыться, как какой-то подросток принес котелок душистого варева. Поставив его на солому, долго разглядывал Ильяса.

— Чего уставился? — не выдержал Ильяс.

— Дык смотрю, как тебя чекисты разделали.

— Какие чекисты? — поразился Ильяс.— Ты что мелешь?

— Дык ведь ты из лап чекистов вырвался, интересно...

— Ну и как? — оживился Ильяс.— Подходяще разделали?

— Не очень,— признался подросток.— Ничего особенного, с нашими не сравнишь. Наши уж если начнут, то разукрасят так, что ни в рай, ни в ад не пустят. Кому звезду на груди выжгут, у кого на ремни кожу со спины сдерут, кому уши клещами отщелкнут. А кому и все вместе — это уж как повезет. А уж о ногтях и говорить нечего, никому не оставляют.

— И кто же так... отщелкивает? — Ильяс с трудом выговорил это слово.

— Дык сам понимать должен, начальство. Ерофейка, Чох. Ужин стынет, а они никак не уймутся. Хлебом не корми, дай только над пленным поиздеваться. А Ерофей на митинге говорил, что чекисты из тебя котлету отбивную сделали... До котлеты, дяденька, далеко. Котелок я, дяденька, в обед заберу, будь здоров.

— Постой, — задержал его Ильяс. — А ты-то как сюда попал?

— К вам-то, в банду? Вместе с поваром и меня прихватили, скоро год тут бедую. Еще при Деникине взяли, теперь при красных то же самое. Я пошел, а то влетит от повара.

Парнишка ушел, а Ильяс не мог притронуться к еде. Звезды на груди, отщелкнутые уши, вырванные с мясом ногти...

Размышления Ильяса прервало появление Аюба. Юноша словно бы застрял на пороге, раздумывая, входить ли. Лицо его выражало растерянность, недоумение, даже испуг. Он с величайшей осторожностью, словно

боясь испачкаться, присел на солому и стал напряженно рассматривать свои руки. Потом еле слышно пробормотал:

— Так ты, дядя Ильяс, добровольно? А я не верил... Одному хотел в ухо дать...

Ильяс пристыженно молчал. «Вот так и в ауле встретят или уже встретили эту новость, — думал он. — А Максим? Нет, Максим не поверит, он без всяких объяснений «даст в ухо» тому, кто скажет ему, что Ильяс в банде». Аюб, в общем-то правильно истолковавший затянувшееся молчание Ильяса, прошептал:

— Дядя Ильяс, давай-ка домой махнем, я проход хороший знаю. Тут ведь таких, как мы, с огнем не найдешь.

— Каких это, как мы? — заинтересовался Ильяс.

— Ну малоземельных, бедняков. К Алхасу сбегаются все, кто против Советской власти, всякая сволочь, уж я тут насмотрелся.

— Проход будет закрыт, — вспомнил Ильяс предупреждение Алхаса. И совсем тихо, так, что едва можно было разобрать слова, пояснил: — За это взялся сам атаман.

— У меня проход верный, — наклонившись к уху Ильяса, заверил Аюб. — Не раз проскакивал и возвращался. Его знают многие.

— Значит, о нем знает и Алхас, значит, он будет закрыт или оставлен как ловушка. Пойми, Аюб, старыми проходами сегодня пользоваться нельзя. Схватят. Или пристрелят...

— А как же быть?

— Мысль у меня есть... — Ильяс вдруг оборвал себя: можно ли довериться этому юнцу, не проговорится ли он? И тут же устыдился: ведь Аюб беспредельно верит ему, хотя факты против него. — Мысль вот какая: хорошо ли являться с пустыми руками?

— Может, пулемет прихватить? Или винтовки, — подсказал Аюб.

Ильяс еще раз подивился бесхитростности юноши. С болью подумал: уж если меня они сумели испачкать, то таких ребятишек, как Аюб, заманивают без особого труда.

— Пулемет, конечно, неплохо, но лучше бы прихватить какого-нибудь главаря — Чоха, Ерофея...

Лицо Аюба расплылось в улыбке, он глядел на Ильяса с неподдельным изумлением.

— Спасибо, дядя Ильяс, — прошептал он. — Спасибо, что поверил мне. — Разве я мог подумать, что ты просто так к бандитам переметнешься. Ты же для всех в ауле — красный герой. В банде догадываются, что дело не совсем чисто... Вот бы Алхаса пригнать, то-то смеху в ауле было. — Вдруг он умолк, вспомнив о своей поездке с Алхасом и Ибрагимом. — Дядя Ильяс, знаешь, где я был вчера ночью? В ауле! Сопровождал туда Ибрагима. А Ибрагим кто, знаешь? Помощник Улагая. И самого Улагая я видел, он встречался с Алхасом, они о чем-то договаривались. Из аула мы с Ибрагимом вернулись сюда ночью и с Улагаем уехали. Я их верст пять сопровождал, не один, конечно.

Это сообщение заставило Ильяса по-иному оценить складывающуюся обстановку. Все окончательно запутывалось. Он понимал, какую опасность представлял сговор контрреволюционеров с бандитами, хорошо помнил, в каком тяжелом положении оказалась их дивизия, когда к белякам переметнулся Махно. И тут вражеские силы объединяются. А что могут сделать они, люди, преданные Советской власти, случайно оказавшиеся во вражеском логове? Ответить было не просто — ведь он по сути ничего не видел, ничего не знал. И нога держит его в землянке. Значит, надо выждать, не торопиться с решением.

— Кто сказал, что это Улагай? Ибрагим?

— Узнал сам, он ведь два года назад был в нашем ауле, мобилизацию проводил. Такого не забудешь.

— Решим так, Аюб. Занимайся пока своими делами, как обычно, слушай в оба уха, все запоминай, все может пригодиться. Сам ничего не предпринимай, ни с кем не вступай в споры, затаись, мне нужно хоть немного ногу подлечить, совсем не ходит она у меня. А за это время что-нибудь придумаем. Согласен?

— Спасибо, дядя Ильяс, что поверил, уж теперь я от тебя не отстану.

Поев и насильно хлебнув из фляжки, Ильяс уснул. А проснувшись, выбрался из землянки, прихватив костыли. Опираясь на них, поджав распухшую ногу, сделал несколько шагов. Вполне терпимо, так и по лагерю можно передвигаться. Однако же требуется навык, и Ильяс трудится до седьмого пота, вышагивая вокруг землянки.

Сделав передышку, достал котелок и, ориентируясь по запаху, как не раз бывало на фронте, направился к кухне. Костыли отлично держат, да и нога не так уж

донимает. Впрочем, опираться на нее Ильяс не собирается — нога ему нужна здоровая, крепкая, уж какой ни сложится план действий, многое решат именно ноги. Останавливается неподалеку от шалаша, в котором повар оделяет бандитов варевом, прячется за деревом, наблюдает. Люди шумно едят, переругиваются, кто-то кого-то окликает, кто-то вскрикнул и разразился дикой бранью — его исподтишка огрели костью. Набросившись на обидчика, бандит пытается ухватить его за глотку, вот-вот вспыхнет драка.

— Ша, гады!.. — раздается отрывистый надменный окрик.

Картина резко меняется. Обиженный и обидчик разлетаются в разные стороны, шум вокруг кухни смолкает, слышится лишь сосредоточенное чавканье.

«Кто это? — прикидывает Ильяс. — Ведет себя, как хозяин».

До этой минуты он полагал, что, кроме Алхаса, здесь никакое начальство не признают. О Чохе и Ерофее он слыхал, но и предположить не мог, что кто-либо из них столь авторитетен среди этой отпетой братии. Очевидно, это Ерофей. «Зря покинул землянку, — думает Ильяс, — такому лучше не попадаться на глаза». Но хищный взор Ерофея уже засек человека в буденовке.

— Эй, новичок! Как тебя там, Ильяс, что ли? Ко мне!

Ильяс наваливается на костыли и нехотя ковыляет к Ерофею. Это высокий человек с каким-то прямоугольным лицом — лоб низкий, лохматые черные брови, под ними узко сидящие, глубоко запавшие глаза. Широкий, выступающий вперед, литой подбородок. В причудливой тени, которую отбрасывает колеблющаяся под ветром листва, это лицо кажется высеченным из темного камня. И взгляд каменный. Глаза Ерофея напоминают Ильясу отверстия двустволки — вот-вот пальнет...

— Это что же такое? — Ильяс смерен с головы до ног. — Эт-то что же такое? Ты кто такой?

«Новая провокация», — решает Ильяс. И дает себе слово не сорваться, не натворить новых бед.

— Адыг, — отвечает он, недоуменно пожимая плечами. — Адыг я...

— Адыг... — цедит Ерофей. — Дубина ты! Ты кто такой, что позволяешь себе ходить по нашему лагерю в этом дурацком колпаке? — Ерофей делает шаг вперед и тянет руку к буденовке.

Кровь бросается в голову Ильяса: уж чего-чего, а надругательства над собой он не потерпит. Тверже опирается на здоровую ногу, чуть высвобождает левый костыль. И вдруг вспоминает: срываться нельзя!

— А ты кто такой? — осведомляется Ильяс, делая шаг назад.

— Молчать! — не повышая голоса, но властно и угрожающе командует Ерофей. — Дава́й сюда свой колпак, паршивец! Жи́ва...

Ильяс не шелохнется. «Только бы не сорваться! — приказывает себе, — только бы не проглотить крючок, брошенный Ерофеем...» Но тут раздается спокойный, чуть насмешливый голос Алхаса:

— Эй, вы там!

Ерофей, Ильяс, а также бандиты, с небывалым интересом наблюдавшие за редкостной сценой, повернулись к атаману: чью сторону он примет? Середины тут, как им кажется, быть не может. Но Алхасу приходилось решать и более сложные задачи.

— Петухи! — роняет он, поравнявшись с Ерофеем. — Лаете друг на друга, как щенки, которые не знают, что у них одна мать.

Он отходит от спорящих, словно решив закончить на этом недоразумение. Вдруг останавливается и уже совсем иным тоном, тихо, но раздельно и жестко добавляет:

— Ты, Ильяс, не понял Ерофея. Он просто-напросто хотел сказать, что у нас так не одеваются. После обеда тебе выдадут новую одежду и папаху. Сапоги получишь, офицерский костюм, нижнюю рубаху и подштанники. Отобранный при задержании нашими ребятами наган возвращаю, бери, он твой. У нас тут во всем полная свобода, можешь носить не только буденовку, но даже цилиндр или соломенную шляпу. — На лице Алхаса — подобие улыбки. — Вон, смотри, там один во фраке по лесу ходит. Но буденовка может тебе стоить жизни, ведь это — наша главная мишень, в бою свои шлепнут. Чему я учу народ? Какая первая задача? Меть в звезду!

Ерофей самодовольно огляделся, бросил Ильясу:

— Пожрешь и явишься за обновками.

— Я не все сказал, — оборвал Ерофея Алхас, и лицо его порозовело. — Порядок — для всех порядок, Ильяс оденется, как все. Но я хочу, чтобы все знали... — Его холодные глаза вонзились в Ерофея. — Я хочу, чтобы все знали: Ильяс — мой брат!

Обычно Алхас ходит, слегка переваливаясь, грузная плоть давит, ему лень следить за походкой. Сейчас он удаляется, твердо чеканя шаг, подтянутый, грозный.

Котелок Ильяса наполняют вкусным варевом, пахнущим чесноком и бараниной. Усевшись неподалеку от кухни, он с жадностью набрасывается на еду. Да, надо побыстрее набираться сил и действовать. После такого инцидента в ауле пойдет слух, что их земляк — буденновец стал чуть ли не правой рукой атамана, уже и Ерофей не властен над ним. Вдруг приходит мысль: а может, и это — часть все той же «операции», конечной целью которой является убедить всех в том, что Ильяс в банде по своей воле? Он ожесточенно ворочает во рту куски щедро наперченного мяса, прямо из котелка хлебает острую, будто сваренную из колючек подливу и дает себе слово впредь владеть собой при любых обстоятельствах.

К Ерофею его сопровождает фельдшер Степа. По пути рассказывает, где что находится, указывает на землянку Чоха, сообщает, как далеко выбрасываются посты ночью.

— Ты с Чохом еще не виделся? — полюбопытствовал Степа. — У него на тебя особые виды.

Эта новость заинтересовала Ильяса: фельдшер, как он сам сказал, был первым собутыльником Чоха и говорил только то, что знал точно.

— Зачем ему я? — спросил Ильяс.

— Он надумал создать группу подрывников. Ну, диверсантов. Взрывать мосты, здания в городах. Допустим, проникла группа подрывников в город, заложила взрывчатку под здание ЧК, приспособила адскую машину и отошла. А через час-другой — ба-бах. А что? Ты, я вижу, парень серьезный, сумеешь это наладить.

Ильяс получил не только новое обмундирование, но и пять пачек патронов к нагану, вещевой мешок, запасные портянки, белье. Все это, а также буденовку он запихал в вещмешок.

Пока фельдшер перебинтовывал ему ногу, он смазал и зарядил наган, вытер его ветошью и погладил ладонью. По пути к своей землянке Ильяс обнаружил строительство — группа бандитов сооружала подземное хранилище. Часть его уже была покрыта крышей, ее маскировали дерном. Видно, Алхас готовился к зиме. «Неужели не покончим с ним раньше?» — подумалось.

Отоспавшись, Ильяс собрался на ужин. Теперь в лагере было значительно больше людей. То тут, то там

встречались группки: одни играли в карты, другие выпивали. Его догнал паренек с красивым, по-мужски броским лицом, в синей черкеске с газырями. Это был пленивший его Шумаф.

— Как живется у нас? — приветливо спросил он.

— Привыкаю, — ответил Ильяс, изобразив на лице подобие улыбки.

Шумаф проводил Ильяса до кухни. Оглядевшись и убедившись, что поблизости никого нет, прошептал ему в самое ухо:

— Тебе, говорят, дадут группу динамитчиков. Потребуются крепкие ребятки, а людей ты не знаешь. Я посоветую. Наберем такую группу — хоть с самим аллахом в бой вступай.

«А ведь рядовой боец, — думал о Шумафе Ильяс. — Откуда у него звериная ненависть к Советской власти? Сам рвется туда, откуда большинство старается увильнуть. Динамитчик! Такой вот, не задумываясь, взорвет детский приют или лазарет, даст очередь по старикам и женщинам».

Возвращаясь в землянку, Ильяс уже по-новому смотрел на встречающихся бандитов. Кто вот этот, Аюб или Шумаф? Или и вовсе не определившийся, заблуждающийся? Об этом же думал и ночью. Как поведут себя они, когда начнут громить банду? Аюбы, конечно, поднимут руки вверх, а шумафы будут отбиваться до последнего дыхания.

Утречком, едва рассвело, заскочил Аюб.

— Ты не спишь, дядя Ильяс? — зашептал он. — Спасибо, спас мне жизнь. Не выдержал я, хотел ночью в аул сбегать. Понимаешь, по своему делу, с Бибой надо срочно потолковать. Обидел ее немножко, хотел сказать, что уже исправился. О наших делах бы намекнул, чтоб знала, что я теперь не зря торчу у Алхаса. Ты не бойся, ей можно доверить любую тайну. Пополз к одному проходу — часовой. Пополз к другому — еще один. Ушел спать. А сейчас узнал: этой ночью одного все-таки застрелили — хотел жену проведать...

— Примета среди буденновцев ходила, — откликнулся Ильяс. — Если человек избежал верной смерти, до старости доживет.

— Ой ли? — едва слышно выдохнул Аюб. — Сейчас должен в засаду идти — Алхас кого-то перехватить собирается. Чох со своими всадниками тоже готовится. Эх, дядя Ильяс, если б ты знал, как мне эти засады... Я-то

палю в сторону, а остальные? Придумывай поскорее, как выбраться из этой поганой кучи.

Аюб ушел, Ильяс стал щупать больную ногу. Вдруг до него дошел смысл сообщения, сделанного Аюбом. Засада! Аюб с одной группой бандитов обстреляет ни о чем не подозревающих путников, а Чох со своими конниками довершит расправу. Лежать не мог. Но и не мог позволить себе броситься к Алхасу с уговорами: все уже в его мозгу стало на свои места, понимал, что для атамана его слова — пустой звук: Алхас — человек отпетый. И новая мысль заколотилась: а нужен ли красным бандитский «язык»? Может быть, Аюб прав: надо поскорее выбираться отсюда любой ценой, сообщить о Зачерии. Ведь от него ниточка может потянуться ко многим скрытым агентам. Один Сулейман чего стоит!

Думай, Ильяс! А как нога? Ильяс осторожно касается больной ногой земли. Ничего, терпимо. Прихватив котелок, отправляется на кухню. В лагере необычно пусто, возле повара теснятся незнакомые люди. Получив свою порцию, Ильяс отходит подальше и начинает хлебать наваристый суп. Услышав конский топот, головы не поднимает. Не сразу до него доходит, что его зовут.

— Ильяс! — слышится снова. Это Шумаф. Взмыленный конь бьет копытами, с уздечки слетают хлопья пены. — Ильяс, очнись. Лекаря не видел?

— Нет, не видел...

— Влетит ему, гаду. Вот-вот бой завяжется, а его нет.

— С кем воевать будете? — сдерживая волнение, спрашивает Ильяс.

— А нам все равно, — хмыкает Шумаф. — Лишь бы рубить...

Повернув коня, он огрел его нагайкой и скрылся в чаще. Ильяс заковылял к своей землянке. Правый костыль то и дело задевал кобуру с наганом. Остановившись, передвинул ее на живот. Идти стало легче, но угнетала мысль, что теперь он и внешне похож на бандита — именно так носили свои револьверы алхасовцы. Еще бы финку за пояс.

Улегся возле землянки. Тихое летнее утро, солнце угадывается за плотными кронами дубняка. Кое-где, нащупав щелочку в листве, пробиваются ласковые лучики, один подрагивает совсем рядом с Ильясом. К лучику осторожно приближается синица: очень уж он напоминает пшеничный колос. Ильяс не шевелится: вот сейчас добе-

рется до него и долбанет своим серым клювиком. Вдруг Ильяс отчетливо расслышал характерный стрекот ручного пулемета. Очередь, еще одна. Длинная очередь. Винтовочные выстрелы, какое-то щелканье. Вскочив, приладил костыли и поскакал туда, где шел бой. Заметил впереди группу людей, бросился к ним. С опушки хорошо просматривалась дорога. Совсем недалеко отсюда родной аул.

Подойдя ближе, Ильяс понял, что скоротечный бой уже кончился. Получилось, видимо, не так, как замышлял атаман. Перед Алхасом стоял Масхуд, имевший в свое время отдельную банду. Потеряв людей, он примкнул к Алхасу.

— Говори! — выкрикнул Алхас. — Говори, где люди?

Масхуд молчал, со лба его стекала струйка крови.

— Лекарь! Что у него?

Фельдшер Степа неторопливо приложил ко лбу Масхуда тряпку.

— Царапина, — пренебрежительно и с какой-то гримасой на лице бросил он.

— Где твои люди? Кто с тобой был? — повторил вопрос Алхас на этот раз негромко, но угрожающе. — Где оружие?

— Аюб и Татлюстен были, — пролепетал Масхуд. — Оба убиты. Помочь им уже нельзя было, и я бросился за подмогой...

Окончания фразы Ильяс не расслышал. Что-то толкнуло его к кустарнику, в котором только и могла скрываться засада. Бежал, почти не опираясь на костыли, в мозгу словно дятел долбил: убит, убит... Вот и реденькие подстриженные пулеметной очередью кусты. Аюб лежит лицом вверх, на сером, залитом кровью бешмете чернеет небольшая пробоина. Юноша хрипит, пытаясь что-то сказать. Жив! Надо спасать. Он рвет на полосы новую рубаху, поднимает раненого и вдруг замечает, что тот наблюдает за его действиями: очнулся и узнал земляка, даже улыбнуться пытается. В горле у него что-то булькает, клокочет, изо рта вырывается кровавая пена. Слов не разобрать.

Ильяс задирает мокрую от крови рубаху Аюба, обнажается худое, костлявое тело. На груди, слева, зияет пулевое отверстие. Заткнув его клочком материи, он накладывает повязку. Глаза юноши снова открываются. Он тщетно пытается что-то сказать.

— Поживем еще, — бормочет Ильяс, соображая, как бы приподнять паренька одной рукой. Тогда второй он обопрется о костыль и дотащится до аула. Меджид-костоправ — вот кто сейчас нужен. Удержать раненого одной рукой он не может. Остается одно — взвалить на себя и ползти на четвереньках.

Но тут раздается топот. Рядом кто-то соскакивает с коня.

— Жив? — гремит голос Алхаса. — Степка!

Над Аюбом склоняется фельдшер.

— Последние хрипы... — роняет он. — Чуть бы пораньше...

Оттолкнув фельдшера, Ильяс приподнимает голову Аюба. С ужасом видит: глаза юноши тускнеют...

— Забрать убитых! — слышит он команду Алхаса. — Дать Ильясу коня.

Кто-то помогает Ильясу сесть в седло, подает костыли. Жалость к парнишке рвет сердце. Может, лучше было бы Аюбу минувшей ночью попытать счастья?

На площадке возле кухни Ильяс спешивается, Шумаф подхватывает повод, помогает ему стать на костыли. Только теперь Ильяс замечает, что здесь затевается нечто вроде судилища. На скамье у стола, под дубом, где обычно обедает начальство, сидит Алхас. В сторонке, уже под охраной — Масхуд. Чуть подальше, держась за стремя коня, стоит с перевязанной головой Чох. Ерофей и еще несколько начальников жмутся тесной группкой неподалеку от Алхаса.

— Подойди-ка сюда, Ильяс, — отрывисто произносит Алхас, указывая рукоятью нагайки на группу, где стоит Ерофей. Ильяс проковылял на указанное место. Бандиты расступились, расчистив ему место рядом с Ерофеем.

— Масхуд! — негромко позвал Алхас. — Дерьмо собачье...

Бандиты, конвоировавшие Масхуда, подтолкнули его к атаману.

— Гранаты были?

— Забыл...

— Трус! Дерьмо! Выбросил, когда улепетывал. Где его гранаты?

Кто-то подает Алхасу четыре лимонки без запалов.

Свистит нагайка, Масхуд сжимается под ударами, втягивает голову в плечи. Алхас бьет не спеша, перемежая удары такими же хлесткими репликами.

— Как заяц скакал через поле... — Удар. — Людей бросил... — Удар. — Не помог раненому, шакал... А Чох где?

Опустив стремя, Чох нетвердой походкой приближается к атаману. Алхас разглядывает его, помахивая нагайкой.

— Ты... Ты погнал людей на пулемет? Как мог? Где голова была?

Вдруг Чох валится на траву.

— Притворяется? — Алхас повернулся к фельдшеру.

— Никак нет, — возразил Степа, склонившийся над Чохом. — Крепко ему досталось. Дозвольте унести?

— Уноси, — беззлобно, даже как-то равнодушно проговорил атаман. И тем же тоном, указав на Масхуда, спросил: — А с этим что будем делать?

— К стенке! — требует Шумаф. — Трус, и раненого бросил.

Алхас повернулся к Шумафу.

— Уведи... — И вдруг стал оглядывать собравшихся. — Где Салех?

— Здесь был, — тотчас откликнулся Ерофей. — Наверное, дрыхнет в землянке. Щас тут будет.

Ерофей сделал знак, двое парней бросились за Салехом.

У Ильяса перехватило дыхание: выходит, их председатель прямо связан с бандой. Что же, он специально довел его до бешенства, специально устроил так, что Ильяс взялся за палку? Ну подлые души, я вам все припомню. Ильяс закрыл глаза, сделал глубокий вдох. Выдох. Еще вдох... «Спокойнее, спокойнее, — стал уговаривать он себя. — С Салехом, кажется, они управятся сами, а тебя ждет работа поважнее».

Приводят Салеха. Он в той же нарядной черкеске, на поясе серебряный кинжал, лицо озаряет улыбка: человек отоспался и ждет награды. Но при взгляде на Алхаса он вдруг никнет, замирает на месте: что-то случилось.

— Ты знал, что у них есть пулемет? — спрашивает Алхас.

От страха Салех не может произнести ни слова, он только трясет головой: нет, не знал... Голова покачивается вправо-влево, как заведенная, кажется, он не в состоянии ее остановить. Ильяс отворачивается, горечь подкатывает к сердцу: попасться на крючок такому ничтожеству. Как посмотрит в глаза Максиму, товарищам, жене? Нужно что-то придумать.

Алхасу надоело глядеть на одуревшего от страха союзника. Нагайка в его руке вздрогнула, приподнялась.

— Говори по-человечески, — приказал он.

— У них не было пулемета, когда приехали, — пролепетал Салех. — Не было. Я встретил всю группу на площади.

«Он говорит правду, — думает Алхас. — Если бы у них был пулемет, Зачерий предупредил бы».

— Не было, когда приехали, — повторяет Алхас. — Не было... Это я и без тебя знаю. Но когда они уезжали, пулемет у них был, вот в чем дело, Салех. Выходит, они его достали в ауле. Где? У кого? — Его осеняет невеселая догадка: не эти ли пулеметы обещал ему Улагай? — Салех, где Кучук хранил оружие? — вкрадчиво, словно приготовившись к прыжку, осведомляется Алхас.

— Н-не знаю, — с трудом выговаривает Салех.

— Подумай хорошенько, Салех, ты не мог не знать.

Салех молчит. Кажется, спектакль окончен. Но тут, уже совершенно неожиданно для всех, объявляется новое действующее лицо: Измаил. Он шагает решительно и, кажется, намерен предъявить атаману какой-то счет. Внезапно взгляд его наталкивается на нечто из ряда вон выходящее: в стороне, прямо на траве, уложены тела убитых в недавней схватке. Измаил останавливается так круто, будто натыкается на стену. Скрестив руки на груди, шепчет молитву. Все остаются на своих местах. Алхас нетерпеливо пощелкивает кончиком нагайки по голенищу. Дань усопшим отдана. Измаил подходит к атаману, здоровается.

— В ауле создан красный вооруженный отряд, — сообщает он без предисловий. — У них не только винтовки, но и пулеметы.

Вот это здорово! Ильяс чуть было не выкрикнул: «Сколько человек?» Вместо него этот вопрос задал Алхас.

— Около сорока. Землю уже переделили, меня сделали нищим.

— Не плачься, Измаил, не перед аллахом предстал. А насчет пулеметов не врешь? — Алхасу уже все ясно, но он решает раскрутить этот клубок до конца при всех. Такая у него система: люди должны думать, будто от них ничего не скрывают.

— Пора бы тебе знать, — грубовато замечает Измаил, — что мои сведения в перепроверке не нуждаются. У меня в отряде свои люди.

— Кто? — Алхасу не нравится, как Измаил разговаривает с ним.

Ильяс потянулся вперед. Но и Измаил оказался не так прост.

— Верные люди, на них вполне можно положиться.

— Пусть так, — согласился Алхас. — Где взяли пулеметы?

— Улагаевские, у Салеха нашли, кто-то, видимо, выдал.

— У Салеха? — Алхас кажется спокойным, только рука с нагайкой чуть-чуть подрагивает. Нагайка у него, как у святоши четки, нечто вроде громоотвода. — Не врешь?

— Что с тобой, Алхас? Удивляешь! Разве Салех не сообщил? Он во время обыска прятался у соседа, потому и подался к тебе.

Измаил повернулся к Салеху.

— Салех? — В его голосе недоумение. — Как же так?

— Вот и я спрашиваю Салеха: как же так? — с какой-то горечью выговорил Алхас. — Из-за твоей трусости мы не только упустили Максима и целую группу чекистов, но и потеряли столько джигитов.

Салех молчит, опустив глаза. Алхас достал из деревянной кобуры длинноствольный маузер, сделал шаг вперед. Потом, ни на кого не глядя, направился к дому лесника. Его догнал чей-то возглас:

— Наградить Ильяса! Раненого спасал.

— Согласен! — Алхас двинулся к Ильясу, обнял его, затем снял с себя портупею с маузером. — Держи, брат. Спасибо. Ты, как твой отец, настоящий адыг.

Ильяс молча принял оружие. Впервые за последние дни на его лице появилась улыбка. Впрочем, относилась она не к маузеру, как полагали бандиты. «Упустили Максима!» — эти слова Алхаса бьются в сознании, вытесняя все остальное. Значит, Максим знает о его беде, ищет его. А он что предпримет?

В тот вечер в лагере было тихо и спокойно. Ильяс почистил маузер, изрядно запущенный атаманом, и решил проверить его в действии. И хотя стрелять, опершись на костыли, было непривычно, он сумел в нескольких местах продырявить консервную банку. Пришла ночь, но сон не шел. Гибель Аюба не только ударила по сердцу — Ильяс успел привязаться к этому юноше, — но и сделала неосуществимыми еще недодуманные до конца планы. Лишь под утро Ильяс, перебрав все возможные

варианты действий, пришел к выводу, что ему остается одно: напроситься в засаду, под угрозой маузера привести бандитов в аул. Нога ведет себя сносно, дальнейшее пребывание в банде теряет всякий смысл, а сведения об агентуре врага могут оказаться полезными, если командование получит их своевременно.

Приняв решение, под утро уснул. Но поспать долго не пришлось — за ним явился ординарец Алхаса.

Алхас собрался завтракать, когда вошел Ильяс.

— Садись. — Атаман указал на стул. — Выпьем, лучше разговор пойдет.

Ильяс уселся напротив хозяина, их взгляды встретились. Почти минуту глядели они друг другу в глаза, словно пытаясь прочитать чужие мысли. Впрочем, в этом отношении Алхас был в более выгодной позиции — и настроение, и замыслы Ильяса, в общем-то, не являлись для него секретом. Понимал и то, что Ильяс давно разгадал истинную причину своего превращения в бандита, и то, что он готов на самый отчаянный шаг, чтобы покончить с этим. Дать кому-либо в обиду Ильяса, а тем более поднять на него руку Алхас не мог — переступи он через этот святой адыгейский обычай, и авторитет его в банде рухнет навеки. Между тем, вооруженный наганом и маузером, который он сгоряча подарил ему, Ильяс становился крайне опасным. Алхас уже было стал склоняться к тому, чтобы создать своему «брату» условия для побега, как вдруг этой ночью прибыл приказ: выслать связных в штаб Улагая. Пусть же одним из них станет Ильяс. Что он потом выкинет — не его забота.

— Позвал я тебя, — проговорил он, разливая по стаканам вино из бутылки с иностранной этикеткой, — чтобы посоветоваться.

Он осушил стакан и принялся за еду. Потянулся за индейкой и Ильяс.

— Ты сейчас не в курсе событий, — нарушил молчание Алхас, — поэтому сообщу, что на белом свете происходит. Врангель хорошо укрепился в Крыму, сделал удачную вылазку на Каховку. Но теперь там тихо. Значит, слухи о том, что на Кубани вскоре высадится десант, вполне могут подтвердиться. Если десант появится, ему обязаны помочь все мы — белые, зеленые, черные, каурые. Понял? Для того и Улагай тут сидит. На днях я согласился перейти под его командование. Будет приказ — выступлю.

Ильяс, позабыв о еде, слушал, не пропуская ни слова. Слушал и думал: с какой стати атаман все это ему рассказывает? Пытается запутать или наталкивает на какое-то решение?

— Видимо, — продолжал между тем Алхас, — время решительных действий приблизилось — сегодня ночью мне приказано выслать в штаб Улагая связных. Работа сложная, не каждому могу ее доверить. Тебе — могу. Но многие считают, что ты должен заменить Чоха. А что? Чох создал себе славу нагайкой, ты — храбростью. И я буду рад, если ты станешь моим заместителем. Решай сам.

«Лучше бы всего, — думал в этот миг Ильяс, — немедленно перебраться к своим. Но и в штаб Улагая заскочить неплохо. Может, наши и не знают, где этот штаб скрывается. А уж на обратном пути, с приказом, прискачу в аул. Или в город к Максиму — куда ближе окажется».

— Чоха мне не заменить, — словно бы в раздумье произнес Ильяс. — А связным бывать приходилось, в штаб Семена Михайловича донесения доставлял. Маузер-то при мне останется или отберешь?

— Маузер — твой, кто же награду отбирает, носи. И подготовься — сегодня ночью выступите.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Не успел Максим вернуться в город, как снова выезжать приходится. Улучив момент, завернул в лазарет, куда отвезли Сомову, стал расспрашивать не очень любезного врача.

— Пулевое ранение в грудь, большая потеря крови, — повторил доктор уже однажды сказанное. — Пропустить к ней не могу, ей необходим полный покой. Скажу, что заходил Перегудов.

Максим нерешительно мнется.

— Опять уезжаю, кто знает, удастся ли снова свидеться...

Довод убедительный, но и он не действует в этих обстоятельствах.

— Да, время тяжелое, все возможно, — согласился врач. — Но поделать ничего не могу, с сердцем у нее плохо, волноваться совсем нельзя.

Его ждет Петр Иванович Сибиряк, председатель комиссии по борьбе с бандитизмом. Едва порог переступ-

пил — вопрос: зачем назначил командиром караульной роты белогвардейца? Откуда известно? Нам все известно.

Максим понимает — источник мог быть только один: Зачерий. Он пытается доказать, что Мурат сделал окончательный выбор.

— Если предаст — отдадите под суд меня!

— Это-то мы догадаемся сделать, — морщится Сибиряк. — Только что проку. А как с комиссаром?

— Получит Умар партийный билет, сможете оформлять. Других коммунистов в ауле пока нет.

— Надежный товарищ?

— Не знаю, — снова раздражается Максим. — Точно такой, как я, только посмелее и лучше в ауле людей знает.

— Ты бы сдерживал себя, Максим, — спокойно советует Петр Иванович. — Ошибаться способен каждый. И я, и ты. А ведь наша ошибка для многих людей может оказаться непоправимой, роковой. Посмотри-ка лучше вот это... — Он подает Максиму сложенный вчетверо, вырванный из конторской книги листок. Вверху — отпечатанные типографским способом графы: дебет, кредит, сальдо. Максим не спеша разворачивает его. Коряво, печатными буквами химическим карандашом выведено: «Улагай ехал наш аул, кибитка парусина верху черны кони». Подписи никакой, разумеется. Раз прочитал, потом еще раз.

— Не много, конечно, — говорит Сибиряк. — Но если вдуматься, то и не так уж мало.

— А что, собственно, в этой записке нового? — задумывается Максим. — Улагай был в ауле? Где он был, мы знаем. А вот где он теперь? Куда собирается?

— Автор записки его видел: черны кони... А может, беседовал с ним. И наверное, выдал бы с потрохами, но боится. Улучил минутку, сунул записку в конверт, на нем название аула нацарапал — Новый Бжегокай, и наш адрес. Эта записка — большая удача. Черны вороны кони мои...

Петру Ивановичу кажется, будто Максиму не нравится новое поручение. Если посмотреть на все по-человечески, то после той нервотрепки с Алхасом ему надо бы с недельку отдохнуть. Да что поделаешь, не до отдыха теперь коммунистам. Да и беспартийным. Всем, кто новой властью дорожит. Сам было собрался пуститься по следам анонимки, да Полуян запретил: чего-то ожи-

дает. Впрочем, известно чего: в воздухе врангелевским десантом пахнет. Уже не только в станицах, в городе его листовки находят.

— Надо съездить, — хмуро заключил председатель.— Задание такое: организуй там караульный взвод. Или полуроту, если наберутся охотники. Возьми с собой десяток людей, ручной пулемет. Маршрут: поездом до станции Энем, там стоит продотряд. На его подводах до аула. С начальником отряда столкуешься, парень свой. Я бы другого послал, — пряча глаза, добавляет Сибиряк. — Но ведь ты по-черкесски немного разговариваешь, большущий, между прочим, это плюс.

«Вот сейчас спросит, как здоровье Ильяса, — похолодел Максим. — Всегда ведь спрашивал...»

Но на этот раз Петр Иванович словно бы позабыл о друге Максима — пожал руку, суховато пожелал успеха и углубился в бумаги. А Максим не уходит — есть деликатное дело. Оговорившись, что разговор чисто товарищеский, что он просто советуется со старшим, рассказывает начальнику о подозрениях насчет Зачерия. Да, фактов никаких, одни предчувствия. Но, быть может, когда появятся факты, исчезнет Зачерий.

— Конечно, чутье — это важно. — Сибиряк поднялся, заходил по комнате. — Но нужны и доказательства. Спасибо, Максим, присмотримся. А вообще Зачерий — человек полезный, на продразверстке просто незаменимый. Кто больше его хлеба достает? В общем, присмотримся...

Подготовка к отъезду — дело непростое. Надо подобрать бойцов, очень обстоятельно растолковать им, как вести себя в ауле, что получится, если не соблюдать установленных правил. Нужно запастись сухим пайком на все время командировки, боеприпасами, как-нибудь замаскировать пулемет. Из старой команды едет один Петро — старшим будет.

...В Энеме сходят с поезда на рассвете. Продотряд находят тут же, в пристанционных пристройках. Начальник, худощавый паренек в очках, настроен пессимистично.

— Ни один черт в этом ауле сейчас ничего не создаст. Карту смотрел? За рекой — лес, тянется на много верст. А в лесу что-то подозрительное творится. Я уже докладывал. Если банда, то особая какая-то. Притаилась, что ли. А может, и не банда, а кое-что похуже. Дали бы нам человек пятьсот с тремя орудиями и десятком пулеметов, мы бы быстро все выяснили, а малыми

силами и соваться нечего. При таком положении многие аульчане норовят в сторонку: ни нашим, ни вашим. Битые. Повернули за красными, деникинцы припомнили им это, пошли к Клычу — красные построже стали. Вот и попритихли.

— Ну не все, — уточнил Максим. — Есть и определившиеся.

— Есть. Богатеи в основном. Впрочем, определилась, конечно, и беднота, давно определилась, но страх еще держит ее крепко. А середняк мечется — прогадать боится.

Попили кипятку. Продотрядовцы подарили группе Максима мешок воблы, проводили за околицу.

— Не задерживайся, — посоветовал на прощание начальник. — И не клади палец в рот председателю: рыльце у него в пушку.

Аул выплыл как-то сразу: за деревьями показались глинобитные хатенки, окруженные ветхими плетнями, пустынные улочки, кривые проулки. Сельсовет занимал большое здание в центре, здесь вполне можно было расположить отряд. Но у Максима другие планы.

— Наш отряд, —говорит он председателю, — не имеет никаких задач, кроме агитационных. Разъясняем политику Советской власти. Поэтому нам хотелось бы жить среди людей, с людьми.

Довлетчерий, мужчина лет пятидесяти, с крупным мясистым загоревшим лицом и глубокими морщинами на лбу, мучительно соображает — согласиться с этим чудаком или нет? На всякий случай решает воспротивиться — ведь в сельском совете отряд всегда будет на виду.

— У нас нет такого большого дома, где можно было бы разместить столько людей. Живи тут.

— Ладно, будем жить тут, — соглашается Максим.— Теперь давай пройдемся по аулу.

— А что? — настораживается Довлетчерий. — Аул, как и все аулы. Ищешь кого? Нет? Тогда зачем ходить? Люди всполошатся.

Но Максим поднимается, оставляет винтовку Петру и выходит. Довлетчерий неохотно следует за ним.

— Зачем винтовку оставил? — спрашивает он. — Ваши ребята по аулу всегда вооруженные ходят.

— Это потому, что местных обычаев не знают, — отбивается Максим. — Ведь гость председателя — гость всего аула. Так ведь?

Довлетчерий что-то бормочет. Хитер же этот русский — он не только возложил на него ответственность за свою безопасность, но и назвался гостем.

Но, как выяснилось позже, русский оказался вдвойне хитер. До обеда они не успели побывать даже на половине улиц. Завидев Довлетчерия с гостем, аульчане останавливали их, здоровались, как-то сам собой завязывался разговор: вопросы, реплики, шутки. Людям нравилось, что приезжий вполне сносно изъясняется по-адыгейски, понимает почти все. И откровенность русского всем нравится.

— Идет слух, будто Врангель свои войска на Кубань перебросить хочет. Как ты на это смотришь? — спрашивает фронтовик Анзаур.

— Думаю, это вполне вероятно, — отвечает Максим.

— А кто победит, если Врангель полезет? — не успокаивается другой.

— Я не командующий, — отвечает Максим. — Если вас интересует мое личное мнение — пожалуйста, могу сказать. Победа той или иной стороны, красных или Врангеля, зависит от вас.

Все поражены. Довлетчерий хохочет от всей души — хорошо пошутил русский, не будут лезть с вопросами.

— Вы не смейтесь, я не шучу, — продолжает Максим. — Я имею в виду и вас, и казаков, всех жителей. Кому они помогут, на чьей стороне будут, тот и победит.

Смех прекращается.

— Кто хочет, — добавляет он, — чтобы вернулась власть царя, генералов Покровского и Клыча, полковника Улагая, тот будет помогать Врангелю. А кто хочет, чтобы земля была справедливо распределена, чтобы больше не было помещиков, тот, конечно, Красной Армии постарается помочь.

Вопрос за вопросом. Это не нравится Довлетчерию. Надо же — целый митинг на улице!

— Гостю обедать пора, — объявляет он. — Мы пошли.

— Где обедать будешь? — обращается Анзаур к Максиму.

— Живу во дворе Совета, наши ребята кашу варят, прошу в гости. Кебляг, — добавляет Максим традиционное черкесское приглашение.

— Выходит, что ты еще ничей гость, — радуется Анзаур. — Аллах милостив. Заходи ко мне, кебляг. Заходите все.

Довлетчерий очень недоволен таким поворотом дела, но возразить ему нечего, он ведь не приглашал Максима к себе.

— Мне надо в сельсовет, — объявляет председатель и сразу же понимает, что допустил просчет: не следовало оставлять Максима одного.

Люди расходятся по домам. Вместе с Максимом во двор заходят человека три-четыре. Их потертые бешметы и гимнастерки говорят о том, что они далеко не самые зажиточные жители аула. Анзаур заводит их в чистенькую комнатку в доме — специальной кунацкой у него нет. Посреди комнаты стол, у стены комод, заставленный разными безделушками. Над комодом — несколько фотографий: Анзаур с саблей, Анзаур с пикой, Анзаур возле своего боевого коня. А вот и менее торжественные виды: Анзаур с перевязанной головой на крыльце какого-то здания, видимо лазарета.

Со двора доносится возня, кудахтанье. «Ловят кур»,— думает Максим. Ему неловко — обед обойдется хозяину недешево. Но другого выхода нет. Быть может, и Анзауру дружба дороже кур. А может, за столом он встретится с автором записки? Каков он? Максим думал об этом в пути и пришел к выводу, что это бедняк из бедняков, горячо сочувствующий Советской власти, но побаивающийся мести. Может, и Анзаур, а может, и кто-то из его гостей. Идет неторопливый разговор об урожае, о земле, о погоде. Вскоре на столе появляется снедь. Все едят с аппетитом — видно, что хозяин и гости соскучились по курице не меньше Максима.

Поговорив еще какое-то время, аульчане откланиваются. Анзаур остается вдвоем с Максимом.

— Рассказывай, как живете, — просит Максим. — Только без церемоний. Все, как есть.

Постепенно перед ним раскрывается на первый взгляд тихая, но в действительности сложная жизнь аула с ее многочисленными подводными течениями. Главное, что сейчас сдерживает бедноту, — страх перед Улагаем. Многие считают его всесильным: если бы Улагай кого-либо боялся, то не стал бы так свободно разъезжать из аула в аул. Напялил на голову чалму и делает вид, будто он — это не он. Из их аула Улагай выезжал утром, правда не верхом, а в кибитке. Но все знали, кто развалился на сене.

— Кибитка с брезентовым верхом? — осведомляется Максим.

— Она. Вороная упряжка.

— У кого останавливался?

— У Османа, старого скряги. — Анзаур рассказывает об Османе.

— Как думаешь, сможем мы сейчас создать в ауле отряд самообороны?

Анзаур задумывается.

— Поговорю кое с кем... Но... с нашим председателем каши не сваришь. Ведь люди судят о Советской власти по ее голове. А у нас голова того... с душком.

Анзаур провожает гостя до сельсовета. Довлетчерий уже здесь. Он сидит на ступеньках крыльца в окружении Петра и других бойцов и удивляет их карточными фокусами. Действует и в самом деле ловко, карты у него будто живые: была в руке одна, глядь — уже другая. А эта — у кого-нибудь за пазухой или в кармане. Бойцы хохочут.

Максим проходит в комнату, где расположился отряд. Винтовки стоят пирамидой у открытого настежь окна, под окном — ящик с разобранным пулеметом.

— Петро!

Петро неторопливо входит в комнату.

— Ну чего?

— Посмотри сам.

— А что? Тут люди честные. Председатель говорит: хоть кусок золота на подоконник положи — никто не возьмет.

— Но ведь в ауле бывают и приезжие. По секрету могу тебе сказать, что недавно здесь ночевал один наш общий «друг». Зовут его — полковник Кучук Улагай. Слыхал о таком?

Петро бледнеет.

— Только не вздумай болтать об этом с председателем, это не Умар.

— Понял.

— Раз понял, наводи порядок. С этой минуты — круглосуточное дневальство, ни одной отлучки без моего разрешения.

Максим выходит на крыльцо.

— Иди сюда, фокус покажу, — подзывает его Довлетчерий.

— Мы не закончили осмотр аула, — напоминает Максим.

— Э, куда спешишь, — ухмыляется председатель. — Спеши — помрешь, не спеши — все равно помрешь. —

Он поднимается, по-приятельски подмигивает бойцам и берет под руку Максима. От него разит вином, он шумно доказывает, что у него в ауле полный порядок.

Они оказываются на берегу Афипса.

— Искупаться хочешь? — предлагает Довлетчерий.

— Можно.

Максим раздевается, набирает в легкие побольше воздуха и уходит под воду. Довлетчерий наблюдает за ним: хорошо ныряет комиссар. Но... что-то долго не показывается. Уж не стукнулся ли головой о камень? Беды не оберешься, бойцы видели, что они уходили вдвоем. Наконец над водой всплывает светлая голова Максима.

— Перепугал насмерть! — кричит Довлетчерий. — Здесь на дне острые камни. Ты бы, парень, поосторожнее...

Искупавшись, выходят на берег. Ложатся. Уходящее солнце ласково, будто прощаясь, поглаживает Максима по груди. За рекой — лес. От этих мест на добрую сотню верст, аж до Краснодара, до обрывистого берега Кубани, тянется он, глухо шумя. Вот и сейчас в безветрии лес что-то говорит по-своему, волнами разнося причудливые звуки. Максим прислушивается. Однако в быстром речитативе чудятся ему одни лишь вздохи. Значит, не по сердцу ему такие собеседники. Найдется ли человек, которому решится лес раскрыть душу? Наверняка найдется.

Нет, не лес то говорит, это отстукивает слова сердце Максима, готовое раскрыться перед другом. Но где он?

«Странно складывается судьба человеческая», — вдруг приходит на ум Максиму. Вот хоть бы он. Жил в нищем селе обыкновенный, самый что ни на есть темный батрак. И жена у него была — батрачка. И сын — батрачонок. А над ними барин — помещик. И жена его — барыня. И дети — барчуки. Максим вместе с другими батрачит, барин вместе с другими кутит. Но вот появляется в их селе человек — большевик. Начинаются разговоры. Барин живет, как и жил, а Максиму уже неохота жить по-прежнему, тоска заедает Максима: на кой ляд ему гнуть спину на барина, когда своя семья голодает? Почему барчуки науки изучают, а батрачата телят пасут? Пружинка закручивается постепенно, исподволь, а раскручивается в мгновение. С силой, с шумом. Развернулась батрацкая пружина — и запылала усадьба, и защелкали дробовики...

Прибыли казаки: сотня донцов и сотня кубанцев. Эти знали, что к чему: бей, коли, режь, руби... Только через несколько лет на каторге узнал: Марфуша, его жена, и сынишка Артем померли от брюшняка.

Война. Загнали Максима в штрафную роту: авось немец ухлопает. Не ухлопал — большевики-то живучие. Отлежался в госпиталях, похаркал кровью — и за свое. В дни Октября в Красную гвардию пошел, потом в Красную Армию. Теперь вот против бандитов пустили Максима. И лежит он на берегу реки, о которой раньше и слыхать-то не слыхал, и думает о людях, о которых совсем недавно никакого понятия не имел... И сердце Максима горюет о судьбах этих людей так же, как о своей собственной. Хотя тут и по-другому сказать можно: нет сейчас у Максима отдельной судьбы, только своей судьбы, счастье свое понимает он теперь по-другому. И не только потому, что никто не занял в его сердце место Марфуши и Артема, другим стал Максим: маленькая боль породила большую.

Председатель присел, стал одеваться; вскочив на ноги, подпоясался серебряным наборным пояском. Оделся и Максим. Возвращались другой дорогой — обогнули аул слева. На главной улице разглядел Максим усадьбу, раскинувшуюся на целый квартал.

— Хорошее поместье, — похвалил он. — Удрал хозяин, что ли?

— Нет, не удрал. Осман тут живет, старик один. Богатый был очень, но сам отдал землю Советской власти.

Максим будто впервые слышит это имя.

— Что так много места занимает? Большая семья?

Председатель чувствует себя так, будто его за руку схватили.

— Трое. Я и позабыл об Османе. Посмотри, может, сюда перейдешь? Да и хозяйка у старика кровь с молоком.

Они подошли к калитке. Довлетчерий даже рад такому повороту дела — он давно собирался насолить выскочке Осману.

А Осман будто ждал их. На морщинистом лице ни радости, ни огорчения — как на моченом арбузе.

— Что смотреть? — говорит он. — Смотреть нечего, лучшего помещения для постоя не найдешь и в городе. У меня, бывало, душ по двадцать, а то по тридцать гостило, и всем место находилось. Сколько у тебя солдат?

— Десять. Со мной одиннадцать.

— Повозки, кони?

— На своих, на двоих, — улыбается Максим.

Осман ведет гостей к большой кунацкой.

— Кошму расстелим, спите в свое удовольствие. А тебе и получше место найдем.

Довлетчерий толкает Максима в бок, нехорошо подмигивает.

В доме Османа чисто, уютно, прохладно.

— Богатый был, — горделиво произносит старик. — Табуны держал, на скачках призы брал... Дом как в городе строил. Все богатство Советской власти подарил, могу и дом отдать. — Он проводит гостей в свою половину, ту, где не так давно ночевали Улагай и Ибрагим. — В этой комнате книжки читай, в той — спи. Нравится?

— Мне бы лучше с бойцами, — мнется Максим.

— Ты гость, я хозяин. Я говорю, ты делай. Приеду к тебе, слушать буду, повиноваться. Понял?

— Пойду за бойцами, — говорит Максим. — Пусть устраиваются.

— И без тебя дорогу найдут. Казбек!

Невесть откуда появляется мальчишка лет двенадцати-тринадцати, худенький, черноглазый, шустренький, во все глаза разглядывает гостя.

— Запряги гнедых, привези из управы солдат! — сухо, как батраку, приказывает Осман.

— Они так не поедут, — улыбается Максим, — надо записку написать. Бумаги бы...

— Все найдем, — словно чему-то радуется Осман. — Пошли в дом. — Распахивает двери, пропускает Максима вперед, из ящика письменного стола извлекает большую конторскую книгу и химический карандаш.

Максим садится за стол, раскрывает книгу: знакомая светло-желтая бумага с типографскими дебетами-кредитами вверху. Уму непостижимо, автор анонимки — этот старик.

— Подойдет такая бумага? — скрипит Осман, и на лице его появляется некое подобие улыбки.

Вырвав лист, Максим делит его на две части. На нижней половинке пишет записку Петру. Казбек выводит линейку за ворота.

— Поеду с ним, — говорит Довлетчерий. — До свидания.

Он удивлен поведением старого Османа, но удивился бы еще больше, если бы увидел, что произошло после его ухода.

— Фатимет! — негромко зовет Осман.

«Сейчас покажет свою огонь-бабу», — думает Максим. Он представляет себе пылкую толстуху, изнывающую от желания познакомиться с проезжим солдатом.

Легкие шаги. Максим оборачивается. И застывает, не в силах что-либо поделать с собой. Секунду-другую ему кажется, будто все происходит во сне: таких женщин он не встречал. И поглядывает хоть и снисходительно, но понимающе: знает себе цену.

— Моя жена Фатимет, — самодовольно произносит Осман.

Осман внимательно наблюдает за гостем. Он знает: мужчины, впервые увидевшие Фатимет, не сразу могут взять себя в руки. Рад, что и русский — не исключение. Пусть поживет у него в доме, а уж присмотреть за женой Осман сможет. Впрочем, и смотреть нечего — уж если сам Улагай не приглянулся ей, то тревожиться не о чем.

Максим стоит, облизывая вдруг пересохшие губы, — слишком уж разителен контраст между портретом, нарисованным его воображением, и оригиналом. Молчит и Фатимет, разглядывая гостя из-под опущенных ресниц. Обыкновенный русский парень: серые глаза, русые волосы, доброе круглое лицо. Лет тридцать ему, как и ей. Только вот улыбка мальчишеская, какая-то застенчивая, беспомощная. И шрам над левым глазом.

— Это командир красного отряда, — поясняет Осман.

— Максим Перегудов, — запоздало представляется гость.

Фатимет слегка кивает, застенчивость русского ей приятна. Быть может, это первый мужчина, который не пялит на нее глаза, не пытается привлечь ее внимание. «Интересно, какая у него жена?» — вдруг приходит на ум Фатимет, и она краснеет.

— С ним десять солдат, — поясняет Осман.

Фатимет кивает и отправляется на кухню.

Казбек привозит бойцов, они начинают располагаться в отведенном им помещении. В большой кунацкой сдвигают столы, Осман тащит сюда кувшины с бахсмой, бойцы помогают ему. За ужином они почти не пьют — таков уговор, но уплетают за обе лопатки и наперебой расхваливают хозяйку. А Максим то и дело оглядывается: нет ли ее? И не осуждает себя — в конце концов, смотреть на красивую женщину никому не запрещено. Но Фатимет так и не появляется.

— Что завтра будут делать твои солдаты? — спрашивает Осман, провожая Максима в его комнату.

Вопрос настораживает Максима.

— До обеда — политзанятия, потом — на рыбалку.

— Зачем занятия? — удивляется Осман. — Твои солдаты — люди немолодые, они уже все знают и без тебя. Пусть лучше помогут старику. Надо перевезти сено, обмолотить пшеницу. А Фатимет для них обед сготовит, белье постирает, всем хорошо будет.

Это предложение кажется Максиму резонным. Они входят в комнату. Осман показывает на кресло, сам садится на стул, выжидательно поглядывая на гостя. Взгляд Максима падает на конторскую книгу.

— В этой комнате посторонние бывают? — спрашивает он.

Осман поднимает седые брови, морщится. Нос его как-то скрючивается. Конечно, это большой секрет, но если комиссар умеет хранить тайны... Осман не молод, но жизнью своей дорожит... Недавно гостил один его знакомый...

Хозяин не сводит с гостя немигающего взгляда, он словно размышляет — говорить ли до конца или нет? Гость боится шевельнуться, чтобы не спугнуть хозяина.

— Здесь был Улагай Кучук, — заканчивает Осман. — Слышал такую фамилию?

— Это мне известно. — Максим достает из кармана записку. — Зачем приезжал?

Осман пожимает плечами: наверное, молодой начальник плохо знает Улагая. Улагай никогда никому не докладывает о своих делах, тем более такому болтливому старику, как он. Но... Осман переходит на шепот: Улагай обязательно вернется. Откуда он знает? Раз говорит, значит, знает. Или же пришлет кого-нибудь. А ему бы хотелось, чтобы Улагай не возвращался.

Максим задает последний вопрос, не очень вежливый: зачем Осман выдает своего знакомого? Ведь тот доверяет ему.

— Он мне доверяет, я ему нет, — подумав, отвечает Осман. — Где Улагай, там война. Старший сын пулю получил, пусть Казбек живет.

«Правдоподобно», — анализирует Максим. И вдруг его осеняет: Улагаю понравилась Фатимет. Конечно! Старик боится, как бы ее не умыкнули, в этом все дело. Максиму почему-то в тот момент не приходит в голову, что Улагай никогда не явится в дом, в котором, как это

известно всему аулу, расположились красные. А если явится, то не для того, чтобы поднять руки вверх. Он проходит в большую кунацкую — поговорить с людьми насчет помощи хозяину.

— А что ж такого, — замечает один боец, — он к нам с душой, и мы к нему. Делать-то все одно неча.

Все соглашаются с ним.

— А потом можно аульским вдовам помочь, — предлагает Петро. — Красноармейкам...

Бойцы отпускают соленые шутки, но в общем согласны со старшим.

— А ты, Максим, — советует один, — старичку пособи. А то, гляди, сбежит от него хозяйка, самому щипсы[1] варить придется.

Максим краснеет — третий раз за день врасплох застают.

Неспокойная ночь. Никто, кроме Казбека, не может уснуть в доме Османа. Растревоженные бахсмой, бойцы думают о своих семьях. Как там жена? Детишки? Ждут ли его? Надо бы отправить письмишко, а то, гляди, и впрямь позабудут — ведь иные седьмой год воюют...

Злорадная улыбка блуждает по лицу Османа. Вот ведь как хорошо получается — у него на постое красные, значит, белые не нагрянут. И денежки, полноценные банкноты, застрянут в его тайнике. Можно и другую выгоду извлечь: человек всегда наработает больше, чем съест...

Максиму необходимо спокойно, хладнокровно взвесить все, что произошло за день. Прежде всего — хозяйка. Красавица, ведет себя скромно. Но чего за старика пошла? Э, ведь он очень богатым был... Впрочем, довольно о ней, есть дела поважнее. Например, председатель. Он явно настроен недоброжелательно, не зря предупреждали в продотряде. От такого человека можно ждать всего. Затем — Анзаур. С ним Максим снова встретится под вечер. Самое сложное — Осман. Что он задумал? Не ловушка ли тут? А может, все делается для того, чтобы отвлечь внимание от другого участка? Старый муж, смазливая бабенка, обильное угощение с выпивкой... Уж лучше с пулеметом Алхаса встречать, чем распутывать этот клубок. Не спится Максиму. Он натягивает галифе и выходит во двор. Долго глядит на густо-синее небо, на звезды. Их яркий блеск почему-то кажется ему чужим,

[1] Щипсы — адыгейское мясное блюдо.

зловещим. Будто вечность устремила на него свои немигающие глаза и следит, следит...

«Почему он поместил меня отдельно от бойцов?» — вдруг подумал Максим. Все, что днем казалось естественным, нормальным, теперь представлялось совсем в ином свете. Вот хотя бы улыбка Фатимет. Улыбалась, казалось бы, приветливо, как другу. И глядела обыкновенно, разве что с некоторым любопытством. Даже покраснела. А сейчас Максиму кажется, будто за этим любопытством злорадство крылось: «Посмотрим, мол, как ты потом запляшешь...» Да, командир продотряда прав — в этом ауле лучше не задерживаться. Если бы не Улагай...

И тут Максиму приходит мысль, которая должна была прийти куда раньше: самый верный способ отпугнуть Улагая — устроить засаду в доме, где он бывал. Ну и сглупил! Надо было оставаться в сельсовете. Теперь быстрее за дело. Если не удастся создать отряд самообороны, нужно хоть какой-то актив сколотить. Анзаур и его друзья в местных условиях могут сделать больше, чем десяток таких отрядов, как у него.

Максим возвращается в свою комнату и мгновенно засыпает.

А Фатимет все ворочается. Неделю назад ей исполнилось тридцать, пора бы и распроститься с нелепыми мечтами. Став женой Османа, Фатимет надеялась: это ненадолго, скоро все изменится. Ведь не может же аллах терпеть такую несправедливость. Кто-то придет, отнимет ее у Османа, утешит, приголубит. Но годы шли, а все оставалось по-прежнему. Тяжелый ком на сердце не таял, а разбухал, с каждым годом давил все сильнее и сильнее. К Осману приходило много людей, и, что греха таить, на некоторых Фатимет глядела с нетерпеливым ожиданием: не этот ли? Встретив в глазах незнакомца похоть, алчность, откровенное желание овладеть ею, Фатимет переставала им интересоваться. Она видела: все они османы. Менять старого Османа на молодого — что за радость.

Прожила тридцать лет, никого не полюбила... «И хорошо, — уверяет себя Фатимет. — С любовью было бы еще труднее». Живет только для сына. Все мужчины одинаковы. Впрочем, комиссар, кажется, не такой. Застенчивый, скромный: не пялит на нее глаза, не млеет от страсти. Но — нежный, Фатимет это чувствует. «Интересно, — думает она, — как русские ласкают своих жен? Какая у него жена?» Сколько ни силится предста-

вить русскую, не может. И все же завидует ей: такой не обидит. Она слышит, как Максим выходит из комнаты во двор. «А что, если пойти за ним? Нечаянно столкнуться. Посидеть. Поговорить. О чем русские говорят? Осман об одном — о деньгах, старика больше ничто не интересует. За деньги он готов на все. Он и жену бы продал, если б дали сносную цену. Купи меня, русский, Осман недорого возьмет...»

Фатимет начинает сердиться: что за глупые мысли? Покупают и продают вещь. Но спорить с собой бесполезно — человек о себе знает все. Вещь она, и только. Османовская служанка, повариха, прачка, батрачка. Что угодно, только не друг, не жена. И никогда не была ею.

Вот и сейчас Осман храпит и пристанывает, видно, снится ему, что кто-то покушается на его сокровища. Трясется над ними, будто в этом счастье. Умрет, и никто не узнает, где он их зарыл. Лет через пятьдесят или сто кто-нибудь случайно наткнется на кубышку с деньгами.

«Выйти, что ли? Неожиданно столкнуться с русским, нечаянно прижаться к нему...» От этих мыслей ее бросает в жар, краска стыда заливает лицо. Если бы кто-нибудь узнал, о чем она сейчас думает, тут же бросилась бы в Афипс... От людей хоть в реке скроешься. А от себя?

Звякает щеколда. Максим возвращается в комнату.

«Не дождался», — с тоской думает Фатимет.

Утром Осман угощает бойцов завтраком и увозит в степь.

— Что начальник делать собирается? — спрашивает Максима перед отъездом.

— Думал порыбачить, — признается Максим, — да не с кем.

— А со мной? — выскочил Казбек. — Я умею.

— Бери парня, не пожалеешь, — советует Осман.

Максим оглядел юного рыболова. Лицо Казбека побледнело — гордый мальчик боится отказа: дернуло же напроситься.

— Ну и чудесно, — согласился Максим. — Я приготовлюсь. А ты сбегай к Анзауру, скажи, что я просил его пойти с нами.

Максим достал снасти, пристроился с ними во дворе — надо разобраться: последний раз рыбачил еще в юности.

Из кухни к колодцу прошла Фатимет. Максим чуть-чуть поднимает глаза. Платье на ней как мешок, а фи-

гура угадывается — фигурка, как у Бибы. В его сторону и не смотрит.

«Баба воду таскает, а мужик развалился. Не дело, — думает Максим. — Хоть и себе на уме, а все же женщина». Нахмурясь, чтоб, чего доброго, по-плохому не истолковала, он подходит к колодцу, начинает вертеть ручку вала. Над срубом показывается переполненное ведро. Фатимет пытается схватить его.

— Вытащу, — сурово произносит Максим. Вылив воду, дергает за цепь, ведро с шумом несется вниз.

— Спасибо, — по-русски говорит Фатимет.

Он решается взглянуть на нее. Видит глаза, в которых грусть ощутима почти как слезы. Лицо красивое, но не волевое.

«Ну и дурень, — думает о себе Максим. — Да разве ж такие глаза могут быть у обманщицы, польстившейся на чужое добро?» Похожа она в этот час на покойную жену Марфушу в миг прощания, когда провожала его на каторгу. Любил Максим жену крепко, да особенно приглядываться некогда было. А в момент прощания глянул в ее лицо и увидел то, чего раньше не замечал: расцветающую красоту, сжатую, сдавленную горем. Так и у этой. Видно, отец приказал ей идти за старика...

Максим поднимает второе ведро.

— Спасибо, — повторяет Фатимет.

— Хорошо по-русски говоришь, — удивляется Максим.

— Я училась в школе, — уточняет Фатимет. — Отец хотел, чтобы все знала.

— Потому и выдал за старика? — срывается у Максима.

Эх, язык... Извечный враг. Проглотил бы его сейчас Максим с великим удовольствием, да поздно. Фатимет вздрагивает, будто получила оплеуху, верхняя губа начинает дергаться, как у обиженного ребенка, глаза наполняются слезами. Подняв ведра, уходит. «Жестокий человек! — думает Фатимет. — А на вид такой добрый». Сдержаться бы, не зареветь в голос. В кухне теряет контроль над собой.

Возвращается Казбек.

— Придет Анзаур! — от калитки кричит он. — Пошли.

Максим мнется. Нельзя уйти вот так, не попросив прощения у обиженной женщины. А может, хуже будет? Крутила Максима жизнь по-всякому, с женщинами же почти не сталкивала. После Марфуши ни одна не приглянулась. Случалось иной раз заночевать у какой-нибудь

вдовушки или сердобольной девицы, но только душа его не отогревалась от походной любви. Никогда не приходилось ему никого утешать. Готовил хорошие слова жене, да не пришлось их высказать, и затерялись они где-то. Как поступить? Нет, с извинениями лучше не соваться.

— Пойдем, — нехотя произносит Максим. — Ты вот что, сынок, скажи матери, что идешь со мной на рыбалку, чтобы она не беспокоилась. Скажи, все будет в порядке.

Казбек входит в кухню. Через минуту выбегает.

— Обожглась мама, плачет, — сообщает он. — Я весной тоже раз обжегся — тоже... чуть-чуть не заплакал.

Максим сам готов заплакать. По всему видно, несчастная женщина, а он туда же. Вот уж действительно обожглась!

Молча доходят до берега.

— Тут рыбы мало, — говорит Казбек. — Идем, я знаю одно местечко — рыбешка так и прыгает, так и скачет.

Тропка вьется среди кустарника. Берег становится все круче и круче, внизу шумит, перетаскивая гальку, неутомимая река. Августовское солнце припекает, но речная прохлада сводит его усилия на нет. Воздух тут с каким-то особым привкусом, кажется, им не только дышать, питаться можно. Ивняк становится все гуще.

— Стой, — вспоминает Максим. — Анзаур найдет нас?

— Найдет, я сказал, где искать.

Они выходят на небольшую полянку. Здесь берег полого спускается к реке, образуя естественный перепад. Очевидно, весной, в дни буйного разгула, Афипс, заливая всю окрестность, лихо несется по этим ступенькам в свое каменистое ложе. Раздеваются. Максим достает из карманов галифе две лимонки.

— С этим поосторожнее, Казбек.

— Зачем они тебе?

— От плохих людей отбиваться.

— А ну, покажи как.

— Дело нехитрое. — Максим обстоятельно, как взрослому, показывает, как надо обращаться с гранатой.

— Попробуем? — загорается Казбек. — Тут никого нет.

— А там? — Максим показывает на синеющий за рекой лес.

— А там... — Казбек смущается. — Там кто-то есть.

— Значит, гранаты беречь надо.

Они прикрепляют концы перемета к размытому полыми водами корневищу и плывут на противоположный берег. Возвратившись, забрасывают удочки. Ветер колдует

в ивняке. Или это чьи-то шаги? Нет, ветер. А теперь — шаги. Над ивняком возвышается седоватая голова Анзаура.

— Ну-ка, сынок, не хочешь ли искупаться? — Видно, он не очень-то доверяет наследнику скряги Османа.

Казбек с разбегу бросается в воду.

Анзаур выкладывает новости: беседовал кое с кем, человек десять уже согласны вступить в отряд самообороны. Надо проводить собрание, но так, чтобы Довлетчерий не знал, о чем пойдет разговор. А то заранее подготовит своих. Лучше с налету. Решают: Анзаур приведет друзей к сельсовету, заведут речь о собрании.

— Купайся, — приглашает Максим.

— Некогда, товарищ Максим. — Анзаур уходит.

— Эй, Казбек... Не замерз?

Казбек выходит из воды, отряхивается, ложится в сторонке.

— Чего так далеко?

— У тебя же секреты, — обиженно хмурится он.

— Хорошо подковырнул, правильно, Казбек. Заслужил. Больше не буду от тебя таиться. Веришь?

Казбек ложится рядом с Максимом. Где-то урчит, пыхтит, задыхается вода, преодолевая галечные перекаты.

— Жаль, что не в нашем ауле живешь, — грустно вздыхает Казбек.

— Это почему же? — удивляется Максим.

— Хороший ты парень...

— Ты бы всех хороших сюда свез? — улыбается Максим.

— Я серьезно! Рыбачили бы с тобой. Ты что, учитель?

— Нет, Казбек, я простой крестьянин.

— В Екатеринодаре школы работают?

— С первого сентября начнут.

— А у нас нет школы, — замечает мальчик.

— Ты кем хочешь быть? — заинтересовался Максим.

Казбек приподымается, заглядывает Максиму в глаза.

— Никому не скажешь?

— Ни за что! — сжав зубы, цедит Максим.

— Тогда слушай. Я табунщиком буду, хороших лошадей заведу. Не думай, я знаю, как за ними ухаживать, все тонкости знаю.

— Отец рассказал?

— Мать! — с гордостью поправляет Казбек. — Она от своего отца все узнала, от деда моего. Он умер, когда ме-

ня еще на свете не было. Со скалы свалился, табун спасал. Послушай, ты чего в аул приехал?

— Знакомлюсь с людьми, — помолчав, произносит Максим. — Смотрю, кто мне друг, а кто — враг.

— А я — друг? — Казбек выговаривает это тихо-тихо.

— Я о себе могу сказать, — серьезно отвечает Максим. — Я — твой друг. А ты о себе сам скажи.

— И я... Только знаешь, Максим, у тебя в ауле и враги есть. Битлюстен вчера говорил: «Я бы этого комиссара — за ноги да к хвосту лошади».

— А кто такой Битлюстен?

— Брат нашего тхаматэ. Младший.

— Раз ты мой друг, — говорит Максим, — скажу тебе еще. Болтун твой Битлюстен. Лимонки видел? Как ты думаешь, стану я защищаться, если он нападет на меня?

— А ну, покажи мускулы, — просит Казбек.

Максим сжимает правую руку в кулаке и сгибает ее. От плеча до локтя вздувается мускульный ком.

— У-у, — с уважением тянет Казбек. — Да!

Ветер стихает.

— А чего мы не ловим рыбу? Разленились, валяемся, как барчуки. Что мама скажет, если мы вернемся без рыбы?

Казбек не отвечает, задумался.

— Раз ты мой друг, — тихо произносит он, — я тебе еще скажу. Только ты никому... Это самый большой секрет.

— Никому, — подтверждает Максим.

— Несчастная моя мамка. Я слышал, как она одной своей подружке рассказывала. Только ты смотри, никому. Она совсем была молоденькая, моя мамка, а Осман уже тогда стариком был. Мамкин отец был у Османа табунщиком. Разбился, помирать начал. Положили в больницу, а денег нет. А у Османа их целый банк, дал бы немного деду, вылечили бы его. А он сказал мамке: пойдешь в жены, заплачу за твоего отца. Куда тут денешься? Она и пошла. А дед все равно помер. Вот если бы меня не было, тогда бы у мамки все по-другому пошло... Слышал я както, как она сказала подружке: «Если бы не Казбек, давно ушла бы куда глаза глядят...»

Слова Казбека словно ударили по темени. «Эх ты, — корил себя Максим, — недотепа. Обижать обиженного, глумиться над чужим горем — до чего дошел». Ему становится стыдно. Разбегается, бултых... Выныривает аж на середине, широкими взмахами плывет к берегу.

— Домой пора! — Максим выскакивает на берег.
— А перемет?
— За ним ночью приду.
— А я? — тускнеет Казбек.
— Если мама пустит.
— Пустит, пустит... — Казбек подпрыгивает, пытаясь побыстрее вскочить в штанишки.

Осман с бойцами уже пообедали и снова уехали в поле. Фатимет кормит рыболовов. Она снова приветлива, добродушна, будто ничего не произошло у колодца.

— Хороший хозяин за такую работу удержал бы из заработка, — шутит она, ставя на стол миску дымящегося мяса с подливкой. В другой тарелке — нарезанная ломтями пшенная каша — пастэ. — Ну ничего, за тебя поработали солдаты, отец Казбека доволен.

«Отец Казбека». Все, что она может признать за Османом! Ему хочется сказать женщине что-то хорошее, но на ум ничего путного не приходит.

— Что же ты не ешь? Хозяйка может обидеться.

— Кусок в горло не лезет, — вырывается у Максима. Он поднимается. — Извини, что болтнул утром...

— Глупости все это, — вежливо улыбается Фатимет. — Обедай, Максим, кушай. Чужая жизнь — потемки.

— Не глупости. Это все равно, что меня беляком назвать, улагаевцем.

Казбек переводит взгляд с матери на Максима.

— Кушай, Максим, — как-то душевно, искренне просит Фатимет. — Теперь я и вправду не обижаюсь. Кушай, а то опять обижусь.

Максим садится, берется за ложку.

— Мама, пустишь меня с Максимом ночью перемет проверить? Это мой друг.

— Ночью теперь ходить опасно, — замечает Фатимет. — Раз он твой друг, я и его не пущу, и тебя...

— С Максимом не опасно, у него лимонки.

Но Фатимет неумолима: не пущу, и все.

— Меня-то чего беречь? — улыбается Максим. — Уж по мне никто не заплачет.

Фатимет пытливо вглядывается в глаза русского. И впервые в жизни, сам не зная зачем, Максим начинает рассказывать, как прощался с женой, как получил из родного села короткую весточку, от которой чуть было не помутился разум. Фатимет кусает губы.

— А сколько твоему сыну было бы теперь? — спрашивает Казбек.

— Десять. — Максим поднимается. Никогда ни с кем не говорил о том, о чем заговорил сейчас с незнакомыми людьми. Ему неловко: могут подумать, будто он всюду душу наизнанку выворачивает.

— Максим! — предлагает Казбек. — Пошли сейчас перемет посмотрим.

К реке идут молча. Время от времени переглядываются. Наверное, сходны их мысли. Одновременно улыбаются и разом вздыхают. Максим — по-детски, сокрушенно, Казбек — по-взрослому, с надеждой. Вот и река. А что, есть еще в Афипсе рыбешка, кое-что болтается на крючках. Казбек натягивает веревку, Максим вплавь снимает с крючков уклеек, разную мелюзгу. Потом отдыхают под чинарой.

— Максим, а почему Битлюстен комиссаров не любит? — нарушает молчание Казбек.

— Сколько теперь земли у Битлюстена?

— Шесть десятин, наверное...

— А раньше? До передела сколько было?

— Ой много...

Максим поясняет, как может. Кажется, Казбек что-то понял.

— А отец, знаешь, какой богатый... Я подсмотрел, чего только у него нет. И зачем ему столько?

Как ни старается, не может Максим растолковать, зачем люди копят деньги: этого он и сам не понимает. Наверное, больные. Жадность, скопидомство — болезнь. Как пьянство или сыпняк.

Казбек все спрашивает и спрашивает. Максим все отвечает и отвечает. Казбек рад — ведь у отца на все один ответ: «Не до тебя». Впрочем, Казбек задает вопросы не только для того, чтобы узнать новое, но и проверить собственные догадки.

— Послушай! — Казбек вдруг загорается. — Ты где живешь?

— В Екатеринодаре. Теперь уже в Краснодаре. Запомни адрес: улица Екатерининская, дом двадцать пять. В любое время буду рад видеть тебя.

— У тебя целый дом? Двойной? И двор?

— Нет, Казбек, у меня комнатка. Маленькая. Снимаю у старушки. Но тебе там всегда место найдется.

— А мамке? Я без нее никуда: совсем с тоски пропадет. И так все плачет и плачет. Думает, не вижу. Я все вижу. Только никуда она не поедет. Как на цепи сидит...

— А что, — соглашается Максим. — Приезжай с мам-

кой, и ей место найдется. Ну, сынок, пора домой,—обрывает себя Максим. — Пошли, а то болтаем всякие глупости.

Казбек молча плетется за Максимом. «Отчего же глупости? — недоумевает он. — Так все хорошо придумали, и на́ тебе — глупости».

А до Максима вдруг дошло, что не случайно сорвалось у него с языка это приглашение. Где-то подспудно, в тайниках души, вызрела мысль и неожиданно для него самого объявилась. И не диво — очень уж приглянулась ему Фатимет, слишком уж сходны их горемычные судьбы, оба страдают от одиночества, житейской мерзлоты. Мысль о возможном счастье захватывает его. Он представляет Фатимет в своей комнате, улыбается своим видениям. Но тут же лицо его тускнеет. Время, проведенное в Адыгехабле, научило: как бы туго ни пришлось адыгейке, не сделает она и шага от своего очага.

Казбек увязывается за Максимом, когда тот отправляется в сельсовет, и тихо слушает степенный мужской разговор. Собрание так собрание, Довлетчерий не возражает. Его брат Битлюстен говорит Максиму всякие приятные вещи. Казбека это удивляет больше всего — он ведь сам слышал, как Битлюстен кричал, что своими руками привяжет комиссара к хвосту лошади. У этого Битлюстена два лица...

Домой возвращаются затемно. Со двора доносится тихая песня. Они подсаживаются к бойцам.

Извела меня кручина,
Подколодная змея,
Догорай, гори моя лучина,
Догорю с тобой и я.

Это тянет Петро. Ну и голос. Из дверей кухни выглядывает Фатимет. Даже Осман слушает, приоткрыв рот. Впрочем, он, кажется, попросту зевает. Так и есть. Не под силу старику с молодыми тягаться. Чтобы подзадорить бойцов на работе, он явно перенапрягся. «Так можно и пуп надорвать», — думает Осман, плетясь к постели.

Бойцы долго поют. Казбек слушает. Приткнулся к Максиму и посапывает от удовольствия. Наконец песня смолкает, все расходятся.

Максим долго ворочается в постели: думы о Фатимет гонят прочь сон. Конечно, он был бы с ней счастлив, но имеет ли право вмешиваться в ее горькую судьбу? Противоречивые мысли будоражат душу. Поначалу Максим

отвечает уверенно: имеет! На то и революция, чтобы простому человеку легче дышалось. Но он знает: адыгейская женщина живет в замкнутом кругу предрассудков, то, что кажется естественным ему, она считает диким и невозможным. С тем и засыпает. Просыпается от какого-то шороха. Открывает глаза — в дверях стоит Фатимет.

— Пора на рыбалку, — еле слышно шепчет она.

Максим поднимается, Фатимет пугливо отскакивает.

— Не бойся меня, Фатимет, — шепчет Максим. — Подойди.

— Нельзя, — выдыхает Фатимет. — Нельзя, у меня есть муж.

— Фатимет, я не дотронусь до тебя, — произносит Максим. — Подойди, выслушай меня. И верь, я никогда тебя не обману.

Фатимет, колеблясь, делает шаг вперед.

— Пусть не пугают тебя мои слова, подумай над ними. Твоя история мне известна, тебя обманули, исковеркали жизнь. Но теперь другое время. Бери Казбека, приезжай в город, мы поможем тебе устроиться. Грамотная адыгейка — находка для любого учреждения. А там и в личной жизни перемены произойдут. — Последние слова он произносит с выразительным вздохом.

— Ах Максим, что я делаю, мне и слушать тебя нельзя. — Фатимет бесшумно исчезает. Через несколько минут появляется Казбек.

— Ты уже встал? А я пришел будить тебя, мама велела.

С рыбалки возвращаются лишь к обеду. Едят все вместе в просторной беседке: бойцы, Максим, Осман с сыном. Едят не спеша. После обеда — собрание. Осман прикидывает в уме, как бы уговорить Максима не брать туда солдат. И вдруг давится куском — на пороге появляется мужчина с холеным скуластым лицом и буйной шевелюрой, на нем новенькая черкеска, гимнастерка застегнута на все пуговицы. Гость добродушно улыбается.

— Всем друзьям моего дядюшки Османа салам алейкум! — говорит он. — Друзья Османа — мои друзья. Простите, вынужден оторвать дядю на минуту. — Гость, поклонившись Максиму, отходит.

Осман явно в затруднении, он медлит. Подать бы знак Максиму, а уж потом выйти. Нет, нельзя, Максим уедет, а человек с холодными узкими глазами явится, и тогда замечательные золотые монеты, все его драгоценности

потеряют хозяина. Он выходит, но тотчас же возвращается с гостем.

— Мой племянник Заур! — произносит он каким-то сиплым голосом. — Из Тахтамукая...

Заур протягивает руку Максиму, усаживается рядом с ним и принимается за еду. При этом успевает говорить. Он рад, что попал на собрание, оно его очень интересует, тахтамукайцы не особенно активны. Если командир не возражает, он посидит на площади, послушает.

— Пожалуйста! — Максим поднимается.

Тотчас перестает есть и Заур. Он ощупывает Максима взглядом своих немного выпуклых карих глаз, вместе с ним выходит из беседки, не умолкая ни на миг. Заур очень рад, что Максим — бывший конармеец, он бы и сам пошел в Красную Армию, если бы не проклятые беляки — мобилизовали! Пришлось послужить. К счастью, вовремя дезертировал.

Они проходят мимо кухни. Фатимет стоит в дверях, она чем-то испугана. Максиму ясно: это имеет отношение к гостю. Что случилось? Спрашивать смешно: ведь она — чужая жена, и только. Зато Заур нежно улыбается тетушке.

— Не расстраивайся так, Фатимет, все обойдется как нельзя лучше, — утешает он хозяйку. — Скоро снова загляну к вам.

Фатимет не отвечает. Максиму кажется, будто она хочет что-то сказать. Приотстать? Неудобно. Тем более что Заур все равно не отвяжется. И по улице Заур идет рядом с Максимом, они оживленно беседуют. Оказывается, этот фельдшер — полезный парень, он долгое время состоял при штабе самого Улагая. Максим подробно расспрашивает его. Как Улагай выглядит? Почему не ушел вместе с Султан-Гиреем? Какие у него могут быть силы? Где Улагай, по мнению Заура, может находиться? Заур отвечает на вопросы, неопределенно, но вполне серьезно обещает:

— Если мы еще когда-нибудь увидимся, я постараюсь показать вам самого Улагая. Он, говорят, разъезжает по аулам так же спокойно, как и мы с вами. Может, как раз и встретится.

На площади полно народа. Заур доводит Максима почти до крыльца, крепко жмет руку и, пригласив по обычаю к себе в гости, подходит к группе почтенных аульчан. К удивлению Максима, собрание идет вяло. Его предложения создать в ауле отряд самообороны, кажется, никто

не слышит. Он поясняет, что такие отряды уже кое-где созданы.

— Где?! — раздается вопрос из толпы.

— В Адыгехабле, например.

— Там его уже нет, — вдруг бросает реплику Довлетчерий. — Алхас разделался с ним.

Максим уверяет, что недавно видел отряд своими глазами.

— Когда? — уточняет Довлетчерий.

— Неделю назад.

Довлетчерий снисходительно улыбается. Эта улыбка означает: вот видите, неделю назад. За неделю мало ли что может случиться.

— Комиссар предлагает создать в ауле отряд самообороны, — говорит он. — Будем создавать или нет? Люди, решайте сами.

Глухое молчание.

Максим ищет глазами Анзаура. Находит. Анзаур даже не глядит в его сторону. Что случилось?

— Кто за то, чтобы создать отряд?! — выкрикивает Максим.

В ответ — молчание. Ни одна папаха не поднимается вверх.

Максим понимает: люди чего-то испугались. Они расходятся как-то сразу, словно вот-вот должен разразиться ливень, уходит с приятелями и Анзаур. Он и не глядит в сторону Максима. А где же Осман с племянником? Их тоже не видно.

— Пускай бойцы идут спать, — говорит Довлетчерий. Он так доволен, словно только что показал свой лучший фокус. — А ты заходи ко мне. Ни разу в гостях не был, что люди скажут?

Максиму хочется послать Довлетчерия ко всем чертям, но он сдерживается.

— Спасибо, некогда, — говорит он. — Завтра загляну.

Никогда еще не было так пусто на улицах аула, как в этот предвечерний час. Что-то случилось. Определенно. Но что? Это необходимо узнать немедленно.

Отправив бойцов домой, Максим решил прогуляться с Петром по аулу. Нигде ни души. Проходя мимо дома Анзаура, толкнул калитку. Поддалась. К его удивлению, Анзаур стоял у ворот, слово ожидая кого-то. Отчужденный, бесстрастный взгляд, равнодушное пожатие руки.

— Что случилось? — не выдержал наконец Максим. — Говори же.

— Лучше ты мне скажи, — мрачно возразил Анзаур, — почему разгуливаешь по аулу и даже на собрание являешься с Ибрагимом? Кто тебе после этого поверит?

— Каким Ибрагимом? — пожимает плечами Максим. — Ты имеешь в виду Заура, племянника Османа?

Во взгляде Анзаура недоверие.

— Может, он и племянник Османа, — невесело улыбнулся он, — но зовут его Ибрагимом, и это известно здесь каждому младенцу. Он — сотрудник Улагая. Ловко они тебя окрутили, товарищ Максим.

Максим не знает, что и сказать, в более глупом положении он еще, кажется, не бывал.

— По аулу прошел слух, — шепотом произнес Анзаур, — что через несколько дней на Кубани восстание поднимется. И в аулах. Сигнал подаст Улагай. В первую очередь разделаются с такими, как я. Мы подумали: лучше на время скрыться. И тебе надо уезжать. Ночью повезем в город на базар кое-какие овощи, можем и твой отряд прихватить.

— Заезжай! — сразу же решил Максим: дальнейшее пребывание в ауле теряло всякий смысл. — Оружие у вас какое-нибудь есть?

— Найдется.

Не пахло порохом только во дворе Османа. Поужинав, ничего не подозревавшие бойцы, как обычно, расселись под грушей и стали петь.

— Фатимет, накорми командира! — крикнул Осман.

Фатимет понесла ужин в беседку.

— Ты знаешь, кто с тобой обедал? — прошептала она.

— Знаю, Фатимет.

— Они хотят убить тебя, уничтожить отряд. Немедленно уезжай. Ибрагим предупредил: если я скажу хоть слово, он прикончит и тебя и Казбека. И я молчала. Не обижайся, Максим.

— Спасибо, Фатимет. Нам поговорить бы надо... Увидимся ли?

— Я постараюсь выйти. — Она выскользнула из беседки.

— Пойду на сеновал к Казбеку, на рассвете отправимся с парнем снимать перемет, — говорит Осману Максим.

Осман окидывает его каким-то тусклым, пустым взглядом. Сказать? Пожалуй, не стоит. Нет, не на их стороне сила.

Казбек не спит. Шепчет:

— Много там рыбы набралось, надо бы наведаться...

Вот уж кто действительно ничего не знает.

— Пойдешь утром сам, — говорит Максим. — Скажу тебе по секрету: мне ехать надо, проснешься — меня уже не будет. Приезжай в город. Адрес запомнил?

Казбек прижимается к Максиму и вдруг обнимает его за шею.

— Я буду тебя ждать, Казбек.

Они шепчутся, и шуршит, издавая сладкий аромат, свежее сено, и скулит на цепи старый пес Медведь, и кричит истошно где-то ночная птица. Наконец до Максима доносится ровное дыхание мальчика. Он тихо выходит во двор. Душно, как всегда в начале августа. Звезды сверкают, будто промытые. И завтра будет такая же ночь. И послезавтра. И завтра будет стоять над аулом сонная тишина. И вдруг словно что-то прорвется — выстрел, другой... Трескотня... И пойдут из дома в дом те, кто недоволен новыми порядками, и польется невинная кровь... Этого нельзя допустить!

Максим проходит к бойцам, начинает собирать пулемет: не спроста ведь Ибрагим знакомился с Максимом — где-то надеется встретиться.

— Уложились, товарищи? Сможем выйти без шума?

— Сможем.

— Петр, подежурь у калитки, стучать не будут.

Пулемет готов. Максим задувает коптилку и идет сменить Петра. Присев у калитки, прислушивается. Нет, не к улице, там все совершится без него. Его интересует, что делается у Османа. О чем говорят супруги? Максим и не подозревает, что они никогда ни о чем не разговаривают: у них нет никаких точек соприкосновения.

Не идет Фатимет...

Осман не страдал бессонницей, но в эту ночь и ему не спалось — он мучительно размышлял над тем, как лучше поступить. Валюта незаметно уплывает. Он считал, что, пока в его доме красные, за деньгами никто не явится. Черта с два! Ибрагим не боится никого. С такими лучше не спорить.

Фатимет теряет терпение. Может быть, через несколько минут Максим прикроет за собой калитку. Она и не услышит. Выбежит, а его уже нет. Ей становится страшно. Но вот Осман засыпает. В эти минуты она не колеблется и, набросив платье, выходит. Максим встречает ее у порога. Берет за руку. Она не отнимает ее. Он слышит ее прерывистое дыхание.

— Фатимет, — говорит Максим. — Когда умирал твой отец, ты не могла поступить иначе. А теперь? Ты молода, красива, ты можешь устроить свою судьбу иначе. — Максим, не решаясь сказать о своей любви, пытается уговорить ее переехать в город. — Мы поможем тебе определиться на работу, станешь самостоятельной. Тогда решишь и все остальное. Казбек знает мой адрес, приезжай вместе с ним. Мальчуган в школу пойдет. Мы очень сдружились.

Фатимет молчит. Как поступить? Она верит Максиму, тянется к нему всей душой. Да, о таком мечтала когда-то. Но то были девичьи грезы. Теперь она стала взрослой, помнит, что она черкешенка. А раз так, остается одно — коротать век с Османом.

— Если через месяц не появишься в городе, приеду за тобой.

Она берет его за руку, гладит ее. Время останавливается, замирает, как всадник на всем скаку. Черная ночь и тишина.

Максим порывисто обнимает Фатимет. Она неловко прикасается губами к его щеке. Испугавшись этого нечаянного порыва, отстраняется от него, отбегает. Оттуда шепчет:

— Прощай, Максим. Не приезжай, я все равно останусь в ауле. Прощай, Максим, забудь меня...

Тихий голос из-за забора отрезвляет его, заставляет вспомнить о суровой действительности. Вот уже отряд погрузился на подводы.

Скрип колес, конское ржание.

«Что она сейчас делает? — думает Максим, устанавливая пулемет на задке подводы.—Наверное, плачет. Уткнулась лицом в подушку и плачет».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Свободный вечер! Рамазан даже не мечтал о таком счастье. С тех пор как он вернулся к Мерем, они встречались урывками, не виделись дней по пять, а то и десять. Оставаясь в городе, он засиживался в секции или бывал на собраниях и совещаниях, домой приходил поздно, наспех ел и валился в постель. Однажды Мерем как бы между прочим заметила:

— Что у тебя за работа такая проклятая. Лучше б учительствовал... Уроки кончились, и — домой.

Да, было когда-то такое время. Революция внесла в

их жизнь новый ритм. Все полетело кувырком, когда он познакомился с комиссаром по делам национальностей кубанского исполкома Шовгеновым. Днем он мог выступать на собрании, а ночью мчаться на тачанке, чтобы к утру поспеть на митинг в далекий аул. Вечером того же дня принимал в комиссариате людей.

Потом отступление на Кизляр, Астрахань, лепешки пополам с песком, испеченные на вине, глоток воды дороже золота, казачьи налеты, сыпняк, голод, мороз, пурга... На всем пути, как буйки па речном фарватере, — окоченевшие трупы.

И лишь в этих песках, перед лицом обнаженной, свирепой, не прикрытой демагогическими одежками классовой ненависти, до конца понял Рамазан то, что страстно втолковывал ему Мос: борьба не признает никаких компромиссов, ведется до полной победы. И, поняв, научился делать то, что раньше никак у него не получалось: Рамазан научился убивать. Ему, однако, все еще жаль было лишать человека самого дорогого, что даровано ему природой, что уже никак не вернешь и ничем не возместишь, но он это делал.

Короткий отдых в Астрахани, и снова бои. Рамазан учился второму искусству победителя — обходиться без сна, воевать за троих. Учитель стал лихим рубакой, любимцем эскадрона. Потом политотдел, где человек не принадлежит себе ни минуты. Так же работал он и в секции. Чувствовал, что Мерем такая жизнь не устраивает, но верил, что она теперь поймет его так же быстро и правильно, как он два года назад понял Моса Шовгенова. Секция налаживала выпуск первого черкесского букваря, и Рамазан хотел привлечь к этому жену: князь Адиль-Гирей дал дочери неплохое образование. И вот он, этот свободный вечер. Рамазан запихивает бумаги в ящик стола, запирает комнату и несет ключ дежурному. Таков порядок.

Рамазан сбегает вниз по ступенькам, толкает входную дверь и оказывается па улице. Лучи заходящего солнца пробиваются сквозь листву. Хорошо! Рамазан направляется к дому. Радость его велика: он даже не слышит ни того, что его кто-то окликает, ни торопливых шагов за спиной.

— Рамазан, ты что, оглох? — Это произносит человек в такой же солдатской одежде, как и у Рамазана.

— Извини, Геннадий, не слышал. Понимаешь, глупо, но я счастлив — у меня свободное время. Кебляг! Идем

ко мне. Да ты, наверное, не знаешь: мы ведь с женой снова поженились. Гостем нашим будешь. Что в политотделе?

— Я тоже уже не в политотделе, — говорит Геннадий. — Перевели в ЧК, вот и вздумал проконсультироваться с тобой по некоторым горским вопросам. Дома неудобно. Ну да уж как-нибудь в другой раз. Топай к жене.

Рамазан чувствует, что дело у Геннадия срочное.

— Пошли, — говорит он. — В секции никого нет.

Рамазан шарит в ящике стола дежурного — ключа нет.

— Не ищи, — поясняет дежурный. — Ключ взял Зачерий.

Геннадий кашляет, мнется.

— Мне бы хотелось без него, наедине. Как с другом. Я ведь Зачерия плохо знаю.

Дежурный дает им ключ от свободной комнаты. Однополчане усаживаются за стол.

— Давай так... — Геннадий говорит медленно, подбирая слова. — Не удивляйся никаким вопросам. Уговорились?

Рамазан молча кивает.

Геннадий достает из полевой сумки карту и тычет пальцем в Таманский полуостров.

— Здесь у нас самая близкая точка соприкосновения с Врангелем, — начинает он. — Я, конечно, имею в виду нашу Девятую армию. Перебежчики заявляют, что Врангель готовит десант на Кубань. Да и он сам этого не скрывает. Наоборот, всячески рекламирует. По последним данным, десантом будет командовать генерал Улагай. Имеются сведения, что и у нас на Кубани скрывается какой-то Улагай. Полковник. Это братья? Расскажи, что знаешь.

— Пожалуй, кое-что знаю. Оба Улагая родом из одного аула — Суворово-Черкесского, с Черноморского побережья. — Рамазан протянул руку к карте. — Вот он. Генерал из давно обрусевших черкесов. С Кучуком Улагаем, полковником, я до революции несколько раз встречался. Жестокий, тщеславный и властолюбивый. Это, если так можно выразиться, кумир дворянской верхушки, на него они сейчас делают последнюю ставку. Многие путают Кучука с генералом. Но к началу мировой войны Кучук был лишь поручиком, взводным, а его однофамилец или родственник уже тогда имел генеральский чин. Что же касается десанта, то, быть может, все эти слухи имеют целью отвлечь наше внимание от другого участка? — Рамазан пытливо взглянул на собеседника.

— Ты высказываешь правильную мысль, — подхватил Геннадий. — Теоретически правильную. Но не забывай, что речь идет о Кубани. Врангель почему ставит во главе десанта генерала Улагая? Потому, что он командовал у Деникина Кубанской армией, полагает, что за ним пойдут казаки, распущенные после разгрома Деникина. Потому и трубит о десанте: готовьтесь, мол, точите ножи — и на большевиков. Потому и полковник Улагай тут рыщет, его задача — поднять горцев. Острый момент, очень острый. Врангель ставит на карту многое — людям как бы дается время подумать, окончательно определиться. Тут уже речь идет, если можно так выразиться, о ставке на сознательность казачью и черкесскую. Пожили, мол, под большевиками, поняли, что это значит, вот и решайте: за них или за нас? Мы скоро придем, вот тогда и скажете свое веское слово.

Рамазан согласен. Вывод: усилить работу в аулах. Сколько там людей, плохо разбирающихся в событиях. Он поднимается, полагая, что разговор окончен. И останавливается, пригвожденный вопросом Геннадия:

— Я еще хотел узнать, Рамазан, когда ты последний раз виделся со своим тестем, Адиль-Гиреем?

«Вот оно что! — вспыхивает Рамазан. — Меня начинают в чем-то подозревать!»

— Мы ведь условились не обижаться на вопросы, Рамазан, — опережает его возмущение Геннадий. — Я от тебя ничего не скрываю. Дней пять назад бойцы 6-й бригады 22-й дивизии напали на след двух перебежчиков. Одного захватили, судьба второго неизвестна. Не исключено, что ему удалось добраться до Врангеля. Захваченный офицер показал, что вместе с ним шел Адиль-Гирей. Понял? Твой тесть находился у нас и ушел к белым.

Рамазан снова сел. Даже не сел, а плюхнулся на стул.

— И дело не только в этом, Рамазан, — тихо заметил Геннадий. — Я б тебе и говорить о таком пустяке не стал. Офицер показал, что они три дня скрывались в городе. И адрес назвал. Твой адрес, Рамазан. Ты в это время был в ауле.

— Что ж, — вздохнул Рамазан. — Очень неприятно. Но я к этой истории не имею никакого отношения. Тестя я последний раз видел за семь дней до свадьбы. Случилось это еще до революции.

— И с тех пор не виделись? Как же это могло случиться?

— С тех самых пор. Таков наш обычай — муж всю жизнь не должен встречаться с отцом и матерью жены.

— М-да... — протянул Геннадий. — Я этого не знал. Суровые законы. Но ведь ты коммунист...

— Я-то коммунист, — невесело улыбнулся Рамазан, — но он-то монархист. Конечно, жена не могла не знать, что в квартире скрывается ее отец. Как ни тяжело, но сегодня же уйду.

— Только не это, — заметил Геннадий. — Глупо так поступать. Не забывай, что Адиль-Гирей — отец Мерем. Он мог наговорить ей все, что угодно. Я уверен в том, что она обманута. К тому же он, может быть, уже в ином мире.

— Как могла она обмануть меня? Ничего не сказать! Разве не обидно?

— Обидно. Но не забывай, ради кого она это сделала. У меня, понимаешь, в семье тоже хреновина не слаще — брат-то у Врангеля. Сотник, подлюга. А мать по обоим слезы льет. Вот и твоя жена попала в переплет: то муж, а то отец. Ты-то с ней вообще когда-нибудь об ее отце говорил?

— Никогда, дорогой, ни под каким видом мужчина не нарушит это правило. Но жена могла предупредить меня...

— А ей что, больше всех надо? Не кипятись. Поговори, выясни. Если Адиль-Гирей жив, он может скоро вернуться. И конечно, опять к тебе нагрянет. Тут уж будь начеку. Кстати, возьми-ка у меня эту карточку. — Геннадий протянул Рамазану небольшую фотографию. — Это задержанный. Есть предположение, что крупная птица, может быть, жена случайно знает его. Извини, что испортил тебе вечер, но иначе нельзя было.

— Ты поступил как друг, — ответил Рамазан.

Когда они вышли, уже стемнело. У входа распрощались, и Рамазан медленно пошел к дому. Сердце клокотало от обиды на Мерем: «Неужели не могла сказать, что сюда заглядывает отец?» И вдруг подумалось: «А сам-то я? Разве мне не должно быть ясно, что Адиль-Гирей иногда навещает семью?» Рамазан еще больше замедлил шаг. Начали припоминаться мелочи, которые у человека наблюдательного должны были вызвать явные подозрения. Взять хотя бы продукты. Мерем кормит его бараниной, которую теперь очень трудно достать даже на рынке. Спросил ли он хоть раз, где она ее берет? Поинтересовался ли, с кем встречается Мерем, как проводит время? Он

считал, что неудобно задавать такие вопросы, боялся обидеть жену недостойным подозрением. К чему все это привело? И может ли он только ее винить в том, что их квартира была использована врагами?

И все же обида на Мерем туманит душу. Он стучит в дверь сильнее обычного, а войдя, торопится к своему столу: дела, мол...

Мерем сразу видит перемену в поведении мужа. Неприятности на службе? Она пытается прочитать ответ в его глазах — они никогда не лгут, — но не может поймать его взгляда. Сомнения исчезают, она уверена: Рамазан сердится на нее. И быть может, прав. Ведь тогда, два года назад, когда красные отступали, он хоть и был разгневан, глядел на нее неотступно, словно пытался загипнотизировать, внушить что-то, навязать свою волю. И зачем она послушалась старух, почему не пошла за мужем? Самое горькое она хлебнула в стане врагов. Ухаживание хлыщей с золотыми погонами, хвастливые рассказы о расправах над «мятежниками», «предателями», назойливые расспросы контрразведки о муже — все это изо дня в день отравляло ее существование. Кончилось тем, что она нигде не показывалась, ни к кому не выходила. Но тогда-то и началось самое страшное — раздумья. Мерем сравнивала большевиков с деникинцами, подолгу, со всех сторон разбирая каждый их шаг, совершенный на ее глазах. И постепенно за поступками стали открываться пружины, двигавшие теми и другими, вся подноготная. В Рамазане она не сомневалась — идеалист-бессребреник. Но ей казалось, что таких больше нет. Теперь убедилась: таких «идеалистов», как Рамазан, среди большевиков много. Об этом свидетельствовало прежде всего поведение красных лазутчиков, попадавших в лапы контрразведки. Редкий из них признавался в чем-либо. Большинство вело себя с достоинством рыцарей, а в час расстрела они пели революционные песни. Впрочем, расстреливать приходилось не часто, обычно конец наступал во время пыток — садистских, утонченных, превосходивших своей жестокостью средневековье. Офицеры контрразведки были не просто жестокими, они кичились жестокостью как особым видом доблести. Их дальний родственник, работавший в контрразведке и имевший некоторые виды на Мерем, доводил ее мать своими рассказами до слез. Впрочем, и Мерем это отлично понимала, предназначались рассказы не матери, а ей: так недалекий парень подчеркивал свои достоинства.

Сравнивая этих молодчиков с Рамазаном и его друзьями, Мерем не могла не заметить и самое главное различие между ними. Рамазан и его единомышленники не искали в революциии личной выгоды, а, напротив, жертвовали ею. Их противники же руководствовались только личной выгодой: боролись за сохранение своих привилегий, земель, капиталов.

И Мерем будто подменили. Она начала появляться на людях, причем вела себя дерзко, вызывающе. Знала: дочь Адиль-Гирея никто не посмеет тронуть. Но чуть было не поплатилась за это. Контрразведчик, казачий офицер Свижевский, арестовал ее якобы по подозрению в связях с красными. Отца в городе не было, и все могло кончиться очень плохо. К счастью, мать обратилась к одному из заправил контрразведки, полковнику Бабийчуку, который не раз бывал гостем Адиль-Гирея. Мерем немедленно доставили домой.

Последний скандал произошел во время эвакуации: Мерем отказалась уезжать в Крым. Адиль-Гирей разругался с дочерью, сказал, что увезет ее насильно. И вдруг в самый последний день передумал.

— Может, ты и права, — проговорил он, войдя в комнату дочери. — Куда бежать с родины? Делай, что сердце подсказывает.

На радостях Мерем обняла отца, поцеловала.

— Ну вот, телячьи нежности, — пробормотал Адиль-Гирей. Примирение с дочерью привело его в хорошее настроение. — Чаша весов колеблется, доченька, — то туда, то сюда. Ты сама понимаешь, что моя судьба связана с Врангелем. А пока придется смириться с большевиками. Скоро сюда придет Рамазан.

— Он жив? — Мерем снова бросилась к отцу.

«С этой простушкой излишняя откровенность может пойти во вред, — сообразил Адиль-Гирей. — Нужно быть осторожным».

— Возможно, что твой муж и жив. Ты собираешься сойтись с ним?

— Если он... — Мерем оборвала себя — гордость не позволила высказать мысль до конца. Но Адиль-Гирей понял.

— Посмей только навязываться этому ублюдку! — крикнул он. — Явится сам, не беспокойся. А мне придется некоторое время скрываться — ведь неизвестно, что большевики станут делать с такими, как я. Изредка буду приходить домой. Не выдашь?

— Папа! — Мерем от обиды заплакала. — Что ты сделал плохого, чтобы тебя преследовать?

— Ничего плохого не сделал. Но разве большевики станут разбираться? Князь — получай пулю в лоб. Уж лучше выждать.

Через несколько дней после вступления красных в Екатеринодар к Мерем и ее матери заглянул вездесущий Зачерий. Болтал о том о сем, лишь перед уходом выложил главное:

— Вчера видел Рамазана. Он не приходил?

— С какой стати он станет меня искать здесь? — нервно хихикнула Мерем. — Мы с ним расстались в ауле.

Смех был неестественным, неуместным, он выдавал состояние Мерем — в ожидании встречи она была натянута как струна. Зачерий извинился и ушел.

Едва он вышел, Мерем бросилась одеваться. Накинув, что подвернулось под руку, даже не взглянув в зеркало, бросила матери короткое, судорожное «погуляю» и скрылась за дверью. Возвратилась, когда начало смеркаться. Есть не стала. Долго сидела у окна, ничего не слыша, никого не замечая. Потом легла. Лежала не шевелясь, и трудно было понять, спит она или листает мысли, словно страницы неоконченной книги.

Теперь она целыми днями слонялась по улицам, надеясь встретить мужа, поговорить с ним. Потом узнала — его нет в городе, он принимает участие в фильтровке военнопленных горцев. Наконец все тот же Зачерий сообщил, что Рамазан направлен к ним в секцию.

— Быть может, он не знает твоего адреса? Могу подсказать.

— Прошу тебя не вмешиваться в мои дела, — едва сдерживая слезы, произнесла Мерем. — Мы сами во всем разберемся.

Решила ждать десять дней. Не придет Рамазан, значит, пути их больше никогда не сойдутся. Эти дни прошли в колебаниях, неуверенности, надеждах. Рамазан не появился. И тогда Мерем приняла зрелое решение: объясниться! «Откуда ему, в конце концов, знать, что я раскаялась в своем поступке, считаю себя виноватой?» И однажды робко вошла в здание исполкома. Дежурный, узнав, что она ищет Рамазана, сообщил, что он в отъезде, будет не скоро, дней через пять.

В сердце Мерем вспыхнул огонек надежды. «Он про-

сто не успел зайти, — успокаивала она себя. — Вернется и найдет меня».

Не появлялся и отец. Правда, однажды к ним заехал на подводе незнакомый казак, передал от Адиль-Гирея привет, занес в дом большой узел с продуктами и уехал. На вопрос Мерем, где находится отец, казак хмуро бросил: «Понятиев не имеем».

Не выдержав десятидневного испытания, Мерем вновь отправилась в исполком — в тот самый день, когда Рамазан решил разыскать ее. Так началось их счастье. Она мечтала стать помощницей мужу, быть полезной делу, которому он отдает всего себя, но хотела, чтобы он сам догадался об этом. А пока что старалась получше кормить его — очень уж он отощал. Сегодня ей удалось выменять почти новый ковер на добрый кусок баранины. Рамазана поджидал настоящий шашлык.

«Что-то случилось, — уже твердо решила она, еще раз взглянув на мужа и не встретив ответного взгляда. — Пойду делать шашлык. Быть может, вкусная пища его немного успокоит».

Когда дверь за Мерем закрылась, Рамазан горестно вздохнул. Окинув взглядом комнату, вдруг заметил, что ничего лишнего или дорогого здесь нет. Скромная тахта, шкаф, в одной половине которого находится одежда, а в другой — посуда, круглый стол посреди комнаты, стулья, в углу у окна — железная труба граммофона, купленного им через день после свадьбы с десятком пластинок. Больше всего нравились им песенки Вяльцевой. «Захочу — полюблю, захочу — разлюблю...» — вспомнил он и почувствовал, как колотится сердце. «Да, — приглядевшись он, — кажется, вчера над тахтой был ковер?» Верно, был, на его месте теперь большой светлый прямоугольник, в центре которого портрет Шамиля. Когда-то Рамазан преклонялся перед имамом. В ином случае поступок Мерем растрогал бы его, по крайней мере, вызвал бы добрую улыбку. Сейчас Рамазан неприязненно подумал: «Нашла время переделками заниматься...» Он стал прикидывать, с чего бы начать разговор с женой так, чтобы не выйти за рамки приличия, не сболтнуть ничего лишнего. Вспомнил о фотографии, которую дал ему Геннадий. Тогда, расстроенный, лишь бегло взглянул на портрет. Теперь стал пристально вглядываться в него. Невысокий лоб, правильный нос, широкий, выступающий вперед подбородок. Лицо пересекают две глубокие морщины, тянущиеся извилистой бороздкой от носа к подбо-

родку. Типичный кадровый офицер, жестокий и бездушный. Бросив фотографию на тахту, Рамазан начал разглядывать Шамиля. Сколько в этих узковатых глазах проницательности, ума, хитрости, воли! О, имам не брел вслепую, он учитывал все наперед, все знал заранее. Мудрый старец даже знал, как застраховаться от мести врагов: он приблизил к себе сына Хаджи-Мурата. Он действовал по принципу: сын врага должен стать твоим другом...

Рамазан отошел от портрета. «А почему только сын? Почему дочь врага, ставшая твоей женой, не может быть твоим другом? Что я, Рамазан, сделал для того, чтобы скрепить эту дружбу?»

Еще минута, и он додумал бы эту мысль до конца и, может быть, принял бы какое-нибудь решение, но вошла Мерем. Раскрасневшаяся, радостная. Вместе с ней в комнату влетел сногсшибательный аромат шашлыка. Ноздри Рамазана сразу учуяли любимое блюдо. Он двинулся было к столу, но тут его словно дернуло что-то.

— Откуда у нас баранина? — резко спросил он.

Впервые за этот вечер глаза их встретились. Мерем сразу поняла: Рамазан сердится именно на нее. За что? В чем она провинилась? Рамазан прочел в глазах жены растерянность и вдруг, забыв, о чем лишь минуту назад думал, запальчиво выкрикнул:

— Мне не нужна княжеская баранина!

— Не знала, что ты так привязан к старому ковру,— едва слышно проговорила Мерем. Заметив недоумение на лице мужа, добавила: — Правда, за него дали мало, но на шашлык хватило. Хотелось порадовать тебя, а получилось огорчение. Извини.

«Эх ты, умная голова», — подумал о себе Рамазан.

— Садись ужинать, — приглашает он Мерем.

— Я уже поела, — отнекивается она.

Рамазан недоверчиво косится на жену: нет, лгать она еще не научилась.

— Садись! — отрывисто бросает он. — Один есть не буду.

Мерем нерешительно топчется у тахты, взгляд ее падает на фотографию, она берет ее в руки. Удивленно вскрикивает:

— Откуда у тебя полковник Бабийчук? Вы знакомы?

Рамазан облегченно вздыхает: оказывается, никакие хитрости не нужны, у нее от него нет секретов. Никаких?..

— Когда ты его видела последний раз? — спрашивает он.

— Дней восемь назад. Или десять. — Мерем морщит лоб, уточняя дату. Ей хочется продлить разговор с мужем, и она добавляет: — Он заходил к нам вместе с отцом. Странный такой, небритый. Посидел немного в отцовском кресле и уснул.

На душе у Рамазана становится легко и радостно: правда, факт остается фактом — враги использовали его квартиру. Но Мерем здесь ни при чем. Заговорщики не ведут себя так, как она. Он берет ее за руку, усаживает рядом с собой.

— Наше счастье, девочка, — говорит он, — что мы не научились лгать. Ты такая же голодная, как и я, и это, конечно, весь шашлык, который тебе удалось выручить за ковер. Поделим его как друзья и отдадим третью часть княгине. Ведь она — твоя мать.

— Княгиня уже спит, — шепчет Мерем. — Она просыпается и плачет, плачет целые дни, даже во сне.

— Несчастье с отцом?

— Не говорит. Но я думаю, что случилась беда. Приходил к маме Зачерий, пошептался, ушел. И она с тех пор плачет.

Они с аппетитом едят.

— Ты не станешь возражать, если я предложу тебе работу? — спрашивает Рамазан.

— Какую? Я справлюсь? — Мерем преображается.

— Нужно помочь людям, которые составляют для нашего народа букварь.

— Только бы я справилась...

— Мерем, — неожиданно предлагает Рамазан, — уже ночь, нас никто не увидит. Давай погуляем, как когда-то. Помнишь?

Еще бы, это были очень радостные, только их часы. Они незаметно выбирались из дому, когда улицы замирали, и до рассвета бродили, болтая о всякой всячине. Они знали: так черкесы не поступают. На всякий случай она надевала шляпку с вуалью.

Мерем набрасывает на себя жакетик. Рамазан сует в карман наган. Расхаживают тут же под окнами — полквартала налево, полквартала направо. Молчат. Летние звезды дружелюбно поглядывают на них. Чуть слышно, будто стесняясь напомнить о своем присутствии, вздыхают липы. Под одной из них они останавливаются. Рамазану кажется, будто время повернуло вспять.

— Все как было, — говорит он. — И звезды, и деревья, и ты.

— Ты думаешь? — Мерем крепче прижимается к нему. Неужели она плачет?

— Что с тобой, Мерем?

— Ты думаешь, что все осталось таким, как было, что изменился только ты один... — В ее словах упрек.

— Что же еще изменилось? — допытывается он.

— Все! Все, кроме звезд.

— И липы?

— И липы! Ты не знаешь... Не видел... А я видела — на этих липах висели люди с дощечками на груди. А на них было написано: «Большевик!» И отправлял их туда Бабийчук. Я это видела. И думала: будь милостив, аллах, покарай палачей. И... и защити моего мужа-большевика. Я это видела, Рамазан! Не смущайся, что я тебя назвала по имени, на людях такой оплошности не совершу. А теперь пойдем...

Утром, по пути в исполком, Рамазан привел Мерем в комиссию по составлению букваря. На работу явился чуть позже обычного.

— А, Счастливчик, — поприветствовал его Зачерий.— Тебе нельзя опаздывать ни на миг, уже трое спрашивали: Максим, секретарь Полуяна и какой-то таинственный фронтовик, с которым ты вчера встречался. Он просил немедленно позвонить, куда — не сказал.

Рамазан схватился за трубку, но в дверях появился Геннадий. Они вышли. В коридоре Рамазан взял Геннадия под руку, прошептал: «Бабийчук. Полковник Бабийчук».

— Спасибо. Теперь я из него выковыряю кое-что, никуда не денется. Бабийчук в последнее время был у Фостикова. Спасибо твоей жене, большое спасибо.

Рамазан вскоре вернулся. Его ждала большая группа черкесов, их привел Максим.

— Вот это и есть Рамазан, — сказал он черкесам. — Хотим посоветоваться с тобой.

Отошли к окну. Максим коротко рассказал о неудаче, которая постигла его в последней командировке, о слухах, которые носятся по аулу, о наглой выходке Ибрагима.

— Сколько же вас приехало? — обратился Рамазан к Анзауру. — Все согласны вступить в отряд?

— Все. Если поговорить с народом без председателя и без Ибрагима, многие пойдут, у нас аул дружный.

— Да что ждать других? — удивился Рамазан. — Оружие у вас имеется? Вот вам уже и отряд. В аул поеду с вами, соберем сход, переизберем председателя, и болтуны прикусят языки.

— И насчет леса надо подумать, — добавил Анзаур. — Люди побаиваются — наскочат бандиты, порубят, пожгут...

— Так сразу не наскочат, если в ауле будет отряд. Задумаются...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Готовься радостной встрече». Эти слова сверлят мозг Улагая, радуют и одновременно пугают своей определенностью. Что ж, он готов. Его колесница смазана, даже кони запряжены. Остается сказать «но». Улагай уверен: по его команде аулы вспыхнут, как пучок просмоленной пакли. Люди, по его мнению, только и ждут его команды. Каждый, с кем он беседовал, заверял его в этом.

— В лес? — осведомляется Ибрагим.

Незаменимый помощник, мысли начальника угадывает без слов. Конечно, сейчас не время отсиживаться в аулах: на то он и создал полевой штаб, чтобы оттуда руководить восстанием.

В пути Улагай начинает проявлять признаки нетерпения: садится рядом с Ибрагимом, покусывает травинку, то и дело оглядывается. Версты за полторы до развилки пересаживается на свое постоянное место — пулеметчик есть пулеметчик. Он немного освобождает пулемет от тряпья, чтобы не заело во время стрельбы.

По дороге к морю движется воинская часть. Ибрагим подгоняет повозку к перекрестку и останавливает лошадей только тогда, когда они вот-вот достанут мордами плечи проходящих мимо бойцов. Это у него называется «танцевать на ножах». Ибрагим добродушно улыбается красноармейцам, они отвечают по-разному — кто такой же улыбкой, кто кивком или шуткой. Многие проходят мимо, словно не видя повозки. А наблюдательные замечают, что за спиной развеселого адыга под белоснежной чалмой притаились два злобных огонька: Улагай не увлекается показной стороной. Его радует, что бойцы следуют к морю: чем больше частей сосредоточится в предполагаемых пунктах высадки, тем труднее будет потом их перебрасывать к местам решающих боев — побережье велико. Советам в такой обстановке нужны не

заслоны, а оперативные резервы. Что ж, психическая атака Врангеля как будто начинает действовать. Впрочем, он быстро забывает об этой встрече — Красная Армия на совести Врангеля; дело Улагая — навести порядок в аулах, и он знает, с чего начать и чем кончить, сделал бы свое дело барон.

Дорога снова идет лесом. Ибрагим направляет лошадей на поляну, расстилает на плотном, словно ковер, дерне скатерть, раскладывает лепешки, соль. Аппетитный запах исходит от жареной индейки — любимое блюдо князя в походных условиях. Но Улагаю есть не хочется, его томит жажда. Что там во фляге? Родниковая вода? Улагай припадает к фляге. Облегчение приходит немедленно. Голова становится легкой, мускулы освобождаются от цепей, словно принял ванну.

«Хорошо, что успел закончить переговоры с Алхасом, — думает Улагай, меряя поляну крупными шагами. — Вместе с повстанческим подпольем это большая сила». Он начинает — в который раз — подсчитывать, сколько людей выставит каждый аул. «Лучше всего брать минимум — человек по семьдесят — восемьдесят. Не мало ли?» После некоторых колебаний Улагай останавливается на этой наметке. Ему мерещатся ряды вооруженных всадников, проносящихся перед ним, главнокомандующим. Он приветствует их. Со всех сторон слышится: «Да здравствует Улагай Кучук!», «Живи много лет, зиусхан!».

Однако какие же новости в штабе? До него теперь рукой подать. Лесная дорога вдруг начинает выкидывать коленца: то бревно поперек разлеглось, то завал. Тут будто случайно опрокинулся воз с хворостом, там — воронка снарядная. Скажи нужное слово — и бревно отползет в сторону, хворост раскидают, через воронку перебросят шаткий деревянный мосточек. Впрочем, довольно прочный. Хоть до штаба и рукой подать, но попасть в него не просто.

«Штаб Улагая! — приосанивается Улагай, горделиво оглядываясь. — Будущая адыгейская Мекка. Здесь адыги будут дышать воздухом отваги и преданности мне, Улагаю».

Но вот Ибрагим выбирается на обжитую поляну, подкатывает к небольшому домику. Их тут несколько. Дома — для начальства. Челядь, разумеется, в землянках.

Улагай соскакивает с повозки, небрежным кивком отвечает на почтительные приветствия, бросает Ибрагиму:

— Всех офицеров — ко мне!

Входит в свой домик. В нем не так уж плохо. Конечно, с виллой под Сочи не сравнить, но вполне терпимо. Ибрагим даже ухитрился притащить откуда-то сифоны с сельтерской.

Улагай заходит в спальню лишь на одну минуту — переодеться. Вот он уже в кабинете — в свежей гимнастерке, подтянутый, улыбающийся, сапоги блестят, как всегда. Его ждут.

— Коротко доложу обстановку. — Он четко, ясно и действительно очень коротко сообщает о переговорах с Алхасом. — Теперь у нас есть реальная вооруженная сила, — заключает он. — Алхас ждет приказа. Ваши новости?

Поднимается высокий красавец с коротенькими усиками — Крым-Гирей Шеретлуков, начальник повстанческого штаба и его заместитель. Он сообщает все, что установила агентура, разбросанная на довольно обширной территории от Темрюка до Баталпашинской. Самое важное ехидный Крым-Гирей приберегает напоследок.

— Начал действовать Султан-Гирей Клыч: он уже поднял восстание в Карачае. Опирается на армию Фостикова.

Улагай надменно улыбается. «Старый негодяй, — проносится в мыслях, — ничего не сказал, словом не обмолвился. Значит, затаил что-то. Что же?» А слова бегут сами собой:

— Поднять восстание, опираясь на Фостикова, не трудно. Сколько у них сабель и штыков?

— По данным Фостикова, — отвечает Шеретлуков, — шесть тысяч, по моим — не более пяти. Резервы, мне думается, он уже исчерпал.

Поднимается Ибрагим:

— Фостиков набивает себе цену, но пять тысяч у него есть.

— Пять тысяч солдат, — роняет Улагай, — хороший заслон от Красной Армии. Однако, друзья, бьет и наш час. Прошу к карте.

Он отдергивает занавеску, и на стене обнажается большая карта Северного Кавказа. Чистая, без единой пометки.

— Мне кажется, десант выбросят несколькими группами примерно в следующих районах... — Улагай указывает на ряд пунктов на побережье поближе к Тамани.— Направление главного удара окажется в стороне от

нас — Врангель намерен опереться на казачество, это не секрет, господа. Фостиков пробьется к нему через Армавир, Султан-Гирей, по-видимому, останется на месте. Вывод: не торопиться! Наиболее удачный момент для взрыва, мне думается, — период самых ожесточенных боев на подступах к Екатеринодару. Вот тогда мы поднимем людей на разгром большевистского фланга и тыла.

Короткий обмен мнениями. Все согласны с командующим.

— А если десант будет разбит? — Битлюстен Шихов задает вопрос, который вертится у каждого на языке.

Улагай достает с полки сифон и стакан, нажимает клапан, и из носика с чиханием вырывается пузырчатая струя. Треть стакана. Он подносит воду ко рту — и вдруг ставит стакан на стол.

— Вопрос резонный. Наш сугубо штатский друг Битлюстен вправе поставить его. Отвечаю: наша ставка на победу! Всем, кроме Шеретлукова, можно идти. Через некоторое время получите приказ, что кому надлежит сделать для подготовки взрыва и в самый момент восстания.

К утру при штабе остается лишь небольшая группа людей — взвод охраны, обслуживающий персонал да Улагай с Крым-Гиреем Шеретлуковым. Все остальные, включая работников штаба, отправлены в аулы. К вечеру следующего дня в штаб должны прибыть связные: по одному из аулов и двое — из банды Алхаса. Когда придет срок, они передадут аульным повстанческим группам приказ о выступлении. Алхас — главный резерв. Его банду Улагай решил бросать на аулы, в которых повстанцам окажут сопротивление. В первую очередь, разумеется, будет наведен порядок в Адыгехабле — терпеть этот позор Улагай больше не намерен!

Казалось, все шло как по писаному. И все же какой-то червячок точил душу, будоражил нервы. «Почему Султан не сказал, что отправляется в Карачай?» Эта мысль не давала Улагаю покоя, не покидала ни на минуту. Вывод напрашивался только один: он взял себе участок полегче, из Карачая двинется на адыгейские аулы. Три хороших перехода, и он тут. Все, что так искусно лепил Улагай, достанется этому нахальному генералу. А он? В лучшем случае — все тот же начальник штаба.

...Улагай мечется в постели. Отшвырнув одеяло, встает, идет к карте, разглядывает места, измеренные

собственными ногами, и ярость вскипает с новой силой. Да что смотреть — три перехода, и Клыч тут. Ну и негодяй!

Улагай подходит к шкафчику, наливает вина и жадно пьет. Почему в комнате так душно? Не собирается ли гроза?

Он выходит из домика. Предрассветный лес тих и спокоен. Улагай прислушивается. Неподалеку стучит топор — очевидно, солдат колет для кухни дрова. Идет на звук. Так и есть. Молоденький паренек с кряканьем опускает колун на огромную дубовую чурку. Заслышав шаги, солдат вытягивается перед командующим. Улагай с любопытством разглядывает совсем молодое лицо с красными, припухшими глазами.

— Не тянись. Как тебя зовут?

— Кемаль, зиусхан.

— Не тянись, Кемаль, мы не на параде. Ты из какого аула?

— Из Адыгехабля, зиусхан.

— Когда дома был?

Кемаль вдруг закашливается. Так учил его один старый вояка: не знаешь, что начальству соврать, — кашляй. Кашляй и думай. Кашляя, Кемаль сообразил, что сообщать командующему о своем последнем путешествии в аул нет никакого смысла, ведь он отлучался без разрешения. Да разве выдержишь? Два года не был дома, надеялся, что войне конец, а тут на́ тебе — подполье. Вызвал его Ибрагим и сказал: «Кемаль, родина доверяет тебе почетное, но секретное дело. Пойдешь — через несколько месяцев корнетом станешь, богатым офицером. Согласен?»

Стать богатым офицером совсем неплохо. Кемаль дал согласие и попал в команду Болотокова. Строил штаб, теперь охраняет его. Изучил в лесу все тропки, знает все ходы и выходы, даже те, которые неизвестны начальнику охраны Аслану. Отпросился у начальника с ночевкой на реку, а сам махнул в Адыгехабль. Поглядел на родителей и назад. Рассказывать обо всем этом Улагаю было в высшей степени глупо, а врать он как следует еще не наловчился. Покашляв немного, Кемаль соврал:

— Давно... Уже два года, зиусхан.

— Ничего, парень, скоро будешь дома. Прикончим большевиков и по домам разойдемся. Но тебе, может быть, нравится военная жизнь? Небольшую армию мы на всякий случай сохраним. А ну-ка, дай топор. — Ула-

гай размахнулся и, крякнув, обрушил топор на полено. Размявшись, бросил топор на землю.

Настроение поднялось. «Кто-то,— вспомнил Улагай,— кажется Наполеон, любил беседовать с нижними чинами. Или Суворов?»

Теперь его положение уже не казалось таким сомнительным. Никуда Султан-Гирей не сунется со своей кучкой башибузуков до тех пор, пока не поднимутся адыги. А если так, адыги могут подняться и после того, как Клыч будет разбит.

Весь день Улагай провел наедине со своими мыслями: то он взлетал под самые облака, то оставался прислужником Клыча.

К ночи начали прибывать связные из аулов. Почти каждого Улагай знал в лицо, а то и по имени: одних в свое время завербовал в армию, другие пришли к нему добровольно. В основном это были богатеи или их сыновья. Улагай лично расспрашивал каждого: выяснял обстановку, настроение, боевую готовность. Связные, преданные слуги контрреволюции, не хотели да и не могли дать правильную оценку положения в аулах — ненависть слепа, злобна, ненасытна. Они жаждали крови тех, кто больше не желал на них батрачить, и всячески старались приблизить час расплаты.

Беседы со связными еще больше подняли настроение Улагая. Сомнения, мелькавшие раньше в душе, отошли на задний план. Улагай, конечно, понимал, что аульская беднота тянется к красным, но считал, что ее захлестнет кровавый поток. «С нами или смерть!» — вот что определит позицию большинства. Врангелевские штыки явятся достаточно прочной опорой этого лозунга.

Под утро Ибрагим доложил о прибытии связных от Алхаса. Оглядев их, Улагай обратил внимание на угрюмого мужчину с маузером на боку.

— Имя? Откуда?

— Ильяс Теучеж, связной Алхаса.

— Почему с маузером?

— Атаман подарил.

Лицо Улагая прояснилось: на доверенных Алхаса можно полагаться полностью.

— Фронтовик?

— Так точно! — В глазах Ильяса вдруг вспыхнул озорной огонек. Подумал: вдруг спросит, в каком полку какой дивизии служил. Уж тут придется что-нибудь придумать.

— Замечательно! Молодец, Ильяс! Как дела у Алхаса? Уничтожили русских, которые были в Адыгехабле?

— Никак нет.

— Почему же? — дернул головой Улагай. — Струсили?

Ильяс доложил, что видел своими глазами.

— Да, — тихо проговорил Улагай после паузы, — одной смелости мало, пулемет сильнее смелости. Цепь случайностей: трусость Салеха, глупость Чоха, нахальство большевиков... Отряд Алхаса нужно пополнить опытными офицерами. Мы это сделаем. Сделаем, друзья! — громко повторил Улагай. — Будем воевать всерьез. И ты от Алхаса? — обратился он ко второму.

— Так точно! — выкрикнул молодой парень. — Шумаф.

— Подготовься, будешь сопровождать человека. Послушай-ка, за что тебе Алхас подарил маузер? — вдруг вспомнил Улагай.

Ильяс не успел и рта раскрыть, как Шумаф выпалил:

— Ильяс отличился в последнем бою, хотя еще на костылях после ранения ходил. Когда Масхуд бросил своих людей, Ильяс поскакал им на выручку.

Улагай с интересом разглядывал связного. Повадки бандитов и большинства своих подчиненных он знал хорошо, полностью доверял одному только Ибрагиму. Неужели появился в его окружении еще один такой же верный человек?

— Оставляю тебя пока при штабе, Ильяс, — объявил Улагай. — Доложи начальнику охраны.

«Новое дело», — забеспокоился Ильяс. Но тут же сообразил, что это даст ему возможность получше узнать, что делается в белогвардейском логове. Улагай — зверюга крупный, его голыми руками не возьмешь.

Через час Шумаф отправился назад вместе с Крым-Гиреем Шеретлуковым и его адъютантом.

Ильяс представился начальнику охраны. Аслан встретил его неприветливо — каждый новый человек вызывал у него подозрение. Он долго расспрашивал новичка, разглядывал, чуть ли не обнюхивал. Попросил маузер, разрядил и, зарядив снова, направил на Ильяса.

— Смотри у меня, — произнес угрожающе. — Я шуток не признаю. Чуть что — пуля в рот.

Возвратив оружие Ильясу, повел его к землянке взвода охраны. Десять ступенек вниз, и за брезентовым по-

логом — знакомые солдатские нары. Людей нет. Ильяса сразу же начало поташнивать от спертого воздуха.

Аслан направился к выходу. У самой двери вдруг резко обернулся: новичок стоял все в той же унылой позе, взгляд его был устремлен в пол. Аслан нахмурился — ох не нравятся ему эти унылые физиономии с сиротскими глазами. В охране люди должны быть молодец к молодцу. Ну что ж, полковнику виднее...

Начальник охраны уходит, а Ильяс словно бы прирос к нарам. «Что со мной происходит?» — стучится горькая мысль. Его словно подхватило могучим порывом ветра и понесло против воли. Теперь — все! Осмотрится в лагере Улагая и — в Екатеринодар. А еще лучше — до ближайшей железнодорожной станции.

В первые дни Аслан не назначал Ильяса в караул, велел привыкать. Ильяс с радостью бродил по лесу. С каждым разом отходил все дальше, проверяя, не наблюдают ли за ним. Нет, на него никто не обращал внимания. Понял: где-то есть черта, за которую его не пустят, где-то устроены хорошо замаскированные наблюдательные пункты. Нужно узнать, где они.

На третий день, вечером, к Ильясу подошел паренек, лицо которого показалось ему знакомым. Ба, да это же Кемаль, отец которого частенько захаживал к нему в гости. Ильяс радостно заулыбался: после гибели Аюба он ни с кем из земляков не разговаривал. С первых же слов выяснилось, что Кемаль недавно побывал в ауле.

— Только молчи, — прошептал он. — Узнают — «пулю в рот», как говорит Аслан. Тут это заработать недолго.

— Что обо мне в ауле говорят?

— Разное болтают. После того как Измаил привез тела Салеха и Аюба, некоторые засомневались в тебе. Измаил божится, будто сам видел, как ты всадил все патроны из нагана в Салеха и дал слово прикончить всю его семью.

«Даже из этого пытаются пользу извлечь», — подумал Ильяс, и сердце его залила новая волна горечи.

— Неужели кто-то верит, что я мог такое сделать? — вырвалось у него.

— Некоторые, наверное, верят.

— А твой отец?

Кемаль улыбнулся, вспомнив старого Юсуфа.

Отец сказал: «Ты, пакостный щенок, успел все углы загадить. Теперь слушай Ильяса. Что скажет, то и делай».

Ильяс глядит в глаза Кемалю. Нет, это не Аюб, у которого все его мысли как бы на виду. Но и хитростью не попахивает. А довериться кому-то необходимо, без помощника ничего не сделаешь. К тому же Кемаль очень хорошо знает лагерь: он строил его, стоял на наружной и внутренней охране. Впрочем, торопиться не следует, все это может быть и обычной проверкой.

Молчание Ильяса явно тяготит Кемаля. Да и то сказать, ведь к деникинцам он примкнул добровольно — узнал, что каждый солдат получает коня и снаряжение, будет наделен крупным земельным участком, и пошел. И после поражения, сдачи мог быть дома, да вот на чужую землю польстился.

— Ильяс! — В голосе Кемаля проскальзывает обида. — Понимаю, не достоин доверия. Но ты не гони меня, понял я уже, что не той дорогой иду, да не знаю, как свернуть с нее. Мне не веришь, моему отцу поверь...

Искренность Кемаля уже почти не вызывает сомнений.

«Надо решаться, — приказывает себе Ильяс. — Парень вроде бы осознал... Конечно, риск есть, но другого помощника не найти».

— Не обижайся, Кемаль, что не сразу душу перед тобой распахиваю. Теперь могу сказать: верю! Мысль у меня одна...

Они долго шепчутся. Уславливаются без особой нужды не встречаться. Расходятся в приподнятом настроении: каждый знает, что ему делать.

Возвратился Шеретлуков, сообщил подробности разгрома алхасовской засады. Улагай не дослушал:

— Знаю. Им это пойдет на пользу, поймут, что без офицеров могут воевать только с ночными сторожами.

— Не это главное. У Салеха хранились три пулемета, два остались в ауле. И винтовки. Создана караульная полурота, командует ею небезызвестный тебе Мурат.

Крым-Гирей предложил немедля, пока не начались основные бои, силами Алхаса разгромить адыгехабльский отряд.

— Я все осмотрел на месте. Умело действуя, выманим красных из аула, подведем под огонь станкового пулемета и отрежем дорогу назад. Отряд Мурата нужно уничтожить полностью, после этого и другим не захочется связываться с большевиками.

Улагай одобрил предложение, но со сроками не согласился.

— Лучше всего нанести удар в момент общего восстания. Это будет эффективнее, да и помощи им не окажут. А пока не вредно связаться с Муратом, он был храбрым воякой.

Возбуждение, предшествующее большим событиям, нарастало. Но дни проходили за днями, а врангелевский десант не появлялся.

Важные новости привез Ибрагим, возвратившийся от Османа. Довлетчерий уверял, будто красные начали охоту на Улагая. Возглавляет ее Максим Перегудов, тот самый, который разделался с засадой. Ибрагим рассказал о своем знакомстве с Максимом, о собрании, о внезапном отъезде всей группы.

— Зря рисковал, — заметил Улагай. — Безрассудство!

— Надо было познакомиться с охотником, — возразил Ибрагим. — Теперь мы можем поменяться местами — охотником стану я. Раз обещал Максиму, что покажу ему полковника Улагая, то хочу сдержать слово как настоящий адыг.

Улагай недоверчиво прищурился: выйдет ли?

И вдруг как снег на голову новое сообщение: в аулах прошли выборы делегатов на съезд горцев Екатеринодарского, Майкопского, Баталпашинского, Лабинского и Туапсинского отделов, в тот же день делегаты отправились в Екатеринодар. 11 августа съезд начал работу, а через два дня Улагай получил пакет, на котором красным карандашом были нарисованы три больших креста. Это значило, что пакет должен быть доставлен самым срочным порядком. Гонец ничем не рисковал: в пакете оказалась перепечатанная на машинке копия первой резолюции съезда. Улагай впился в нее глазами. Руки его дрожали: «Пока мы тут точим ножи, они объединяются».

«Обсудив вопрос о мерах борьбы с бело-зелеными бандами, — прочел Улагай, — съезд постановил обратиться от имени трудовых горцев к тем из черкесов, которые принимают прямое или косвенное участие в бело-зеленых бандах, с предложением немедленно добровольно вернуться в свои аулы, предупредив, что в противном случае принимающие участие в белых отрядах будут объявлены врагами черкесского народа и с ними будет поступлено как со злейшими врагами» [1].

[1] Здесь и дальше приводятся цитаты из подлинных документов, опубликованных в газете «Кубанская правда» за август — сентябрь 1920 г.

Улагай вытер со лба пот, передохнул и продолжал чтение:

«В частности, съезд принял к сведению заявление представителей Советской власти, что в случае добровольного возвращения и явки к органам власти не только рядовые участники, но и главари, вроде Улагая...»

Улагай поперхнулся, бумага запрыгала в руках. «Выдержка, Кучук, выдержка», — одернул он себя и дочитал:

«...но и главари, вроде Улагая, будут, безусловно, прощены и им гарантируется полная личная неприкосновенность».

«Главарь!» — фыркает Улагай. Он расхаживает по комнате, не обращая внимания на стоящего в дверях Ибрагима. Вдруг рядом с адъютантом появляется один из его самых доверенных связных — Сулейман.

— Началось! — выпалил он. — Высадились!

Началось! Улагаю вдруг стало трудно дышать.

— Подробнее, Сулейман, — едва выговаривает он.

— Вчера утром в районе станицы Приморско-Ахтарской началась высадка десанта. Белые части быстро продвигаются вперед. С самолетов сброшены листовки — обращение к населению. Десантом командует ваш земляк и родственник генерал Улагай.

«Перст судьбы! — думает Улагай. — Когда-то наши дорожки скрестились, и я был отправлен в город. Теперь мы снова движемся к одной точке. Кто знает, быть может, и я въеду в Екатеринодар генералом». Он наклоняется к Сулейману:

— Адиль-Гирей не вернулся?

— С Адиль-Гиреем не все в порядке. Мне удалось встретиться с казаком, который их сопровождал. Полковник Бабийчук попал к красным, а Адиль-Гирей успел сесть в лодку. Кажется, ранен.

— С Рамазаном не говорил?

— Никак не выберу момент. То он в отъезде, то я.

— Ты просто трусишь, Сулейман. Не верю я в этих идейных товарищей. Рамазана беру на себя. Пусть Зачерий доложит, куда направится Рамазан, перехватим.

Улагай приказывает Ибрагиму позвать Шеретлукова.

Через час Шеретлуков вскакивает на коня. Началось!

Бессонная ночь. Утром новое донесение: высадка продолжается, части генерала Улагая заняли Ольгинскую. Кучук не отходит от карты. С карандашом в руках подсчитывает возможности врангелевского флота, прикиды-

вает темпы высадки и наступления, намечает рубежи и даты. По его подсчетам, к 19 августа головные части должны захватить Тимашевскую: отсюда прямая и почти открытая дорога на Екатеринодар.

Теперь самое важное — выбрать правильный час. Выступишь раньше — могут раздавить, выступишь позже — не оценят. Но пока что торопиться нет нужды — десантники продвигаются крайне медленно, идут тяжелые бои. Похоже, что Врангель вывалил все, что было предусмотрено, с обозом даже помещики прибыли. Только и ждали их тут...

Улагай понимает: основная ставка Врангеля — на казачество, на Фостикова, на банды, на него, Кучука Улагая. Всем приказано выступить в момент высадки — тогда у красного командования не хватит ни сил, ни умения, оно распылит войска, не сумеет оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Но... никто не выступает. Многочисленные казачьи банды, притаившиеся в плавнях, чего-то выжидают. Не может же он со своей небольшой группой начинать первым.

Снова появляется Сулейман — привез подробную информацию о последних днях работы горского съезда и заключительную резолюцию, принятую 15 августа, уже после начала высадки десанта. Улагай пробегает ее глазами. «И тут не утерпели, снова лягнули копытом». В нем закипает ненависть.

«Съезд единодушно заверяет, — с издевкой читает он, — что горцы приложат все усилия к тому, чтобы не только не поддержать бело-зеленые банды, но и действительно бороться с ними. Всех же участников этих банд, если они не явятся добровольно на зов власти в ближайшие дни, мы, черкесы, объявляем изменниками народа и поступим с ними как с врагами трудового народа».

Сулейман молча ждет. Понимает: в эти минуты решается нечто важное, быть может, самое важное в их жизни. Делается шаг вслепую. Впереди, может быть, сказочная жизнь: народ — ишак, а они — всадники. Но... впереди может оказаться и пропасть. Что ж, игра идет крупная, а трус в карты не играет.

Улагай наливает в стакан сельтерской, залпом выпивает. Надо успокоиться и еще раз подумать. А что думать? Момент настал.

— В Екатеринодар, добрый вестник! Передай Зачерию, пусть готовится к моему приезду. А тебя ожидаю

с новыми радостными сообщениями. Твое имя возглавит список награжденных.

Сулейман козыряет командующему и — налево кругом: как-никак бывший сотник белой Кубанской армии. Ему подают свежего коня, он вскакивает на него, нажимает шенкелем и, не оглядываясь, мчится вперед. А ведь порой и оглянуться не вредно. Оглянись Сулейман хоть на секунду, он остановил бы коня на всем скаку, ибо встретился бы с полным ненависти взглядом Ильяса. Да, Сулейман слышал, что Ильяс будто бы отличился в бою с засадой, но был уверен — доверия этот человек не заслуживает. Одно дело — держать его на мушке в банде, другое — пустить в штаб командующего. Оглянись Сулейман хоть на секунду, и пятеро девочек Ильяса остались бы сиротами. Но Сулейман мчится вперед, дороги минуты. Кто знает, может быть, и в Новороссийске уже высаживаются. Тогда Советской власти каюк. Тогда он войдет в Екатеринодар уже не сотником, не простым поручиком, а чином повыше. Уж он-то заставит этих ублюдков привести свое имение в порядок...

Ильяс глядит вслед своему врагу, но рука его не тянется к маузеру. Ненависть клокочет в сердце, ищет выхода, но в последние дни Ильяс поумнел, теперь он уверен, что сумеет извлечь пользу из провокации, которую устроил Зачерий с Сулейманом. Уже убедился — на Кемаля можно полностью положиться. Один из них незаметно исчезнет и приведет сюда красных, это лучше выполнит Кемаль, он же, Ильяс, в ходе боя будет бить по тылам, воспользовавшись паникой, перестреляет из маузера командование. Хороший план! Вполне осуществимый.

— Ибрагим! — раздается зычный оклик Улагая. — Офицеров ко мне!

Через несколько минут перед Улагаем выстроилась вся верхушка. Глядя на подручных, командующий кисло улыбается. «Главари, — вспоминает он. — Как-то они поведут себя в случае неустойки?»

— Доблестные войска барона Врангеля под командованием героического сына черкесского народа генерала Улагая... — Улагай делает паузу и еще более торжественно продолжает: — ...нашего любимца генерала Улагая, громя красные полчища, вышли на Тимашевскую. Дорога на Екатеринодар открыта. В городе паника, совдеповцы бегут кто куда... как крысы с тонущего корабля. Мы обязаны внести свой вклад. Приказываю: на рас-

свете двадцать третьего августа всем повстанческим группам в аулах перейти в наступление, захватить власть в своих населенных пунктах, сформировать из местного населения боевые единицы, уничтожить всех предателей черкесского народа и сурово наказать тех, кто их поддерживал.

Лица собравшихся взволнованны, кажется, эти люди перестали дышать. «Уничтожить!» Уж они-то не допустят, чтобы эта часть приказа осталась невыполненной, уничтожат в два счета. Всех!

— Вопросы есть?

Молчание. Какие могут быть вопросы? Уничтожить! Сурово наказать! Яснее ясного.

— Выполняйте!

Лагерь пустеет: ждать надоело, все рвутся в бой.

Улагай усаживается за стол — кажется, пора подумать о воззвании. «Как бы его получше озаглавить? «Черкесы!» Суховато... «Братья черкесы!» Так пойдет...»

Карандаш скрипит, слова о свободе, равенстве, братстве, приперченные ядом ненависти к Советской власти, расползаются по бумаге. Поднаторел Улагай за годы гражданской войны в политической демагогии, воззвание получается довольно складным, перечитывает с удовольствием. Хорошо бы добавить насчет земли, но тут имеются неясности. Врангелевская земельная реформа предусматривает выкуп помещичьих земель крестьянами на «льготных» условиях: двадцать пять лет крестьянин должен будет расплачиваться за нее четвертой частью урожая. Четверть века! Тут барон хватил через край, с такими проектами сейчас лучше не соваться... А вот несколько интервью надо бы набросать: как только их части войдут в Екатеринодар, от писак не будет отбоя. Карандаш носится по бумаге. Скорее, скорее, не опоздать бы...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Раньше у Умара времени было хоть отбавляй. Если бы из излишков времени можно было печь хлеб или готовить щипсы, он мог бы ежедневно приглашать половину аула. Но давно известно, что из времени каши не сваришь, и Умар в былые дни мучительно придумывал себе какое-нибудь дело. Так пристрастился он к трудоемкому, требующему сноровки и соображения занятию — стал мастерить из сыромятных ремней сбрую. Своих лошадей одевал, как девок на выданье, дарил упряжь знакомым.

Каждый знал: хочешь доставить Умару удовольствие — принеси ему немного сыромяти и медную планку. Теперь не до того. Пересохли, покорежились от обиды сыромятные ремни, валяется в углу комнаты неоконченная уздечка, Умар начинает замечать, что кто-то ворует у суток целые часы: не успеешь повернуться, как уже полдень, еще кое-что сделал — ночь. А когда остальные дела заканчивать? Пришлось ввести строгий распорядок. С рассветом Умар в отряде. Вместе с Муратом разбирают прибывшие накануне приказы, намечают план на день: когда политбеседа, кто идет в караул, что готовить на обед и всякое прочее.

Сегодня все движется без сучка и задоринки. Приказ всего лишь один. Умар разглядывает небольшой листок сероватой оберточной бумаги. На нем витиеватыми буквами написано:

П. В. Матчин, г. Майкоп, Троицкая № 11.
Механическое производство сапожных гвоздей

Сапожные гвозди П. В. Матчина Умара не интересуют, и он переворачивает бумажку. Теперь другое дело: на обороте — отпечатанный на машинке текст:

«Приказ по канцелярии военного комиссариата

§ 1

Нижепоименованных красноармейцев Адыгехабльской караульной полуроты зачислить с 1 августа на провиантское, приварочное, чайное, мыльное, табачное и денежное довольствие».

Далее идут фамилии. Все прекрасно. Вот только довольствие пока не прибывает. Но и это не беда: Умар создал общественный фонд для содержания отряда. Ну а в крайнем случае каждый может у себя дома есть все, что ему вздумается. Были бы боеприпасы. Но что случилось с Муратом? Безучастно уставился в одну точку, отвечает невпопад. Эй, Мурат, какая тебя ночью муха укусила?

— Ты знаешь, Умар, я — глупый баран, — объявляет Мурат. — Меня надо расстрелять.

— За что? — Умар настораживается: неужели еще один посланец Улагая пожаловал к нему?

— За то, что ворон ловлю...

Умар не торопит, понимает — стряслось что-то нехорошее.

— Человек один служил со мной у Улагая, из нашего аула. Друзьями даже были, да простит меня аллах, вместе к бабам как-то наведались. Перед сдачей в плен его несколько раз в штаб вызывали. Раньше всегда делился со мной, а о чем говорили с ним в штабе, не сказал. Сдались вместе, домой вернулись в один день, в отряд пришли вместе. И я болтал с ним о чем попало. А несколько дней назад, когда проверял посты, показалось мне, будто метнулась от него тень какая-то. Ночь, сам понимаешь, темно. И решил я попросить твоих юных помощников проверить — показалось мне или нет. Только что видел ребятишек. Не показалось, Умар. Снюхался, гад, с Алхасом. Сообщил наш пароль и сказал, где посты выставлены. И вообще все новости выложил: сколько боеприпасов получили, где пулеметы стоят. Видно, не зря в штаб вызывали.

— Абубачир?

— Он.

— Что делать будем? — насупился Умар. — Просто так его не уберешь, надо застукать при встрече с бандитами.

— Трудно. Они ведь тоже за нами наблюдают.

— Ты вот что, — придумал Умар. — Не посылай его в наружные наряды, все время держи здесь, в казарме.

— Это не все новости, — продолжал Мурат. — Есть у нас в ауле большой друг Ибрагима. Когда белые отступали, Ибрагим завез ему целую фуру барахла. Грабленого, конечно. Он тихо сидит, помалкивает: ни нашим ни вашим. А по дворам шатается. Сегодня и у Халида гость был. Сдается мне, что у него такие же тряпки, какие мы нашли у Салеха, Ибрагим — человек запасливый. А слухи, сам знаешь какие, ждать нельзя, один промах может обойтись большим несчастьем для всего аула.

Умар знал, какие слухи ходят по аулу. Будет где-либо восстание или нет — на этот счет он гадать не собирался, но в случае чего их аулу несдобровать, не зря Алхас шевелится. От него можно отбиться при одном условии: если аул будет единым.

— Подумаем, время еще есть, — решает Умар. — Главное, чтобы он ничего не вывез. Я — в сельсовет, там тоже дела.

Человек пять уже дожидаются председателя, среди них мать покойного Салеха — крепкая, жилистая старуха с угрюмым взглядом. По обычаю, она сочинила

поминальную песню о сыне, в которой уверяла, будто Салеха убил злодей Ильяс. Женщины пытались втолковать ей, что ее сына зарубил своей рукой бандитский атаман Алхас, но старуха осталась при своем. Умар вызывает ее первой. Оказывается, в город собралась. Аллах с ней, пусть едет. Вместе с семьей? Пожалуйста. Магомет, сделай ей бумажку. А тебе, Абдул, что? Опять насчет сыновей? Чем может помочь Совет? Ты ведь знаешь — сейчас человека не так легко найти, часть корпуса Султан-Гирея успела смыться в Крым. Вот, говорят, десант будет, может, тогда твои сыновья в плен попадутся. И тебе, Сагид, помочь не могу. Где сейчас плуг достанешь? Сам видишь, аул без кузнеца остался. Хоть кричи, хоть плачь, а покойника не воскресишь. Благодари Алхаса.

А вот и желанный гость. С чем он пожаловал?

— Хочу, Умар, повезти в город помидоры, бумажка твоя нужна.

— Замечательное дело, Халид, когда поедешь?

— Думаю в ночь выехать. Может, успею к утру на базар.

— Магомет! Выдай Халиду Пшихожеву бумажку. Только вот что... Ты ведь знаешь, ночью тебя патруль не выпустит, забеги вечером к Мурату, он пропуск скажет.

— Спасибо! — Халид не скрывает радости, на его пухлом, лоснящемся лице добренькая улыбочка. Другой бы давно ушел, а этот чего-то мнется. — Может, купить тебе чего надо?

— А что? — оживляется Умар. На лице его появляется простоватое выражение. — Фунтик соли мне бы пригодился. Знаешь, как без хозяйки... — Он лезет в карман за деньгами.

— Потом, потом, — машет руками Халид. — Еще посчитаемся.

— Верно, — соглашается Умар. — Привезешь соль, тогда и рассчитаемся — сейчас цены скачут, как блохи.

И еще идут люди, еще. А вот вдова. Кто ей поможет посеяться?

Да, сев. Кажется, это самое главное. Не посеешь сейчас — в будущем году без хлеба будешь. Председатель должен сделать так, чтобы отсеялись все: и бедные, и богатые, и мужики, и вдовы, и даже осиротевшая ребятня — есть и такие семьи в ауле, где самому старшему одиннадцать-двенадцать. Умар уже кое-что придумал, надо комитет бедноты собрать.

Члены комбеда являются без замедления, начинается жаркий спор. Он тянется долго. Наконец все улажено, остается собрать сход, пусть и аульчане пошевелят мозгами. Некоторых попросту предупредить придется: сей, и делу конец! А то болтают: зачем, мол, сеять, все равно в продразверстку отберут... Все не отберут, брехуны, и вам останется. Поменьше бы слушали алхасовскую клевету. До сих пор никто еще не сидел без хлеба, а коекому его и девать некуда.

Мысль об Алхасе выводит Умара из равновесия: неужели это бельмо будет у них на глазу всегда?

Полдень. Жара. Люди добрые за стол садятся, а Умар навещает вдов, солдаток, сирот. Заглядывает и к Дарихан. Хотя не вдова она, но, к сожалению, уже и не красноармейка. Навстречу Умару выходят две женщины в черных до пят платьях. Эх, Ильяс, что ты натворил! Умар едва угадывает в одной из них Дарихан. Лицо ее будто огнем опалило, оно почернело, покрылось мелкими морщинками. Из-под платочка выбиваются темно-серые пряди. А ведь месяц назад эту женщину можно было принять за старшую сестру ее дочерей. При деникинцах ходила, гордо вскинув голову, всем смело глядела в глаза: да, Ильяс у красных, пусть будет так, он сам решает, с кем идти. Теперь глаза от людей прячет.

«Что делать? — сокрушается Умар. — Как добраться до тебя, дурака? И дернуло же меня отпустить одного в город!»

Разговор с Дарихан короткий. Никакая помощь ей не нужна, говорит она, все сделаем сами. Разве вот что... Письмо прибыло, по-русски написано, прочитать некому.

М-да, задачка. Умар до полуночи просиживает над «Известиями» и «Красным знаменем», жуя по складам советскую политику. Ладно, попробуем. Только почерк у написавшего уж очень корявый. Начало еще так-сяк, с большими мучениями разобрал: «Кланяюсь тебе, друг черкес, бывший буденновец Ильяс, может, помнишь, пишет ездовой Ермил!»

— Ермил! — вспомнила Дарихан и даже засветилась от радости. — Он привез сюда Ильяса и Максима тогда, весной, потом коней пригнал. Читай, Умар, может, что-то нужно человеку.

Кое-как Умар докапывается до сути: оказывается, Ермилу польским снарядом ногу оторвало, лежит теперь в лазарете в Екатеринодаре, скоро выздоровеет.

Если Ильяс будет в городе, пусть заглянет, посоветоваться необходимо. Ввиду неясности Умар опустил такие выражения, как «едреный лапоть» и «зверь его знает», но общий смысл передал верно.

Дарихан, Биба и девчонки, как и надо было ожидать, разревелись: был бы Ильяс дома...

— Вот что, — решает Умар, — переправлю это письмо Максиму, пусть проведает беднягу. А вместе с письмом продукты отправлю.

Сход долго не удается начать — люди собираются плохо, все знают, о чем разговор пойдет. Одно дело — переделить землю, другое — оказать помощь слабому. Тут больше всего заинтересованы слабые. Кому надо, тот и подождать может. А если гордость не позволяет — обходись сам, без помощи. За предложение комбеда голосуют без спора: конечно, надо войти в положение, у каждого может случиться несчастье. Пусть сельсовет потом сообщит, кто кому помочь должен будет.

Ох, не нравится Умару эта поспешность. Знает: как дойдет до дела, у каждого сто пять отговорок наберется.

Лю возвращается с собрания недовольный.

— Начинается, — бурчит он. — Жил каждый сам по себе, и все славно было. Вот я, например, не вмешиваюсь в чужие дела, и никто в мои не вмешивается. А теперь что? Надо пахать землю сиротам. Да что, я зарезал их родителей, что ли? Заставьте Алхаса пахать!

Жена неприязненно смотрит на Лю, но молчит. А Биба, та языкастая, не боится отца.

— Когда ты в тюрьме сидел, — напоминает она, — мы бы с голоду сдохли, если бы не Ильяс и Дарихан.

Был такой печальный эпизод в жизни Лю — упекли его в тюрьму за браконьерство в помещичьем лесу, хотя забрел он туда по ошибке, в его принципы не входило стрелять чужую дичь.

— Я их не просил помогать, — огрызается Лю. — И вообще молчи, сопливая. Где теперь твой Ильяс? То-то.

Но Бибу будто прорвало.

— Папа, ты почему отказался вступить в отряд?

— Не твоего ума дело, глупая. Пусть каждый сам по себе живет. Земли нам и без отряда прибавили. А что со мной будет, если я вступлю в отряд? Хочешь, чтоб и меня, как Аюба, пуля настигла?

Биба отворачивается, начинает всхлипывать. Лю жаль ее, да и Аюб был бы хорошим зятьком. Но ведь

не он один на свете. Найдутся женихи для дочери, девка удалась на редкость.

Вечером, когда Умар собрал бойцов отряда для политбеседы, в караульное помещение пришла мать Салеха.

— Страшно нам, женщинам, одним ехать, разреши присоединиться к кому-нибудь. Может, кто на базар собрался?

Умару смотреть на эту старуху тошно. Но голос адыга никогда не выдает его чувств.

— Халид поедет, попроси, чтобы завернул за тобой.

Старуха униженно кланяется.

Всем присутствующим, особенно Умару, неловко. Чужое горе почти как свое. Пусть Салех сволочь, но ей-то все равно — белые, красные, бело-зеленые. Умар продолжает кое-как переводить статью из газеты, но замечает, что его почти никто не слушает. Только Абубачир не сводит с него преданных глаз.

«Вот и суди о настроениях по поведению на занятиях,— сокрушается Умар.— Одни ведут себя естественно, отдаются своим чувствам и мыслям, а этот норовит свою преданность выказать». Умару досадно — раньше он и в самом деле считал, будто Абубачир — самый внимательный его слушатель. А ведь слушать-то его нелегко. Надо бы ему дома все прочитать, обдумать, а тут пересказывать своими словами.

— Свободное время,— объявляет он.

Кое-кто уходит на часок-другой домой, большинство остается в караулке. У корнета Едыгова большой двор. Бойцы очистили его от хлама, утрамбовали площадку, поставили вокруг скамьи. Абубачир выносит гармошку. Подмигивая и кривляясь, как и положено записному гармонисту, он занимает место в центре площадки. Люди слушают его игру молча: под музыку лучше думается. Незаметно загораются звезды. Вспыхивают по одной и сразу целыми пачками. И вот уже небо искрится миллиардами миров, вводя в искушение верующих: где, на которой звезде бог, как управляет он своим неисчислимо бесконечным пространством?

С дороги доносятся выстрелы — это патрули отгоняют слишком близко подобравшихся бандитов. Что-то осмелели они в последнее время — то тут, то там прощупывают. Пугают или готовятся? Выстрелы заставляют Умара позабыть о музыке — он заглядывает в комнату, где в пирамидах стоят винтовки. Почему не заперта? Кто дневальный? Не успел? Два наряда вне очереди, будешь ус-

певать. Все свои? Ты еще и прав? Если все свои, то кто же к Алхасу ушел?

Мурат отправляется домой. Но не сидится дома. Вдруг Халиду вздумается спозаранку выехать? Надо дождаться. Пожевав хлеба с чесноком, возвращается в караулку.

Люди укладываются: свежее сено лучше всяких пуховиков. Они с Муратом во дворе одни, если не считать часового. Но он расхаживает, не обращая на них внимания.

Рип-рип... Мурат узнает: приближается телега Халида. Вечно несмазанная. «Пусть жена за версту слышит, что муж едет», — отшучивается он, когда аульчане высмеивают его за лень.

— Э, Мурат! — Халид появляется в калитке. — Со мной кто подъедет или слово скажешь?

Предупрежденный часовой открывает ворота:

— Заезжай, друг.

— Зачем?

— Сейчас узнаешь. Заезжай.

— А мне что делать? — доносится со второй подводы голос старухи. — И мне заезжать?

— Постой там, мамаша! — кричит Умар. — Сейчас поедете.

— Ну? — Халид заезжает во двор.

— Не нукай. Мы должны осмотреть груз.

— Смотрите, — фыркает Халид. — Помидоров не видели?

Что-то он слишком спокоен: утром суетился, нервничал, а сейчас, как после отпущения грехов, сам помогает снимать ящики. Вот и дно телеги.

Умар чувствует, что его одурачили. Но ничего не поделаешь.

— Проводи его, Мурат, — говорит он. — Насчет соли-то не забудешь?

— Будь спокоен, без соли не останешься.

Мурат садится рядом с Халидом. Умар провожает их за ворота. Вторая подвода стоит на дороге, мать Салеха развалилась на узлах. Вот она трогает вожжи. Но почему пара откормленных лошадей с такой натугой сдвигает с места подводу?

— Эй, поворачивай-ка снова во двор! — кричит Умар.

— Сдурел, — ругается Халид. — Теперь куда заглядывать станешь? — Подвода заезжает во двор.

Умар отводит Халида к часовому.

— Будет бежать — стреляй! Головой отвечаешь.

— Да что случилось? — Халид явно встревожен.

— Молчать! — Это уже часовой вступает в свои права.

Мурат и Умар выходят на улицу, Умар берет под уздцы салеховых лошадей и заводит во двор вторую телегу.

— О, ничего себе узелок! — Умар счастлив — все ж таки не надули, прохвосты.

Узлы втаскивают в комнату, в них два разобранных пулемета «Кольт» и патроны. Очень много патронов. Улов не плох. Но Ибрагим не так скуп, чтобы обделить верных друзей винтовками: надо поискать лучше, видно, не все первый раз нашли. Старушку отпускают домой, что с нее возьмешь. А Халида отводят в одну из кладовых, которые предусмотрительно понастроил Едыгов. Разумеется, для иных целей.

Бойцы осматривают трофеи, ухмыляются. Абубачир немного растерян. «Что тебе не нравится, Абубачир? — думает Умар, глядя на бойца сбоку. — Связного сцапали?»

Кто-то предлагает тут же почистить и привести пулеметы в боевую готовность.

— Теперь Алхас попляшет у нас,— радуются люди.— Надо только, чтобы он не узнал, что у нас пополнение.

— Стрелять в каждого, кто выходит, — предлагает Абубачир. — Без предупреждения.

«Ишь какой шустрый, — удивляется Умар, — уже очухался».

— А если твой отец пойдет? — спрашивает он.

Абубачир на миг замирает — оценивает тон.

— Отец так отец, — решительно режет он. — Врагу не может быть пощады.

— Железный ты у нас! — Мурат хлопает его по плечу. — С такими не пропадешь.

Да, нелегко будет уследить за этим скользким типом. Может, арестовать? Все хлопот меньше. Нет, бойца так просто не арестуешь.

Ночью Мурат с Умаром дежурят по очереди, а утром привлекают на помощь некоторых бойцов: теперь Абубачир ни на минуту не выскользнет из-под наблюдения.

Абубачир тоже начеку — он сосредоточен, чего-то выжидает, держит при себе нож. Заподозрил, что за ним следят?

Проходит день, другой, и вдруг от дома к дому проносится:

— Десант! Врангель высадился на Кубани.

Этот слух врывается в аул, словно вражеская сотня. Равнодушных не остается, даже Лю встревожен. В принципе он не против белых, его страшат не перемены, а способ их осуществления: как бы при этом не влетело под сурдинку и ему. Зато уж остальные не скрывают своих чувств. Одни к отряду жмутся, другие злобно ухмыляются. Измаил и Джанхот часами прогуливаются мимо сельсовета, громко хохочут — смеяться ведь в Совдепии еще не запретили.

Из степи потянулись подводы с плугами: люди бросили пахать. Шепчутся, гадают: как-то еще обернется дело? А то вспашешь и засеешь кому-нибудь, а тебе вместо «спасибо» пулю всадят...

Умар проводит беседу с бойцами: надо успокоить людей. Внезапный крик подбрасывает всех, словно взрыв гранаты.

— Тревога!

Дневальный открыл комнату с оружием, а на двух пулеметах нет замков. Уверяет: мимо проходил один Абубачир.

Абубачира нигде нет. Вдруг со двора доносится шум, смех — оказывается, Абубачир в уборной. Выходит, на ходу застегивая ширинку.

— В чем дело, уже оправиться без разрешения нельзя? — Он нагловато осклабился.

— Так, все ясно. Обыскать! — приказывает Мурат.

Абубачир с готовностью поднимает руки.

— Снимай штаны! — приказывает Мурат.

Абубачир не шевелится.

— Снимай, сволочь!

Абубачир снимает сапоги, галифе. Умар осматривает карманы: так и есть — в масле. Его ведут к уборной.

— Доставай замки. Не достанешь — утоплю вместе с ними, — обещает Мурат.

Абубачир глядит на Мурата и понимает: утопить не утопит, но уложит на месте. И пикнуть не успеешь.

Бойцы злорадно хохочут: зрелище небывалое, есть на что поглядеть. Будет знать, как пакостить. Все с интересом наблюдают, как Абубачир голяком спускается в отхожее место.

— Глубоко! — доносится его жалобный голос. — Не достану...

— А бросать умел? — летят реплики. — Ныряй, сволочь.

— Выхлебывай, гад! — кричат бойцы.

Мурат приказывает вырыть неподалеку яму. Все отходят подальше, Абубачир остается один, с ведром.

Бойцы веселятся, как могут.

Но вот ведро оставлено, Абубачир спускается в яму. Вскоре оттуда вылетает один замок, а затем второй. Появляется и сам Абубачир. Завидев его, бойцы валятся со смеху.

Ему приносят воду. Он моет замки, моется сам, одевается. С заткнутыми носами его провожают в чулан к Халиду.

Через несколько минут в дверь начинают стучать.

— Уберите этого зас...! — орет Халид.— Я помираю.

— Выживешь, — успокаивают его. — Гадили-то вместе, вместе и нюхайте.

В ту же ночь обоих отправили в ЧК, там они нужнее.

Это происшествие к утру становится известным каждому аульчанину. Словно ветер разнес его. По аулу гремит хохот. У всех заметно поднялось настроение. Стало ясно, что в самом ауле восстание невозможно, а от Алхаса их ограждает крепкий заслон «улагаевских» пулеметов и винтовок. Десяток парней с рассвета ожидают Умара — хотят записаться в отряд. Это — пожалуйста. Кое-кто снова погрузил плуг на подводу и погнал лошадей в степь. К обеду аул пустеет.

Есть и тревожные вести: Абубачира и Халида бандиты отбили. Везли их в город ночью кружным путем, знало об этом человек пять-шесть. Раньше на этой дороге никаких налетов не бывало. Теперь оба в банде.

Умар и Мурат долго обсуждают этот случай. Абубачир и Халид — черт с ними, двумя бандитами больше или меньше — разница не велика. Но это значит, что в ауле остались алхасовские агенты, что у них все еще имеется надежная связь с бандой. Как выловить их, обезвредить?

Почти всю почту теперь перехватывают бандиты, и это создает новые трудности. Пущен слух: врангелевцы подходят к Екатеринодару. Люди прислушиваются, не долетает ли гул артиллерийской канонады. Нет, пока ничего не слышно.

Измаил разгуливает в новенькой черкеске с серебряными газырями и кинжалом с золоченой рукоятью. Последний раз он наряжался так пышно два года назад, когда встречал деникинцев. Вот кто погрел руки на братоубийственной войне. Измаил поставлял деникинской

армии продовольствие, которое скупал за бесценок в ауле, спекулировал лошадьми, устроил дома обменный пункт: ты мне — овцу, я тебе — ситчика, ты мне — теленка, я тебе — сапоги. Или патроны. Или соль. У него все имелось.

Умар уверен — от Измаила тянутся ниточки к Алхасу и к их отряду, это — центр, штаб. А доказать нечем. И он решается на крайнюю меру — ночью производит у него обыск. Никаких результатов: ни оружия, ни посторонних людей, ни подозрительных бумаг.

Кто-то бродит по аулу по ночам, распускает тревожные слухи. Что ж, аул забором не обнесешь, патруль на каждом огороде не выставишь. Чувствует Умар: вот-вот должно что-то случиться.

И случилось! Шел ночью домой, погруженный в свои мысли, как вдруг почти в упор грянул выстрел, по улице замелькала тень. Умар почувствовал боль в ноге, упал, но тут же выхватил наган. Прислушался к темноте и шарахнул на звук. Раздался крик. Умар выпустил на голос весь барабан. На выстрелы прибежала группа бойцов, Умару помогли подняться. Тем временем Мурат обнаружил стрелявшего — он тоже был ранен. Приглядевшись, увидел, что это их старый знакомый — Абубачир-вонючий.

В караулке обоих перевязали: Абубачир был ранен в плечо.

— Поспи, — сказал Мурат Умару, — а я с ним переговорю. Не зря он, думается мне, именно сегодня напал на тебя.

— Ничего не скажет, сволочь, — выругался Умар, морщась от боли. — В кость попало, что ли? Гляди, еще без ноги останешься.

— Заговорит, я думаю, сейчас церемониться некогда.

Но Абубачир и не собирался упорствовать. Догадался, что молчание обойдется ему слишком дорого.

— Все скажу, но с одним условием, — твердо произнес он.

— Еще и условия ставишь, гад! — Мурат побагровел. — Пристрелю!

— Пристрелишь, потом сильно жалеть будешь, — усмехнулся Абубачир. — Условие у меня не обидное — важный хабар сообщу, если отпустишь домой, новость случайно подслушал...

— Ладно, валяй, — согласился Мурат. — Скажу, чтоб отвезли.

Сведения, которые сообщил Абубачир, были настолько ценными, что Мурат тут же разбудил прикорнувшего Умара: на рассвете Алхас собирался захватить аул и покончить с Советской властью и ее приверженцами. В банде большие перемены. План нападения Алхасу разработал улагаевский помощник Шеретлуков. Каков план — Абубачир не знал, только слышал, что банда разбивается на три самостоятельные группы: две большие и одну маленькую. Большими группами командуют Алхас и Ерофей, малой — оправившийся после ранения Чох. Абубачир сам слышал, как Чох сказал: «Старое не повторится, увидишь, Алхас». Да, сегодня банда получила три ручных пулемета, их привез Ибрагим. Старый тоже отремонтировали. Абубачиру было приказано подстрелить Умара и Мурата, прежде всего Умара.

Теперь Умар не чувствовал боли: был рад, что такой незначительной ценой удалось добыть важнейшие сведения.

Нарисовали на доске план аула: все улицы, переулки, дороги и тропки. Три группы. Откуда они явятся? Не угадаешь. Поэтому лучше всего выставить в начале и в конце главной улицы небольшие заставы. Основные же силы должны быть расположены все вместе в центре, как раз на перекрестке, держаться кулаком.

Умару соорудили костыль.

— Пойду на заставу, — сказал он, почувствовав, что способен передвигаться.

Но Мурат не согласился.

— Без тебя я тут не управлюсь, — признался он. — Они верно направили первый выстрел.

На высокие деревья с двух сторон аула посажены наблюдатели. Отряд выстроен во дворе, Умар без прикрас объясняет обстановку: банда велика и хорошо вооружена. Но у отряда преимущество — его бойцы отстаивают свои родные дома, своих жен и детей. Пусть каждый подумает, что будет с ними, если Алхас захватит аул хоть на час.

— Не будет этого! — кричат бойцы.

Люди занимают позиции за деревьями, приспосабливают к бою сараи, устраиваются за плетнями. Некоторые отрывают окопчики. Кто-то предлагает поместить пулемет на чердаке сельсовета — оттуда простреливается вся главная улица, кто-то предлагает сбегать за отцом, братом, сыном: могут оказаться винтовки без стрелков. И это хорошо — только тихо, быстро и без паники.

Медленно ползут секунды.

— Кто идет?

— Свой... Гучипс.

— Свой... Нурбий. У меня винтовка и гранаты...

Все же в ауле больше своих. Люди знают, на что идут.

— Кто?

— Свой... Биба. Я вместо отца, он болен.

— Убирайся отсюда! — шипит Умар. — Этого еще не хватало...

— Как тебе не стыдно? — Биба вот-вот заплачет. — А кто будет раненых перевязывать? Меня Меджид для чего учил?

— Иди ко мне, девочка, — раздается голос Меджида-костоправа. — Мне нужна помощница. И не одна, зови подружек.

— Я сбегаю за ними. Слетаю... Они ждут за углом.

Кто это? Дарихан и Куляц? Ох, женщины, подумали бы о детях... Подумали? Ну что ж, двум смертям не бывать.

Ночь. Как-то буднично, будто стук в дверь, доносится с заставы выстрел. За ним — второй. И сразу же вспыхивает оживленная перестрелка. Через пять минут — верховой с донесением: небольшая группа ведет наступление, застава сдерживает. Враг залег.

— Отвлекают, сволочи, — шепчет Умар. — Выманивают!

Так оно и есть. Наблюдатели докладывают: в степи за огородами с обеих сторон аула чувствуется движение.

— Может, разбиться на две части? — спрашивает Мурат. — Выдвинуться вперед?

Кто знает, может, и лучше. Но ведь бандитов много, раскрошат по частям, вклинятся в середину. Нет, Умар считает, что раскалывать отряд нельзя. Пусть наступают. Пусть думают, что застукали врасплох. Вот только пулемет надо переставить. Снять с крыши сельсовета, поставить на крышу Салеха, тогда и вторая группа бандитов окажется под огнем. Пусть пулеметчики возьмут побольше патронов, гранат, они могут оказаться отрезанными. Резерв — во дворе караулки. Там же — ящики с гранатами, в крайнем случае можно будет занять оборону там.

Перестрелка на заставе крепчает, видно, бандиты получили приказ прорваться любой ценой. А чего основные отряды медлят? Скорее всего, надеются, что горячие черкесы не усидят на месте, уверены, что отряд двинется

на помощь заставе. Тогда бери аул голыми руками, твори, что вздумается.

Умар и Мурат понимают, что долго так продолжаться не может.

— Задумали они все хорошо, — размышляет Умар. — Даже хитро задумали. Ночной налет на заставу должен всполошить нас. Раз бой завязывается на окраине аула, значит, мы туда и двинем наши главные силы. Если мы этого не сделаем, они сообразят, что их замысел разгадан, не зря же у них сидит Шеретлуков. Они перегруппируются и предпримут что-то другое. Так уж пускай лучше осуществляют свой первоначальный план.

Совместно решают отправить на заставу небольшую группу конников, пусть скачут туда со свистом, с гиканьем, с шумом. Командиру отделения Пшимафу, успевшему повоевать и на стороне белых, и на стороне красных, раненному и с той и с другой стороны, задача ясна с полуслова. Все же Умар считает необходимым предупредить:

— Они должны думать, что ведут бой с главными силами.

Пшимаф только кивает — он об этом догадался, не впервой в бой идти. Отдав команду бойцам, бросает коня в намет, разражается диким гиканьем. Всадники мчатся за командиром, сотрясая ночь воинственными выкриками. Они, словно раскаты грома, разлетаются далеко вокруг.

Хитрость срабатывает. Еще не замер топот коней отряда Пшимафа, как со стороны леса ввысь устремилась красная ракета. В тот же миг началась пальба. Казалось, будто пулеметы и винтовки бьют со всех сторон. Послышались крики — бандиты бросились на аул. Не выдержал кто-то из бойцов самообороны — начал палить наугад.

— Прекратить огонь! — разъярился Мурат. — Без команды ни выстрела. Стрелять по цели, а не в белый свет.

Огонь на заставе все крепчал, как вдруг на главную улицу вырвалась кавалькада. Часть всадников развернулась к центру аула, большая группа поскакала в тыл заставе и отряду Пшимафа.

— Огонь! — командует Мурат.

На лаву, рассыпавшуюся по улице, направлен мощный огонь пулеметов и винтовок. Свистят вражьи пули, у кого-то вывалилась из рук винтовка. Умолк фланговый пулемет, к нему бежит Умар, и снова струи огня хлещут

по наступающим. В их рядах смятение, они сворачивают в переулки, перемахивают через плетни.

Напряжение боя стихает. Мурат прислушивается к тому, что происходит на заставе. Оттуда доносятся одиночные выстрелы, разрывы гранат. «Добивают, — пронеслась страшная догадка. — Сейчас и те присоединятся к наступающим». Но и у него есть резерв — группа бойцов на второй заставе. Он посылает туда связного с приказом: обойти аул, ударить в тыл главной группировке Алхаса. Почему бандиты медлят? И вдруг снова — гиканье, пальба, пулеметные очереди. Всадники выскакивают на улицу, несутся к центру. Резервный пулемет Мурат выкатывает на середину улицы, к тополю. Бьет пулемет с крыши Салеха, бьет его пулемет, ведут лихорадочный огонь из винтовок бойцы. Глаза, притерпевшиеся к темноте, замечают, как валятся с лошадей всадники.

И снова захлебывается атака, снова бандиты бросаются в укрытия — во дворы. Умар и Мурат понимают — передышка будет недолгой. Алхас произведет подсчет сил, постарается преодолеть последний рубеж — до центра аула осталось проскакать метров триста.

Но время идет, начинает светать. Умар и Мурат радуются этому: теперь день — их союзник. Поскольку ясно, что́ сейчас предпримут бандиты, они по-новому расставляют пулеметы — вражью лаву будут косить кинжальным огнем с флангов. Один лишь Мурат остается посреди улицы, у тополя, но теперь перед его пулеметом — огромное бревно. Все же защита.

Как и предполагалось, Алхас отвел людей к поперечной улице, чтобы оттуда навалиться всей массой. Всадники влетают на главную улицу с двух сторон и несутся наметом, стреляя на ходу. Дело решают минуты. И вдруг в тыл наступающей лавине бьет пулемет второй заставы. Алхасовцы зажаты меж двух огненных струй. И не выдерживают. Кому удается перемахнуть через плетень на коне, кто спешивается, чтобы ползком выбраться в безопасное место. Таких большинство — не умирать они пришли в банду, а наживаться, грабить, погибают пусть другие.

Небольшая группа всадников все еще мчится вперед, очевидно, ее возглавляет Алхас. Мурат приподнимается, чтобы бить поточнее, но чувствует острую боль в плече. Надо терпеть, остаются секунды — если он не скосит эту группу, она прикончит обороняющихся. Истекая кровью, нажимает на ручки пулемета. Огонь вырывается как-то

неожиданно для него самого. Бандитская лава, словно наткнувшись на стальной трос, расплывается в стороны.

Тем временем наступает утро. Хорошо видны трупы лошадей, некоторые ранены, бьются о землю, пытаясь в смертельной агонии подняться на ноги. Видны и человеческие тела. Многие лежат неподвижно, иные пытаются ползком пересечь дорогу, добраться до какого-нибудь укрытия. Их не трогают...

Прибегает мальчишка из тех, кто помогает отряду, сообщает, что Алхас сосредоточивает все оставшиеся силы в одном месте — в лощине за аулом. Шеретлуков и Чох ранены, их увезли.

Мурат отправляет связного к группе, атаковавшей бандитов с тыла. Приказ: соединиться, теперь надо действовать единым кулаком.

Но и Алхас понял: днем аула не взять. Еще одна атака, и от банды ничего не останется. У него возникает новый план. Он отправляется в лес посоветоваться с Шеретлуковым. Князь получил пулю в грудь, он перевязан, лежит в домике Алхаса, кашляет кровью. Сообщение о создавшейся обстановке выслушивает с закрытыми глазами.

Алхас предлагает свернуть боевые действия, перетащить раненых в лес, подсчитать потери, дать людям отдохнуть. А среди ночи просочиться в аул. В пешем строю, ползком, предварительно сняв часовых. И разделаться, как положено, сил у него достаточно.

Шеретлуков закашливается, и на пол летят кровавые сгустки. Да, план неплохой. Но возможна и неудача. И тогда красные ворвутся в лес. Перспектива не очень привлекательная.

— Наступление надо отложить, — с трудом выговаривает он. — До особого распоряжения. Отбери хороших лошадей, подготовь повозку, десяток отчаянных ребят. Как стемнеет, отправишь меня в штаб. Чтобы принимать решение, надо знать общую обстановку.

— Пусть будет так, — роняет Алхас. Он понимает: Шеретлуков спасает свою шкуру. Что ж, таким образом сохранится и его шкура. И так уцелел по чистой случайности — коню вздумалось сделать свечку, вот и получил пулю в храп. А то бы вся порция хозяину досталась.

Наблюдатели отряда самообороны докладывают: бандиты отходят.

— Хитрят... — предполагает Умар. — Всем оставаться на своих местах. Унести раненых.

Говорит, приказывает, а в мозгу бьется тревожная мысль: что же произошло там, на заставе? Собирается отправиться туда, как вдруг на телеге подвозят тяжело раненного Пшимафа.

— Дрались до последнего... — едва выговаривает он.— Они и раненых добивали. И меня секанули, да вот очухался...

— Меджид! — кричит Мурат. — Сюда!

Но пока Меджид подходит, его помощь уже оказывается ненужной.

Что же затевают бандиты? Полдень, а атака не повторяется.

К бойцам пробираются жены, ребятишки. Они приносят еду и новости. Идет слух: Алхас пристрелил кого-то из своих — за трусость. Биба снует среди бойцов, перевязывает легкораненых. Куляц притащила ведро воды, поит людей. Появились и другие женщины — кто с ведрами, а кто и с лепешками.

Наступает вечер, но из лесу никто не появляется. Неужели утихомирились? Умар и Мурат устраивают совещание.

— Не такие уж большие потери у Алхаса, чтобы он успокоился, — замечает Мурат. — Что-то надумал...

— А ты бы на его месте что сделал? — допытывается Умар.

— Я бы? — Мурат в явном затруднении. — Я бы на его месте оставил коней в лесу, отобрал самых смелых, самых отчаянных, обошел аул со стороны реки и ползком подобрался ко всем огневым точкам. Снял бы тихо часовых, уничтожил пулеметчиков...

— Понятно, — резюмирует Умар. — Теперь представь, что Шеретлуков и Алхас не глупее тебя.

— Что же нам делать на нашем месте? — мрачнеет Мурат.

— Прежде всего — выставить наблюдателей, которые предупредили бы нас, если банда покинет лес. Придумать сигнал, чтоб себя не выдали и нам дали знать.

— Ку-ку... Лучше не придумаешь...

— Пулеметы снять, силы сосредоточить в доме Едыгова, вперед выбросить замаскированные дозоры, наметить точки обстрела...

За ночь никто глаз не сомкнул. Но ничего не случилось. Никто не расходится и утром — люди словно вросли в землю.

Все обсуждают детали схватки с бандитами. Понимают: если бы не трусость Абубачира, да если бы не заранее отрытые окопы, да если бы не люди, которые пришли на помощь отряду, да если бы не отчаянная стойкость и бесстрашие отряда Пшимафа и первой заставы... И еще много других «если» насчитывают бойцы, обсуждая все этапы боя. С заставы тем временем приводят жителя соседнего аула. Пришел за помощью: десяток головорезов захватили сельский Совет — председатель убит, до города далеко.

Не провокация ли? Нет, Мурат знает этого человека. Ну что ж... Пусть проскочит одна тачанка. Возвращаются пулеметчики ни с чем — бандиты подожгли здание Совета и ушли в лес.

Каково в других аулах? Ходят слухи, будто никаких изменений не произошло.

А на фронте? Точные сведения: врангелевцев отжимают к морю. Залитый кровью и слезами аул ликует: победа!

Похороны аульчан, павших в бою с бандитами, проходят необычно. Сперва — митинг у сельсовета. Вместо муллы слово берет Умар. Он говорит и в азарте стучит костылем.

— Мы знаем, — кричит Умар, — в этой толпе еще есть сторонники Улагая и Алхаса! — Умар косится в сторону муллы. — Пусть они передадут своим начальникам: народ не сломить! Если они не разойдутся по домам — сожжем лес до последнего дерева, подожжем его со всех сторон, но ни одного бандита живым не выпустим.

В воздух летят папахи.

— Аульчане! Товарищи! Завтра все на пахоту. Засеем полностью нашу землю, поможем семьям павших товарищей.

После похорон заседает комбед: перераспределяются силы. Утром кое-кто выезжает на пахоту. Патрули выброшены на дорогу.

На следующий день в поле появляется и Дарихан. Она не спеша впрягает лошадей в плуг, ей помогает Мариет. Обеих не узнать: видно, что-то утешительное дошло до их ушей. Так и есть: один из раненых бандитов сказал, что Ильяса уже нет в банде, будто бы отправили его к Улагаю.

«Хорошо, если это правда, — думает Дарихан. — Было бы куда хуже, если бы он на свой аул напал». Никогда не сомневалась в своем муже и теперь твердо уверена:

не зря он это затеял, скоро все прояснится. Только бы жив был...

Бандиты притихли, совсем не высовывают носа из лесу. И аульчане смелеют: теперь уже почти на каждом поле видны люди. Сев идет медленно — слишком уж много времени отнимают ежедневные поездки в поле и назад. Но вот один остается на ночевку, другой, а за ними многие. Патрули всю ночь охраняют дорогу...

Умар повеселел, прошелся по двору без костыля, и не больно. Все ж таки Меджид-костоправ свое дело знает. Он уже поставил на ноги многих легкораненых, они отъедаются по домам. Раненых бандитов тоже давно нет в караулке — за ними явилась их родня из аулов и станиц: был приказ не задерживать их. Умар нажимает на щеколду калитки и оказывается на улице. Ранние лучи солнца бьют прямо в лицо. Стоит зажмурившись, почти не опираясь на палку. Однако надо в Совет.

Умару кажется, будто все плохое уже позади. Идет Умар, постукивает по земле палкой и чуть заметно улыбается. Навстречу на взмыленном коне Мурат.

— Лю убит!

— Где?

— В поле.

Умар возвращается, седлает коня и вместе с Муратом скачет к месту преступления. Здесь уже собралась большая толпа. Лю лежит так, как утром его нашла принесшая ему завтрак Биба: на вспаханной полосе, лицом к небу, руки раскинуты, в открытых глазах выражение ужаса, рот забит землей.

Умар приподнимает голову Лю — на затылке рана. Ударили сзади чем-то тяжелым.

— Двое или трое... Один бы с Лю не управился.

— Двое, — поясняет Мурат. Он уже осмотрел следы.

Просто не верилось: Лю, который никого не хотел трогать и в самом деле никого не трогал, неподвижно лежал на земле. Рядом стояли с окаменевшими лицами его жена и дочь. На глазах Бибы — слезы, а жена и плакать не могла. Время от времени она оглядывала всех каким-то бессмысленным взглядом, словно собиралась что-то спросить. И вдруг закричала. И столько боли, столько отчаяния было в этом крике, столько негодования и протеста, возмущения этой неслыханной жестокостью, что и у мужчин волосы зашевелились.

— Мам, пойдем... — У Бибы хватило сил оттащить

мать в сторону. Женщины взяли ее под руки и повели в аул.

— Опять бандиты! — вздохнул Умар. — Когда мы их раздавим!

— Бандиты, причем особенные, — возразил Мурат. — Следы ведут на дорогу, а оттуда к нашим огородам.

— Лю досталась земля Измаила, его и работа, — говорит Гучипс. — Давайте к нему...

Толпа валит к дому кулака.

— Его уже трое суток как нет, уехал в город, — сообщает жена.

Обыск не дает результата. Толпа разъярена. Умар отправляет Мурата с бойцами к Джанхоту, а сам идет к Халиду. Нигде никаких следов Измаила. Вдруг кто-то сообщает: люди слышали шум в пустующем доме Салеха. На дом наваливаются с четырех сторон. Чердак заперт.

— Измаил! — гремит голос Умара. — Сейчас брошу гранату.

Маленькая дверца со скрипом открывается. На лестнице Измаил.

— Второй где?

Измаил что-то кричит в проем двери, рядом с ним появляется Джанхот. Их выводят во двор, обыскивают. Никакого оружия.

— Протяните руки вперед!

Под ногтями — земля!

Их удается довести только до дороги. Здесь убийц окружает толпа. Раздаются крики:

— Куда ведете? Опять бандитам сплавите? Как Абубачира!

— Сами судить будем!

— Люди, остановитесь! — тщетно взывает Умар. — Надо по закону, адыги! Аллах вас оставит!.. Опомнитесь, люди, что вы делаете?!

— Уйди, Умар! — грозно гудит толпа. — Лучше уйди!

Люди ничего не желают знать. Перед ними убийцы безвинного человека, такого же, как они, хлебороба, который никогда никому не причинил никакого зла. Умара и бойцов оттесняют, начинается свалка. Раздаются глухие удары. Измаил закрыл лицо руками, Джанхот отчаянно завывает. Словно волк. Постепенно образуются два круга — в одном бьют Измаила, в другом — его подручного. Джанхот валится на землю, но и это уже не может остановить толпу — его продолжают бить ногами.

Вскоре до Умара доносится его последний предсмертный хрип. Измаил держится дольше, но вот и его плотная фигура грузно оседает. Он несколько секунд сидит, но вдруг вскакивает на ноги, словно подхваченный неведомой силой. Пошатываясь, выкрикивает:

— Всех бы вас... Всех... Из пулемета...

Слова вылетают вместе с кровавой пеной. Последние слова. Толпа расступается, на земле остаются обезображенные трупы убийц.

Умар болезненно морщится. А впрочем, собаке собачья смерть. У народа — свои права, и пусть кое-кто об этом не забывает.

На следующий день вместо Лю на полоску выезжает Биба: должен же кто-то кормить семью. Молодец девка! Весь аул с уважением говорит о ней. А однажды вечером подвода Бибы вошла в аул пустая. Кони плелись неуверенно, то и дело ворочая мордами, словно высматривая хозяйку.

Бойцы отряда поскакали в поле — и там ее не нашли. Обыскали все вокруг — нигде ни следа. Будто в воду канула.

Сказать женщине, только что потерявшей мужа, об исчезновении дочери никто не решался. Умар вынужден был пойти на обман — объявил матери Бибы, будто дочь ушибла ногу и ее повезли в больницу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Биба возвращалась домой на закате. В этот час степь, озаренная пунцовыми лучами, выглядела особенно причудливо. Черные после вспашки полоски в беспорядке перемежались с зелеными, желтыми и ярко-оранжевыми. Луговые травы, дозревающий подсолнечник, короткая пшеничная стерня, зелень давно не возделывавшихся полей сливались в одно гигантское полотнище, пересеченное свежими, не успевшими зарасти травой межами.

Безучастно глядела Биба на летнюю степь, мысли ее были далеко. С тех пор как узнала о гибели Аюба, к ней пришла запоздалая ясность: поняла, что ее юное сердце принадлежало ему. Бибе казалось: выслушай она тогда парня, и все пошло бы по-другому. Аюб, а может быть, и Ильяс были бы сейчас дома. Гибель отца окончательно сломила ее. Она механически выполняла все, что было нужно, ни на миг не переставая думать о случившемся. Иногда ей казалось, будто откуда-то из лесу доносится

голос Аюба. Девушка останавливалась, прислушивалась. Лес глухо шумел, и ей становилось страшно. Догоняла лошадей, бралась за работу.

Все чаще и чаще мысль ее обращалась к Сомовой. Екатерина пообещала определить Бибу на курсы медицинских сестер. Может, сейчас и поехать? Она попросту не могла оставаться в ауле.

Мечтала когда-то: услышит ночью голос Аюба, выйдет во двор, окажется в огромной бурке жениха и унесется в новую жизнь. Отстоит в своем углу свадьбу, а там уж сама себе хозяйка.

Потом Максима увидела. Говорил он о жизни русских. Все у них совсем не так, как у черкесов. Там, оказывается, невестка может запросто со свекром разговаривать, вся семья—единое целое. Это и Сомова подтвердила. Максим нуждался в уходе, как малый ребенок, и Биба привязалась к нему. Слушала, старалась понять незнакомые слова, меняла повязки и думала: вот бы стать хозяйкой в его доме. И заспорили в ее душе Аюб с Максимом.

Теперь споры кончились. Биба стала взрослой, горе сделало то, что не успело сделать время. Биба поняла, какая любовь таилась за неловкими жестами и потупленными взглядами Аюба. Ничего ей не нужно, только бы вернулось прошлое. Уж она знала бы, как поступить. Но прошлое не вернешь. Мертвые не воскресают.

Биба недоуменно оглядывается — где она? Да в степи, домой возвращается. Надо поторапливаться, смеркается, вокруг — никого.

Сзади доносится шум приближающейся повозки. Кто это? Не все ли равно? Может, Гучипс? Нет, он теперь ночует в поле, Свою полоску перепахал, за соседскую принялся. С хлебом будет Куляц. Стук колес все ближе. Биба трогает вожжи, чтобы пропустить обгоняющих. Они поравнялись, едут рядом. Совсем незнакомые парни. Ну проезжайте, аллах с вами. Но парни не торопятся. Оказывается, они ее знают.

— Салам, Биба, — здоровается один из них, с длинным скуластым лицом и огромными лохматыми бровями. — Как живешь?

Биба нехотя отвечает на приветствие, она все еще во власти своих скрытых от всех, только ей принадлежащих дум.

А это зачем? Один из парней перескакивает на ее повозку. За ним второй. О, кажется, несчастье. Люди! Но рот уже зажат. Биба отбивается, как может. Куда там...

Ее заворачивают в бурку и переносят на другую повозку. Биба слышит свист нагайки. Это нахлестывают лошадей, повозка бешено мчится по дороге.

Ужас сковывает сердце: куда ее везут? Неужели к этому, длинномордому? Лучше умереть. Биба вспоминает полный нежности взгляд Аюба и содрогается от рыданий. Что будет?

Лошади останавливаются.

— Ну как? — доносится до Бибы чей-то голос. В нем улавливаются знакомые нотки. Кто это? Может быть, спасение?

— Все в порядке! — отвечает длинномордый.

Кто-то поднимает Бибу, как бы взвешивает на руках.

— Утром приходи, — приказывает знакомый голос.

— Загляну, — смеется длинномордый.

Бибу куда-то уносят. Хлопает дверь. Ее кладут на пол, освобождают.

Биба в темной комнате. Шевелит затекшими ногами и руками, осматривается, вскрикивает — в комнате Ибрагим.

Биба бросается к двери. Ибрагим на лету ловит девушку, крепко обхватывает обеими руками, прижимает к себе.

— Спасите! Люди! — кричит Биба. — Спасите!

— Не кричи, глупая, никто не придет! — смеется Ибрагим.

Она пытается вырваться из ужасных объятий! Кажется, вот-вот разомкнутся руки, сжимающие ее. Разжались. Но тут же сжимаются снова. Ибрагим любит поиграть.

— Спасите!

Ибрагим прижимается к ее рту губами. На, получай: Биба изворачивается и кусает его в щеку.

— У, сучка! — взвизгивает Ибрагим. — Ты так...

Он бьет девушку по лицу, еще, еще. Хватает за платье на груди, оно клочьями повисает на теле. Глаза Ибрагима наливаются кровью. Да, она такой и снилась ему.

Биба отбегает в угол. Ибрагим медленно надвигается. Она пытается проскочить к двери, но цепкие руки Ибрагима настигают ее.

— Я тебя люблю, дурочка, ты будешь моей женой. Ты будешь самой счастливой женщиной, — шепчет Ибрагим.

А руки привычно срывают с девушки обрывки одежды.

Биба еще раз изворачивается и кусает насильника в руку.

— У-у! — рычит Ибрагим. — Получай же...

Он наотмашь бьет девушку по лицу. Она падает, теряет сознание. Придя в себя, чувствует, что лежит на чем-то мягком. Рядом — Ибрагим. От него несет потом, как от лошади. Биба пытается вскочить, подняться, но тяжелая рука Ибрагима опускается на ее грудь, давит, как могильная плита.

— Дурочка, — шепчет Ибрагим. — Теперь ты уже моя жена. Я тебя люблю с тех пор, как увидел. Помнишь, приходил с Аюбом?

Биба вскакивает. И снова — удар.

— Я тебя научу почитать мужа, — незлобиво произносит Ибрагим. — Ты моя, запомни это. Ты мне каждую ночь снилась.

Еще одна попытка вырваться. И новая серия ударов.

Все. Сил нет, даже пальцем пошевелить не в состоянии. Ибрагим что-то говорит, говорит... Бибе все равно. Полная апатия сковывает ее тело, мозг, сердце.

— Ну вот, — умиротворенно бормочет Ибрагим. — Так бы давно. А то искусала... Ну теперь поспим, дурочка, надо отдохнуть.

Ибрагим поворачивается на бок. Биба лежит с открытыми глазами, боясь шевельнуться. В комнате жарко, душно, а девушку знобит, руки и ноги коченеют от холода. И — никаких мыслей. Саднит истерзанное тело, как бы чужое, не ее. За окном раздается идиотский хохот. Что еще? Биба рывком садится на кровати, прислушивается: филин!

Где она? Биба осторожно перелезает через Ибрагима, делает несколько шагов по комнате. Ноги цепляются за что-то. Поднимает. Это остатки ее платья. Натягивает на себя. Почему оно не держится? Биба прихватывает платье на шее рукой. Рука нащупывает какие-то клочья. Так, можно связать их, платье не будет падать.

Она подходит к окну, отыскивает крючок. Окно распахивается. Биба с трудом переваливается во двор. Где ворота, калитка? Кругом плетни, деревья, ничего не разберешь.

Перелезает через плетень, присаживается под ним. Глаза постепенно привыкают к ночному мраку, она начинает различать постройки, расположенные во дворе, угадывает вход в жилье.

Рискнуть? Но разве соседи похитителя осмелятся оказать услугу похищенной?

Она не знает, на что решиться — выбежать на дорогу

и помчаться к своему аулу или искать защиты у незнакомых людей?

Вдруг раздается скрип двери в доме, из которого бежала Биба, с крыльца доносится зычный голос Ибрагима:

— Биба!

Она прижимается к плетню, старается слиться с ним.

— Аслан! — орет Ибрагим. — Сюда, скорее!

На крыльце появляется вторая фигура.

— Биба удрала, — удрученно произносит Ибрагим.

— Не понравился, — хохочет Аслан. — Меня бы позвал.

— Не болтай чепуху, — злится Ибрагим. — Надо найти ее.

— Сдурел? — Аслан хохочет еще пуще. — Тронулся?

Бибу бьет озноб, она дрожит как в лихорадке. Лишь теперь начинает сознавать, что с ней произошло. О аллах, теперь она уже не дастся живой им в руки...

— Она прячется где-нибудь в кустах, — с досадой произносит Ибрагим. — А скорее всего, бежит в Адыгехабль. Догоним!

— А задание? — ехидно спрашивает Аслан. — И так задержались почти на сутки.

— Я должен догнать ее, — упорствует Ибрагим.

— Действительно, сошел с ума! Улагай из нас шашлык сделает, если мы не явимся вовремя. Сейчас надо немедленно отправляться к мулле в известный тебе аул, а оттуда — в штаб. Времени в обрез, любая неувязка в дороге может сорвать задание.

— Что мне Кучук! — взрывается Ибрагим. — Всю жизнь Улагаю отдал... Я от этой девушки не отстану, я женюсь на ней. Езжай один.

— Не зарывайся, Ибрагим, — угрожающе произносит Аслан. — Кучук и так зверем смотрит, сейчас ему только повод дай.

Ибрагим громко вздыхает. Понимает: не Биба интересует Улагая, не моральная сторона дела, он и сам не особенно щепетилен в деликатных вопросах. Конспирация, дисциплина, четкость — вот чего он добивается любой ценой.

— Через несколько дней вернусь, — упрямо твердит Ибрагим.

— Это другое дело, — соглашается Аслан. — Позавтракаем, и в путь — крюк сделали основательный.

Они скрываются в доме.

Биба обливается холодным потом — надо же, полюбилась бандиту, насильнику.

Со двора доносится женский голос. Сквозь щель в плетне Биба видит: женщина проходит к сараю. «Хоть бы скорее они уезжали, — думает Биба. — А то начинает светать». Наконец догадывается: оставаться здесь ей больше нельзя, ее обязательно заметят, когда начнут запрягать лошадей.

Крыльцо дома совсем близко. Открыта ли дверь? Время такое, что люди запираться стали. Эх, будь что будет...

Биба вскакивает и мчится к крыльцу. Дверь легко открывается. Проскользнув в сени, садится на пол. Теперь спешить некуда, нужно ждать, пока не уедут эти...

Она прислушивается. С соседнего двора доносится какой-то шум. Голос Ибрагима. Женские голоса. Голос Аслана слышится так хорошо, словно он в этом дворе. Очевидно, подошел к плетню. Теперь доносится скрип колес. Уехали?

Биба с трудом поднимается, открывает двери в комнату.

— Помогите! — едва слышно выговаривает она и, обессиленная, валится на пол.

— Вай... — раздается испуганный женский голос. — Вай, Махмуд, совсем голая девушка. Что с тобой, дорогая, откуда ты?

Женщина подходит к ней, поднимает ее с пола.

— Вай, — сокрушается она. — Закоченела. Махмуд, помоги!

Широкоплечий усач подхватывает Бибу на руки, относит на кровать, женщина укрывает ее одеялом.

Наконец-то Бибу прорывает, она разражается рыданиями. Наплакавшись, рассказывает, что с ней произошло.

— Проклятые бандиты! —вздыхает женщина.—Адыгехабль — это всего двадцать верст.

— Пусть кто-нибудь сообщит в аул, что я здесь, — просит Биба. — Наш тхаматэ Умар обязательно пришлет за мной.

— Верно она говорит, Махмуд, — подтверждает женщина. — У них в ауле люди дружные, выдержали наступление самого Алхаса. Пошли Ахмеда, пусть скачет напрямик.

Махмуд выходит. Хозяйка угощает Бибу, но девушка отказывается — ни есть, ни пить ей не хочется. Ее знобит.

— Да ты больна, доченька, — вдруг замечает она. — Бандиты проклятые, когда только на них управа найдется.

Она укрывает девушку потеплее, гладит по голове. Биба затихает. А еще через несколько минут начинает метаться, бредить.

Прибывшего за ней Умара не узнает.

— Смотри как бы Ибрагим засаду не устроил, — предупреждает Махмуд Умара и его товарищей. — Этот от своего не отступится.

— Вы, друзья, — вздыхает Умар, — одного волчонка испугались. Как же мы от всей стаи отбились?

— У вас дружный аул. — Махмуд старается не глядеть на Умара — стыдно.

Так ее и везут, мечущуюся по повозке, выкрикивающую бессвязные слова.

Мать Бибы, увидя дочь, преображается.

«Откуда у этих женщин силы берутся? — рассуждает Умар. — Уму непостижимо». Все же он подсылает и помощника — Меджида-костоправа. Но тут и Меджид теряется — день проходит за днем, а Биба все бредит. Вот-вот сгорит девка.

— Ничего сделать не могу, — признается он.—Доктор нужен.

Умар настойчиво предлагает отвезти Бибу в город, но мать ни в какую. «Как аллах повелит, так и будет», — упрямо твердит она.

Меджид заходит теперь только вечерком — весь день проводит в поле, доделывает то, что не успела сделать Биба. А однажды заглянул и просиял: девушка глядела на него вполне осмысленно.

— Ожила, красавица? Долго же ты нас мучила. Может, тебе что-нибудь нужно?

— Дядя Меджид, я плохо сплю, — шепчет Биба. — У тебя такая бутылочка есть, ты больным носил. Принеси, я нюхать буду.

Старый Меджид укоризненно качает головой: ай, как нехорошо. А он-то думал, что Биба из крепкого материала сделана.

— Как ты не поймешь, дядя Меджид, — отвечает Биба. — Мне теперь жить незачем. Ты хорошо сделаешь, если поможешь мне.

— Эх, Биба, мало ли что с девушками случается. Ты со своей мамой поговори, она расскажет. Живут и после такого несчастья. И замуж выходят. И детей рожают.

— Живут... А я не хочу. Помоги мне, дядя Меджид!

— Я бы все-таки жил, даже после этого, — задумчиво произносит старик. — Чтобы мстить! Чтобы отплатить обидчику, не остаться в долгу. Но такая месть доступна только сильным людям.

Отомстить! Биба поворачивается к Меджиду, глаза девушки загораются. Старик прав, надо мстить!

— Спасибо, дядя Меджид, большое спасибо!

Лишь теперь Меджид начинает соображать, что сболтнул лишнее. «Э, — успокаивает он себя, — выздоровеет, обо всем забудет».

У Бибы появляется аппетит. Ест и пьет все подряд, даже изредка улыбается. Мать радуется. А Умару не нравится эта улыбка. Очень уж какая-то она отрешенная, что ли. Улыбается, а глаза холодные. Думает, думает и вдруг дернется всем телом — будто шашкой рубанет. Да и то ладно, что выжила.

— Передала мне письмецо для тебя Сомова. Помнишь ее? — сообщает Умар. — Она тебе что-то обещала, вот и просит передать, что обещание обязательно выполнит. Заедет за тобой, как только из лазарета выпустят. Уже выздоравливает.

— Заедет? Спасибо...

Видит Умар, о своем думает Биба, не до новостей. Затаилась, ушла в себя. Даже с Мариет не делится своими мыслями.

И вдруг наведалась в сельсовет, спросила, нет ли весточки от Сомовой. В грустных глазах ее затаилась надежда.

— А что тебе Сомова обещала? — спросил Умар.

— Определить на курсы медицинских сестер, — оживилась Биба. — Она говорила, что на такие курсы принимают девушек из аулов.

«Что-то задумала, — предположил Умар. — Скорее всего, хочет уехать в город — стыдно появляться перед односельчанами. Да и то, какая у нее теперь судьба? Насильника с огнем не разыщешь, и не тот это человек, с которым можно запросто разделаться. Женихи будут обходить ее дом стороной. Умыкать девушек парни любят, но подбирать то, что брошено другими, мало охотников».

— Говорили, что Сомова уже работает, — заметил Умар. — Завтра наши повезут донесение, попрошу сказать ей, что ты ждешь.

— Дядя Умар... — Впервые с того злополучного дня, когда он увидел ее в чужой сакле, на лице Бибы мельк-

нула искренняя улыбка. Даже не улыбка, а что-то вроде надежды.

«Хочет покинуть аул! — пришел к заключению Умар. — Пусть делает, как ей лучше».

Связные поручение выполнили. Более того, они привезли с собой письменное распоряжение горской секции Кубанского исполкома отправить Бибу в город на курсы медицинских сестер. Мать Бибы заупрямилась — она ни за что не хотела отпускать дочь.

— Где она там жить будет, что с ней станется?

— Жить будет у Екатерины Сомовой, — разъяснил Умар. — Эту женщину ты хорошо знаешь, она достойна доверия. А что будет? — Умар замолчал, давая матери Бибы возможность задуматься над этим. И женщина поняла: хуже, чем есть, быть не может.

С ближайшей оказией Биба была отправлена в город.

Провожавшие видели: что-то новое появилось в ее облике, взгляд отпугивал отчужденностью, холодным блеском.

«Что у тебя на уме? — впервые с тревогой подумал Умар. — Уж не вбила ли себе в голову какую-нибудь глупость?».

Впрочем, дело было сделано.

— Спасибо, дядя Умар! — крикнула на прощание Биба. — Когда вернется дядя Ильяс, скажи ему, что я у Сомовой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Улагай глуховат, но виду никогда не покажет. Хоть и недослышит, но ни за что не переспросит. Впрочем, почти все подчиненные знают об этом, и всегда докладывают ему громко и ясно. Увидит человека—через двадцать лет не забудет. Пообещает что-либо — из кожи вылезет, а выполнит. Особенно часто вспоминает он о своих обещаниях при хорошем настроении.

Бродит по лесу Улагай, чуть заметно улыбается: считанные часы отделяют его от осуществления заветной мечты. Машина пущена, мчится вперед, теперь ничто не в состоянии остановить ее, как не остановить несущуюся с гор лавину. Она сметет жалкие, под ветром гнущиеся устои Советов и проложит ему, Улагаю, дорогу к вершине власти.

Он воспроизводит в памяти лица своих главных исполнителей. Юный преданный Аскер, спокойный Измаил, ту-

поватый плут Довлетчерий... Эти люди сделают свое дело, если даже придется сесть на лодку, чтобы не утонуть в крови. Их, как и его, не пугает необходимость физического истребления инакомыслящих. Впрочем, к чему это «инако», Кучук, — чего душой кривить перед зеркалом? Просто — мыслящих. И тогда настанет мир. А женщины сделают свое нехитрое дело — пополнят убыль, уж об этом победители позаботятся.

Он думает о людях, окружающих его здесь. Умрут на месте, но не сдадутся врагу. Заглянуть в душу человека и сразу все увидеть — это не каждому дано. Улагай считает, что овладел этим искусством. Вот хотя бы тогда, во время встречи со связными, сумел же он с первого взгляда выделить связного Алхаса. Лихой рубака, иначе не оказался бы в чести у свирепого атамана, не получил бы в награду маузер. Именно такими и нужно себя окружать.

Он подходит к карте, сразу же отыскивает глазами Тимашевскую. Непростительно задерживаются части десанта. Пора, давно пора проскочить этот рубеж.

«А вдруг не проскочат?» Сердце Улагая на миг останавливается. Обязаны проскочить, на карту поставлено все. Не могут не проскочить, этого союзники не допустят. Кучук имеет точные данные — Врангеля не только снабжают, но и консультируют английское и французское правительства, их весьма авторитетные комиссии неотлучно находятся при бароне.

Хорошее настроение исчезает, словно солнце в грозовых тучах, сердце уже не радостно бьется, а колотится тревожно и гулко: «А вдруг не проскочат?»

Этот каверзный вопрос не дает покоя. Что это — предчувствие или расходившиеся нервы?

Улагай снова подходит к карте. Эх, если бы на ней отражались перемены, происходящие в настоящее время на полях сражений. Заняли врангелевцы Тимашевскую — белый флажок выскочил в соответствующей точке; захватили повстанцы власть в ауле — еще один флажок... Сразу видишь, где успехи, куда подкрепление требуется.

Не спится и Ильясу. Он занимает позицию неподалеку от своей землянки. Растянувшись под старым дубом, в который раз взвешивает все увиденное, уже сделанное, продумывает, что предстоит сделать. Кемалю удалось загнать в чащобу трех лошадей, там они, стреноженные, отъедаются после поездок. Он решил, что прихватит кого-нибудь из улагаевского штаба — человека осведомлен-

ного и не особенно строптивого. Ильяс его свяжет, Кемаль будет ожидать с оседланными лошадьми.

План, поначалу казавшийся почти невыполнимым, обрастая деталями и развиваясь, приобретал вполне реальные очертания.

— Эй, Ильяс, чего не спишь? — раздался хрипловатый голос Аслана.

— Отоспался уже, — не очень охотно отозвался Ильяс. — В нашем ауле никто подолгу не спит, всегда работа находится.

— Найдем тебе работу и тут, — хмыкнул Аслан. — Позаботимся.

В положенное время в окне Улагая погас свет. Теперь в лагере бодрствовали одни лишь часовые. Да еще Ильяс. Да еще Кемаль. Этот ухитрялся передвигаться так, что даже натренированный в разведке Ильяс ничего не мог услышать.

Проснулся Ильяс на рассвете. Выйдя из землянки, сразу же увидел командующего. И понял: произошло что-то чрезвычайное. На нем гимнастерка с погонами, орденами и крестами. Позванивая шпорами, приблизился к Ильясу. На выбритом до синевы лице выражение надменности, барского превосходства господина над рабом. Победа почти что в руках, можно и не заигрывать с солдатней. Скоро каждый будет поставлен на свое место.

— Связных, — обрывисто бросил он, — направлять ко мне.

Впрочем, он лучше других знает, что связные начнут прибывать лишь к вечеру. С небольшой группой всадников Улагай отправился на самый дальний пост. Попытался завязать разговор с часовым, но на все вопросы получал однозначные ответы: «да», «нет»...

— Что вялый такой? — нахмурился Улагай.

Часовой колеблется: говорить ли? Вздохнув, решается.

— В нашем ауле, знусхая, уже землю переделили. На мою долю ничего не дали. Отец просил мне передать: если не вернусь домой, он явится сюда, высечет меня плетью и погонит в аул, как ишака.

— Решительный он у тебя, — рассмеялся Улагай. — Такой бы и нам пригодился. А насчет земли не беспокойся, уж кто-кто, а мои люди получат ее вдоволь, я за честную службу хорошо отплачу.

Часовой с надеждой и сомнением вглядывается в лицо Улагая. Видимо, решает: можно ли ему верить? И что

весомей — улагаевский журавль в небе или советские полтора гектара на душу в руках? Эх, если б знать все наперед... Но часовой не знает не только того, что будет, он понятия не имеет даже о том, что происходит сейчас. Как, впрочем, и сам командующий, столь щедро раздающий обещания.

Обед. Связных нет. Ужин, ночь. Из аулов ни души.

«Проклятие! — мечется по своему логову Улагай. — Они упиваются победой, мстят, а я должен терзаться в сомнениях!» Сон не идет. Отсутствие связных уже не раздражает, а пугает. Что случилось? Кажется, все было предусмотрено до мельчайших подробностей. Неужели эти остолопы перепутали дату? Или он сгоряча оговорился, назвал не то число? Ему становится жарко, тело покрывается потом. Проходит минута-другая, и его начинает бить озноб. Неужели оговорился? Что же теперь будет?

Первый связной появляется под утро, об этом докладывает Аслан. Вздремнувший было за столом Улагай встряхивается, приводит себя в порядок, прислушивается к тому, что происходит за окном. Тишина, лишь стучит в висках кровь, словно конские копыта по булыжной мостовой.

«Ползет, что ли?» Ожидание превращается в нестерпимую пытку. Улагай поднимается, делает шаг к дверям. Только один шаг — и застывает на месте.

«Опомнись, ты — Улагай!» — говорит себе и огромным усилием воли берет себя в руки. И вовремя: в дверях появляется связной. Мгновенно происходит перемена. Лицо полковника озаряется улыбкой, он весь — добродушие и простота. Ждет рапорта. Но посланец не торопится. И тут наблюдательному Улагаю бросается в глаза явное несоответствие между его парадным костюмом и затрапезным видом связного. Впрочем, ему еще кажется, что так и должно быть — ведь человек явился к нему из гущи боя. Но первые же его слова, первые и единственные, еще сильнее подчеркивают эту ужасающую несообразность.

— Зиусхан, не вышло...

Что-то обрывается внутри: неужели вся работа насмарку?

— Убирайся вон, злой вестник! — вырывается гневный возглас.

Связной бросает на командующего затравленный взгляд и исчезает. Будто бы он виноват в том, что сель-

ская беднота смяла жалкую кучку повстанцев. Счастье, что он ничем не выдал себя, а то не узнал бы и этого.

Связные начинают прибывать чаще. Улагай выслушивает их, сжав зубы, с обычным внешним спокойствием. Вырезали актив, постреляли, ушли в лес, ждут приказа; силенок оказалось маловато, решили не начинать каких-либо действий, пока не подойдет подкрепление; связной едва выбрался из аула — обоих вожаков накануне арестовали; команды начинать действовать не было — вожак смылся куда-то...

А что в отдаленных аулах? Почему нет вестей от Аскера? О, он легок на помине, прискакал вместе с двумя уцелевшими помощниками. Улагай бросает на него беглый взгляд и отворачивается: в таком виде победители не являются. На нем видавшая виды солдатская шинелька, картуз, ботинки с обмотками, лицо хранит гримасу ужаса. Из него не выжать ни слова. Улагаю впору схватить его за глотку, вытряхнуть из него слова вместе с остатками перетрусившей души. Нельзя! «Держись, Кучук, — шепчет себе Улагай, — на тебя люди смотрят».

— Молодой, необстрелянный, — кивает он в сторону Аскера. — Рассказывай все по порядку.

Выпив воды, Аскер коротко докладывает:

— Не вышло...

— Рассказывай все, как было. Все!—приказывает он.

Аскер заговорил. Поначалу все предвещало блистательную победу. Он методично вербовал сторонников, к нему примкнуло около двадцати самых богатых аульчан. С нищими решил не связываться — все равно никакого влияния на дело они не окажут. Так его учили. Сигнал получили вовремя. Посоветовались, решили начать ночью. Тихо пробрались к дому председателя сельсовета, прикончили его. Потом прикончили еще нескольких активистов, заняли здание Совета, вывесили на нем царский флаг. Утром жителей созвали на сход. Речь держал Аскер. Он сообщил, что по приказу Улагая власть отныне переходит в руки повстанцев. С большевиками покончено. Начинается новая, свободная жизнь. По этому случаю пусть каждый возвратит чужую землю и чужое имущество: новая власть не допустит беззакония. За ослушание — расстрел. Толпа молчала.

Аскер предложил выделить группу стариков для торжественной встречи Улагая. Толпа молчала.

Аскер попросил стариков выйти вперед. Однако никто не вышел.

— А может быть, вам не нравится, что я говорю? — спросил он.

Никто не ответил. Тогда он обратился к старому Махмуду, стоявшему впереди:

— Что ты скажешь, Махмуд, по поводу перемены?

Старик прошамкал что-то. Аскер ничего не понял.

— Что он сказал?

Вперед вышел старший сын Махмуда:

— Отец сказал: «Когда безрогая коза пошла за рогами, ей отрезали уши».

С тем и разошлись. Аскер остался со своими людьми в сельсовете. Успех был полный, и он отправил связного к Улагаю.

Но через час связной вернулся.

— На аул движется какой-то отряд, — сообщил он.

Аскер решил, что это повстанцы из других аулов идут на соединение, и очень обрадовался. Но он ошибся: в аул вошел красный отряд, недавно созданный Рамазаном. Ввиду явного превосходства красных, Аскер решил в бой не вступать и приказал своим отступить. Но... уйти удалось немногим.

— М-да, — бормочет Улагай, — неудача...

Неудача? «Не то слово, Кучук, — пробивается трезвый голос. — Полный провал. Уж если Аскер ничего не добился, то, очевидно, большего и невозможно было достичь».

Почему? На этот вопрос пытается ответить раненый Крым-Гирей Шеретлуков. Говорить ему тяжело, но необходимость высказаться побеждает боль и слабость. Он считает, что момент для восстания выбран неудачно — во многих аулах уже успели перераспределить землю. Надо было подождать взятия Екатеринодара. Или...

Улагай молчит. Надо было выждать! Но как ждать, если Врангель приказал выступить в день выброски десанта. Приказ есть приказ, и Крым-Гирею это прекрасно известно.

— Я не валю на тебя, — хрипит Шеретлуков, — не пойми меня неверно. Но барон явно что-то недоучел. Очевидно, мало сил бросил.

Конечно мало. Понадеялся на них — на Фостикова, Улагая, на атаманов. А кто выступил? Кто встал под огонь? Если бы хоть в одной станице поднялось восстание, ему бы немедленно доложили. Все выжидали: чем окончится десант? Впрочем, подводить итоги рано. На Кубани высадились десанты генералов Черепова и Хар-

ламова: один — на Тамани, другой — северо-западнее Новороссийска, в непосредственной близости от полевого штаба Улагая Кучука.

Потоптавшись у карты, Улагай решил, что ему удалось наконец проникнуть в замысел Врангеля. Десант его земляка генерала Улагая — отвлекающий, он должен сковать основные силы красных, главный же удар нанесет Черепов. Как только он выйдет на Афипскую, Улагай присоединится к нему.

Да, вся надежда на Черепова. Командующий повеселел, поделился соображениями с Шеретлуковым. Князь пропустил этот момент мимо ушей.

— Знаешь, Кучук, — тихо выговорил Крым-Гирей. — Тут я умру. А мне жить хочется. Будь другом, отправь меня в город. Или прикажи доставить доктора сюда.

Улагай вышел, ничего не ответив. «Отправь в город!» Ловко придумано. Остановят, спросят: «Кто такой?» «Начальник штаба Улагая». — «Где штаб находится?» — «Не знаю!» — «А как пахнет твое мясо, если его поджарить, знаешь?» И пошел болтать Шеретлуков. Нет, уж пусть будет так, как повелит аллах.

«Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок тоже хочет жить...» — звучит в ушах дурацкая песенка. Ее пел перед сдачей пьяный деникинский офицер. Она возвращает Улагая к действительности. Подобное несчастье может случиться и с ним. Неплохо бы доставить врача сюда. Это поручается Ибрагиму.

Ибрагим возвращается с доктором, пожилым, видавшим виды человеком. Силком тащить его не пришлось: дотошный адъютант пообещал оплатить необычный визит золотом и продовольствием, и доктор сразу же согласился. Но на всякий случай потребовал, чтобы его везли связанным. Прибыв на место, осмотрел раненого, вздохнул, сказал, что случай трудный, но он постарается поставить его на ноги. Назначил плату и потребовал деньги вперед.

Ибрагим привез важные новости. Его знакомый Максим не дремлет: с небольшим отрядом разгромил казачью банду, захватил атамана. В банде раньше скрывался Адиль-Гирей. Из осторожности Ибрагим велел своим людям прикончить атамана—как бы не сболтнул чего. По всему видно, что большевики всерьез взялись за белозеленых. Очень большой вред приносит активность Рамазана. Созданные в аулах отряды самообороны пользуются широкой поддержкой населения. Теперь во многих

аулах и появляться рискованно: тот, кто вчера тебя прятал, сегодня может выдать властям.

Последнее сообщение Улагай выслушал с большим вниманием: когда речь заходила о собственной безопасности, он шутить не собирался. Случайно ли поселился Максим именно в том доме, где бывал он, Улагай? Не наступил ли Максим ему на хвост?

— Хотел бы взглянуть на этого Максима, — необычно тихо произнес он.

Ибрагим тотчас откликнулся. Он сказал, что устроить такую встречу можно. Советовался с Зачерием, возник хитроумный план. Но тогда Зачерий, очевидно, будет раскрыт. Стоит ли им рисковать? Поразмыслив, Улагай дал согласие. Близится победа, нужно пустить в ход все средства.

— И все же, — добавил он, — самое главное — ускорить встречу с Рамазаном. Зять Адиль-Гирея должен быть с нами.

Ибрагим отобрал преданных людей, хорошо проявивших себя в прошлогодних боях. Среди них оказался и начальник охраны Аслан. Той же ночью его группа покинула лагерь.

Узнав об отъезде Аслана, Ильяс и Кемаль воспрянули духом: в его отсутствие бойцы охраны расслабляются. Днем лагерь покинул и Улагай. Судя по тому, что отправился он в кибитке и напялил на себя наряд муллы, ожидать его раньше чем через трое суток не приходилось. Глядя вслед удаляющейся кибитке, Ильяс дивился, к каким только хитроумным уловкам ни прибегает враг. Священнослужителя, вызванного к умирающему, не остановят ни белые, ни красные. Если к чему-нибудь в то время еще сохранилось почтительное отношение в аулах, то только к мечети. С Кемалем условился: этой ночью! Скрутят кого-либо из офицеров, и — на станцию.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

По-разному складывалась жизнь горянок. Что ни дом, то мир—замкнутый, тщательно укрываемый от чужих глаз, непонятный посторонним. И сколько людей, столько и суждений о том непонятном, чужом мире. Позор, — разносится по аулу вопль — бедный пастух увез в горы дочь богатого тфокотля — свободного землепашца. Ах несчастная, горе ей, окаменеет от ужаса, лишь глаза бедняжки не устанут лить слезы, и откроется среди скал новый

родничок — прозрачный и живительный. Днем и ночью рыщут по ущельям отец и братья опозоренной, отныне смысл их жизни заключался в том, чтобы вырвать голубку из когтей коршуна, подвергнуть насильника страшной каре. И вот наконец их находят. Но что такое? Похищенная красавица не бежит к отцу, не валится в ноги, моля о мести. Она обхватывает шею пастуха своими крепкими, словно ореховая ветвь, руками, прикрывает его тело от пуль мстителей, умоляет не разлучать ее с возлюбленным. Потрясенный отец теряется, не зная, как поступить: повернуть назад, к своей вотчине, или сбросить обоих в пропасть.

Уай — проносится по аулу — какое счастье привалило бедной девушке: ее запеленал в свою белую бурку знатный князь. Что ее слезы? Роса, украшающая молодость. Отец счастливицы ждет от князя гонцов — то-то свадьба будет. Но не гонец к нему скачет, а злой вестник, в его руках белая бурка, а на ней — огромное красное пятно. Не пожелала красавица стать женой князя, бросилась с отвесной скалы...

Что ни дом, то свой мир — замкнутый, тщательно укрываемый от чужих глаз, непонятный, а порой и враждебный.

Мир Фатимет казался аульчанам благополучным и счастливым. Ее не похищали, пришла сюда по своей воле. Сделка? Да, сделка. Но обоюдовыгодная: моя красота — твое золото. Я в золоте купаюсь, ты — в моей красоте. Фатимет никогда не пыталась опровергнуть это мнение о себе. В конце концов, это действительно была сделка, она сознательно продала себя Осману, чтобы спасти жизнь отцу. Потом, через много лет, поняла, что сделка была нечестной с самого начала: Осман знал, что табунщика не спасут ни врачи, ни лекарства, он жестоко обманул Фатимет, ее жертва оказалась бессмысленной. Узнав об этом, она решила бежать. Но хитрый Осман приказал своей челяди не спускать глаз с ребенка. Ни днем, ни ночью Казбек не оставался наедине с матерью, за ними неотступно наблюдало несколько пар настороженных глаз.

Больше всего надеялся Осман на самого верного союзника подлецов — время. Время — это он знал по опыту — лечит самых строптивых, примиряет обиженных и обидчиков, заставляет смириться даже кровников. В семейной жизни оно — хитрый лекарь: появляются привычки, которые незримыми узами приторачивают чело-

века к постылому месту, примиряют его с ненавистными людьми, со своей рабской долей.

Старик не ошибся. Встреть Фатимет в начале своей супружеской жизни человека, достойного ее любви, никакие силы не удержали бы ее в доме Османа. Но такой человек не встретился. А сын рос. И привычки, на которые надеялся Осман, словно вьюнок, все крепче оплетали ее, привязывая к чужому дому. Нет, она и не помышляла об иной жизни. А мысль о разлуке с сыном показалась бы ей попросту чудовищной. Встреча с Максимом на какой-то миг перечеркнула прошлое, Фатимет почувствовала себя семнадцатилетней. Неосторожная мысль вгоняла в краску, надежды кружили голову, наполняли все ее существо какой-то буйной силой. Перед его отъездом с ужасом поняла: не переступит она порог этого дома, не уйдет к другому. Да, очень ей понравился сдержанный, хлебнувший горя Максим, да и Казбек к нему привязался. Но не сможет она покинуть отца Казбека, так у адыгов не принято.

Калитка захлопнулась, она легла на постель и пролежала до утра с открытыми глазами. На рассвете поднялась, как обычно, занялась хозяйством. Решила: все это был чудесный сон. А жизнь шла своим чередом. Както утром Осман ушел, прихватив с собой Казбека. Возвратились лишь к обеду. Мальчик был нагружен какимто вонючим тряпьем, за ним налегке следовал отец.

— Сбрасывай! — скомандовал Осман, когда Казбек оказался посреди двора. Покопавшись палкой в тряпье, приказал Фатимет: — Постирай все это, приведи в порядок, повезу на базар, деньги будут.

Брезгливо морщась, Фатимет кончиками пальцев приподняла верхнюю вещь. Это была нижняя солдатская рубаха, сплошь усыпанная вшами.

— О аллах, где ты это подобрал? — ужаснулась она.

— В яме за виноградником, — пояснил Казбек. — Туда из тифозного барака барахло свозили. — Говоря это, он запустил правую руку за ворот, левую — за пояс и нещадно чесался.

— Раздевайся немедленно, — сообразила Фатимет. Она тут же, посреди двора, развела костер, облила принесенное тряпье керосином и подожгла. Туда же полетела и вся амуниция Казбека. Костер привлек внимание Османа. Старик разъярился.

— Как ты посмела! — заорал он. — Столько денег в огонь...

— Принеси машинку, — услышал он в ответ. — Остригу сына...

Осман бросился к повозке, схватил нагайку. Метнувшись к Фатимет, стал хлестать ее что было сил. Женщина не сопротивлялась, она лишь прикрыла, да и то инстинктивно, лицо руками: берегла глаза. Знала—в нагайку вплетены кусочки стальной проволоки. Вдруг удары прекратились: в нагайку вцепился Казбек. С минуту между отцом и сыном шла молчаливая борьба, верх одержала молодость. Вырвав нагайку, мальчик швырнул ее в костер. Глаза его источали ненависть.

— У, щенок... — взвыл Осман. — На отца руку поднял! Ты об этом еще пожалеешь, выродок, ничего тебе от меня не достанется.

Пошатываясь, пошел к дому.

— Мама, — произнес Казбек. — Пойдем в город. Я знаю адрес Максима, он нам поможет. Максим — мой друг.

— К Максиму, Казбек, мы пойти не можем. Ты должен понимать это, не маленький.

— Мама, город большой, неужели пропадем? А с этим человеком я жить все равно не буду. Еще раз ударит тебя — убью его...

Со странным чувством глядела Фатимет на сына. В деда пошел. Такой не станет бросаться словами. Да, теперь придется покинуть этот дом — Осман сам обрубил сук, на котором сидел, сам лишил себя права называться отцом. Вдруг вспомнила самое главное:

— Тебя надо остричь и выкупать, от тифа спасения нет! О аллах, до чего доводит жадность!

Занятая делами, она поостыла.

«Может, и обойдется», — подумалось ей.

— Прошу тебя, сынок, не вмешивайся в наши отношения, — попросила она.

Казбек упрямо мотнул стриженой головой.

— Пусть только посмеет обидеть тебя...

Пролетело около двух недель. За это время в ауле произошло немало событий. Председатель аульного Совета Довлетчерий был арестован за связь с бело-зелеными, его место занял Апзаур. В ауле тотчас приступили к формированию отряда самообороны. Сторонники Улагая притихли. Приказ о взятии власти в ауле застал их врасплох. Было решено повременить с вооруженным выступлением.

Зная обстановку во всех окружающих населенных

пунктах, о десанте в районе Новороссийска, Анзаур держал отряд самообороны в полной боевой готовности. Почти целые дни проводил в отряде Казбек. Он заменял посыльного при сельсовете, вестового при Анзауре, охотно выполнял любые поручения бойцов отряда, которым без особого разрешения запрещалось отлучаться даже на короткое время. Несколько раз, оставаясь наедине с Анзауром, Казбек заговаривал о Максиме. Он рассказал, что Максим дал ему свой городской адрес, обещал устроить в школу.

Как-то утром Фатимет, проводив Османа на виноградник, вдруг заметила, что Казбек что-то долго не поднимается с постели. В этот момент Казбек как раз и подошел к матери. Вид его встревожил Фатимет — лицо пылало, глаза сузились, весь он как-то сник.

— Что с тобой? — Фатимет пронзила страшная догадка. — Голова болит?

— Болит, — признался Казбек.

— Сбрось рубашку! О аллах, сынь... Будь проклят этот жадный человек... — Слезы брызнули из глаз Фатимет — признаки сыпного тифа она, как, впрочем, и почти все в то страшное время, знала хорошо. Отлично понимала и то, что здесь, в ауле, без врачебной помощи, вырвать мальчика из лап смерти невозможно. Быть может, в городе. Сунув в саквояжик белье для Казбека, немного еды, вошла в комнату Османа. Найдя карандаш, написала записку: «У Казбека тиф, повезла в город».

Счастье, что Осман отправился на виноградник пешком. Фатимет запрягла лошадей, усадила в повозку сына. «А кто же пригонит лошадей обратно? Надо заехать за Османом».

Объясняться с мужем долго не пришлось; старик понял ее с полуслова. Лицо его стало еще более жестким, чем обычно.

— Можешь отправляться! — процедил он. — До станции не очень далеко, подводу брать не разрешаю.

— Человек, сын умирает, — прошептала потрясенная женщина. — Ты, наверное, не понял, у него тиф, он заразился, когда нес тряпье, которое я сожгла. Он умирает...

— Вот и тащи его до станции, подводу не дам.

— Не дойдет он! — Фатимет все еще на что-то надеялась.

— Слезай! — завопил Осман. — Пусть сдыхает, ублюдок! Слезай!

— Ты так... — Глаза Фатимет потемнели. — Пусть же тебя накажет аллах. А лошадей спросишь на станции. — Она вскочила на ноги, потянула вожжи, кони рванулись, Осман едва успел отскочить в сторону. Повозка быстро скрылась в пыли.

Не долго думая, Осман трусцой, напрямик, одному ему известными тропками, побежал к станции: кони-то сами не придут...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Возвращаясь домой, Максим с надеждой глядел на окна своей комнаты — не горит ли свет? Нет, темно. И у хозяйки темно.

— Никто не приезжал, Николаевна? — осведомился он.

— Нет, сынок, никого не было, — вздохнула хозяйка. — Да ты не беспокойся, если кто приедет, сразу кинусь к твоим товарищам, приму, как родных.

Теперь он злился на себя за то, что пооткровенничал с хозяйкой. Она твердо ему сказала: ничего у них не выйдет. Выходит, и ждать глупо. Остается одно: взять себя в руки, выбросить из головы несбыточные мечты.

Он дает себе слово не думать о Фатимет. Но однажды признается себе: в сердце его пылает, словно костер, неведомое чувство.

Председатель комиссии по борьбе с бандитизмом Петр Иванович Сибиряк, славившийся аскетическим образом жизни, вызвал как-то Максима к себе.

— Срочное задание, Максим, — проговорил он. — Да ты садись, не топчись. Но сначала скажи: что с тобой происходит? Ты уж извини меня, но ты явно не в своей тарелке.

Максим покраснел.

— Уж и не знаю, что сказать, Петр Иванович, — чуть слышно ответил он. — Пустяки, личное дело...

— Личное дело — не пустяки, — возразил Сибиряк. — Всякое личное с общим связано. Ты уж извини... Что, любовь?

Максим вздохнул, совсем растерялся.

— Значит, любовь. Ну что ж, любовь — дело хорошее, Максим.

Петр Иванович вышел из-за стола, придвинул стул Максиму.

— Я тебе, Перегудов, одну историю рассказать хочу. — Петр Иванович перешел на полушепот. — Очень поучительная история, дорогой. Лет восемь назад довелось мне быть в ссылке, загнали аж за Енисей, куда Макар телят не гонял. Под Саянским хребтом село Шушенское имеется. И не очень я расстроился. Выяснилось, что задолго до меня Ленин там свой срок отбывал. Я, сам понимаешь, все лез к крестьянам с расспросами: как жил Владимир Ильич, что говорил, как день строил. И знаешь, что рассказал хозяин, у которого Ильич был на квартире? В первые дни заметил, что скучает Владимир Ильич. А потом вдруг оживился, повеселел, совсем неузнаваемым стал. «Что бы это могло значить? — толковали они с женой. — Не иначе как появилась надежда на помилование». Спросили. Оказалось, и не ходатайствовал о помиловании. А насчет надежды, — тут, говорит, Ленин как-то усмехнулся и добавил: «Надежда есть, скоро с ней сами познакомитесь». Прошло некоторое время, вдруг Владимир Ильич сообщает: еду встречать невесту, зовут ее Надежда. — Помолчал Сибиряк и добавил: — Стыдиться своей любви нельзя. Это раньше некоторые втолковывали, будто любовь и революция все равно что вода и пламень: несовместимы. Ну, выкладывай...

Максим, запинаясь, стал рассказывать о встрече с Фатимет, о Казбеке. Сибиряк, встав со стула, зашагал по кабинету.

— Не простое дело, — признался он. — Тебе нужно еще раз поговорить с этой женщиной. Боже упаси навязываться со своей любовью. Уговори ее изменить образ жизни. Пусть переезжает в город, работает, Казбек будет учиться. Больше ни о чем не толкуй. Возвратишься из командировки, направлю в тот аул. А сейчас вот что. Из горской секции пришла просьба помочь вывезти хлеб. Собрали в одном ауле пудов пятьсот, а вывозить боятся: бандиты могут завернуть их с тем хлебом в лес. Пообещал помочь. Представитель секции уже ждет тебя. Ты, правда, не особенно этому человеку доверяешь, но хлеб он пока что собирает исправно.

— Зачерий?

— Он самый.

— А мне-то какая разница, — возразил Максим. — Зачерий так Зачерий. Хлеб есть хлеб, доставим. А насчет Зачерия, что ж, может, и ошибаюсь, разгадать его не-

легко — хитрый, скользкий. В одном уверен: от таких вреда больше, чем пользы.

— Может, ты и прав, — в раздумье произнес Сибиряк. — Сегодня же поделюсь твоими сомнениями с начальником ЧК.

Отряд готов в путь. Бойцы на тачанках, Максим и Зачерий — верхом. Пулемет, как всегда, хорошо замаскирован. И вообще все — как всегда, необычен лишь сам Максим. Кажется ему, будто стоит он на крутом берегу, а внизу, в бурном потоке, близкий, родной человек тонет. Броситься бы с обрыва в воду, помочь, но — нельзя. Обстоятельства! Обычаи! Темнота! Нет, не будет он мириться с таким положением, не даст утонуть Фатимет. Попытается уговорить.

Глядя на погрустневшего командира, приутихли и бойцы. Они объясняют перемену, происшедшую с Максимом, чрезвычайной серьезностью обстановки. Уж не ожидается ли засада?

Лишь один Зачерий прежний — сытый, ухмыляющийся, разговорчивый. Он то и дело пристает к Максиму с вопросами, пытается что-то рассказать сам. Его не обескураживают односложные ответы спутника, явная, нескрываемая антипатия. Но вот и нужный им аул.

— Давай управляйся, а мы подождем, — сказал Максим, когда колонна остановилась на небольшой площади.

— Пошли к председателю, — пригласил Зачерий. — Он нездоров, все дома торчит, надо проведать.

Председатель долго изучал Максима каким-то грустным, соболезнующим взглядом, потом повел гостей в кунацкую.

— Я есть не хочу, — предупредил Максим. — Собирай обоз.

— Соберем обоз. Кушай, дорогой. Так не отпущу, сам знаешь.

Зачерий зачем-то вышел. Председатель торопливо зашептал:

— Слушай, не спеши, дорогой, заночуй тут, утром поедешь. Время тревожное, мало ли что случиться может.

— Надо спешить, — оборвал его Максим. Ему уже известны такие уловки, один раз обжегся. Правда, этот председатель из середняков, проявил себя в последнее время неплохо. В другое время Максим постарался бы

выяснить, почему он советует не торопиться. Но сейчас его ничто уже не удержит — секунды считает.

— Как знаешь, — нахмурился председатель. — Только запомни: я говорил — ночуй... — За дверью послышались шаги, и он смолк.

Вошел Зачерий, подозрительно оглядел председателя.

— Почему подводы медленно собираются?! — заорал он. — Смотри, Алий, сорвешь отправку — не поздоровится тебе.

— Как знаете, — проговорил председатель уже в дверях.

— Тянет с обозом, — заметил Зачерий, когда Алий вышел. — Здоров ведь, а больным прикинулся. Теперь говорит, что подвод мало. Тут рыскают фуражиры банды Сахно, может, пригрозили, вот и юлит. Понять его легко — между двух огней человек постоянно находится, а ведь у него жена, дети.

«Похоже на правду: под дулом бандитского обреза волей-неволей задумаешься, какому богу молиться», — подумал Максим.

Председатель вернулся.

— Тебя зовут, — обратился он к Зачерию. И добавил: — Неизвестные мне лица.

Зачерий не спеша вытер руки и лицо полотенцем, забарабанил пальцами по столу, Нехотя поднялся. Бросил быстрый, словно предупреждающий, взгляд на председателя и вышел. Не будь Максим поглощен своими мыслями, заметил бы, что Зачерий не очень охотно оставляет их с председателем наедине. придал бы значение и взгляду, и словам председателя, по-иному истолковал бы их. Но Максим неотступно думает о Фатимет и Казбеке, мысленно спорит с Фатимет, убеждает, рассказывает что-то мальчишке. И вот она согласна уехать, подвода лихо мчится на станцию.

— Ну что там с обозом? — спохватывается он.

Лицо Алия дергается так, будто он проглотил кость.

— Не слушаешь совета, не надо, — говорит он. — Я сказал: ехать надо завтра, больше не скажу ни слова.

Теперь уже трудно усомниться в его искренности. Очевидно, у него какие-то опасения или догадки. В другое время Максиму и десятой доли этих прозрачных намеков было бы достаточно, чтобы насторожиться, но сегодня его словно подменили.

— Против наших ребят ни одна банда не выстоит, —

успокаивает председателя Максим. — Если будет засада, перебьем всех до одного.

Зачерий вернулся быстро.

— Жалуются на председателя, — по-русски говорит он. — Сдам хлеб, разберусь. Говорят, за каждую справку барана требует.

Максим мгновенно кладет на стол кусок.

— Да ты ешь, — смеется Зачерий. — Все равно — народное.

Но Максим поднимается, холодно благодарит хозяина и выходит. Скорей бы! Он ставит впереди обоза тачанку с пулеметом, остальные две тачанки с бойцами пристраиваются сзади. Зачерию подводят коня. Максим глядит на него с завистью.

— Славная лошадь, — не выдерживает он.

— Бери, — Зачерий протягивает повод, — бери...

Максим машет руками: ох, опять эти обычаи — слова сказать нельзя. Зачерий не отстает: возьми да возьми. Ну хоть до города. А то и навсегда, он себе еще лучше достанет. Видя, что от этой любезности ему не отделаться, Максим пересаживается на коня Зачерия. Обоз трогается.

Пока проезжают аул, Максим с трудом сдерживает коня. Но вот впереди степь. Тут он дает скакуну волю. Какая побежка! Где только этот Зачерий достает лошадей? Всякий раз — другая, и все — отличные скакуны.

— Эй, Максим, подожди, далеко от своих оторвались. Что случится — виноват Зачерий, ведь он на подозрении. Так?

Максим натягивает поводья, переводит коня па шаг. Реплика Зачерия остается без ответа. Это его нисколько не обескураживает.

— Теперь за тобой не угонишься. Ты не особенно увлекайся, — снова предупреждает он. — Обоза и не слышно.

Дальше едут шагом, разговаривают. Зачерий рассказывает забавные истории из жизни Куйжия — героя адыгейских поверий и сказок. Куйжий — вроде черта лысого. Хорошо рассказывает Зачерий, Максим на мгновение обо всем забывает. Со смехом оглядывается. Обоз все так же отстает, да это не беда — там Петро с пулеметом, люди, не раз проверенные в схватках с бандами. Степь шумит, легкий ветерок бьет в лицо, на горизонте, за перекрестком дороги, угадывается сизая громада леса. Цок, цок, цок... Кони дружно высекают искры из булыжника.

Вдруг, откуда ни возьмись, — одинокий всадник. Очевидно, из лесу. Едет навстречу спокойно, по-хозяйски. Что-то знакомое угадывается в его облике. Максима охватывает волнение.

— Это Ибрагим, адъютант Улагая! — вскрикивает он. — Догоним, его нужно взять живым!

Всадник вдруг резко разворачивает коня, дает ему шпоры. Начинается бешеная гонка. Расстояние между Ибрагимом и Максимом сокращается с каждой минутой. Недалеко опушка леса. Максим проскакивает мимо пастуха, пасущего корову. Ибрагим совсем близко.

— Стой! — кричит Максим. — Стой!

И вдруг какая-то неистовая сила обхватывает Максима за грудь, вырывает из седла, бьет о землю. От удара Максим теряет сознание. Приходит в себя от ощущения ожога — это Ибрагим влил ему в рот немного спирта. Пытается подняться, но не тут-то было: он накрепко стянут тонкой веревкой.

«Аркан, — доходит до Максима. — Очевидно, пастух метнул». Так и есть: пастух стоит над Максимом, хохочет, лохматые брови трясутся, словно вороньи крылья.

— Салам, Максим, — дружелюбно улыбается Ибрагим. — Давно не виделись, я сильно соскучился. И полковнику не терпится познакомиться с тобой. Ты хотел поглядеть на него? Сейчас такой случай представится.

Ибрагим счастлив. Ну и прост же этот комиссар. Парень, видно, неплохой, но слишком доверчив.

Раздается топот, подскакивает Зачерий.

— Не копайся! — кричит он. — Сейчас здесь будет тачанка с пулеметом. Послушай, Максим, что передать начальнику?

Максим испытывает запоздалое удовлетворение — все ж таки он был прав в отношении Зачерия. К сожалению, об этом никто не узнает.

— Передай, пусть не волнуется, я скоро вернусь.

Бандиты хохочут.

— Смотри, Аслан, как бы не улетел из седла, — сквозь смех выговаривает Ибрагим.

Аслан садится на коня, Ибрагим и Зачерий подают ему связанного пленника. Аслан укладывает его поперек, животом на переднюю луку седла, голова и ноги свешиваются к стременам.

Выстрелы! Неужели свои? Изловчившись, Максим поворачивает голову назад, видит, как Ибрагим всаживает пулю за пулей в ухо зачериевской кобыле. Она валится

в траву, бьется в судорогах. «Коня подо мной убили»,— слышит он голос Зачерия, сообщающего начальству о происшествии. Все складно получается...

— Беги навстречу тачанке, — советует между тем Ибрагим Зачерию. — А еще лучше — ложись за кобылу и целься в меня. Жду сообщений о Рамазане, полковник торопит.

Он вскакивает на коня и мчится к лесу. Сзади гремят выстрелы — Зачерий разряжает свой карабин.

Подкатывает тачанка. Петру все ясно без слов.

— Зарвался Максим, ускакал! — вздыхает Зачерий.— А тут их десятка два... Добей коня, жалко. У меня патронов больше нет...

Петро разряжает обойму. Зачерий снимает с коня седло.

— Может, поищем Максима? — предлагает Петро.

— В лесу? — А из леса, словно в ответ: фьють, фьють... Пули ложатся совсем рядом. Бойцы бросаются на траву, Зачерий снова скрывается за трупом лошади. Петро вскакивает на тачанку, разворачивает пулемет. И вдруг со стоном валится на него.

— Отходи, — командует Зачерий. Теперь он старший.

Бойцы отползают к дороге. Зачерий вскакивает на тачанку, догоняет их.

— Садись на ходу! — дико орет он, нахлестывая лошадей. — Пуля — дура...

Тачанка несется к обозу. Здесь Петра перевязывают, укладывают на мешки с зерном. Обоз медленно движется к станции.

Той же ночью Зачерий по телефону доложил начальнику Максима о неприятном происшествии в пути.

— Где вы? — осведомился Сибиряк. — Можете зайти ко мне?

— Конечно. Я внизу, в секции.

— Напишите короткое объяснение и заходите. Жду.

Председатель укоризненно глядит на телефонную трубку. Черт побери, столько неприятностей в течение одного часа телефон еще не приносил никогда. Максим схвачен бандитами, наверное, тяжело ранен, живьем такого не возьмешь. Или попался в западню? А всего за сорок минут до звонка Зачерия докладывал командир продотряда. По его просьбе он побывал в караульном взводе Апзаура. Выяснил, что Фатимет, жена Османа, семь дней назад повезла сына Казбека двенадцати лет на станцию Энем, так как заподозрила, что мальчик за-

болел тифом. Петр Иванович сжимает ладонями голову. Телефонный звонок. Из ЧК сообщают, что Фатимет с мальчиком нигде задержана не была.

— Поиски продолжаются, — заверили в трубке. — Сказал ребятам, что дело касается Максима.

— Знаешь, Сергей, — очень тихо говорит Сибиряк, — теперь и сам Максим пропал. Приезжай-ка ко мне, заберешь одного прохвоста. Думаю, хорошая ниточка от него потянется. Побыстрее.

«Эх, — вздыхает он, повесив трубку, — предупреждал же Максим».

Сергей входит без стука.

— В горской секции этот типчик сидит, — говорит Петр Иванович. — Пишет объяснение. Пошли.

Но в горской секции Зачерия не оказалось. Пусто и в соседних комнатах. Дежурный милиционер вспомнил:

— Зачерий как будто прошел во двор.

Видел Зачерия и конюх. Только что, сию минуточку здесь был. Сел на свежего коня и уехал.

На всякий случай заглянули к Зачерию домой. Оставили засаду — авось рискнет наведаться.

После неудачных поисков Сибиряк возвращается в свой кабинет. Тупая боль вытеснила из отяжелевшей головы обычную ясность. Чудится, будто стоит он у телеграфного аппарата, провода которого подключены к его затылку. Морзянка непрерывно выстукивает: «Эх, предупреждал же... Предупреждал же...» Он подходит к окну, вглядывается в сверкающую огневым блеском Полярную звезду, думает: «Может, и Максим сейчас на эту же звезду глядит? Если так случится вдруг, что он на нее сейчас взгляд бросит, то удастся ему выскользнуть».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Конь пошел шагом, и одеревеневшее тело перестало беспокоить Максима. Улеглось, что ли? Или совсем потеряло чувствительность? Но, перестав ощущать свое тело, Максим с особой остротой воспринимал происходящее. Хлясь, хлясь... — то и дело доносится сверху. Максим знает, что это Аслан отбрасывает нагайкой ветви: тропка, видать, неширокая.

«Тук-тук-тук!» — долетает сбоку: это бедняга дятел в поте лица добывает хлеб насущный. Максим слышит, как шумит заплутавший в кронах ветерок, как испуганно вскрикивает какой-то зверек. А может, птица? Не зна-

ет этого Максим, редко доводилось ему просто так, для собственного удовольствия, по лесу расхаживать, приглядываться, прислушиваться, впитывать чужую жизнь.

Конь останавливается. Толчок — и Максим летит вниз, инстинктивно дергая головой, пытаясь предохранить ее от удара. Полет недолог, он шлепается на что-то мягкое. «На телегу швырнул, — соображает Максим. — С травой...» Часто и сильно моргая, трет слипшиеся глаза. Поворот головы, и он видит спешившегося Аслана, справляющего у повозки малую нужду. Конский топот. Максим слышит резкий голос Ибрагима. Слов разобрать не может. Почти тотчас защелкали винтовочные выстрелы.

«Появился Петро, — догадывается Максим. — Не дай бог в лес сунется, весь отряд погубит». Но перестрелка очень быстро прекращается, Максима снова приподнимают и поворачивают на бок. Приоткрыв глаза, он видит встревоженную физиономию Ибрагима.

— Ты меня не пугай, дорогой, — произносит Ибрагим, поймав взгляд пленника. — К Улагаю едем, а перед ним надо предстать в лучшем виде.

Он достал носовой платок, полил его чем-то острым, по-видимому спиртом из фляги, и обтер Максиму глаза, губы, все лицо, волосы. Резкий запах вызвал приступ кашля, и Ибрагим, придержав Максима за голову, помог ему усесться. Откуда-то взявшийся парень вскочил на передок.

Подойдя к своей лошади, Ибрагим достал что-то из-под седла. Максим разглядел свою буденовку. «Подобрал, черт», — удивился он. Ибрагим натянул буденовку на слипшиеся волосы пленника.

— Вот теперь ты на комиссара похож. Командующий любит, чтобы во всем порядок был. Комиссар так комиссар.

— Глаза завяжи ему, — напомнил Аслан.

— Э... — махнул рукой Ибрагим. — Пусть смотрит, назад другой дорогой отправим.

Аслан тронул коня. Вслед за ним идет подвода. Ибрагим, держа коня в поводу, не отстает от нее ни на шаг.

— Что бы ты со мной сделал, если бы поймал? — вдруг спрашивает Ибрагим.

Максим слышит звук голоса, но смысл вопроса до него не доходит. Он пытается мысленно проследить свой жизненный путь. От начала до конца. Да, именно до

конца, в этом уже можно себе признаться. Максим думает о Фатимет. Вдруг все же приедет женщина в город. А там что?

Максим чувствует себя виноватым перед Фатимет. Встреча с ней позволяет ему и сейчас, перед смертью, чувствовать себя счастливым.

— Ты что, заснул? — Максим приходит в себя от толчка в грудь. — Интересно мне, что бы ты сделал со мной, если бы поймал?

Дурацкий вопрос. Максим морщится.

— Отвез бы в город, на допрос.

— А потом? — допытывается Ибрагим. — Ведь я бы молчал.

— Это еще неизвестно, — вдруг оживляется Максим. — Может статься, и заговорил бы.

— Думаешь, иголок испугаюсь? — Ибрагим надменно фыркает.

— Чего? — не сразу соображает Максим. — Иголок? Ты-то хорошо знаешь, что мы этим не пользуемся. Сам бы заговорил.

— Врешь! — Ибрагим вскакивает на коня. — Перед смертью грех врать. — Он догоняет Аслана.

Повозка трясется по лесной дороге.

— Стой! — раздается все чаще.

— Ибрагим! — кричит Ибрагим. Его имя равнозначно паролю. Но вот, кажется, прибыли. Ибрагим соскакивает с коня, к ним подходят черкесы.

— Аслан, — просит Ибрагим, — развяжи его.

Скулы Аслана расходятся в улыбке, он принимается за Максима. Ворочая пленника, как бревно, освобождает от пут.

— Эй, человек! — кричит Аслан. — Это ты, Кемаль? Помоги поставить его на ноги.

Кемаль осторожно снимает Максима с повозки, пытается поставить на землю. Максим тотчас валится: ноги затекли, все тело пронизывает острая боль.

— Вставай, быдло! — Аслан бьет Максима сапогом в бок.

Максим пытается подняться, но снова падает.

— Подожди, — вмешивается Ибрагим. — Пусть отойдет.

— Придется нести его к Улагаю на руках, — хохочет Аслан.

— Полковник вернется через два дня, к тому време-

ни наш комиссар поумнеет. Пошли, Максим. Кемаль, помоги ему.

Кемаль втаскивает Максима в хибарку, которую до ранения занимал Крым-Гирей Шеретлуков. Здесь до сих пор пахнет духами.

— Чувствуешь, куда тебя поместили? — смеется Ибрагим. — Скажи правду, куда бы ты поместил меня?

— В ЧК найдут подходящее местечко, — отмахивается Максим. — Чего гадать, поживешь — увидишь.

Спокойствие Максима выводит Ибрагима из себя.

— Уж тебе-то до этого не дожить. Пусть только Улагай полюбуется на тебя, потом сам вздерну. Мы с большевиками долго не возимся, это тебе исключение делаем. Эй, Кемаль! Позови Аслана и возвращайся на пост.

Аслан появляется.

— Пришли кого-нибудь, пусть заколотит досками окна. Все-таки он не князь.

Через несколько минут раздается характерный звук — кто-то сбрасывает наземь доски. Подходит к дверям, равнодушно спрашивает:

— Забивать ровно или наискосок?

Неужели? Не может же он не узнать голос Ильяса. «Растрясет... — звучит в его ушах. — Давай уж лучше я тебя завтра сам довезу». Вот ты где, дружище.

— Забивай ровно, — откликается Максим. — А то вдруг перед смертью еще раз солнышко увижу — не дело.

Ильяс замирает на месте. Выдержки у него куда меньше, чем у Максима. «Максим! — едва не срывается с его уст. — Максимка, брат!» К горлу подкатывает ком, джигит готов заплакать. К счастью, подает голос Ибрагим:

— Можешь наискосок заколачивать, я его все равно свяжу.

Максим прислушивается: ему хочется снова услышать голос Ильяса. Пусть хоть слово скажет, и Максим поймет, узнал его Ильяс или нет. Тишину нарушает глубокий вздох. Затем раздается неуверенный удар молотка. Узнал!

От этого становится веселее. «Теперь умирать легче будет. Можно будет сказать ему, чтоб спокойно возвращался домой. И попрошу его помочь Фатимет. Пусть отвезет ее с Казбеком в город. Там товарищи ее устроят. Может, еще встретит хорошего человека». Это предположение заставляет его сморщиться, словно от боли.

Ильяс не спеша вколачивает гвозди в оконный переплет.

— Что ты копаешься! — ругается Ибрагим. — Не на века.

— Темно, по пальцам бью, — бурчит Ильяс.

Он все еще никак не может прийти в себя. Конечно, Максим его узнал. Надо поговорить. Теперь уж не до «языка», припасенные кони могут сослужить куда лучшую службу. Кряк. Опять по пальцу! Ильяс громко, сочно ругается. Ибрагим хохочет:

— Подержим героя тут два дня, покажем зиусхану и вздернем. Я уже и сучок подходящий присмотрел. Послушай, Максим, — вдруг вспоминает он, — ты почему не стрелял в меня? Растерялся?

— Сказал бы, да не поймешь, — возразил Максим.

— А вдруг да и пойму! Тебя-то сумел перехитрить.

— Сумел. Только разговаривать нам не о чем. Ты — цепной пес Улагая, его лакей. Если бы ты был самим собой, мы бы еще поговорили, а так только зря время потеряем.

— Врешь! — хрипит Ибрагим. — Нарочно оскорбить хочешь за то, что умнее тебя. Злой человек. Эй, часовой! Осмотри замок, окна, все углы. Ходи тут, охраняй, за арестованного головой ответишь. А ты чего тут торчишь? — напускается он на Ильяса. — Сделал дело — и проваливай ко всем чертям.

Ильяс уходит. Появляется, когда на пост заступает Кемаль. Они успели переговорить. Ильяс подползает к окну.

— Максимка... — шепчет он.

— Ильяс... — так же тихо откликается Максим. Он рад: сумеет передать другу все, что нужно. — Ильяс, смело возвращайся в аул. Был там. Дарихан трудно с детьми...

— Зачем так говоришь? — обижается Ильяс. — Совсем нехорошо говоришь. — Выходит, ты мне не веришь? Я к тебе в город ехал, за правдой, наскочил на Зачерия. Ты в Хакурин уезжал. Теперь мы вместе. И будем вместе. Теперь молчи и жди.

Максим пристыженно умолкает.

«Ловко работает этот Зачерий, — думает он. — Знает, на чем играть. Больше всех хлеба давал, а это сейчас — основная мерка. Вернется сегодня с обозом, сострoит горестную мину и скажет: хлеб привез, Максима потерял.

Судите. И снова прав будет. Ведь весь отряд видел, как я погнался за бандитом».

А что же делать? Не доверять? Тогда, выходит, никому доверять нельзя. Вон бывший корнет Махмуд в военкомате работает, государственные секреты ему доверены. Выходит, и его на подозрении держать надо? Или того же Рамазана? Но у каждого большая, самостоятельная работа, люди непрерывно разъезжают по аулам, с сотнями мужчин и женщин встречаются, за каждым их шагом все равно не уследишь. Если уж захочет человек вильнуть в сторону, то улучит подходящий момент, как за ним ни приглядывай.

Что ж, на месте Петра Ивановича и он бы, пожалуй, верил только фактам.

Ибрагим, имевший все основания быть довольным собой, был, как ни странно, не в своей тарелке. «Лакей, ничтожество! — гневно повторял он. — Это я — лакей?» Стал вспоминать, какие сложные дела проворачивал, и во взгляде вспыхнуло искреннее негодование. «Унизить меня хочешь? Обидно, что попался, как воробей на мои крошки», — бормотал про себя.

Странным, непостижимым образом получается так, что мысли о Максиме тотчас же вызывают воспоминание о Бибе. Почему-то эти два имени в его сознании связаны неразрывно. Засела девчонка в сердце шрапнельным осколком, вспоминается такой, какой видел ее в последний раз, — в изодранном на ленточки платьице, с голыми, дрожащими ногами, с лицом, искаженным ненавистью. «А девка — не найдешь больше такой, не было и не будет...» Вздохнув, идет к Аслану. Тот чистит маузер.

— Выпьем? Аллах простит — такая удача. Бывали успехи, чего скрывать, но захватить живьем грозу бандитов...

— А то? — по-лошадиному вскидывает голову Аслан.

Лишний, мол, вопрос: они всегда напиваются, когда отлучается Улагай. По случаю поимки такого крупного зверя открывают коньяк Шустова. Ибрагим справедлив: первый бокал выпивает за Зачерия — ведь это он заманил птичку в силки.

За окном раздаются чьи-то шаги. Ибрагим, вздрогнув, едва не роняет бутылку: показалось, будто возвратился Улагай. И вдруг ловит себя на мысли, что точно так же испугался бы нежданного появления господина и лакей, шарящий по господским кладовкам. Что-то сегодня не

пьется. Аслан хлещет стакан за стаканом, а Ибрагим только угощает: пей, мол, у нас этого добра хватает.

— Смотри, как бы Кучук не заметил утечку, — по-дружески советует Аслан. Раньше Ибрагим только хмыкнул бы в ответ, теперь же разражается бранью.

— Ты что, воображаешь, будто я лакей?! — орет он. — Ошибаешься! Я человек самостоятельный, мне Улагай — вот что...

Ибрагим смачно плюет и растирает плевок ногой.

— Ну ты не разоряйся, — начинает сердиться Аслан. — Что-то ты в последнее время на хозяина лаять начал. Вспомни, что делают с собакой, когда она бесится.

А, он собака! Ибрагим бросается на Аслана: получай, сволочь... Но выполнить намерение не удается. Длинная рука Аслана оказывается перед лицом Ибрагима. Лицо и кулак встречаются. Ибрагиму становится больно.

Аслан укладывает собутыльника на топчан, в одиночестве допивает остатки и уходит спать. Просыпается от дикого вопля:

— Аслан, русский сбежал!

Вместе с Ибрагимом осматривают злополучный домик. Запор выломан, дверь аккуратно прикрыта.

— Кто стоял на посту?

— Кемаль. Его нет нигде.

— Кого еще нет? — уточняет Аслан.

Лагерь поднимается по тревоге: выстраиваются все, включая поваров: поверка. Нет Ильяса.

— У, собаки! — скрежещет зубами Ибрагим. — Догнать!

Но где искать беглецов, если они ни через один пост не проходили? У леса сторон много. Ибрагим лихорадочно соображает, дороги секунды.

— Из какого аула Ильяс? — спрашивает он.

— Оба из Адыгехабля, — отвечает кто-то.

Ибрагим снаряжает в погоню две группы, направляет их напрямик через лес в ту сторону, где предположительно должен быть Адыгехабль.

— Заметите, не выпускайте живыми, — предупреждает он.

Преследователи скрываются в темноте.

— А я возьму несколько всадников и попытаюсь перехватить их при выходе из леса, — говорит Ибрагим Аслану. — Если недавно ушли, то нескоро дойдут до дороги.

Только ночью в лесу не разгонишься. Сколько ни тереби повод, конь плетется шагом. А до опушки не близко. Покачивается в седле Ибрагим и думает: «Как это Максиму убежать удалось? Не может быть, чтобы за час обработал Кемаля или Ильяса — у человека от Алхаса оружие за храбрость». Ибрагим останавливается у часовых, расспрашивает, не слышал ли кто подозрительного звука? Да кто признается!..

«Эх, какая досада, — думает он. — Хотел преподнести Кучуку подарок, а что вышло... Лучше бы прикончил его там, в лесу».

Рассветает, а до опушки еще далеко. Теперь можно пришпорить лошадей. Во время скачки мысли в голове не плывут, а прыгают, как мячи. Всадники влетают на опушку и берут влево. Но поздно. Тихо кругом. Ибрагим возвратился в лагерь, когда солнце уже стояло над лесом. И сразу увидел — случилось что-то чрезвычайное. Лошади оседланы, подводы нагружены всяким барахлом, люди стоят у пулеметов.

— К Улагаю! — кричит кто-то Ибрагиму.

Улагай стоит на крыльце своего дома, за ним, у дверей, Аскер. А Улагай насуплен, по лицу мечутся желваки.

— Упустил, мерзавец! — выкрикивает Улагай.

— Не удалось догнать.

— Не удалось? Пропьянствовал, мерзавец! И меня не предупредил! Никого не выслал навстречу! Ведь тут уже могли быть красные! Чудо, что их еще нет! Предатель!

Улагай делает шаг вперед, щеку Ибрагима обжигает удар.

Ибрагим закусывает губу, опускает глаза. Виноват.

— На первый раз прощаю, — бросает Улагай. — Останешься при мне. Разбиваемся на группы, занимаем до ночи круговую оборону в лесу. Ночью перебазируемся. Маршруты сообщу командирам групп.

Ибрагим не знает, что делать. Он чувствует на себе насмешливые взгляды людей, которые еще вчера глядели на него с завистью. Впрочем, вчера и он не почувствовал бы всего позора этой пощечины, но сегодня... В ушах звучит брань Максима: «Лакей».

«Пожалуй, даже не лакей, а просто ничтожество, — думает Ибрагим, следуя за Улагаем. — Смелый, отважный Ибрагим! — издевается он над собой. — Смел перед беззащитной девчонкой».

— Ибрагим, — бросает Улагай. — Я буду на своем месте. Проверь всю оборону. Начни с наблюдателей.

— Есть! — едва слышно отвечает Ибрагим. Голос его дрожит.

«Погорячился, — думает Улагай, глядя ему вслед. — Перехватил. Теперь смотри, как бы нож в спину не всадил». Да, момент критический, сейчас все смотрят на командующего. Нужна выдержка. Да где ее наберешься, этой выдержки, если все летит ко всем чертям. Агент Врангеля, с которым он встречался на побережье, показал ему копию телеграммы на имя Ленина. «Ни одного солдата Врангеля на Кубани нет. Банды генералов Фостикова, Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Серго Орджоникидзе».

Улагай чувствует — и его вина есть в этом большом поражении. «Вина... — твердит он себе. — Вина или беда?» Нужно наконец разобраться в этом. Разве мог он подумать, что бойцы его охраны способны освободить большевистского комиссара? Что-то происходит с черкесами. Они начинают забывать слова пророка Магомета, отступают от шариата. Пропасть между ними и большевиками исчезает словно бы сама собой. По мосту, переброшенному русскими, с каждым днем валит все больше народу.

— Ну что ж! — На побелевшем лице Улагая появляются красные пятна. — Пусть пеняют на себя: «главарь» свое слово скажет

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Быть может, не удалось бы беглецам ускользнуть от погони, если бы Кемаль не ухитрился вечером обмотать копыта лошадей мешковиной. Так они и дожидались седоков.

Прежде чем сесть на коня, Максим обнял Ильяса. Кемаль отвернулся: эти русские не умеют себя вести. Дорога каждая секунда, а он нюни распускает. И Ильяс хорош — вместо того чтобы поставить парня на место, хлюпает носом. Кемаль вскакивает на коня, отвязывает карабин, щелкает затвором, но все это не производит на друзей ни малейшего впечатления.

— Как будем ехать? — громко спрашивает он, чтобы напомнить товарищам, что дорога каждая секунда. Вопрос, впрочем, весьма существенный. Ночью по дороге

продвигаться опасно — в любой момент можно напороться на чью-либо засаду. Но еще опаснее выжидать в лесу.

— Будем пробираться в наш аул, — предлагает Ильяс. — Бело-зеленые нас не тронут, а красные тем более.

— Теперь мы разноцветные, — шутит Максим. — А знаешь, Ильяс, кто в Екатеринодаре? Спаситель наш, Ермолай.

— Ермил? — заулыбался Ильяс. — Что делает?

— Деревяшку обстругивает пока что.

— Зачем деревяшку обстругивает? — недоумевает Ильяс.

— Вместо ноги. На польском фронте оттяпали. Как подлечится, возьму к себе ездовым. Верный человек, с таким в огонь и воду.

— Если б не он... — Ильяс не договаривает.

Потом они рассказывают друг другу о своих злоключениях.

— Теперь оба умнее будем, — делает вывод Максим.

— Поддадим? — предлагает повеселевший Ильяс: после исповеди ему становится легче.

Они переводят коней на рысь. Поднимается солнце. Максим поглядывает на изогнутую спину Ильяса и улыбается. Старый друг, говорят, лучше новых двух. Но и новый друг порой оказывается незаменимым.

— Нужно сделать остановку, — слышится голос Кемаля.

Доскакав до какого-то полуразрушенного сарая, Кемаль спешивается. Они следуют его примеру.

— Посмотри на себя, — советует он Максиму. — В таком виде тебя и красные, и бандиты задержат.

Оглядев себя с ног до головы, Максим погрустнел. Английский френч, уже давно потерявший свою былую респектабельность, весь в клочьях, на груди — бурые пятна и сгустки запекшейся крови. На галифе целы только хромовые нашлепки. В относительном порядке лишь буденовка да сапоги.

— Удивительно, что карманы не вывернули, — вдруг вспомнил он. — Кое-что любопытное нашли бы там. Еще одна наука: не носить с собой то, чем может заинтересоваться враг.

— Бери мою черкеску, — предлагает Ильяс. — Или бешмет.

— Зачем человека раздевать? — возражает Кемаль. — У меня в мешке обмундирования на целое отделение хватит.

Нарядная коричневая черкеска с блестящими газырями и диагоналевые галифе преобразили Максима. Очистив карманы френча, он бросил его на терновый куст. За ним последовали и заморские галифе.

— Вот теперь тебя каждый своим считать станет, — самодовольно замечает Кемаль.

Так никогда и не узнает Максим, что наряд этот Кемаль мечтал подарить отцу. Полтора года возил в тороках.

И снова пылят по степной дороге, растянувшись гуськом, — так безопаснее: ни спереди, ни сзади не застигнут врасплох. Внезапно Ильяс придерживает коня — ждет Максима.

— Послушай, Максим, — шепчет он, дрожа от возбуждения. — Давай возьмем аульский отряд и нагрянем на штаб. Может, Улагая сцапаем. А?

— Улагай не глупее нас, — расхолаживает его Максим. — Штаб уже меняет место. Долго ли? Отойдет на пять верст в сторону, и нет его: лес не окружишь. А пока мы на пустое место будем нацеливаться, Алхас с аулом разделается, как волк с ягненком.

Бандит, как говорится, легок на помине — впереди слева надвигается туча «алхасовского» леса. Вдали маячит группа всадников. Похоже, что сейчас они пустятся наперерез. Так и есть, скачут.

— За мной! — командует Ильяс. — Не отставать.

Бандиты — их человек десять — на дороге. Ильяс несется прямо на них.

— Салам! — кричит он. — Как дела?

Кто-то его узнает.

— О-у-а, Ильяс! Куда?

— Языком болтуна пирог начинили. Что впереди?

— Возле аула красный патруль. Иногда выходят на дорогу, — объясняет один. — На всякий случай запомни их пароль: «Мушка».

— Спасибо, друг. Привет Алхасу. Скоро загляну к вам.

— Сам приветствуй его, может, тебя и не хлестанет. А что, у вас и русские? — Он во все глаза разглядывает Максима.

— У нас всякие, — вмешивается Максим. Его смешная адыгейская речь вызывает улыбки.

— И бабы есть?

— Только для начальства, — отшучивается Ильяс.

— Чтоб оно подохло, это начальство, — заключает

бандит. — Будь здоров, Ильяс, заезжай на обратном пути. Постой-ка... — Он тихо спрашивает: — Ты там в штабе не слышал, когда все это кончится?

Ильяс не знает, что сказать.

— Улагай говорит — вроде бы скоро. А там — кто его знает. Не верится...

— Улагай... — еще тише шепчет бандит. — Ты в горах был? А не пробовал яйцом гору пробить? Ну попробуй. Заезжай, поговорим. Тут у нас некоторые ребята толкуют, что, если ночью пойти домой, красные ничего не сделают.

— Это точно, — подтверждает Ильяс. — Верно, Максим?

Максиму нравится эта игра. Он лезет в карман черкески, достает изрядно потертую бумажку.

— У вас там грамотный найдется?

— Я сам грамотный, — хвалится бандит. — Сохтой был.

— Тогда прочитай. Только Алхасу не показывай.

— Разболтались, — ворчит Кемаль. — Время не ждет.

Он боится, что погоня их настигнет в этом неподходящем месте. Сцапают — карабина поднять не успеешь.

Чем ближе аул, тем сильнее пробивается в каждом из них дикая сила, порожденная радостью. Она захлестывает сознание, не дает возможности сосредоточиться на какой-то мысли. Все путается в голове. Даже выдержанный Кемаль, не подозревая того, улыбается и довольно громко беседует сам с собой. Ильяс, наоборот, с каждым шагом становится все бледнее. Вдруг он придерживает коня, вглядывается. В едва различимых точках на повороте к аулу он узнает земляков.

— И Умар с ними! — отчаянно выкрикивает Ильяс и вдруг бьет каблуками коня и уносится, оставляя за собой перекатывающуюся гору пыли. И от группы отделяется всадник. Расстояние между ним и Ильясом быстро сокращается. Теперь Максим узнает: это Умар. Вот они съехались, соскочили с лошадей, обнялись...

Так же горячо обнимает Умар Максима и Кемаля. Синий шрам на его лице розовеет, глаза увлажняются.

— Пора домой, — произносит Ильяс. Развязав вещевой мешок, достает свою видавшую виды буденовку.

Вскочив на коня, приосанивается: в буденовке он кажется выше, стройнее, мужественнее. Так и въезжают в аул — четверо в одном ряду. В центре — двое в буденовках, справа и слева — молодцы в папахах. Кони ступают

мелким шагом. За плетнями, словно по сигналу боевой тревоги, выстраиваются папахи и платки. Аул взбудоражен. И вскоре в саклю Ильяса набивается столько народа, что кажется, ветхая глинобитная постройка не выдержит, раздастся в стороны.

— Вовремя пришел, — радуется Мурат. — Научишь моих с пулеметом обращаться. Если бы пулеметчики умели устранять неисправности, не потеряли бы мы столько людей в бою с Алхасом. А то как что заест, ну малейший пустяк, пулемет хоть выбрасывай.

— Научим, — подтверждает Ильяс. — Вечером и начнем.

Максим прощается — ему необходимо спешить в город. На прощание Ильяс снимает с себя маузер.

— Возьми, — протягивает он оружие Максиму. — Памятное: Алхас вручил. Это тебе за наган.

У дверей с тяжелым свертком топчется Дарихан.

— Максим, — говорит она смущенно. — Ты сказал, что проведаешь Ермолая. Передай, пусть скорее поправляется. И это...

Почти половина отряда с пулеметами, в боевом порядке провожает Максима.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Выдержке Петра Ивановича мог бы позавидовать любой черкес. Максим не помнит, чтобы его начальник когда-либо сорвался на крик, унизил человека словом, позволил себе какую-нибудь бестактность. Выразительное крупное лицо Сибиряка могло являть беспокойство и равнодушие, заинтересованность, понимание, страдание и многое другое, но никто никогда не видел на нем выражения брезгливого недовольства, самоуверенности, чувства превосходства над собеседником, в общем какого бы то ни было проявления самодовольства. Чужда была этому человеку и растерянность. И все же Петр Иванович растерялся, когда в его слабо освещенный сорокасвечовой лампочкой кабинет вошел Максим. Настойчиво прививая своим подчиненным, то и дело попадавшим в сложные переплеты, мысль о том, что безвыходных положений нет, доказывая это многочисленными примерами, он в то же время понимал, что такие положения все же имеются.

«Что бы ты предпринял на его месте, как бы поступил сам?» — одергивал он себя всякий раз, разбирая

чью-либо ошибку или неудачу, выискивая причины провала какой-либо операции. Поставив себя на место Максима, Петр Иванович не нашел в его поведении ни одного просчета. Он сам на его месте действовал бы точно так же. Выполнил бы приказ начальника — отправился сопровождать обоз, бросился бы вдогонку за Ибрагимом, стараясь взять его живьем. Оказавшись во власти Улагая, достойно встретил бы свой последний час — ведь не для того Улагай пожертвовал таким важным агентом, как Зачерий, чтобы поглядеть на Максима. Зверь бросается на охотника с одной только целью — избавиться от преследователя.

Все взвесив, он понял, что надежд на возвращение Максима нет и что ответственность за гибель этого сотрудника падает только на него. Караульный взвод отлично справился бы с сопровождением обоза и без Максима. Такое поручение он мог получить только попутно, между прочим. Выходит, Зачерий его перехитрил. Узнав о маршруте максимовского отряда, подготовил «хлебную ловушку». И попал в нее, конечно, он, Сибиряк, а не Максим. Правда, допрос Алия показал, что Максим имел основание насторожиться, проявить больше бдительности, но тут нельзя не учитывать и его душевного состояния.

Войдя, Максим сказал: «Здравствуйте, Петр Иванович» — и остановился в дверях. Потому и не заметил несвойственного начальнику выражения. Неожиданная радость озаряла лицо Петра Ивановича, когда он, отшвырнув стул, в два прыжка оказался около Максима. Притянул к себе, обнял, похлопал по спине.

— Эге, даже с трофеями! — восхищенно протянул Сибиряк, дотрагиваясь до маузера.

— Чужие... — смущенно возразил Максим. — Подарок Ильяса.

— Ильяса? — глядя Максиму в глаза, переспросил Петр Иванович. — А ну-ка покажи.

Он быстро оглядел деревянную ложу маузера, нашел слева то, что искал, покачал своей красивой головой.

— Видишь? Тавреный... — На ложе были выжжены инициалы: «Н. А. Н.». — Матросик наш один со своим отрядом в засаду попал. Николаем звали. Горячий был человек. Большая история у этого маузера, не зря он у тебя оказался, Максим. Ну, докладывай...

Ему понравилась откровенность, с которой Максим

сообщил о предупреждении Алия. Без самобичевапия, без слезы. Промахнулся... И без клятв насчет будущего.

— Дома еще не был? — спросил Петр Иванович. — Ясно.

Максим вздрогнул: неужто приехали? Непохоже, Петр Иванович не стал бы тянуть с такой новостью. Что-то случилось?

— В больнице они, — подтвердил догадку Сибиряк.— Казбек сыпняк подцепил, их прямо с вокзала повезли в бараки. Она с сыном осталась, ухаживает. Вот такие дела. Утром поедешь к ней, повидаешься. Только, дорогой, потерпи пока с новыми объяснениями, не до того ей. А сейчас, если не очень устал, помоги нашим чекистам. Проинформируй их, посоветуй. Без тебя они Зачерия не сцапают, а нам бы не мешало встретиться с ним.

Энергично прокрутив ручку телефона, Петр Иванович соединился с начальником ЧК.

— Сергей? Дорогой мой, у меня радость. Нет, не угадаешь. Максим вернулся. Целехонький. Жду.

— Петр Иванович, — попросил Максим. — Может, можно в больницу позвонить? Мальчонка как там?

Сибиряк пошарил глазами по столу, достал листок.

— Наши ребята интересуются, смотри вот...

Постеснялся сказать, что сам каждый вечер с врачом разговаривает, температуру записывает. Не сказал и о том, что уже решил было взять Казбека на воспитание — должен же кто-то сделать то, что не успел Максим!

«Перегудов Казбек, — прочитал Максим на листке.— Температура...»

— К кризису дело идет, — пояснил Сибиряк. — Но мальчишка крепкий, доктор на него надеется. И мать тут же...

Без стука вваливается начальник ЧК Сергей Александрович. Под кепкой — веселые глаза, пиджак нараспашку, под ним, на офицерской гимнастерке, — портупея с наганом и планшет. Двумя пальцами ухватил Максима за щеку, треплет, как мальчишку.

— Придется еще раз все рассказать, — просит, словно извиняясь. — Только подожди минутку, сейчас наши ребята зайдут.

Входят Геннадий и еще двое. У Геннадия в руке огромный чайник, из носа которого, будто из парового котла, бьет пар. На столе появляются буханка черного хлеба, кружки, селедка, несколько кусочков сахара. Генна-

дий трясет Максима так, будто надеется, что с него посыплются яблоки.

— Хватит, дорвался, — смеется Сергей Александрович. — У него от этих нежностей вот-вот язык вывалится.

Обжигаясь кипятком, пьют чай с хлебом и селедкой. Сергей Александрович достал из планшета карту.

— Рассказывай все по порядку: где, что, как?

Рассказ Максима нетороплив. Он старается не упустить ни одной подробности. Склонившись над картой, все молча слушают. Геннадий развернул план Екатеринодара.

— Смотри, сколько явок Зачерия засекли, — обратился к Максиму Сергей Александрович. — А самого никак не схватим, даже не вышли на него. Что ж, сейчас проверим Сулеймана.

Происходит короткий обмен мнениями.

— И все же, — заключил Сергей Александрович, — думаю, что теперь Зачерий скрывается не в городе. Где-то в радиусе десяти — пятнадцати верст.

— Ночной бросок? — уточнил Сибиряк. — Наиболее вероятно.

Сергей Александрович звонит в гараж.

— Пошли, — приглашает Максима. — Довезу.

— Спасибо, я здесь заночую. Утречком — в больницу.

— А... — улыбается Сергей Александрович. — Это Генке спасибо скажи, все заразные бараки сам осмотрел, чудом нашел — ведь этот чертенок Перегудовым назвался, а его мать вообще нигде не записана — оставили с сыном, и рада. Пошли, Гена.

— Я останусь, — смутился Геннадий. — Утром покажу, где что.

— Вызовешь дежурную машину, — разрешил начальник.

Когда за начальством захлопнулась дверь, Максим погасил в кабинете свет. Сбросили сапоги, валетом улеглись на диване, оказавшем упорное сопротивление всеми своими выпирающими пружинами.

— Ну говори, — просит Максим.

— Выбор одобряю, — откликается Геннадий. — Ведь я ее еще с волосами видел, нестриженую. Но и так хороша.

— Постригли? — ужасается Максим.

— С сыпняком шутки плохи, — бросает Геннадий.

Он тут же спохватывается, но поздно. Максим вскакивает на пол, его босые ноги шлепают по доскам. Минуту назад он был счастлив, ему казалось, будто главные беды позади — пройдет день-другой, и он встретит у ворот больницы Казбека Перегудова и Фатимет. Но радоваться рано.

— Максим, — пытается успокоить товарища Геннадий. — Почти все выздоравливают, сейчас лекарств достаточно.

— Ладно, спи, — вздыхает Максим. — Понимаю все — сыпняк!

Босые ноги шлепают все медленнее и наконец останавливаются у окна. Прижавшись лбом к стеклу, Максим вглядывается в темноту. Но в эти предутренние часы она непроницаема для глаз.

Подумалось, что личное счастье его — как та ночь за окном. Сильно он обиделся на Фатимет в ночь их расставания. Поостыв, поклонился мысленно непреклонной ее верности.

Геннадий, к счастью, уже спал. Максим улегся с краю и под свистящее посапывание молодого чекиста неожиданно заснул. А проснулся так, будто его окликнули — громко, по имени. В комнате светло, Генка все в той же позе — на боку, за окном шумел каштан. «Казбек Перегудов» — вдруг мелькнула перед глазами увиденная накануне запись. На душе стало легко, и он снова поверил в свое счастье.

Жаль будить Гену, но новый день не ждет. Пока они умывались, подошла машина с открытым верхом. Впервые в жизни уселся Максим в легковушку — все в грузовиках приходилось трястись.

Оставив машину на шоссе, они через пустырь пробрались к группе окруженных высоким частоколом строений.

— Больше выдержки, — роняет Геннадий. — Учись, ведь к нам переходишь.

— Откуда знаешь?

— Сергей Александрович сказал вчера. Такого, как ты, он не упустит. Погуляй, а я зайду к начальству. Они здесь, сам понимаешь, не очень любезны.

Максим топчется у ворот, в которых доски заменяет колючая проволока. Сквозь нее виден поросший травой двор с разбегающимися к баракам тропинками. На одной из них показалась женщина в косынке. Бежит, придерживая руками развевающиеся полы халата. У ворот хва-

тается за проволоку. Большие глаза, как чаша, полна горя. Она вглядывается в глаза Максима, молчит.

— Фатимет, как мальчик?

— Он о тебе спрашивает, Максим, ему с каждым днем хуже.

Максим гладит тонкие пальцы на проволоке.

— Максим, он может сгореть. Если бы я могла, принесла бы его сюда — он не поверит, что ты приходил.

— Подожди! — Максим бежит к машине, долго уговаривает Геннадия. Возвращаются вдвоем. Геннадий машет рукой Фатимет и скрывается в конторе.

— Какие у тебя друзья, Максим!

Максим сжимает тонкие пальцы на проволоке.

— Как он заболел?

Фатимет рассказывает...

— Сюда, Максим. — Из окна конторы высовывается голова Гены.

Врач разглядывает Максима, недоверчиво спрашивает:

— Вы — отец Казбека?

— Да!

Врач снимает с вешалочки-катушки халат, протягивает ему.

— Пять минут, не больше. Ни за что не хватайтесь, к больному не подходите...

— Все будет в порядке, — успокаивает врача Геннадий.

Во дворе Максим окликает Фатимет:

— Пошли...

— Ой, Максим... Ты не знаешь...

Барак, душный запах карболки, стриженая головка на соломенном тюфяке. И на весь барак отчаянный, бредово-счастливый крик:

— Максим! — Казбек пытается вскочить на ноги.

— Лежи, Казбек, меня пустили с условием, что ты будешь вести себя спокойно. Ты должен обязательно выздороветь.

— Я выздоровею, — обещает Казбек.

— А я буду ждать тебя у ворот. Ты это знай: я буду ждать. Пока ты не выздоровеешь, я никуда не поеду.

— Жди, Максим, я обязательно выздоровею.

Потом они занимают старую позицию — он за воротами, она — у ворот. Подходит врач.

— Фатимет, пора. — Максима он не замечает.

— Мне пора, Максим, я ведь тут работаю. Няней...

Если тебе некогда, не приходи. Теперь Казбек будет делать все, что нужно. Он ведь боялся, что ты забыл его.

— Придет же такое в голову, — бормочет Максим.

Она убегает — тоненькая девочка с большими глазами, в которых сквозь горе пробивается искорка надежды. Но Максим понимает: все ее мысли — о сыне.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Улагай впервые осматривает запасный лагерь. В домике командующего три крошечные комнатушки, включая переднюю, добрую половину которой занимает топчан дежурного. В спальне — шкафчик, тумбочка, солдатская железная кровать с соломенным тюфяком, в кабинете — стол и стулья. Бревна хатенки оклеены аляповатыми обоями. «Видимо, подбирал Аслан», — морщится Улагай. Остальные помещения — крохотные срубы с подслеповатыми оконцами, даже без тамбуров. Во всю длину нары, столик, табуретка, а то и просто одни нары.

«Бедновато. Впрочем, приемы они здесь устраивать не намерены, обойдутся», — думает Улагай.

Он заглядывает на кухню. О, у них целые хоромы: рядом с комнатой, в которой выложена плита, — небольшая столовая, к ней пристроено жилье для поваров. Видимо, сами старались.

Улагай входит в жилую комнату. Двое сидят на полу, хлопая картами. Увидев начальника, вскакивают.

— Вольно, — командует Улагай. — Сколько вас на кухне?

— Двое, зиусхан, — докладывает старый знакомый Улагая, прислуживавший ему еще в корпусе толстяк Кадырбеч. — Третьего не подобрали. — Масляные глазки его оживляются. — Я все попросить хочу, да не решаюсь...

— Ну давай, — снисходительно разрешает Улагай. Ему нравится, когда подчиненные робеют перед ним: на таких можно положиться.

— Есть на примете повариха. Королева... Двести блюд знает, и сама... — Кадырбеч подносит пальцы ко рту.

— Как же вы тут? Все вместе?

— А что? Она согласна, и мы согласны. Впереди зима, до аулов далеко, да и уходить нельзя.

Улагай в затруднении. Ему не хочется отказывать, но и разрешать нельзя — слишком велик соблазн для ос-

тальных. Офицеры начнут наведываться, охрана, могут возникнуть поводы для междоусобиц.

— А что другие скажут? — колеблется Улагай.

— Зима идет, — не отступает повар. — Людям скучно будет. Ведь до весны все равно без дела. Охрана хочет попросить разрешения прачку нанять. У нас — своя, у них — своя...

— Ну что ж, — решается Улагай. — Но чтоб порядок. Без драк. И это... чтоб здоровая была.

Улагай все еще колеблется: присутствие женщин может отрицательно повлиять на дисциплину. Но в то же время люди всю зиму проведут без дела, взбеситься можно. Он-то сам будет время от времени проветриваться, а им запрещено покидать территорию штаба. Как бы не разбежались. Он лично инструктирует Аслана насчет женщин. Прежде всего пусть убедится, что они не связаны с ЧК, — сейчас ни на кого надеяться не приходится, даже на проституток.

Агенты ЧК все чаще будоражат воображение Улагая. Раньше он о них и не вспоминал, но после бегства Максима сон его стал неспокойным. А что, если у Ильяса остались в охране дружки? Ночью свяжут и приволокут в ЧК. Помогли же они Максиму. Не нравится ему и то, что Зачерий перешел на нелегальное положение. Умен он, правда, и проницателен, но тем и опасен: уж если попадется — продаст, не торгуясь.

Улагай усилил слежку: пусть наблюдают друг за другом и докладывают обо всем подозрительном. За Ибрагимом наблюдает Аслан. Жалкий холуй, вообразил, будто действительно незаменим. Впрочем, определенные трудности в связи с отстранением Ибрагима имелись. Взять хотя бы денежные дела. Или переговоры с членами горской секции, которые Улагай хотел начать немедленно. Ибрагима он уже натаскал, а Аскеру еще учиться и учиться. Нет, нельзя сразу отталкивать Ибрагима. Пожалуй, лучше всего назначить его начальником разведки. А живет пусть вместе с Асланом, тогда в прихожей командующего расположится адъютант Аскер.

Ибрагим принимает назначение спокойно — ведь и раньше он занимался разведкой. Что ж, еще лучше, совмещать обязанности разведчика и лакея очень трудно. Лучше что-нибудь одно...

Шеретлуков, как и прежде, шутит, смеется, но Улагай заметил: после ранения он уже не тот. Со здоровьем

как будто все в порядке. Что же? Надо выяснить. «Кое-что уточнить» хочется и Шеретлукову, и он заводит с Улагаем откровенный разговор.

— Я хочу потолковать с тобой, Кучук, — говорит он, усаживаясь. — Мне не все ясно.

— Ну говори. — Улагай щурится. — Высказывайся.

— Ты видишь, что творится кругом, Кучук?

Улагай смотрит в окно. По стеклам сбегают крупные капли — октябрь разразился дождями, с минуты на минуту жди снега. Слева — домики, за ними угрюмо темнеет лес. Справа — горы, они сливаются с облаками. Наступать — налево, бежать — направо.

— Да, погодка убийственная, — роняет он.

— Я имею в виду не погоду, — уточняет Шеретлуков. — Не будем играть в прятки — восстание наше провалилось.

— Восстания не было! — Улагай гневно смотрит на Шеретлукова. — Ты ведь знаешь, что не было.

— Уж я-то знаю, что произошло, Кучук. Восстания не было, твоя правда. Но ведь сигнал к нему был. Восстание провалилось, нас не поддержали люди. И если мы — трезвые политики, то должны учитывать факты и делать из них выводы. Наша цель уничтожить Советскую власть и вернуть старые порядки. Но в состоянии ли мы это сделать? На что ты рассчитываешь? Не лучше ли нам тихо уйти со сцены, пока не занят запасный выход?

Улагай собирается с мыслями. Нужно ошеломить словами.

— На народ рассчитываю, — говорит он. — И на Советскую власть.

Шеретлуков поднимает глаза — в них насмешка.

— Это требует уточнения.

— Ты вот, князь, думаешь, что мы проиграли. Плохой ты, друг мой, политик. Неужели не видишь, что время работает на нас? Адыги никогда не смирятся с новыми порядками! Советская власть сама себя изживет. Все эти продразверстки, аресты, репрессии... Поймут почем фунт лиха, созреют. И тогда...

— Да, — подтверждает Шеретлуков. — Продразверсткой люди не довольны. Но... везут же хлеб. Продразверстка, кстати, была и в дни нашего восстания.

— Тогда все смотрели на десант. Если бы Врангель не пожадничал с войсками, все пошло бы по-другому. Зря рисковать своей шкурой никто не желает.

— Согласен! — Крым-Гирей поднимается, делает несколько шагов по комнате. — Значит, расчет на новый десант?

— Прежде всего — на Советскую власть. Не забывай, что ненависть к русским — великая сила. Нужно все делать для того, чтобы пропасть между нами и ими росла, углублялась.

— Я хочу, Кучук, предостеречь тебя от некоторых неточных выводов. — Шеретлуков старается подбирать выражения помягче, чтобы не обидеть старшего. — Вот ты говоришь: «Народ», «Народ». А я убедился — народ не однороден, в народе немало людей, которым Советская власть нравится больше, чем старая. А ненависть к русским — понятие относительное. Русских чиновников ненавидели за чванство, высокомерие, продажность, за тупую великодержавную политику. Теперь в аулы идут другие русские. Таких, как Максим, многие любят, не зря именно черкесы помогли ему бежать, русских, ты знаешь, в лагере не было.

— Это случайность, выродки есть и в нашей семье. Для массы все русские — это неверные, обидчики, шайтаны. Деды помнят, как их выгоняли с гор в болота.

— Кучук, ты не желаешь смотреть правде в глаза. Адыгехабльцы — это народ? Кого там поддержали в решающий час? Алхаса? Нет, красных. И разбили противника, превосходившего их в несколько раз. Уж я-то это видел. До этого боя и я по-иному смотрел на народ.

— Дали по загривку Алхасу! Что ж тут удивительного, — не сдается Улагай, — бандиты всем надоели. Я себе слово дал: после победы первая пуля — Алхасу. Публично.

— Кучук, но ведь банда Алхаса — наша армия, наша опора, другой у нас нет. И это, кстати, известно красным — в официальном документе ты назван главарем бело-зеленых.

— Ты меня удивляешь. — Улагай начинает бледнеть. — Неужели тебе не ясно? Красных баранов вырежем, а из красных овец выпустим столько крови, что они побелеют.

— Замечательный план, Кучук. Да где силы возьмем?

— Наконец-то! — успокаивается Улагай. — Сейчас нужно значительную и лучшую часть отряда Алхаса распустить по домам. Такой же приказ пошлю другим. Признаем, мол, Советскую власть, поверили ее обещаниям,

явились с повинной. В аулах наше влияние сразу усилится: люди-то придут бывалые, тертые. За зиму присмотримся к населению, поговорим буквально с каждым. И перед каждым поставим альтернативу. В день восстания придется избавиться от всех противников, устроим варфоломеевскую ночь. Останутся нейтралы и наши сторонники. Объявим об отделении от России и попросим помощи у иностранных держав. Как Грузия, например. А пока надо договориться кое с кем. Любой ценой. Некоторые наши офицеры опустились до того, что стали прислуживать большевикам. Конечно, их можно понять — дети есть просят. Надо помочь им, напомнить об их патриотическом долге. Ты знаешь, где сейчас наш доблестный корнет Махмуд? В областном военном комиссариате. Вербует адыгов в Красную Армию. Дожить до такого позора! Пусть Махмуд поймет, что у него один выход — искупить свою вину перед народом. Всерьез надо заняться и горской секцией. Красных убрать — сделать это нетрудно, остальных припугнуть. Эти хлюпики при виде хлыста на глазах перекрасятся. Время есть. Как видишь, можно начинать и без помощи со стороны. Хорошо начнем, помощи ждать долго не придется: англичане ухватятся за любой повод.

Шеретлуков закашливается. Достав платок, сплевывает в него красноватую мокроту.

— Этот план мне нравится, Кучук, это — серьезно. Могу снова отправиться к Алхасу. Чем скорее распустим людей, тем лучше сохраним живую силу. С наиболее надежными буду говорить сам.

— Дело! — радуется Улагай. — А я начну переговоры с предателями. Завтра отправлю Ибрагима к Рамазану и Махмуду.

— Не опасно?

— В бою всегда опасно, — обрывает собеседника Улагай.

— Кучук, я имею в виду не ту опасность, которая грозит Ибрагиму со стороны чекистов, это меня не интересует. После твоей пощечины он мне определенно не нравится. Бывали на фронте случаи — после боя находили офицеров с пулей в затылке.

Улагай оставляет эти слова без ответа. Выход у него лишь один — держать Ибрагима подальше от себя, давать ему поручения, которые бы сами по себе всякий раз являлись новой проверкой. Ну а в решающий момент... На раскаленной плите не засидишься...

Ночью он снаряжает экспедицию в город во главе с Ибрагимом. Задача — переговоры с Рамазаном и Махмудом: заставить примкнуть к Улагаю. В помощники ему придается Аслан. Детали поездки и пребывания в городе тщательно обдумываются.

— Что Зачерию передать? — спрашивает перед отъездом Ибрагим.

— Зачерий выполняет мое задание, не отвлекай его, — роняет командующий.

Ибрагим виду не показывает, что он даже не представляет, где сейчас Зачерий, а Улагай делает вид, будто сведения о Зачерии получает непосредственно от Ибрагима. О судьбе Зачерия ничего не известно и ему.

Пока Ибрагим в городе, Улагай решает завершить денежные операции в «банке» Османа Барчо. Он пишет записку: «Выдать все оставшиеся пачки» — и вручает ее Аскеру. Возвратился он без денег — Осман его и во двор не впустил.

— Пусть за деньгами явится тот, кто их оставил, — прошипел старик в чуть приотворенную калитку.

Заезжать в аул самому Улагаю теперь небезопасно — там сменилась власть. Сельсовет имеет небольшую, но хорошо вооруженную группу, поддерживает связь с энемским продотрядом. Улагай обдумывает план возвращения денег. Придется все же дождаться Ибрагима.

А Ибрагим задерживается в Екатеринодаре — он не может выполнить поручение, так как и Рамазан, и Махмуд в отъезде. Он целыми днями валяется в домике своего агента на кошме. Его спутники режутся в карты, обжираются шашлыками, хвастаются своими похождениями в дикой дивизии Султан-Гирея. Неподалеку квартирует проститутка, Ибрагим разрешил навещать ее по одному, в сопровождении хозяина. Аслану такая жизнь нравится. Он молится за Рамазана: пусть не приезжает в город подольше. Аслан благодарит Ибрагима: ай, замечательная у него агентура. Но почему Ибрагим не веселится вместе с ними? Скучает? Бибу вспоминает? Аслан пронюхал: Биба в городе, она будет фельдшером, повитухой. Можно заманить девочку сюда.

— Заткнись! — обрывает его Ибрагим.

Аслан обиженно умолкает. Раньше Ибрагим другим был. Плохо это Бандит и есть бандит, он не должен вести себя, как порядочный человек. А Ибрагим, похоже, стал тяготиться своей судьбой.

Ибрагим выходит в сад, забирается в беседку. По дощатой крыше барабанит дождь. Голые яблоньки чем-то напоминают древних старух со скрюченными пальцами. Да и сам Ибрагим на старика смахивает: все задумывается. Даже походка стала какой-то неуверенной.

А откуда уверенности взяться? Кто он такой? Человек, которого можно безнаказанно бить по лицу. Нет, Бибу он больше трогать не будет. Если бы можно было вернуть то, что уже совершено, Ибрагим вообще не стал бы причинять девушке зла. Теперь понимает — беззащитного обидеть легче всего. Как она сопротивлялась! Встреть она его сейчас, с голыми руками набросится, глаза выцарапает. А он? Даже пальцем не шевельнул, чтобы отомстить своему обидчику. По сравнению с ним Биба — мужчина. А он — лакей, прав Максим.

Все эти мысли роятся в голове Ибрагима, не дают покоя. А поездка в сопровождении соглядатаев?

Ибрагим в ярости сжимает кулаки. Доверие начальника — вот что крепило и закаляло его преданность. Нет доверия, нет и преданности. Дело, наверное, не только в пощечине. Ибрагим разочарован, его былой кумир поблек. Он начинает подозревать, что знал Улагая не настоящего, а парадного, золоченого, что ли. И таким сам хотел быть. Теперь «глухой дядя», нервничая, показывает свое подлинное лицо. Опустился до того, что укладывает в постель кухонную швабру. В народ пошел... И с таким человеком он связан одной веревочкой.

Но мысли об Улагае отходят на задний план — надо хорошенько разобраться с Бибой. Она ему нужна, он ее любит. Но она его не полюбит никогда. С Бибой нельзя было так поступать. Как же быть? А вдруг полюбит? Простит, потом полюбит.

Маленький лучик надежды, продравшись сквозь тучи, проникает в сердце Ибрагима. Он думает, думает... Улагай, Биба; Биба, Улагай... И еще — Максим. Ходят слухи, будто он Фатимет совратил: ушла в город, таскает горшки в тифозном бараке. Агент видел ее: сапоги, гимнастерка, на стриженой голове — красная косынка. Рассказывая, плевался: до чего черкешенка дойти может. А Ибрагима смех разбирает. Тысячу раз она права — уж лучше тифозный барак, чем холодные, как у покойника, ноги Османа. Но как Максиму удалось сбить с пути черкешенку? Впрочем, его и черкесы слушают.

Раздумья обрывает возвратившийся домой агент — он сообщает, что Махмуд в городе. На свидание отправ-

ляются вчетвером. Льет дождь, у каждого на папахе — башлык. Вооружены, как целая рота, — под осенней одеждой разве только орудие не припрячешь. Завидев патруль, спешат к нему.

— Где военный начальник? Комиссариат?

Им показывают.

Опрашивать людей, которые в дождь спешат в военное ведомство, никому и в голову не приходит. Впрочем, документы у них нормальные, Зачерий об этом в свое время позаботился. Оставив спутников в подъезде, возле уткнувшегося в тулуп часового, Ибрагим заходит в первую комнату. Махмуд здесь. Он моргает, на его костлявом лице появляется румянец. Нет, он не испуган, скорее удивлен. Кроме него в комнате еще двое, русские.

— Салам, Махмуд, — здоровается Ибрагим. — Здравствуйте, товарищи! — обращается он к русским.

Теперь Ибрагим уже позабыл и о Бибе и об Улагае: он работает. Риск щекочет нервы. «Да, не каждый вот так явится в большевистское логово», — самодовольно думает он. Он уже как бы любуется собой со стороны. Русские, ответив на приветствие, продолжают заниматься своими делами, а Махмуд не спускает настороженного взгляда с Ибрагима.

— Что тебе нужно? — спрашивает он по-адыгейски.

— Э, Махмуд, — улыбается Ибрагим, — давай говорить по-русски, а то товарищи могут подумать, что у нас какие-то секреты. Я пришел тебя проведать, мы ведь давно не виделись. С тех пор как в плен сдались.

Русские смеются: говорите, друзья, как вам удобнее.

— Мой «глухой дядя» передает тебе привет, — по-адыгейски произносит Ибрагим.

Махмуд морщится: кому-кому, а ответственному работнику военкомата известно, чем занят Улагай, кто его поддерживает. Махмуд и настроения людей знал — с ним, бывшим белым офицером, пускались в откровенные беседы самые разные по духу люди. Махмуда радовало, что попытки Улагая создать несколько крупных банд и поднять восстание не увенчались успехом. Алхас существовал и без Улагая, а новые формирования были настолько малочисленными, что принимать их в расчет как военные единицы не стоило. Осколки бутылки на дороге. Для Махмуда оставалось загадкой — на что рассчитывает «глухой дядя»? Хорошо бы хоть что-нибудь выведать у нежданного гостя.

— Садись, — произносит он и добавляет не без издевки: — Раздевайся, у нас жарко.

Махмуд хорошо знал неутомимого и неунывающего Ибрагима, помнил его твердый, самоуверенный взгляд, голос. С этим человеком определенно что-то случилось. И если первой мыслью при его появлении было: «Схватить, обезоружить», то теперь возникло другое решение: выслушать, выяснить, с чем пришел, присмотреться. Да и взять Ибрагима не просто — без гранаты на свидание не явится.

— Я вижу, ты не очень обрадовался, — нарушил затянувшееся молчание Ибрагим. — Что же передать «дяде»?

Махмуд с трудом сдерживает радость — нет, не та выдержка! И в тоне нет былого превосходства. А лицо — сплошные подергивания. Быть может, парень стал задумываться? Не помочь ли ему?

— Вступать в переговоры с «дядей» не собираюсь, — ответил Махмуд. — То, что он предложит, мне не подойдет. И тебя переубеждать не собираюсь, мне известна твоя преданность «глухому дяде». Ты его идеализируешь. Уверен, что все-таки разглядишь его истинное лицо. Но не окажется ли поздновато? Отвечать-то придется каждому за себя, на «дядю» не сошлешься.

Ибрагим кратко излагает предложение Улагая. Махмуду приходит в голову странное, но верное соображение: Ибрагим ведет себя не как помощник Улагая, а как его посредник.

— Напрасный труд, можешь не тратить слов, — обрывает он Ибрагима. — Иди, дорогой, и передай «дяде»: еще не поздно явиться с повинной. И его помилуют, Советская власть держит слово. Но если не явится до декабря — расстреляют. Это все. После ликвидации Врангеля мы примемся за бандитов. Кстати, Ибрагим, передай ему свежую газету, там сводка: Врангель шмыгнул за Перекоп.

Ибрагим выжидает: не скажет ли Махмуд что-нибудь лично ему. Нет, молчит. Очевидно, такие, как он, в расчет не принимаются. Разменная монета. Можно идти. Но тут в голову приходит дикая мысль.

— Понял, Махмуд, — говорит он. — Все передам. А к тебе хочу обратиться с дружеской просьбой: помоги позвонить по телефону одной девушке.

— Не помогу, — резко отказывает Махмуд. — И не думай. С агентами через военкомат связываться решил?

Ибрагим тяжело поднимается. Таким Махмуд еще не видел его.

— Дело у меня не военное и не политическое, — неуверенно поясняет он. — Хорошую девушку я как-то сильно обидел. И жалею, надо сказать несколько слов. Сам позвони на санитарные курсы, попроси к телефону Бибу. Видишь, я ничего не скрываю.

Махмуд отлично знает Бибу с санитарных курсов, не раз видел ее там, не так уж много адыгеек в городе. Он вертит ручку телефона, кричит, называет условные слова, спорит с кем-то, ожидает, снова спорит. Потом долго ждет, потом спорит и снова ждет. Наконец сообщает: у телефона Биба. Девушка никогда не держала в руках телефонной трубки.

— Что? Что? Плохо слышу... Кто это?

— Биба, — говорит Ибрагим, беря трубку, — это говорит тот, кто украл тебя. Я очень жалею, что все так нехорошо получилось. Я тебя люблю и готов умереть за тебя. Ты слышишь? Прости меня, если можешь. И знай: всегда буду считать тебя своей женой.

Девушка держит у уха трубку, не зная, что и сказать обнаглевшему бандиту. Ибрагим тщетно ждет ответа.

— Биба, скажи хоть слово.

Ответа нет.

— Прощай, Биба. Извини...

Ибрагим возвращает трубку Махмуду, благодарит. Лицо его бледно, рука дрожит.

— Садись, — снова приглашает Махмуд. — Мне хотелось поговорить с тобой.

— Кажется, поговорили...

— То ведь я не с тобой говорил, а с «дядей».

Но Ибрагим не садится. Махмуд тоже поднимается.

— Мне кажется, что ты и Улагай — это не одно и то же. Я всегда считал, что у тебя своя голова на плечах. Неужели ты все еще слепо веришь своему начальнику?

Наконец-то Махмуду удается встретиться со своим собеседником взглядом. В глазах Ибрагима — растерянность.

— Поздно мне обо всем этом думать, — равнодушно бросает он. — Пулю на лету не поймаешь.

— Мы не пули, а люди, Ибрагим. А человека можно даже с края пропасти увести.

— С края можно, — вздыхает Ибрагим. — Но я уже

лечу в пропасть. Поздно! Не вздумай задерживать меня, — вдруг зло добавляет он, — мне жизнь не дорога.

— Этого не ожидал от тебя, — обиженно произносит Махмуд. — Говорим как товарищи... Ну бывшие товарищи. Думаешь, эти русские не догадываются, откуда ты? Все еще воображаешь, будто все люди глупее вас с Улагаем? К нам такие, как ты, каждый день приходят сдаваться.

— Извини. Никак не пойму вас всех.

— Кого это — всех?

— Да вас, комиссаров. Ну я пошел.

— Приходи, Ибрагим, разговор надо закончить.

Хлопает дверь. Махмуд задумчиво глядит в окно. Мимо проходят четверо в бурках. Что там они еще натворят?

— Сбивают? — осведомился русский товарищ.

— Сбивают и сами сбиваются, — смеется Махмуд. — Сложный переплет. — Он подробно пересказывает беседу с Ибрагимом.

— А может, вы зря напрямую? Может, стоило повести игру? Ведь это не рядовой бандит.

— Не по мне это, Василий Лукич. В таком деле актером быть надо, а я человек простой, бесталанный: что на душе, то и на лице. Да и не проведешь такого, как Ибрагим, с ним лучше напрямик. Я думаю, он придет — на распутье парень.

— А может, перехватить их, — предложил Василий Лукич.

— Себе во вред, — возразил Махмуд. — Сейчас он на все пойдет, а через недельку сам явится. Дозреет. Тогда и Улагай может в переметной суме оказаться.

А те, в бурках, торопливо сворачивают в переулок.

— Ночью возвращаемся домой, — говорит своим спутникам Ибрагим. — Рамазан будет не скоро, ждать больше нельзя.

— А этот как? — осведомляется Аслан. — Клюнул?

— Тебе это знать не положено. — Ибрагим бросает на него подозрительный взгляд. — И вообще запомни закон разведки — излишнее любопытство равно самоубийству. Ты что, на красных работаешь?

— Да мне что, — обиделся Аслан. — Чихал я на Махмуда.

Ибрагим правит на окраину — здесь у него еще одна явка, запасная. Отсидевшись до ночи, выбираются из города. Едут медленно — кони с трудом тянут по раскис-

шему проселку тяжелую повозку. Едут всю ночь. Дневка в лесу, и снова — тряская дорога. Лишь на третий день добираются до лагеря.

Кажется, Ибрагим сделал все, что мог. Но Улагай недоволен.

— Ты сказал Махмуду, что, если он не согласится, мы прикончим всю его семью?

— Нет, — признается Ибрагим. — При чем тут семья?

— Не задавай глупых вопросов, — раздражается Улагай. — Твое дело — выполнять приказы.

— Я — человек! — срывается Ибрагим. — У меня есть голова.

Вот как заговорил! Пожалуй, Крым-Гирей прав, к нему уже нельзя поворачиваться спиной. Но он не должен думать, будто его подозревают.

— Что нового в городе? — спрашивает Улагай, чтобы не оборвать разговор на реплике Ибрагима.

— Новостей немало. — В глазах Ибрагима мелькает злорадный огонек. — Красавица-то наша ушла к Максиму.

— Какая красавица? — Улагай ошеломлен. — Сариет?

— Фатимет, жена Османа, — бросает Ибрагим.

Лицо Улагая покрывается белыми пятнами.

— С сыном ушла к русскому, — торжествующе добавляет Ибрагим. Он вдруг ясно осознает, что факт этот имеет для Улагая значение чрезвычайное. Там, в лесу, Максим одержал верх лишь над Ибрагимом, это — победа над самим Улагаем.

— Это мы так не оставим! — выкрикивает Улагай. — Иди...

Он расхаживает по тесному кабинету. «Очевидно, — рассуждает сам с собой, — пришло время санкций. Пусть эти интеллигентики узнают, чем чреват их отказ сотрудничать со мной. Но прежде всего надо выручить свои деньги. Кто знает, как все обернется».

Не успевает Ибрагим улечься, как у двери раздается крик связного: «Ибрагим, к командующему!»

— Не мог все сразу сказать, — недовольно бурчит Ибрагим. — Обязательно дергать надо...

— Поменьше болтай, — советует валяющийся на соседней койке Аслан. И жестко добавляет: — Так, смотри, не пощечину, а пулю схватишь.

— Нашел, чем пугать! — вскипает Ибрагим. — Видел их...

Улагай приглядывается к своему опальному фавориту.

— Взбунтовался наш казначей, — говорит он. — Или рехнулся после бегства жены. А скорее всего, решил присвоить деньги. Твоя задача — отвлечь на себя внимание караульного взвода. По моему сигналу нападешь на аул со стороны Энема. Алхас предупрежден. Он выделит тебе отборных людей. Если ребята повеселятся, не беда, застоялись они. И все падет на совесть большевиков. Люди Алхаса будут в красноармейской форме. Отступать по моей ракете. Кстати, учти, Алхас отберет не наших, а казаков.

Ибрагим понимает — готовится спектакль. Раньше он обрадовался бы такой затее, теперь равнодушно козыряет: будет исполнено!

— Вопросы есть?

— И мне переодеться?

— Зачем? Нацепи на папаху красный бант. Не зарывайся особенно. Все.

Выходя, Ибрагим невесело улыбается — сам Улагай приказывает ему нацепить красный бант. А что, если нацепить всерьез? И горько вздыхает: денежные дела ему уже не доверяют, теперь он пригоден лишь на то, чтобы вызвать на себя огонь. И если огонь будет метким, Улагай только возблагодарит аллаха.

Ибрагим бродит по лесу, не зная, что предпринять. Но одно знает наверняка — алхасовцев к аулу не подпустит. Самому бросать озверевшую казачню на своих земляков — последнее дело. Перестрелку можно вести и на расстоянии.

Тут лишь до сознания доходит смысл приказа Улагая: Алхас казаков выделит! Почему же казаков? Улагай боится, что черкесы окажутся не такими жестокими по отношению к своим? А на станицы посылают черкесов. Ибрагим вглядывается в окно, за которым сидит командующий. О чем он думает? О судьбах народа? Как бы не так! Улагай во всех деталях обдумывает план обуздания и наказания Османа. Нет, просить он ничего не будет. Но свое возьмет обязательно.

И снова ночь. Темная, мокрая, неуютная. Даже собаки не лают. Улагай на коне, с ним две тачанки с пулеметами. Его расчет оказывается правильным. Выстрелы на окраине привлекают к себе отряд Анзаура. Бой неожиданно разгорается — в отряд вливаются доброволь-

цы. Аульчане дерутся отчаянно — подкрепления ждать неоткуда. Бандиты несут потери. Тем временем Улагай останавливается у ворот своего казначея.

— Эй, Осман!

Ну, конечно, старый плут во дворе, он узнает голос Улагая, это чувствуется по тону вопроса:

— Кто?

— Открывай скорее, это я.

— Чтоб ты сквозь землю провалился, — бурчит Осман, оттягивая дрожащими руками засовы. Улагай входит в калитку, в руках у него маленький чемоданчик.

— Помощь твоя нужна, Осман, — говорит он. — Только быстрее... Привез еще сто пачек, нужно спрятать, потом хорошо отблагодарю.

Лицо Османа расплывается в улыбке: чемоданчик довольно тяжелый. Ничего, он с ним разберется.

— Покрепче запирай калитку и никого не пускай,— наказывает Улагай. — Кроме меня, ничего никому не давай. Даже Ибрагиму.

— Не дам, можешь быть спокоен, — уверяет Осман. — Тут один какой-то приходил, незнакомый, ничего ему не дал.

Калитка запирается, тачанки трогаются с места, проскакивают до конца квартала и останавливаются у забора. Улагай выжидает, будто пульс у больного считает: Осман запер дверь в дом... проскочил к тайнику... открывает его... Осман не выдерживает, начинает вскрывать чемодан. Пора! Аскер перелетает через забор, Улагай — за ним. Выстрел — это получает свою порцию верный страж Медведь. Э, да старик в спешке и двери запереть позабыл. Они врываются в спальню Османа как раз вовремя: хозяин вылезает из подпола. Проворный, однако... Увидев старых знакомых, дико таращит глаза. Улагай не торопится.

— Иди-ка сюда. — Он манит Османа пальцем.

Осман медленно вылезает. Став на пол, пытается сдвинуть ногой стоящую ребром половицу.

— Аскер, помоги старому доброму человеку. — На лице Улагая нехорошая ухмылка. — Нашему благодетелю, патриоту, правоверному мусульманину... счастливому супругу...

Ему спешить некуда, без его сигнала бой не прекратится.

— Уходите! — вдруг взвизгивает Осман и бросается к столу.

— Старик! — грозно трубит Улагай.

Аскер пытается остановить Османа, но получает удар в живот. Старый скряга решил отстаивать свою казну до последнего дыхания. Аскер вскрикивает от острой боли.

— А, ты так?

Глухой удар. Осман падает. В ход пошли кованые каблуки. Живучий старик: воет, корчится...

— Хватит! — брезгливо сплевывает Улагай. — Полезай в подвал.

Аскер чиркает спичками, чем-то гремит и подает наверх обитый железом сундучок. Он не заперт — очевидно, Осман намеревался снова заглянуть в него.

Улагай приподнимает крышку.

— О! — вырывается у него: рядом с пачками кредиток — золото! Много золота. И камни. Он и не мечтал возвратить свой капитал с такими процентами — вскоре эти камешки ему пригодятся. В этот момент кто-то повисает у него на ноге.

— Э, сволочь! — Улагай опускает каблук на голову Османа. Тот затихает. — Убери его.

Аскер сталкивает тело Османа в подпол, ставит на место половицу. Подумав, подтягивает к ней шкаф: теперь хозяина не скоро разыщут.

— Почти все, что я оставлял, сохранилось, — замечает Улагай. — Надо бы это уложить...

Аскер приносит чемодан, наклоняется к сундучку и застывает. Улагай подозрительно оглядывает его.

— Я сам. А ты посмотри, что там на улице.

Аскер нехотя поднимается. Лицо его возбуждено, веки подергиваются, он тяжело дышит. Рот приоткрывается, вот-вот с губ сорвется какая-то фраза. Но страх перед Улагаем побеждает. Он выходит. Возвращается через несколько минут.

— Перестрелка продолжается, — докладывает Аскер. — Пальба далеко, видимо, Ибрагиму не удалось прорваться в аул.

— Возьми! — Улагай подает ему крепко увязанный чемодан. Подумав, подходит к лампе, швыряет ее на пол. Чиркает спичкой, бросает ее в керосиновую лужицу. Огонек неуверенно расползается по полу.

Они выходят. Тачанка у ворот. Улагай садится рядом с ездовым, Аскер пристраивается к пулеметчику. Улагай достает ракетницу, в воздух взвивается красный змей. Застоявшиеся кони срываются с места. Стрельба прекращается. Будто и не было ничего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Обычно поздняя осень — самое веселое время в ауле. Полевые работы окончены, поднята зябь, пшеница обмолочена, а излишки ее проданы. Женщины сортируют, моют и сушат шерсть, мужчины гонят из проса искрящийся, похожий на разбавленное молоко хмельной напиток — бахсму. Парни торопятся завершить переговоры с приглянувшимися красавицами — осенняя свадьба приносит счастье. Наиболее зажиточные то и дело отправляются в город за покупками.

В такое время особым вниманием пользуются шутники, рассказчики, выдумщики, мастера одурачивать. В розыгрышах участвует чуть не весь аул. Люди беззлобно потешаются над простаком, которого удалось поставить в неловкое положение. Некоторые кунацкие по вечерам превращаются в клубы, где можно услышать забавную историю, послушать гармониста, сыграть в шашки или просто поточить языки. В кунацких от самых искусных рассказчиков тесно. Взрослые люди, забыв обо всем на свете, следят за забавными приключениями девочки-сиротки, восторгаются находчивостью Куйжия, который так ловко разделывается с великанами. Не беда, что все эти сказания уже знакомы, — слушать их никогда не надоест.

Но двадцатая осень двадцатого века вошла в аул не хозяином, а гостем. Неспокойно вокруг, тревожно в ауле, и в душу проникает неуверенность. Люди, чего никогда не бывало, по вечерам запирают покрепче ворота, не засиживаются подолгу у соседей. Изменился и характер рассказов в кунацких. Традиционные сказки о нартовских богатырях и Куйжие, спокойные и забавные, уступили место рассказам о необыкновенных рейдах конников Буденного, о кровавых похождениях Алхаса, Бандурки, Фостикова, о таинственных исчезновениях девушек и о многих других вещах, от которых под папахами самых смелых джигитов начинают шевелиться волосы. Послушав такие истории, люди расходятся по домам со смутным предчувствием неминуемой беды. Сон не идет.

Беспокойно и на душе Умара. В последнее время он стал просыпаться под утро в одно и то же время. Вдруг откроет глаза, будто кто-то его в бок толкнул, и сон мгновенно улетучивается. Умар прислушивается к тому, что происходит за стенами дома. Тихо, только осенний ветер по-вдовьи стонет. А может, наоборот? Может, это вдо-

вий стон мечется по аулу, как осенний ветер? Сколько женщин не дождались своих мужей! Одни на фронтах головы сложили, другие без вести пропали, третьи в бандах околачиваются, четвертые — у Врангеля. Одна из таких вдов недавно вошла хозяйкой в его дом. Долго уговаривал — не соглашалась. А однажды пригласил в гости: «Зайди, мол, не обижу». Белла невольно улыбнулась: всему аулу известно, что Умар и мухи без причины не обидит. Заглянула по пути от колодца, с полными ведрами. Онемевшая от радости детвора во все глаза разглядывала застывшую с ведрами Беллу. За день сдружились навсегда.

И хотя теперь дома мир и благодать, беспокойство одолевает Умара. Вот и сейчас — на дворе темь непроглядная, а Умар лежит с раскрытыми глазами. Просто думает — ни о чем и обо всем. Что вспоминается, то и вспоминает. Он уже притерпелся к мраку, различает, как за окном шевелятся освободившиеся от листвы ветви липы. А мысли текут как река — нет им конца. В ушах звучит ночной выстрел, и острая боль пронизывает ногу. И одно-единственное желание — поймать бандита. Вспоминается возвращение Ильяса. Чего только не бывает в жизни — скрутит она иной раз человека так, что и своих не узнает. Заглядывали на днях Рамазан и Максим, предупредили, что по их предположениям Алхас что-то замышляет — надо быть настороже. А они и не дремлют — с таким соседом не разоспишься. Или вот вспашка. Разве думал он, что люди так дружно возьмутся? После схватки с Алхасом сами спрашивали, кому в первую очередь помочь. Умар с горечью признает, что лишь в день боя с бандой по-настоящему узнал своих односельчан. До того о многих был куда худшего мнения. Впрочем, кое-кто до создания отряда попросту боялся высказываться откровенно — недалеко до беды. А тут увидели: и на Алхаса управа нашлась. Но что же эти волки замышляют?

За окном появляются первые признаки утра — светлые блики на сером небе. Умар набрасывает бешмет, натягивает чувяки и выходит — чем так лежать, лучше дров наколоть: во дворе его уже давно поджидает коряга. Достав топор, примеривается — как лучше подступиться к этому суковатому уродцу. Вдруг слышит:

— Сосед, салам.

Умар отвечает, но инстинктивно отступает к сараю:

от этого «салама» добра не жди — почти полтора года Джафар «гулял» у Алхаса.

— Я пришел домой, — продолжает Джафар. — Что мне будет?

— Заходи, — бросает Умар. — А можешь и не заходить — я уже десять раз говорил твоей Суре — сам явится, ничего не будет.

Джафар все же перескакивает через невысокий плетень. Умар оглядывает соседа с ног до головы — нет, не особенно он изменился, только вот на лице полоса свежезапекшейся крови. Почти как у него самого. Только у Умара шрам тянется от левого глаза к подбородку, а у Джафара от правого уха.

— Знакомая метка, — улыбается Умар. — От Алхаса память?

— От его помощника, Ерофея. Но за мной не пропадет.

— За что же он тебя разделал?

— Не отдавал винтовку. Иди, говорит, домой так. А чего я так пойду? Винтовка моя, еще от Деникина.

Умар не все понимает. Он ставит топор к стенке сарая и приглашает соседа в дом. Они усаживаются.

— Выходит, Джафар, ты не сам смылся из банды, не улизнул тайком, а ушел с согласия начальства? Даже Ерофей знал?

Джафар растерянно молчит. Вот это влип.

— А где же винтовка? Пойди-ка принеси ее. Ведь тебе банда мстить не будет, ты вроде как освобожден... Или на побывке? Как это у вас считается?

Джафар приносит винтовку, высыпает сотню патронов, выкладывает на стол три лимонки и пистолет старинного образца. Полное разоружение. Садится.

— Теперь слушай, запоминай...

Он рассказывает о приезде Шеретлукова, о решении отправить кое-кого на зиму и весну домой, о задании — ждать сигнала весной. А как начнется — оставить в аулах только сторонников Улагая. В банде же зазимуют самые отпетые негодяи, профессиональные уголовники, матерые контрреволюционеры. Те, кому возвращаться невозможно. Многие, как и он, уже давно хотели вернуться домой, но боялись Алхаса. Теперь они клянутся Шеретлукову чем угодно, лишь бы расстаться с бандой.

Белла вносит завтрак: пшенную кашу, подливку, распространяющую пряный аромат, кипяток, кувшин молока.

— Кебляг, — приглашает Умар. — Угощайся, сосед.

Джафар наливает в чашку кипяток, добавляет молока и дует изо всех сил. Признаться, он думал, что новый старшина живет побогаче. А он остается таким же бедным, каким был.

— Какие еще новости? — спрашивает Умар, уплетая кашу с подливкой. — Давай, Джафар, выкладывай, не останавливайся посреди дороги.

— Ничего существенного. Недавно случайно услыхал разговор Шеретлукова с Алхасом... Нас это мало касается.

Когда приехал Шеретлуков, все решили, что он привез важные новости. Джафар знаком с ездовым Шеретлукова. Ездовой расселся под окном Алхаса, Джафар и подсел к нему. Шеретлуков сказал, будто Улагай намерен перетянуть на свою сторону всех черкесов, которые служат Советской власти в Екатеринодаре. Не удастся? Как бы не так — каждому будет предложен выбор: согласие или смерть. Скоро начнется. Для начала решили прирезать семью какого-то корнета Махмуда, остальные задумаются, особенно те, у кого семьи в аулах.

— А связной не говорил, где сейчас штаб Улагая?

— Не говорил, а я не спрашивал.

— Жаль...

— Думаю, в горах, где казаки, там они все собираются.

Важные новости, надо немедленно передать их в город. Умар направляется к дому Едыгова — здесь лучше всего вести разговор, который не следовало бы слышать слабому на язык Магомету. Возле Совета его окликает Гучипс.

— Не проходи, — говорит он. — Жду тебя целый час.

— Ты забыл, где я живу? — ухмыляется Умар.

— По делу я никогда не хожу на дом. Если все начнут по делам ходить к старшине домой, у него не хватит перца на подливки.

Так, подшучивая, они заходят в сельсовет.

— Садись, — приглашает Умар. У него уже это вошло в привычку. Он и женщин, к их великому удивлению, приглашает сесть. Некоторые после этого забывают, зачем они явились. Конечно, ни одна еще не осмелилась сесть в присутствии председателя.

— Слушаю, — с нарочитой торжественностью произносит Умар, когда его друг усаживается.

— Пришел узнать, — произносит Гучипс, — какая у нас власть?

Умар смеется — этот Гучипс всегда что-нибудь придумает. Надо же — чуть ли не с полуночи торчит у сельсовета, чтобы узнать то, что ему и без того отлично известно.

— Я серьезно, Умар, — настаивает на своем Гучипс.— Какая у нас в ауле сейчас власть?

Шутка как чай — лучше всего ее заваривать один раз.

— Не морочь голову, Гучипс, — обижается Умар. — Спроси у людей, узнаешь.

— Я слышал: при новой власти детей учить будут, всех, не только богатых. Почему же не учат?

Входит Ильяс.

— Вот Ильяс должен знать, — добавляет Гучипс. — Говорят, Ленин обещал, что все дети будут учиться.

— Это и Буденный говорил, — подтверждает Ильяс.

— Почему же у нас не учат?

— А где учить? И кто будет учить? — Умар машет рукой. — Ни медресе, ни учителей.

— Пусть хотя бы мулла учит. Домов пустых хватает. Взять хотя бы дом Салеха, там можно скачки устраивать, не только учить.

Заходят и другие. Прислушавшись к разговору, вставляют свое слово. Постепенно начинается спор. В основном он вертится вокруг вопроса, кого учить — одних мальчиков или девочек тоже.

— Зачем девочкам грамота? — доказывает Индар. — Они и без того отлично сготовят лиципс.

С ним согласны многие — женщина есть женщина, она должна знать свое место.

— Выходит, — горячится Ильяс, — если у меня одни дочки, в семье грамотного человека не будет?

— Посоветуй Дарихан рожать сыновей, — шутит кто-то. — Мы не виноваты, что ты плохо старался.

— У кого нет сыновей, тот пусть учит дочь, — предлагает Гучипс. Ему важно, чтобы за школу были все, тогда ее, может быть, откроют.

Большинство согласно с Гучипсом.

— Ну что ж, — заключает Умар, — давайте соберем сход и поговорим о школе, ведь это дело не простое, потребуются деньги.

Умар и Ильяс направляются в дом Едыгова, осматривают готовые к бою пулеметы, винтовки, проходят в комнату Марата. Здесь Умар сообщает им то, что узнал от соседа.

— Хитро придумали, — удрученно констатирует Мурат. — Вроде банды нет, а она есть, только довольствуется за наш счет.

— Ничего страшного, — вмешивается Ильяс. — Это к лучшему.

Мурат бросает на него недоуменный взгляд.

— Нам такая позиция на руку, — убежденно доказывает Ильяс. — Подумайте: в банде сейчас человек сто — полтораста, из них из аулов — человек пятьдесят, остальные — из станиц. Явятся, и что? Будут сидеть, как зайцы. И пусть сидят. А к весне, может, и одумаются. И куда пойдут, если мы банду зимой уничтожим? Вспомним, кто сейчас у Алхаса из наших? Сафербий — раз, Айса — два. Да еще, говорят, корнет Едыгов из тюрьмы убежал. Вот и все.

— Ну что ж... — повеселел Умар. — С ними справимся.

Ждать гостей пришлось недолго. На следующее же утро в Совет явились Сафербий и Айса — оба с винтовками. Умар поздравил их с удачным побегом, отпустил домой. Днем нашел время проведать каждого, постарался вызвать на откровенный разговор. Сафербий, поколебавшись, сообщил, что явился с заданием ждать весны. Айса на все корки стал крыть Алхаса, Ерофея, грозился изрубить их на мелкие части, просился в отряд. О Шеретлукове — ни слова. Во время разговора преданно смотрел в глаза, лицо его выражало крайнее огорчение — уж так жалеет, что попал в банду, так жалеет...

Умар с трудом сдержался, чтобы не бросить ему в глаза: двуличная собака, только и ждешь, чтобы я повернулся спиной. Вышел с твердым намерением арестовать его. Ильясу и Мурату едва удалось отговорить его от этого рискованного шага.

— Ладно, — не без колебаний согласился он. — Надо выполнять обещание. Посмотрим, что он станет делать.

Умар торопится со сходом. Кроме вопроса о школе хочет поговорить и о дровах. Сейчас что получается? Отправится человек в лес, его перехватит Ерофей: «Вези овечку, вернем лошадей. И молчи, а то в следующий раз кишки вон». Кое-кому удается избежать встречи с бандитами, но многие уже лишились части своего добра. Добро — черт с ним, но ведь они таким образом невольно банду подкармливают. И он задумал отправиться в лес по дрова всем аулом с оружием в руках. Люди бу-

дут обеспечены топливом до самой весны, а Алхас пусть сам себе корм добывает.

Сход продолжался недолго. Мысль выехать в лес организованно пришлась по душе всем: то-то взвоет Алхас, когда увидит, что его одурачили. О школе тоже много не говорили. Все понимали: нужна. И вдруг выяснилось, что мулла отказывается учить детей письму, он берется лишь вбивать в их головы священные тексты корана. Решили дом Салеха подготовить к занятиям, а Умару поручили достать в городе учителя — аул согласен содержать его с семьей.

После собрания распределили обязанности: кто валит деревья, кто трелюет комли до дороги, кто разделывает их там и доставляет в аул. На рассвете к лесу двинулись десятки подвод. У дороги обоз приостановился — бойцы занимали удобные позиции. По свистку Мурата подошли остальные. Завизжали пилы, застучали топоры.

Из леса донеслись звуки выстрелов. В ответ затрещало несколько пулеметов. И все. Успокоился Алхас.

Работа шла дружно. В полдень уселись перекусить: что у кого было, разложили на бревнах — угощайся, народ.

— Сволочи! — вдруг донеслось из леса. — Всех перестреляем.

Орал какой-то отчаянный алхасовец, очевидно часовой. Хорошо! Испугался!

— Эй, Ильяс! — надрывается все тот же сиплый голос. — Мы для тебя хороший сучок приготовили, он по тебе плачет.

— Смотри, как бы вы там вместе с ним не заплакали! — откликается Ильяс и посылает на голос короткую очередь.

Лесной оратор смолкает.

Визжат пилы, стучат топоры. Идет лес. Тепло будет зимой. И весело: школа готова к приему учеников. Вот только нет учителя. За ним отправляется в город Умар.

Выезжают на рассвете — Умар, несколько бойцов, двое пулеметчиков с тачанкой, а на подводе — тяжело больной Меджид-костоправ. Старик дольше других оставался в поле, пахал чужую землю. Не раз являлись к нему алхасовцы. Угрожали, совали под нос кулаки, а тронуть не рискнули, очень уж известным человеком был аульский лекарь. Меджид продолжал пахать чужую землю, пока не слег. Узнав, что Умар отправляется в город, попросился в больницу. Его уложили в повозку, набитую

сеном, укрыли буркой. Всю дорогу Меджид молчал: видно, состояние его ухудшилось. В больнице шепнул Умару:

— Встретимся теперь уже в гостях у аллаха...

Сейчас ночь. Умар сидит у Максима. Пьют чай, обсуждают местные новости. Учителя Максим обещал найти, жаль, в отъезде Рамазан, у него на примете несколько кандидатов. Он благодарит за важные сведения — ведь кое-кто кричит, что борьба окончена, что можно распускать самооборону. С чьего голоса они орут?

Уложив гостя, Максим уходит. Надо сообщить новости начальству, заглянуть к Махмуду. Кто знает, когда бандиты решат осуществить свою угрозу. А утром Максим и Умар выходят вместе — направляются в горскую секцию. На повороте на них чуть было не налетает какой-то военный. Наклоняется к уху Максима, но не шепчет, а кричит:

— Ты, наверное, еще не знаешь? Только что прибыла телеграмма: Блюхер форсировал Перекоп! Врангель бежит! Падение Крыма — дело считанных дней.

Хорошо! И бандиты задумаются! А кое-кто озвереет окончательно. Ведь есть такие, которые никогда не примирятся с Советской властью. Алхас, Ерофей, Едыгов — такие не сдадутся.

В горской секции пусто, все в разъезде. За столом — незнакомый Максиму паренек — худенький, с бритой головой, очевидно, тоже из армии.

— Я здесь человек новый... Хорошо бы подождать Рамазана. Впрочем, я знаю одного старичка учителя, когда-то в нашем ауле жил, по-черкесски говорит.

— А нельзя ли его адрес узнать?

— Пожалуйста, запиши: Ценский Фабиан Станиславович. — Он назвал окраинную улицу и номер дома.

К учителю отправляются немедленно. Это высокий, костлявый старик с седенькой бородкой и тусклым взглядом. Жена помоложе, но и ей за пятьдесят. Морщины словно сжимают ее лицо.

— Садитесь, — сухо предлагает старик. — К сожалению, нечем угостить.

— Мы к вам, Фабиан Станиславович, с деловым предложением. — Максим коротко объясняет суть дела.

— Ядвига?! — Учитель глядит на жену.

— А как там с питанием? — сразу же осведомляется она. Видно, что старики давно живут впроголодь.

— Хорошо будет с питанием, товарищи.

— Нам положено два пайка, — забеспокоилась женщина. — Я тоже учительница. Я, знаете ли, и рисую...

— Ядя!.. — Разговор о пайках шокирует его. — Разве в этом дело? — Он произносит несколько черкесских фраз, лицо Умара расплывается в улыбке.

— Такие люди нам как раз и нужны, в почете будете.

— Ну, Ядя? — У Фабиана Станиславовича, кажется, сомнений нет.

Уславливаются: через десять дней за ними пришлют подводу.

— Пришлю за ними Мурата с людьми, — решает Умар. — Да и спокойнее вроде стало, алхасовцы из лесу поса не кажут.

Накрапывает какой-то странный дождь — густой. Постепенно он превращается в студенистую кашицу.

— Снег! — радуется Максим. Он подставляет руку, на нее опускаются комочки, напоминающие сгустки крахмала. Крепчает ветер, с каждой минутой становится холоднее, и вот уже мокрый снег становится настоящим снегом, тротуар покрывается белым кафелем.

Снег идет почти непрерывно несколько дней. И вдруг пробивается солнце, ноябрьская зима превращается в октябрьскую осень, полевые дороги раскисают. Но уговор дороже денег — в назначенный срок за Ценскими приходит подвода. Они берут лишь самое необходимое: учебники, белье, немного посуды, подушки. Фабиан Станиславович поверх форменной фуражки с кокардой натягивает башлык. Впереди будет ехать Мурат, позади — тачанка с пулеметом и бойцами. Прихватят заодно и Меджида-костоправа — выздоровел старик.

Процессия получается несколько необычная. В серой бурке и серой форменной фуражке Фабиан Станиславович смахивает на отставного казачьего генерала, Меджид-костоправ и Ядвига Адамовна, закутанные, как малые ребята, со спрятанными в соломе ногами, напоминают огромных кукол. Костоправа в больнице предупредили: еще одна простуда — и помочь будет невозможно.

Как будто все. Максим радостно машет рукой.

Мурат рассказал, как готовятся в ауле к их приезду. Матери шьют сыновьям новые бешметы или же подгоняют отцовские. В сакле Ильяса слезы: Мариет просится в школу, ей вторят остальные девчонки. Дарихан вроде бы и не возражает, пусть девочки учатся. Но почему другие не посылают дочерей? Разумеется, учиться надо.

Но, может быть, их потом не захотят взять замуж? И вообще, зачем им грамота? Ильяс охрип, доказывая пользу просвещения. Дарихан внимательно слушает его, кивает, а потом задает те же вопросы. Насторожились и старики. Пока что они мудро помалкивают: надо поглядеть, чему будут учить их внуков приезжие аталыки[1], прогнать их никогда не поздно.

А на следующее утро в квартиру Максима вбежал Геннадий. Правая рука — под брезентовым плащом. Уж не ранен ли?

— Скорее. Сергей Александрович машину прислал.

— Что случилось?

— Чтобы долго не объяснять, захватил...

Геннадий отбрасывает полу плаща: в его руке — форменная учительская фуражка с кокардой. Она рассечена надвое, цвет ее уже не определить. У Максима холодеют руки, затрудняется дыхание. Детям Адыгехабля можно не торопиться в школу — фуражка учителя здесь, тело его, иссеченное на куски, похоронено рядом с Муратом и другими бойцами, рядом с не успевшим еще раз простудиться Меджидом-костоправом.

Все произошло неожиданно. Верстах в десяти от аула повстречали какой-то отряд в красноармейской форме, потому и не насторожились. Съехались, разговорились. Вдруг один из них в упор выстрелил в Мурата. Бойцы и за оружие взяться не успели, как были порублены. И Ядвигу Адамовну наверняка постигла бы та же участь, но тут подскакало еще несколько всадников в бурках. Один из них, с огромным синюшным, похожим на грушу, носом, лохматыми бровями, поглядев на Меджида, крикнул:

— Стой, Едыгов, и так перестарался. Зачем Меджида-костоправа угробил?

— Под руку попался...

— Под руку... Этого старика нам не простят.

— Э-э, — протянул Едыгов, — за остальных тоже спасибо не скажут. Семь бед, говорят русские, один ответ. Может, и старуху рубануть? Заодно уж.

— Брось ее.

Едыгов несколько раз перетянул женщину нагайкой. Тем временем остальные бандиты собрали оружие, ограбили убитых, погрузили добычу на тачанку, подожгли подводу с учительским скарбом и ускакали.

[1] Аталык — учитель.

Оставшись одна на дороге, Ядвига Адамовна, шатаясь, подошла к телу мужа, попыталась приподнять его. После нескольких тщетных попыток взяла его фуражку: последняя память... Долго вспоминала, в какой стороне город. Шла, а перед глазами все стояли те двое — один с мелковатым лицом и небольшими красными, похожими на чирья глазами и второй с синюшным носом. Шла, неся перед собой, будто для подаяния, рассеченную пополам, побуревшую от крови фуражку. Шла без мыслей, без слез. Спотыкалась, падала, но тут же поднималась и шла снова. Ее подобрал и доставил в город продотряд.

Машина тормозит возле ЧК.

— Очевидно, начальник поручит это дело тебе, Максим, — добавляет Геннадий уже в дверях. — Возьми и меня с собой.

Сергей Александрович разглядывает карту. Лицо его сумрачно, под глазами синие скобки, веки воспалены.

— Вот они где, — указывает он на коричневый кружок, нанесенный на зеленом пространстве. — Караульной роты хватит?

— Хватит, — быстро отвечает Максим. На такую силу он и не рассчитывал. — Аульчане помогут.

— Продумай. Через час доложишь.

Максим уединяется. Он вспоминает об Алхасе все, что говорил Ильяс. Очевидно, буденновец принял командование вместо Мурата. Да, в отряде найдется, кем его заменить. А дома? Двенадцать ртов!

Работа над планом не ладится — без Ильяса и Умара его выработать трудно, надо ехать в аул. Начальник не возражает. Решено отправиться под вечер. Весь день снаряжают роту в путь. Максим успевает заглянуть к Сомовой — попрощаться. Катя осунулась, побледнела, на лице усталость. У нее Биба. Она раздалась в талии, глаза лихорадочно блестят. Чувствуется, она сосредоточена на какой-то мысли, отвлечь от которой ее очень трудно. При появлении Максима женщины смолкают.

— Уезжаю на несколько деньков, — бодро сообщает он. — Что маме передать, Биба?

— Скажи, что здорова.

— Больше не звонил? — после некоторой паузы спрашивает Максим.

— Нет... — Голос Бибы становится хриплым, каким-то чужим.

— Жаль. Ибрагим сейчас дозарезу нужен.

— Растерялась я тогда, — признается Биба. — Надо было назначить ему свидание, ведь иначе его не поймать.

— Не расстраивайся, — успокаивает ее Максим. — Не полез бы Ибрагим в засаду, не из простачков. Да и стрелять на свиданиях — не дело. Вот кончим с Алхасом, возьмемся за Улагая, тогда и до Ибрагима очередь дойдет. Не спеши, Биба, скоро все уладится.

— Уладится? — Биба в негодовании вскакивает со стула. — Все уладиться не может. Ты не понимаешь, чем я живу.

— «Чем я живу»! — вдруг вспыхивает Максим. — Не одна ты обижена бандитами. А Ядвига Ценская? А Катя? А Ильяс? А вдова Мурата?

Биба на глазах меняется — съеживается, как бы становится меньше, на лице — выражение боли. Она бросается к двери. Сомова укоризненно качает головой и спешит за ней. С трудом догоняет.

— Биба, Бибочка, я ведь не могу бежать.

После ранения у Сомовой постоянная одышка.

— Мы сами все сделаем, Биба, — говорит Сомова. — Позвонит — назначай свидание. Я в засаде буду, у меня есть оружие. Именное. Меня никто из дружков Ибрагима не заподозрит.

— Правда? — Биба заглядывает Сомовой в глаза, жмется к ней. — Только бы скорее. А то не дождусь...

— Биба! — Сомова не на шутку встревожена. — Я это сделаю с одним условием: если ты дашь мне слово, что не сделаешь глупости!

— Даю!

— Ну смотри, Биба, я тебе верю.

Биба ничего не слышит. «Он еще позвонит!» — думает она, и сердце ее начинает стучать сильнее. Разве не для того покинула она аул, чтобы рассчитаться со своим врагом? Только ради этого одного стоит жить.

Падает снег — мелкий, рассыпчатый, частый. Как соль. Падает снег — колючий, сухой. Снежинки прикасаются к лицу, словно острия иголок, и лежат, не тая, и лицо пощипывает.

— Пойдем назад, — предлагает Сомова. Она берет Бибу под руку, опирается на нее. — Максим мужчина, а что мужчины могут понять в таком деле? Между нами сама природа пропасть создала. А ведь человек он хороший. Вот уезжает. А вернется ли?

У ворот тарахтит автомобиль. Машина трогается и почти мгновенно исчезает за поворотом. На дороге оста-

ются двое. Вместе заходят в комнату, вместе плачут. Потом, захватив завтрашнюю пайку хлеба, вместе идут к Ценской.

Во дворе ЧК Максим пересаживается на коня. Отряд выступает. Неспокойно на душе у Максима, и не предстоящий бой тому причиной. Враг наконец-то получит свое, уж в этом-то он уверен. Размышляет о судьбах человеческих. Сколько неизлечимых душевных ран оставляет после себя это грозное время, не так-то просто дается в руки счастье. К иным оно уже не придет никогда. Сможет ли забыть Биба о своем несчастье? А что делать жене Мурата, оставшейся без кормильца? Кем станут тысячи беспризорников, что шныряют по базарам в поисках куска хлеба?

«Бесчувственный дурак! — корит себя Максим.— Надо же — накричал на Бибу! Если вернусь, возьму ее фельдшером в оперативный отряд. А может, в детдом? Увидит, что ее горе — лишь капля в потоке бед, которые принесла изуверская жестокость контрреволюции».

Поскрипывают по снегу полозья, бегут мысли. Лишь возле леса Максим снова вспоминает, зачем едет в аул. И веселеет. Не злой человек Максим, а тут в глазах вспыхивают злорадные огоньки. Всех в клочья! Теперь уж ни один не уйдет от справедливой мести.

В ауле будто ждали гостей — аульчане разбирают бойцов по домам, угощают, чем богаты. А Максиму и закусить-то некогда — сразу за дело. Они сидят в кабинете Мурата, который теперь занимает Ильяс — командир отряда, идет допрос бывшего алхасовца Айсы. Не он ли сообщил в банду о предполагающемся приезде учителей?

— Как вы могли подумать? — Айса подавлен подозрением. — Что я, душегуб? Мой сын в школу собрался.

— Айса, — в голосе Умара недоверие, — помнишь наш разговор, когда ты вернулся? Мы ведь знали, что ты пришел по заданию Шеретлукова, могли посадить. Не сделали этого. Ты хоть сейчас признайся.

— Я в банду и весной не собирался возвращаться. Даю слово.

— Но ведь сообщил же кто-то бандитам об учителях.

— Не я... — совсем тихо говорит Айса. — Я об этом и не знал.

— Не ты, — соглашается Ильяс. — А кто? Ты знаешь?

— Не могу сказать, — шепчет Айса. — Аллах покарает меня! Этот человек под защитой самого аллаха.

— Неужели мулла?

Айса побледнел, руки его дрожат. Несчастный уверен: аллах нещадно покарает его и сделает это немедля.

— Я свободен?

— Свободен, иди.

Неужели ничего не случится? Айса не верит: не такой у него простодушный бог, чтобы простить подобное вероломство. Впрочем, он ведь ровно ничего не сказал, они сами обо всем догадались, пусть аллах их и карает.

Арестовывать и даже допрашивать муллу Максим не решается — слишком крепка еще у большинства вера в аллаха. Велит установить за его домом негласное наблюдение.

Ильяс показывает ему схему лесных укреплений, просек, завалов, составленную по данным разведки. Внес в нее свой вклад и покойный Меджид. Совместно уточняют ее, наносят каждую тропинку, даже крупные деревья. Надежно блокируются все возможные выходы из аула. Днем на улицах не показывается ни один боец: Алхас не должен заметить ничего подозрительного, иначе ускользнет, испарится, как капля воды под солнцем.

К вечеру караулы удваиваются, конные патрули кольцом охватывают аул. Усиливается и наблюдение за домом муллы. Ночью ударные группы бесшумно занимают исходные рубежи. Все группы смешанные: рядом с красноармейцами — бойцы местного отряда.

На рассвете в лесу раздается выстрел — это прикорнувший алхасовский часовой разглядел кого-то на тропинке. И сразу трескотня, щелканье, татаканье. С веток за ворот людям летят снежные вороха. Крики, стоны, ругань, команды...

Кольцо неумолимо сжимается. Бандиты отходят туда, где меньше огня. Пули останавливают их на опушке. Алхасовцы залегают, накапливаются для прорыва. Выждав какое-то время, дружно поднимаются и бросаются вперед. И вдруг — та-та-та-та...

Ильяс знает, куда метить. Ага, кажется, Ерофей. Что, допрыгался, приятель? Где же Алхас? Где Шеретлуков?

Бандиты снова залегают, ожесточенно отстреливаются. Вот они сбились за деревьями в кучу. Что это? Кажется, тянут вверх руки, машут белой тряпкой.

«У, трусливые псы...» — Ильяс скрипит зубами: Максим предупредил — сдающихся не трогать. Ствол пулемета зарывается в снег.

До вечера бойцы караульной роты и отряда самообороны прочесывают лес, стаскивают к дороге убитых и раненых, оружие, собирают в землянках трофеи. Ильяс и Максим допрашивают сдавшихся. Почти все налицо, нет Алхаса и двух-трех десятков его дружков.

Кучерявые черные языки, прошитые красными искорками, пляшут сегодня над каждым домом. И ни одному хозяину не приходит в голову запирать ворота. Калитки и двери домов теперь снова нараспашку — заходи, прохожий, днем и ночью, тебе всегда рады. Во всех домах веселье. Но всего веселее там, где гостят красноармейцы. Ильяс радушно угощает Максима. Сам почти ничего не ест — кусок в горло не идет.

— Это наши его упустили, — переживает Ильяс. — Неужели испугались? Или у кого-то рука на «своего» не поднялась?

— Ничего, Ильяс, не горюй, — успокаивает Максим. — Теперь Алхас — ноль без палочки, я о нем и думать перестал. Теперь на очереди Улагай. И здесь без тебя не обойдемся.

— Возьмешь на операцию?

— Если согласишься.

— А твое начальство что скажет?

— Не беспокойся, Ильяс.

Максим засыпает сразу же, как только прикасается к подушке, а Ильясу не спится. Он ворочается, вздыхает, с надеждой поглядывает на окно: когда наконец рассвет? В одном из аулов у Алхаса зазноба. Не укроется ли бандит на время у нее? Надо бы проверить. Ильяс размышляет над превратностями судьбы. Отец его вырвал Алхаса из лап смерти, а он бросается под пули, чтобы прикончить этого спасенного. И не выпустит из рук винтовку, пока не сделает этого.

Но вот в комнату проникают долгожданные серые сгустки рассвета. Ильяс не спеша натягивает сапоги, гимнастерку, буденовку и выходит. С крыльца оглядывает свой двор. Посреди его, освобожденный от листвы, но все такой же величественный, горделиво возвышается орех, под ним пустая телега. Пустая ли? В ней как будто что-то зашевелилось. Солдатская привычка срабатывает, и Ильяс прыгает с крыльца наземь, лицом в снег. В то же мгновение гремит выстрел. Ильяс выжидает секунду, другую, вскакивает, боком налетает на телегу, вырывает из приподнятой руки тяжелый многозарядный маузер.

— Вставай! — приказывает Ильяс.

— Если б я мог встать, — хрипит человек, — ты бы не трепыхался... О аллах, неужели это ты, Ильяс?

От удивления Ильяс опускает оружие: перед ним Алхас! Что нужно ему здесь? Зачем притащился? Может, вообразил, что хозяин дома снова спасет его?

На выстрел сбегаются люди, выскакивает с маузером полуодетый Максим. Телега окружена плотным кольцом, мужчины и женщины с ужасом и любопытством разглядывают человека, чье имя много лет наводило страх на всю округу. Это внимание, видимо, льстит атаману, он с усилием приподнимается. Лицо его белее снега. Оглядывается вокруг: ничего не изменилось здесь с тех пор, как много лет назад он покинул этот гостеприимный кров, разве что дерево. Взгляд его задерживается на Ильясе.

— Можешь выбросить, пустой. — Алхас кивает на маузер. — Один патрон берег для этого, Максима. В тебя пальнул по ошибке, прости, брат, буденовка сбила с толку.

Тусклые глаза бандита разыскивают Максима.

— Ты? Упустил я тебя, русский...

Во дворе царит гробовое молчание. Алхас пытается сесть, полушубок распахивается, обнажая окровавленный живот. Максим помогает ему усесться.

— Откуда ты взялся, русский? Ты отнял у меня брата...

Максим молчит. Умирающий не вызывает у него сострадания, как, впрочем, и у остальных. На лицах женщин — нескрываемый страх, во взглядах мужчин — не то злорадство, не то торжество.

Взгляд Алхаса падает на Дарихан.

— Кислого молока бы... — хрипит он. — Все внутри горит...

Дарихан убегает, второпях выносит большой глиняный горшок с простоквашей. Алхас обхватывает его огромными волосатыми ручищами, по двору гулко разносится: буль, буль, буль... Чуть оторвавшись от горшка, тяжело, со свистом набирает воздух и снова пьет. Тело его пронизывает дрожь, горшок поднимается все выше и выше.

— Спасибо, Дарихан. — Он отбрасывает пустой горшок, шарит руками по телеге, достает увесистый кожаный мешок. — Это тебе, Дарихан. Бери же, бери...

Дарихан в ужасе отшатывается.

— Бери, глупая женщина, богатой станешь. Не хо-

чешь? — Алхас швыряет свои сокровища в снег, поворачивается к Максиму:

— Твоя взяла, русский...

— Наша взяла, — вмешивается Ильяс. — Ты же стал зверем.

Глаза Алхаса закрываются. Он с усилием прижимает ладони к животу и резким движением вскидывает руки вверх. Страшные, окровавленные руки. И валится навзничь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Утренняя прогулка вливает в организм силы и укрепляет нервы — эту истину Улагай вспоминает ровно в пять утра. Вскочив с постели, разминается: несколько дыхательных упражнений. Натягивает галифе, сапоги, обнаженный по пояс, выходит.

В передней, освещенной небольшим продолговатым оконцем, проделанным в верхней части входной двери, тесно и душно. Улагай обходит поставленную посреди комнаты печурку — опрокинутый вверх выбитым днищем казанок, бросает презрительный взгляд на раскинувшегося на топчане Аскера. «Нет, это не Ибрагим, — мелькает у него. — Зря я тогда погорячился». Все равно основные поручения выполняет его прежний адъютант, Аскера нужно натаскивать, а теперь не до того.

Мороз пощипывает за уши. Князь делает глубокий вдох, топчется по свежему снежному ковру — за ночь успело подсыпать — и начинает обтирание. Набрав пригоршню снега, натирает им лицо, шею, грудь. Тело становится розоватым, от него валит сизый пар. Часовой, утаптывающий из конца в конец лагеря свежую тропинку, незаметно бросает на командующего полные недоумения взгляды.

«Зачем я тут? — в который раз спрашивает он себя. — Не пора ли в аул?» С Улагаем ему было хорошо, когда кавказский корпус наступал: полковник разрешал грабить, насиловать. Правда, с разбором, чтобы не вызвать нареканий дворянства. С Улагаем было не плохо в первом лагере — и там представлялась возможность наживаться без риска. А теперь? Игра явно проиграна.

Чувствуя на себе косые взгляды часового, Улагай старается изо всех сил: подчиненные всегда и во всем должны видеть его превосходство. Улагай неторопливо вы-

тирает тело досуха полотняным полотенцем и возвращается в дом.

Стук в дверь: повариха. Румяная, улыбающаяся, пышная. Нараспев здоровается, ставит на стол тарелки с лепешками и мясом, привычно садится на кровать, расстегивает башмаки...

При виде этой женщины Улагай каждый раз испытывает одно и то же: некую смесь брезгливости с чувственностью. Чертовка плотоядно улыбается, и эта улыбка, весь вид свежего, упругого тела заставляет его сердце биться учащенно. Но несколько охлаждает воспоминание о поварах.

— Ты, замученная, — зло бросает Улагай. Злится не на нее, на себя— за свою слабость.

— Я не замученная, господин полковник, — словно поет женщина. — Вы же видели — теперь поставили ширмочку, никто не смеет ко мне притронуться.

«Остановит их эта ширмочка, как бы не так».

— А вы поменяйте нас местами, господин полковник, — покачивая крутыми плечами, предлагает она. — Пусть Аскер с поварами спит, а я на его месте. Вот тогда вы узнаете, что я умею.

«Тоже додумалась... Знает, стерва, что это невозможно».

— Господин полковник, разрешите встать? — осведомляется она, когда Улагай присаживается к столу.

— Не задавай дурацких вопросов, — он морщится: черт знает что спрашивает. — «Разрешите встать...» Ты что, солдат?

После завтрака Улагай выходит на утреннюю прогулку. На нем короткая меховая куртка, папаха из серого каракуля, галифе, краги, подбитые толстыми гвоздями ботинки, предназначенные во французской армии для альпийских стрелков. Общий вид несколько портят выпирающие по бокам револьверы. Но без них нельзя. В руках палка с металлическим наконечником — нечто среднее между пикой и альпенштоком. Шаг, другой, и вот уже все тело входит в заданный ритм. Улагай поднимается по крутому взлобку, с вершины которого открывается чудесный вид. Решил: когда станет главой Адыгеи, устроит себе в этих местах горную резиденцию.

Подъем, спуск, снова подъем и снова спуск. От блеска снега слезятся глаза. Еще один подъем. Отсюда хорошо видно его запасное убежище. Улагай нашел его сам и постепенно, тайком от своих сподвижников, перетащил сю-

да все необходимое. Прекрасное место. За перевалом — дорога к морю, северные спуски ведут в кубанскую степь. Недоступно и близко. До революции сюда перегоняли на лето скот, теперь отгонные пастбища заброшены.

Укрытие устроено по совету Энвера, с которым они встретились в одном из приморских аулов. Улагай передал ему на хранение «наследство», полученное от Османа, узнал о подробностях разгрома Врангеля.

— В конце концов, может быть, это и к лучшему,— сказал Энвер. — Барон — монархист, он никогда не предоставил бы черкесам той свободы, о которой они мечтают, — я имею в виду право выбрать себе надежного и сильного друга.

— А вы? — спросил Улагай.

— Ну конечно! — Энвер даже обиделся. — В этом-то все дело. Вы должны сражаться за свою независимость — это единственная наживка, на которую сейчас еще могут клюнуть черкесы. А с нами у вас будут родственные отношения.

Улагаю все равно — русские ли, англичане или турки — только бы перебить всех этих комиссаров, только бы навсегда покончить с красной заразой.

Энверу пришелся по душе план Улагая. Расчет точный — один предатель пострадает, остальные задумаются, все ж таки человек живет ради семьи. Но с выполнением медлить нельзя. После разгрома Врангеля все переметнувшиеся к красным почувствовали себя в безопасности. Пусть дрожат, пусть потеряют сон, тогда с ними легче будет вести переговоры.

Энвер сообщил, что Адиль-Гирею удалось добраться до Врангеля. Князь был легко ранен. Теперь подлечился, окреп, вскоре появится здесь: у него особая разведывательная миссия, ему нужно оказывать содействие.

Еще один спуск, и Улагай у цели. Он внимательно осматривает подступы к убежищу. Кажется, никто не наведывался сюда в его отсутствие: деревянный сруб заперт и внутри все так же, как было неделю назад. Усевшись на топчане, Улагай достает походный завтрак — кусок жареной баранины, обернутый лепешками. Он почти уверен: запасный домик не пригодится. Англичане церемониться не станут. Высадятся, как только получат его сообщение о начале восстания.

Улагай думает о самом великом искусстве, которым должен обладать человек: об искусстве владеть собой. Стоит ослабить контроль хотя бы на минуту, и голова

кругом пойдет. Узнав о разгроме Врангеля, Улагай совсем было пал духом, лишь после встречи с Энвером снова поверил в успех. Теперь, когда Врангель не висит над красным югом, словно барс над головой охотника, Ленин начал демобилизацию. К весне на Кубани, по-видимому, останутся две-три охранные дивизии. Вот тогда-то все и произойдет. Главное — подготовить население. За зиму это можно сделать.

Улагай швырнул обглоданную кость в раскрытую дверь. Она глухо ударилась о серый ствол бука. Дерево вздрогнуло, с ветвей посыпались хлопья снега.

Обратный путь отнимает больше времени: князь бережет силы — в лагерь нужно явиться свежим, бодрым. Сквозь тучи и верхушки дубов пробиваются слабые лучики. Яркие блики вспыхивают то тут, то там. Кажется, будто ветер, играя, распахивает и снова захлопывает двери в лес. На последней возвышенности Улагай останавливается. Долго стоит, прихлопывая ботинком по насту. Решено! Сейчас все должны отбыть в аулы. Все! Кроме, пожалуй, Крым-Гирея. Шеретлуков останется за него здесь. Сейчас главная ставка Улагая — на внутренние силы аулов и интеллигенцию. В ближайшие дни он встретится с одним из этих болтунов — Рамазаном. Разведка доложила, что сейчас он в ауле — агитацией занимается. Посмотрим, что запоет этот перебежчик.

Но что это в лагере? Люди столпились у хибарки прачки, шумят. Перед Улагаем расступились.

— Что случилось? — Вопрос ни к кому.

В дверях хибарки появился Шеретлуков — бледный, без папахи, какой-то странный. Став в сторонку, пропустил Улагая. Полковник вошел в темноватое помещение. Столик, топчан. На нем, раскинув руки, лежала крупная, дородная женщина. Сделал еще шаг, и нога попала в скользкое месиво. Когда глаза привыкли к полумраку, Улагай увидел обнаженную женщину с большой раной в груди. Постояв с минуту в раздумье, вышел, сошел с тропинки, старательно пошаркал подошвами альпийских ботинок о сахаристую массу. Она стала алой.

— Кто? — Это вопрос Шеретлукову. Тот пожал плечами.

— Позарился кто-то на ее добро, — заметил Аслан. — Очень богатая была женщина, ведь все расплачивались наличными. Утром прошел мимо, смотрю —

дверь распахнута... Подозрительно. Взял и заглянул...

Улагай оглядывает собравшихся: кто-то из них зарезал проститутку, чтобы присвоить ее накопления. Кто? Кроме Шеретлукова, на этот шаг способен каждый. Впрочем, он не собирается учинять следствие: будоражить лагерь из-за какой-то шлюхи было бы безумием. «Обнаружено ли тело Османа?» — вдруг приходит ему на ум. Нет, это не запоздалые угрызения совести, просто цепная реакция мысли. Прачка, Осман, сотни и тысячи других — все это необходимые жертвы на его пути к власти.

— Хасан! Подготовь к отправке свою бабу. Через час чтобы духу ее в лагере не было. Аслан! Похоронить женщину.

Вот и все, инцидент исчерпан. Улагай проходит к себе.

Вывод напрашивается сам собой: надо быстрее действовать. Он устанавливает время отъезда каждого, разрабатывает маршрут, систему связи — обычной и экстренной. Последними вызвал Ибрагима и Аслана.

— Прощупай еще раз, — наказал Ибрагиму, — может быть, Махмуд передумает. Дай ему еще один шанс.

— С Махмудом ничего не выйдет, зиусхан, — замечает Ибрагим. — Спасибо, хоть не продал меня тогда. Но уверен — во второй раз не выпустит.

— Что ж, Аслан, тогда выполнишь приказ. — Улагай старается подбирать слова помягче, но до Аслана намеки не доходят.

— Какой приказ, господин полковник? — вытягивается он.

— Забыл? — раздражается Улагай. — Уничтожить! И как можно скорее. Всю семью! Чтоб об этом узнали другие предатели.

Ибрагим вспомнил гостеприимного Махмуда, его неунывающую ни при каких обстоятельствах жену, карапузов-мальчишек и девочку-подростка. Чудовищная жестокость Улагая впервые связывается в его сознании с людьми, которых он считает своими, несмотря на то что они оказались в чужом лагере.

Что-то в выражении лица Ибрагима насторожило Улагая.

— У тебя есть вопросы, Ибрагим?

— Нет, зиусхан, все ясно.

— Выполняйте!

Они выходят. Улагай ищет глазами адъютанта.

— Аскер, готов к отъезду? — Аскер стоит в дверях, руки по швам. Что у него, однако, со щекой? — Подойди.

Аскер сделал несколько шагов вперед, и Улагай различил на щеке адъютанта следы ногтей. Значит, все-таки он. Джентльмен сделал свое дело и вонзил в сердце дамы кинжал. Не очень умело, правда, но решительно. И вдруг мелькнуло: а не погибла ли прачка только потому, что он успел своевременно переправить ценности Энверу? Да, это не Ибрагим, этот в трудный час выменяет тебя на рваные чувяки. Ладно, надо ехать, этот трудный час еще не пришел.

А может, пришел? Эта мысль заставляет Улагая застыть на месте. Пожалуй, он действительно пришел, этот трудный час. Да, надо быть предельно осторожным.

Обычно Улагай не вмешивался в хозяйственные дела, особенно раньше, когда ими занимался дотошный Ибрагим. Теперь стал укладываться сам. Предчувствие, почти никогда не обманывавшее его, подсказало, что сюда он уже не вернется. Сжег все ненужное — ни одна его вещь не должна попасть в чужие руки.

Аскер на санях, Улагай верхом. Лишь за лагерем сообщил адъютанту маршрут и тут же свернул с тропы в сторону.

Конь Улагая не спеша пробирался сквозь редковатый предгорный лес, мысли бежали иной дорогой. Он сравнивал себя с Султан-Гиреем, и по лицу его блуждала горделивая улыбка. Он все делает сам, даже черную работу. Никто никогда не сможет его упрекнуть, будто он загребал жар чужими руками. Улагай оглядывается — пора быть полянке. Теперь поворот направо. А вот и избушка. Улагай остановил коня перед самым окошком. В руке — револьвер. Он чуть было не пустил его в ход — в дверях появился какой-то подозрительный тип в солдатской шинели, с окладистой бородой.

— Руки вверх! — вырвалось у Улагая. Но сразу же пожалел: перед ним стоял Зачерий собственной персоной.

— Твоя пуля, Кучук, не для меня предназначена,— рассмеялся он. — Уж если чекисты угомонились, перестали меня искать, то жить мне и жить.

Они обменялись приветствиями. Зачерий сообщил, что перебрался в село, нашел квартирку с помощником.

— Кто кого нашел? — прищурился Улагай.

— Я, конечно. К тем, кто находит меня, доверия не питаю.

Внизу, на полянке, их ожидал Аскер. Зачерий уселся к нему в сани, Улагай направил коня подальше от тропы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Каждому — свое. Один носится ветрам наперерез во главе отряда по следам банды, другой воюет с бандитами в теплой кунацкой. И, быть может, не менее успешно: чем больше людей поймут политику новой власти, тем больше будет у нее сторонников.

Максим и Ильяс — на конях, Рамазан — в кунацкой. Здесь он — как дома. Задавай любые вопросы, он на все даст прямой, правдивый ответ. Вот и сейчас Рамазан восседает на почетном месте в одной из кунацких. Народу набилось очень много. Рамазан оглядывает собравшихся, пытаясь понять, как все они сюда втиснулись. Да еще и предоставили скамью старикам. Они сидят, прямые и строгие, словно судьи. Впрочем, так оно и есть — судьи. Не одобрят его старики — и большинство адыгов отвернется от него. И потому Рамазан старается говорить о политике Советской власти так, чтобы ее уразумели даже самые пристрастные слушатели. Беседа течет плавно, медленно, как зимний вечер, застывший за окном. О земле, об уразе [1], о дожде, о браке, о школе, о громе и молнии... Рамазан умело гнет свое, люди помоложе мотают на ус, старшие недоверчиво переглядываются, а старики даже вопросы задают.

В общем Рамазан доволен настроением аульчан. Третий вечер идут эти разговоры, и польза их несомненна.

Время приближается к полуночи, Рамазана начинает клонить ко сну — денек был не легкий. Горская секция начала кампанию, которую назвала: «Пальто горянке». Он обходил саклю за саклей, беседовал с мужчинами. Во всем ауле пальто имели пять или шесть наиболее богатых женщин, остальные всю зиму ходили в платьицах и платках. Многие простуживались, болели: туберкулез, плеврит... Умерла жена или дочь — такова воля аллаха. Уговаривать трудно, на все доводы один ответ — так жили наши отцы и деды, так и мы жить будем. Разумеется, были и отклонения влево или вправо. Отклонением

[1] Ураза — многодневный изнуряющий пост у мусульман.

влево Рамазан считал обещание призадуматься, отклонением вправо — короткую фразу: «Не суй, сынок, нос в наши кухни, можешь напороться на клинок». Но все эти слова ничего не значили — Рамазан знал, что перемены будут. Уж коль адыг призадумается, то взвесит все до конца и сделает нужные выводы. Стоит начать одному, и другие не отстанут. Беспокоила беседа с хозяином, состоявшаяся за обедом. Рамазан говорил, Аскербий молчал и думал о чем-то своем. Сидел какой-то потерянный, опустив глаза, будто кем-то или чем-то напуган. А ведь Рамазан остановился у него не случайно — этим своим поступком он как бы опровергал выдумки врагов о том, что к бело-зеленым, сдавшимся по призыву властей, относятся с подозрением. Что это так встревожило Аскербия? Но с вопросами надо поосторожнее — излишнее любопытство может обидеть хозяина.

Заметив, что Рамазан устал, старики поднялись и распрощались, люди помоложе проводили его к дому Аскербия. Хозяин ждал. На столе — обильный ужин. Уплетая четлибж, Рамазан приметил, что приветливый, радушный Аскербий все еще словно бы не в своей тарелке.

Сразу же после ужина хозяин попрощался и ушел, и это тоже не могло не удивить — обычно они засиживались до рассвета. Явившись с повинной, Аскербий беспокоился о судьбе своей семьи, о своем будущем. Рамазан разделся, погасил свет и улегся. В сознании мелькнула было тревожная мысль о грозящей ему опасности, но ее тут же заволокло туманом. И вдруг сквозь туман прорвался настораживающий звук. «Снится», — сквозь дрему решил Рамазан.

Но со двора донесся чей-то голос. Чужой голос. Чужой, но знакомый. «Странно, — удивился Рамазан, — в калитку как будто никто не стучался, я сам видел, как хозяин запирал ее».

Послышались шаги в передней. Рамазан нащупал револьвер. Если это хозяин, он успеет спрятать оружие. Но по аулам бродят и чужаки, тоже агитируют. Впрочем, аульчане уже давно хотят заниматься делом. По крайней мере, так заявляли Рамазану все, с кем он разговаривал. Быть может, не все были искренними?

— Ты еще не спишь? — раздается за дверью голос Аскербия. Странный голос, виноватый какой-то. Рамазан облегченно вздыхает: все ж таки обычаи остаются обычаями — для хозяина нет ничего выше интересов гостя.

За его жизнь он будет сражаться, как за свою собственную. Очевидно, за Рамазаном кто-то приехал, а он, заснув, не услышал стука в ворота. — Тут люди хотят с тобой поговорить. Пустить их к тебе?

— Пусть заходят...

Хозяин исчезает, на пороге кунацкой возникают два силуэта. Разглядеть их в темноте трудно. Раздается щелканье, и комната озаряется ярким светом. Белый луч вырывает из темноты лицо Рамазана, его руку с наганом, топчан; луч прыгает влево, задерживается на скамье и гаснет. Рамазан чувствует себя так, будто его застали за чем-то некрасивым. Еще бы — встретить друзей хозяина с оружием в руках. Позор.

Один из гостей садится на скамью.

— У вас есть спички? — спрашивает Рамазан. — Лампа на столе.

— Обойдемся, — произносит человек, усевшийся на скамье.

Голос звучит властно, начальственно, и Рамазан начинает догадываться, что попал в ловушку. Нужно обязательно увидеть собеседников. Он шарит по карманам в поисках спичек. Мешает дурацкий револьвер.

— Не суетись, — произносит все тот же голос, попрежнему твердый, властный, но уже не начальственный, а скорее немного насмешливый. — И положи на топчан свою игрушку — она не даст тебе сосредоточиться на предмете нашего разговора.

Рамазан пытается засунуть револьвер в карман. Но тут к нему подходит человек, оставшийся у двери, берет из его руки оружие. Надо же так растеряться — теперь он полностью во власти неизвестных. Впрочем, почему неизвестных? Уж друзья-то так не поступают. Но как мог выдать гостя Аскербий? Запугали.

Что же ему сейчас предпринять? Прежде всего — натянуть сапоги: босые ноги начинают примерзать к полу. Это решение, простое и по существу не имеющее отношения к делу, неожиданно успокаивает его.

— Посвети-ка, приятель, — роняет он.

Щелк — и свет электрического фонарика бьет в глаза, потом падает на сапоги.

Рамазан не спеша накручивает портянку, втискивает ногу в сапог, пристукивает каблуком о глиняный пол и берется за вторую. Теперь, когда ноги в тепле, Рамазан чувствует себя уже совсем уверенно. Он готов ко всему, даже к самому худшему.

— Каков же предмет нашего разговора? — осведомляется он, постучав вторым каблуком о пол. Слово «предмет» выделяется иронической интонацией.

— Выйди, Аскер, — приказывает человек на скамье. Они остаются вдвоем.

— Я — Улагай! — вдруг произносит собеседник таким тоном, будто хочет сказать: «Я — бог!»

Рамазан невольно вздрагивает: уж с Улагаем он никак не рассчитывал встретиться в этой кунацкой. Но сомнений не оставалось, перед ним сидел именно Улагай. Рамазан несколько лет назад участвовал в одном из любительских спектаклей, которые тогда частенько устраивали черкесские аристократы. Среди гостей был и Улагай Кучук, блестящий офицер, поглядывавший на всех прищуренными глазами. Он почти все время молчал. А когда все же вступал в разговор, голос его звучал так же самоуверенно, отрывисто и безапелляционно. Пауза затягивается, и Улагай вправе считать, что первый раунд выигран им.

— Не верю, — наконец выговаривает Рамазан.

Что-то снова щелкает в руках Улагая, на его лицо сбоку падает яркий луч: та же высокомерная физиономия, тот же прищуренный взгляд.

— А кто тебя знает, кто ты, — пытается оттянуть разговор Рамазан. — На лице фамилия не написана.

— Не крути, Рамазан, — неожиданно тихо произносит Улагай. — Ты прекрасно знаешь, с кем говоришь. Я ведь еще тогда, на спектакле, заметил, что артист из тебя не получится. А офицер мог бы выйти. Или министр — ведь у тебя есть главное: ты мужественный человек и любишь свою родину.

Улагай говорит, Рамазан слушает. «Ой, спасибо, Кучук, — думает он, — что напомнил. Ведь я действительно мужественный человек. Сколько раз шел в атаку на пулеметы белых. А растерялся от неожиданности. Ну, ничего, уже все прошло». Рамазан думает, Улагай говорит:

— Никогда, Рамазан, не поздно исправить ошибку.

Эту фразу вылавливает Рамазан в потоке тихих слов и от нее отталкивается.

— Какую же ошибку я, по-твоему, совершил?

— Оторвался от своего народа, пошел на службу к гяурам, к кровожадным большевикам, забыл о своей родине. А она нуждается в тебе, ждет тебя.

— О какой родине ты говоришь? Это требует уточнения.

— О наших адыгейских аулах, неужели не ясно? Нужно спасать их от иностранного владычества. Для этого всем, кто ее любит, нужно объединиться. Всем! А уж потом разберемся с бедными и богатыми, все в наших руках будет. Мы все — одна семья, у нас нет пролетариев и капиталистов, мы — единое целое. Адыги доверчивы и просты, как дети, из поколения в поколение передают свою самобытность, сохраняют свои обычаи и нравы.

— Обычаи... — Рамазан прошелся по комнате. — Уж лучше бы ты не вспоминал о них, Кучук. Да, адыги доверчивы, да, обычаи наш народ свято хранит. И контрреволюция во главе с такими, как ты, ловко пользуется этим, чтобы обманывать народ, совершать свои мерзкие преступления.

— Глупости говоришь, Рамазан! — В голосе Улагая — раздражение. — А независимость? Почему ты забываешь о независимости? — восклицает он с наигранным пафосом.

— Независимость? И это слово произносишь ты, Улагай Кучук? — Рамазан горько усмехается.

— А почему бы мне не говорить о независимости?

— Потому, что именно тебе она не нужна, даже наоборот, тебе нужна зависимость! — торжествующе рубит Рамазан. — Мы захватили купюры, которыми ты расплачивался с атаманами банд, они иностранного происхождения. Ты спекулируешь на вражде, которую питает наш народ к царским поработителям, понятие «красный» и «белый» подменяешь словом «русский». К счастью, наши люди уже знают, что есть русский Деникин и есть русский Максим. Ленин дал бедному адыгу землю, и он от нее добровольно не откажется. Ленин сказал Полуяну, что черкесы получат и автономию, и они верят ему.

— Ленину, Рамазан, сейчас не до черкесов, у него страна от голода пухнет. Неужели тебе не хочется, чтобы мы сами управляли собой, были полностью независимы? Не верю, Рамазан!

— Хочется, Кучук. И верю: так будет! Закрываю глаза и вижу будущее своей родины. Вижу свободных людей, которым плевать на князей и дворян, которым доступны школы и университеты, которые не только говорят о своем достоинстве, но и имеют право защищать

его, которые отрешились от национальной ограниченности и уважают все нации, учатся лучшему и взамен отдают свою накопленную веками мудрость. А что такое родина в твоем представлении? Думаешь, не знаю? Родина для тебя — это место, где бы ты всегда мог вкусно жрать, подкармливать со своего стола свору льстецов и прислужников, которые поддерживали бы твою власть, не задумываясь, расстреливали бы всякого, кто посмеет заикнуться о справедливости. Народу на твоей родине отведено место рабочей скотины. Ты намерен держать его в темноте, со связанными руками. Потому и рубишь учителей, потому и не даешь бедноте землю. Разрешить ученье — значит снять повязку с людских глаз. Дать землю — значит развязать людям руки. А если народ будет видеть своими глазами и управлять своими руками, он в два счета раздавит тебя вместе с твоими прислужниками, как тараканов.

Хорошо, что в комнате темно. Узкие глаза Улагая наливаются кровью, он тяжело дышит. Рука тянется к оружию. Но после короткой паузы рассудок берет верх над чувствами.

«В чужом доме напасть на гостя! Да еще на зятя своего верного соратника! Так можно лишиться большинства сторонников». Улагай уже давно понял — с Рамазаном ему не столковаться, это не деловой человек, а фанатик. Но последнее слово должно остаться за ним, кое-что у него припасено и на такой случай.

— Думаю, что дискуссия наша не бесполезна. В будущем мы, надеюсь, сможем продолжить ее в более подходящей обстановке. А сейчас слушай и запоминай: через некоторое время наш народ сбросит большевистское иго. Ты еще можешь быть с ним. К тебе явится мой человек, даст поручение. Не выполнишь — пеняй на себя. Не посчитаюсь и с просьбами Адиль-Гирея. Кстати, передай жене: отец ее жив, уже здоров, выполняет свой долг перед родиной.

— Угрозы — оружие слабых, — замечает Рамазан. — Советую, пока не поздно, явиться с повинной. Сейчас самый подходящий момент, могу проводить в ЧК.

— Рамазан, не болтай лишнего! — уже не сдерживаясь, выкрикивает Улагай. — Это не угроза, а предупреждение. Мы будем наказывать тех, кто отказывается с нами сотрудничать. Оружие оставлю, надеюсь, что ты повернешь его против наших общих врагов. Аскер!

В дверях появляется черная тень.

— Отдай ему наган.

Что-то шлепается на постель. Хлопает дверь.

Рамазан прислушивается. Во дворе скрипит снег, слышны приглушенные голоса. Один из них очень знакомый. Рамазан подбегает к окошку, видит темные фигуры, направляющиеся к калитке. В груди закипает ненависть, какой не испытывал никогда в жизни. Хватает наган, выскакивает во двор и сталкивается с Аскербием.

— Что случилось, Рамазан? Неужели они тебя обидели?

Рамазан уже у калитки, возится с замысловатым запором.

— Что делаешь? — Аскербий бежит за ним. — Не выходи, на улице они убьют тебя. Да, впрочем, и нет их уже, унеслись.

Хозяин прав. Рамазан возвращается вместе с ним в кунацкую.

— Спи, Рамазан, и не обижайся на меня. Аскер сказал: не пустишь к нему, войдем сами и порешим его в твоем доме.

Аскербий пытается сохранить нейтралитет. Потом, быть может, поймет, что нейтралитет в такой обстановке — то же предательство.

— Скажи откровенно, — обращается к нему Рамазан. — Даю слово, что это тебе не пойдет во вред. Ты вернешься в банду?

— Не хочу возвращаться туда! — наконец выдыхает Аскербий. И, подумав, добавляет: — А пойду ли — не от меня зависит.

Рамазану нечего возразить. Да, теперь этот человек как бы несется на утлой, неуправляемой лодчонке посреди бурной реки. К какому берегу ее прибьет? Видно, он рад бы выбраться на левый. Но сумеет ли противостоять течению? Человеку надоела война, волчья жизнь, он видит, что с новой властью можно столковаться. Рад столковаться. Но бандиты размахивают перед носом оружием, угрожают семье. И он против своей воли плетется за ними. Да, прежде всего надо выловить Улагая и его подручных.

Хозяин еще раз извиняется и направляется к двери. Вдруг, что-то вспомнив, останавливается, шарит в кармане галифе.

— На, — говорит он. — Эти велели передать. — На широкой, бугристой ладони перекатываются наганные патроны.

Рамазан рассматривает свое оружие — барабан пуст.

— Спасибо, — сконфуженно бормочет он.

— Не всегда идешь, куда хочется, — уже в дверях, тихо, словно про себя выговаривает Аскербий.

Рамазан с ожесточением загоняет патроны в барабан. Что ж, бандиты хитры и наглы, они идут на все. Пусть же и получают все! Уж больше он не растеряется. Рамазан гасит свет, укладывается, но уснуть не может. В голове роятся планы поимки улагаевской шайки. И вдруг вспоминает то, что Улагай бросил как бы между прочим: Адиль-Гирей жив и здоров. Черт бы побрал этого проклятого князя! Неужели опять станет между ним и Мерем? Под утро решает: необходимо поговорить с Мерем напрямик, объяснить, чем занят ее отец. Пусть она внутренне подготовится к необходимости жестокого, но неизбежного выбора.

Злому давно надоело стоять в полутемной конюшне, он призывно ржет, почувствовав приближение хозяина, нетерпеливо бьет копытом. Левый глаз его выкатывается из орбиты, наливается кровью — конь пытается заглянуть в лицо Рамазану: неужели и на этот раз он ограничится коротким разговором да похлопыванием по крупу? Рамазан достает скребницу, старательно утюжит Злого. Конь подрагивает от нетерпения. Затем в ход пускается щетка. Не удовлетворившись этим, Рамазан обтирает лошадь суконкой. «Ехать? Оставаться?» — колеблется он.

И вдруг бросает суконку в сторону, выводит коня во двор. Хозяин вопросительно поглядывает на Рамазана.

— Обиделся?..

— Что ты! — возмущается Рамазан. — Неужели я не понимаю? Даю тебе слово — вернусь в аул, к тебе заеду. Верю тебе, как себе.

Лицо хозяина проясняется.

— Подожди минутку, — просит он.

Возвращается со свертком.

— Угости друзей шашлыком, — говорит, приторачивая сверток к седлу Злого. — И приезжай. Когда ты тут, как-то спокойнее.

Никогда, ни в одном ауле, даже у очень знакомых людей не принимал Рамазан никаких «свертков», или, как именовал про себя эти подношения, подачек. «Если ты коммунист, живи, как все, не пользуйся своим положением» — таков был его принцип. Первым порывом было вернуть Аскербию баранину. К счастью, вовремя сдержался: в данном случае это было бы расце-

нено как открытое недоверие, как разрыв: у таких, мол, как ты, и подарки принимать не могу...

Прощаясь с председателем сельсовета, Рамазан приглядывается к нему, пытаясь узнать — известно ли ему о том, что ночью аул навещали незваные гости? Нет, не известно. Он так же весел и беспечен, как всегда. Что ж, пожалуй, тогда и говорить с ним об этом не стоит. Надо думать, что осторожный Улагай уже не скоро появится в этих местах.

— Не опасно одному? — спрашивает председатель, прощаясь.

— Кому я нужен? — улыбается Рамазан.

— Не скажи, — качает головой председатель. — Многим нужен. Как думаешь, зачем белые с Мосом Шевгеновым разделались?

Не ожидавший такого поворота, Рамазан промолчал.

— Хотели народ обезглавить, — продолжал председатель. — А вернее, глаза выколоть. Но у народа много глаз. Постепенно они станут такими же зоркими, как глаза Моса. Вот эти глаза и страшны врагам нашим. Понял? Береги себя.

Рамазан подумал: знал бы председатель о ночных визитерах, не сладко бы им пришлось. Достал из кармана наган, положил за борт шинели. И поскакал. Мягкая, будто творогом посыпанная дорога, кажется бесконечной. Заснеженные поля, раскинувшиеся по обе ее стороны, тянутся слепящей лентой до самого горизонта. Вокруг ни деревца, ни кустика.

«Скорей бы», — думает Рамазан. Злой с иноходи бросается в карьер. «Неужели чувствует?» — поражается Рамазан. И догадывается: когда мозг отстукивает «скорее», ноги его инстинктивно сжимаются. Почувствовав нажим шенкелей, конь меняет аллюр. Рамазан торопится. Но даже самая быстрая скачка не может заглушить разливающейся по всему телу, проникающей в сердце тревоги.

«Неужели и там что-то случилось?» — стучится одна и та же мысль. Злой переходит на рысь. Упарился. Время от времени конь пытается схватить зубами снег. Нет уж, дорогой, теперь придется потерпеть, ничего не поделаешь. Впрочем, вот и город.

Куда поворачивать? Рамазан заезжает во двор исполкома: надо поставить на место коня. Теперь бы в секцию, а еще лучше в ЧК — сообщить о встрече с Улагаем, но Рамазан спешит в отдел народного образова-

ния. Осторожно приоткрывает дверь и сразу же встречается взглядом с Мерем. На сердце становится легко — лицо Мерем не затуманено сомнениями, в глазах — откровенная радость, которую невозможно скрыть.

Она выходит в коридор, оглянувшись по сторонам, целует его.

— Приехал? Вот молодец. Ты как чувствовал — сегодня мы сдаем адыгейский букварь в типографию. Там есть и моя капелька.

— По этому случаю неплохо бы что-нибудь устроить, — говорит Рамазан. — Возьми этот сверток, а я приглашу друзей.

— О! — Мерем счастлива — она давно не принимала гостей. — Зови, все будет в порядке. Рамазан, теперь я верю в себя!

Сейчас можно и в ЧК. И тут удача — Геннадий и Максим на месте. Они выслушивают рассказ Рамазана с исключительным вниманием.

— То, что Адиль-Гирей жив, — говорит Геннадий, — мы знали. Но узнали слишком поздно — после ареста человека, у которого он должен был остановиться. На допросе как раз и сообщил, что ждет сановного гостя. К счастью, перед арестом успел отправить донесение, в котором указывалось, что у него все в порядке, теперь в его квартире засада. Но могло статься и так, что арест заметил кто-либо из них. Предупрежденный Адиль-Гирей может нагрянуть к тебе. Возможно, князь попросту не пожелает воспользоваться явкой и сразу отправится к жене. Не обижайся, но твоя квартира — отличнейшая крыша.

— И чего старый бес шныряет между белыми и красными, — раздраженно заметил Рамазан. — Пора бы и угомониться.

— Такие не угомонятся, — возразил Максим. — Ты должен знать: Адиль-Гирей — опытный, ценный сотрудник разведки; он, по-видимому, везет задания резидентам и агентуре в связи с резким изменением обстановки.

— Спасибо, товарищи, — подытожил Рамазан. — Картина ясна, выводы сделаю. А пока прошу сегодня вечером ко мне на шашлык: сдан в типографию первый адыгейский букварь. Я рад, что к его созданию в какой-то степени причастна и Мерем. А баранина — от того самого человека, в доме которого я беседовал с Улагаем.

Оба обещали заглянуть вечерком.

В секции, как обычно, никого, кроме новичка, нет. Рамазан приглашает и его на шашлычок по случаю рождения адыгейской письменности, раскрывает папку с письмами, инструкциями, распоряжениями. Но мысли его — там, в типографии, где идет набор букваря. Сколько раз, столкнувшись с очередной трудностью, Мерем готова была бросить начатое дело. Без нажима, убедительно втолковывал Мерем Рамазан, что ей по плечу и более сложные задачи. Постоянная поддержка мужа придавала сил.

Надвигаются сумерки. По дороге домой Рамазан непроизвольно улыбается. Много ли человеку надо — увидел радость в глазах любимой, и мир милее стал. Но, войдя в дом, не узнает жены. Мерем словно подменили. Она встречает его настороженным взглядом. Рамазан приходит к выводу: Адиль-Гирей в их доме, уже беседовал с дочерью. Быть может, даже попросил Мерем предварительно поговорить с мужем. Бедняжка, ей не позавидуешь.

— Как ужин? — Рамазан делает вид, будто не замечает перемены в настроении Мерем, но выдает срывающийся на хрип голос. Натянутые нервы Мерем быстро улавливают это.

— Ты уже знаешь? — подбегает к нему Мерем. — Откуда?

— Прочитал в твоих глазах, дорогая.

— Он сегодня же уйдет. Он ничего плохого не делает, просто выжидает. Очевидно, завтра утром пойдет сдаваться властям.

— Ты ничего не знаешь, Мерем, — старается не сорваться Рамазан. — Он обманывает тебя, прячется за твоей спиной. Это недостойно мужчины. Это лютый враг, Мерем.

— А ты? Что ты знаешь? Ты должен верить ему, как мне.

— Мерем, неужели ты все забыла?

— Я ничего не забыла, все помню. Но это мой отец, он дал мне жизнь, он любит меня, ради меня пришел сюда. Ты должен понять: перед сдачей он хочет пробыть хотя бы один день с нами.

Рамазан подходит к шинели, достает из кармана наган, проверяет барабан.

— Что ты собираешься делать? — ужасается Мерем. — Опомнись!

— То, что нужно. — Голос Рамазана сух и холоден. — Выйди-ка на улицу, Мерем, прогуляйся, поостынь...

Внутренняя дверь тихо открывается — и в дверях возникает статная фигура в защитном костюме и сапогах. Адиль-Гирей почти не изменился с тех пор, как Рамазан видел его в последний раз. Горделивая осанка, самоуверенный взгляд. Он чем-то напоминает Улагая. Внешне они очень разные, сближает их манера держаться в обществе, презрение к окружающим.

— Приходится иногда нарушать обычаи, — произносит Адиль-Гирей. — Здравствуй, зятек. Ты, Мерем, оставь нас, он прав, так мы скорее поладим. — Говоря это, он напряженно следит за Рамазаном.

— У тебя дело к Рамазану? — Глаза Мерем расширяются от ужаса. — Я не уйду, я не оставлю вас... Какие еще секреты? Отец, чего ждать, сдавайся сейчас, кончай с враждой. Я провожу тебя.

— Несмотря на различие во взглядах, мы все же родственники, — словно не расслышав Мерем, произносит Адиль-Гирей. — И довольно близкие: нас связывает дорогое нам обоим существо. И ей мы оба одинаково дороги. Рамазан, дай мне возможность сейчас уйти, и наши дороги никогда больше не пересекутся.

Рамазан понимает: пришло время действовать. Сейчас, именно сейчас нужно отвести его в ЧК. А Мерем? Впрочем, это уже неважно.

Раздумья Рамазана Адиль-Гирей истолковывает в свою пользу: он полагает, что зять колеблется. Князь делает шаг вперед.

— Я тебе, Рамазан, всегда доверял, — вкрадчиво замечает он. — И сейчас вышел без оружия — на, бери, веди в ЧК! Но ведь нам делить нечего, все мы — адыги. Кто знает, как повернется жизнь? Быть может, мы еще рядом послужим своему народу. Дай мне возможность уйти, и даю слово, что явлюсь утром с повинной.

— Папа, зачем тянуть? — вырывается у Мерем. — Лучше всего сделать это сейчас. Большевики отпускают всех, кто явился добровольно, ты еще сегодня успеешь вернуться домой.

Адиль-Гирей бросает на дочь взгляд, исполненный ненависти.

— Молчи, дура! Я лучше знаю, когда мне что делать...

— Он прав, Мерем, — облегченно произносит Рама-

зан. Позиция жены облегчила его задачу. — Ему виднее...

— Я могу считать себя свободным? — оживился князь.

— Вы меня не так поняли, — уточнил Рамазан. — Вы лучше знаете, что вам делать, а я лучше знаю, что мне делать. Сейчас отправимся в ЧК. Действительно, зачем откладывать на завтра?

Адиль-Гирей криво усмехнулся и двинулся было к двери.

— Стой! — выдохнул Рамазан. — Стой! Стрелять буду!

Этот крик прозвучал в уютной комнатке настолько нелепо, что Мерем показалось, будто Рамазан шутит.

— Брось ты! — пророкотал Адиль-Гирей. — Я твой тесть!

— Руки вверх! — снова выкрикнул Рамазан. — Быстрее...

Глядя на направленный на него наган, Адиль-Гирей начал медленно поднимать руки. Они повисли рядом с его папахой.

— Рамазан! — Мерем бросилась к мужу. — Не губи наше счастье.

— Эх, Мерем... — Рамазан бросил укоризненный взгляд на жену. Вдруг рука Адиль-Гирея дотронулась до папахи, что-то блеснуло.

— Стой! — успел крикнуть Рамазан. — Стой! Получай же...

От выстрела качнулась лампочка. Адиль-Гирей выронил револьвер и, ухватившись за косяк двери, стал медленно оседать на пол. К нему одновременно подбежали Рамазан и Мерем. Рамазан поднял браунинг Адиль-Гирея и спрятал его в карман.

— Рана не опасная, — сказал он, взглянув на тестя.

В комнату вбежала княгиня — красивая женщина с матовым полным лицом, с большими перепуганными глазами. Мгновенно оценив обстановку, потянула мужа в свою комнату.

— Не нужно, — отстранил ее Рамазан. — Адиль-Гирей арестован.

Эти слова вывели из оцепенения Мерем. С ненавистью взглянув на Рамазана, она выбежала вон.

Рамазан расстегнул гимнастерку Адиль-Гирея — из небольшой раны на правом плече обильно шла кровь.

— Принесите белую тряпку, — приказал он теще. — Или бинт...

Хлопнула входная дверь: явился первый гость.

— А ну-ка, пусти меня, — раздался голос Исхака.— Я ведь когда-то в фельдшерской школе учился. — Разорвав принесенную княгиней простыню, сделал перевязку.

В это время на пороге появились Максим и Геннадий.

— Знакомьтесь, — проговорил Рамазан, стараясь казаться спокойным. — Адиль-Гирей, собственной персоной.

— Дойдет или пойти за экипажем? — осведомился Геннадий.

— Дойду, — послышался голос Адиль-Гирея.

— Вот что, — засуетился Рамазан. — Шашлыку-то зачем пропадать... Я сейчас узнаю...

Товарищи не успели и рта раскрыть, как он исчез за дверью. В передней Мерем не было. Наугад толкнул одну из дверей и очутился в комнате княгини. Мерем стояла у стены, словно ожидая его.

— Мерем, пойми, я иначе не мог, — тихо проговорил он. — Не мог, понимаешь... Твой отец — один из главарей белого подполья, иностранный агент...

— Уйди! — крикнула Мерем. — Уйди! Я тебя ненавижу!

Рамазан вышел, огляделся, словно вспоминая, что ему здесь нужно, но, ничего не вспомнив, вернулся в свою комнату.

Княгиня попыталась было помочь мужу подняться, но Адиль-Гирей раздраженно крикнул:

— Не до тебя!..

— Что делать с твоим?.. — начала она, но закончить вопрос ей не удалось — князь уставился на нее таким свирепым взглядом, что она тут же умолкла.

— Пойду за понятыми, — нарушил молчание Геннадий. — Перед арестом полагается произвести обыск.

— И я пошел, — произнес Рамазан, направляясь к выходу. Голос его прозвучал вяло, равнодушно, и товарищи поняли: этот роковой выстрел вызвал крупную перемену в его личной жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Решение уйти в подполье возникло у Зачерия внезапно. В тот момент, когда снимал трубку, чтобы доложить на-

чальству, что Максим попал в ловушку, он еще надеялся, что выйдет сухим из воды: все видели, как Максим на чужом скакуне понесся за кем-то в погоню. С этой стороны операция разыграна мастерски, как, впрочем, и другие разработанные им.

Но он понимал, что находится под подозрением и что в какой-то момент его схватят даже при отсутствии прямых улик — слишком уж много накопилось вокруг него подозрительных неудач, просчетов, необъяснимых совпадений и провалов. Насторожила и странная, неестественная реакция на его сообщение. Начальник любил Максима, советовался с ним, доверял самые сложные поручения, и Зачерий не удивился бы, услыхав в ответ ругательства, угрозы, предложение немедленно явиться для доклада. Он и явился бы с повинной — судите, мол, как хотите, а только виноват Максим. Спокойный ответ позволял предположить, что Зачерия не хотят, а может, и боятся спугнуть. Пиши докладную... «Пиши, мол, а я пока позвоню в ЧК».

Он вышел во двор, сел на коня, поскакал. Куда — сам не знал. О переходе на нелегальное положение думал часто, тщательно готовился к нему, но в душе был уверен, что удержится на поверхности до победы контрреволюции. В победу верил.

Можно было, конечно, ускакать в лес, примкнуть к какой-либо банде, влиться в штаб Улагая. Но все это его не устраивало. Опуститься до положения рядового бандита — с этим тщеславие Зачерия, метившего на самые высокие посты в «свободной Адыгее», смириться не могло. Имелось и еще одно обстоятельство, влиявшее на ход его рассуждений — обстоятельство, не известное ни красным, ни белым, ни ЧК, ни Улагаю: у закоренелого холостяка, у женоненавистника Зачерия была семья.

Некая русская графиня, бежавшая из Петрограда, обратилась в деникинскую контрразведку с просьбой помочь ей найти мужа — белого офицера. С ней была дочь, шестнадцатилетняя Антуанетта, — насмерть перепуганное существо с полными слез голубыми глазами. Контрразведчики лишь сообщили, что муж графини, по-видимому, погиб, фондами для помощи беженцам они не располагали. Зачерий столкнулся с ними в коридоре. Важный агент, скрывавший под личиной адвоката свою связь с контрразведкой, был, как всегда, наряден, весел, добродушен. Он являл собой такой резкий внешний контраст с заматерелыми в жестокости «аппаратчиками», что

Антуанетта, сама не ведая, что творит, вдруг бросилась перед ним на колени с возгласом: «О, господин начальник, спасите нас». Зачерий помог девушке подняться, сказал, что готов выручить их, хотя и не имеет никакого отношения к этому учреждению: искренность и красота Антуанетты поразили его.

— Я тут сам в роли просителя за попавших в беду земляков, — на всякий случай пояснил он.

Зачерий действительно выполнял подобные поручения земляков, кое-кого контрразведка по его просьбе выпускала на свободу. Появление в квартире Антуанетты и ее матери заставило Зачерия нарушить свои давно установившиеся холостяцкие привычки. Он выдал графине крупную сумму «на булавки». Позже дарил Антуанетте много дорогих безделушек.

Вскоре мать Антуанетты познакомилась с видным коммерсантом и покинула Екатеринодар, оставив дочь на попечение Зачерия. Как пошло бы дальше — сказать трудно, если бы Антуанетта не забеременела. Жизнерадостный от природы, полный энергии Зачерий ходил гоголем, вынашивал план: после родов — во Францию. Но стремительное отступление деникинцев началось как раз в те дни, когда Антуанетта собралась рожать. Появление Магомета приветствовали ожесточенной пальбой и белые, и красные: в городе шли уличные бои. Свое первое утро новорожденный встретил в тишине, которая обычно наступает после кровопролитной схватки. Антуанетта с кухаркой Анютой покинули барскую квартиру и перебрались на окраину, в хибарку, принадлежавшую Анюте. Соседям она сказала, что Антуанетта, переименованная в Аннушку, — ее племянница.

Зачерий не отступил с деникинцами, не ушел в подполье. Его арестовали. На допросе в ЧК рассказал, как трудно было выручать земляков из лап контрразведки. Ему, разумеется, не поверили. Каким-то образом об аресте Зачерия прознали в аулах. В двери ЧК и других революционных учреждений стали стучаться вызволенные им люди. Его выпустили, и он в тот же день отправился в родной аул на побережье — прощупать возможности побега за границу. Здесь на него и наткнулся Улагай. У него была крепкая связь с чужим берегом, но ему нужен был надежный, не вызывающий подозрений у ЧК человек. Лучше Зачерия не найти. Улагай изложил свои планы.

— Если моя миссия увенчается успехом, — заключил

он, — останемся дома. Ну а на худой конец уедем вместе.

Возвратившись в город, Зачерий предложил свои услуги горской секции исполкома. Уже примерно через недельку он примелькался во всех отделах, кого-то консультировал, что-то переводил, пробивался с земляками к начальству, вносил самые разнообразные проекты, а Сомову даже пообещал обучить черкесскому языку. Попутно обзаводился явочными квартирами, связными, оказывал неоценимые услуги Улагаю и главарям многих банд.

С женой Зачерий продолжал встречаться тайком. После провала, бросив коня у рынка, он тихими переулками выбрался на окраину и достиг берега Кубани. К берегу тянулись сотни тропок, пробитых рыболовами. Одна из них и привела Зачерия к заветному домику. Прежде чем войти во двор, долго приглядывался и прислушивался. Соседи спали, прохожие здесь и днем не появлялись. Предрассветная рань сморила даже цепных псов. Бесшумно ступая, подошел к домику опустился на завалинку.

И сразу стало легко и хорошо. Уверенность в собственной безопасности, близость столь желанного счастья, физическая расслабленность — все это создавало иллюзию достижения намеченной цели. Несколько минут сидел Зачерий, не шевелясь, блаженно посапывая, ни о чем не думая. Минуты эти стоили нескольких часов крепкого сна. Голова стала ясной, можно было все обсудить трезво и обстоятельно.

«Что тебе нужно?» — спросил себя Зачерий. И ответил: «Мне нужны Аннушка и Магомет».

Зачерий легко постучал в дверь, тихо, но четко произнес: «Анюта, это я».

Топот босых ног: Аннушка выскочила первой. Повисла на шее, засмеялась и заплакала. Стала возиться с лампой.

— Не надо света... Спать...

— Ищут? — поинтересовалась Анюта.

Зачерий рассказал обо всем без прикрас — от этих женщин он не таился.

О будущем не говорили — упивались неожиданным счастьем. Анюта ходила на рынок, иногда раздобывала газету. Мукой, солью, копченой бараниной их обеспечил Зачерий. Соли он как-то привез несколько мешков, и эту «валюту» выменивала Анюта на все необходимое.

Однажды утром Зачерий увидел себя в зеркальце Аннушки, засмеялся: круглый, волосатый блин со щелками, из которых поблескивали спелые вишни. Он порылся в Анютином сундуке, извлек оттуда потрепанный извозчичий кафтан, шапку, изрядно побитую молью, высокие ботинки. Нарядился, шапку на глаза натянул.

— Ануся, — позвал жену.

Аннушка хоть и привыкла к небритой диковатой физиономии мужа, отшатнулась — перед ней стоял чужой человек. Маскарад ей не понравился. Она достала из комода подобранный на рынке листок. Зачерий сразу узнал его — обращение к бело-зеленым.

Зачерий понимал, что это лучший выход: явиться, признаться во всем и отправиться домой. А еще лучше — перебраться в Ростов, там у него немало знакомых. Но как быть с Улагаем?

— Меня не выпустят до тех пор, пока я не наведу на след Улагая, — вздохнул он. — А его не так-то легко изловить. Кучук скоро в Турцию махнет, тогда и сдамся.

— Да кто тебе дороже, — не выдержала Анюта, — бандит или сын родной? Улагай тебя за грош в ложке воды утопит.

— Ты не права, Анюта, — возразил Зачерий. — Улагай мой родственник, я не могу его продать.

На рассвете следующего дня Зачерий спустился к Кубани, устроился на обрывистом берегу с удочкой. Меняя место, вскоре примкнул к группе рыболовов, вместе с которыми и вошел в город. На одной из улиц свернул к вокзалу: здесь у него имелся связной, Федя, из бывших носильщиков, работавший «сдельно».

Плохо замощенная вокзальная площадь, окруженная сомнительными хибарками — бывшими магазинчиками, лавчонками, никому теперь не нужными службами, — являла весьма живописную картину. К строениям жались люди с узлами, грязный тротуар кишел подозрительными группками, парами, одиночками, которые торговались, спорили, высматривали кого-то, догоняли, окликали, угрожали, затевали драки. Шныряли молодцы с лотками на груди — продавцы пирожков с картошкой, ирисок, маковок, восточных сладостей. Тут можно было встретить людей любой национальности, профессии, любого возраста, но все же более всего среди них было всяких охотников поживиться на чужой счет, обвести вокруг пальца какого-нибудь простака. В сторонке, у вокзаль-

ной стены, на специально отведенном месте стояло несколько извозчиков.

Опираясь на палку, Зачерий проковылял к стене. Здесь было посвободнее. Через всю стену алели буквы. Подойдя ближе, прочитал строки «Интернационала». Оглядев голодную, разношерстную толпу, ухмыльнулся: «Кто был ничем, тот станет всем!» Как бы не так! Уж эта вот старая шлюха с расквашенным носом так и останется шлюхой...»

Федя, как и всегда, подпирал стену вокзального здания. Тот же синий картуз, из-под лакированного козырька — черный чуб. Английский френч, в зубах — цигарка. Прихрамывая, Зачерий прошел неподалеку от него. Никакого внимания. В извозчичьем армяке, до глаз обросший густой черной бородой, он походил на кого угодно, только не на прежнего Зачерия. В этот момент возникло у него озорное желание прогуляться по коридорам исполкома. Впрочем, шутить со смертью больше не стоит. Остановившись перед подручным, почти не глядя на него, спросил:

— Тебя, господин-товарищ, Федей звать?

Федя вытаращил на Зачерия глаза: ну и маскарад!

— Тебе, папаша, может, подсобить нужно? — решил все же осведомиться. — Ну-ка, отойдем в сторонку, пошушукаемся.

Они отошли.

— Ловко ты, — шепчет Федя. — Родная мать открестится. Тебя явно искали. Неизвестные лица спрашивали. И этот интересовался, ну, к которому я ходил.

— Не взяли его? — удивился и обрадовался Зачерий.

— Ускользнул. Думаю, опять появится — очень ты ему нужен, большие деньги обещал. — По тону, которым это было произнесено, понял Зачерий, что Федя знает, где найти Сулеймана. А темнит, чтобы побольше сорвать. Что ж, сегодня он не поскупится — нужно повидаться с Улагаем, выяснить, что он собирается делать и, исходя из этого, строить свои планы. — А во-о-н и тот парнишечка, что тебя ищет, — продолжал между тем Федя. — Посреди площади стоит, оглядывается. Не там, левее, возле рыжей проститутки...

Зачерий увидел Геннадия. Он разговаривал с молоденькой смазливой девчонкой, которая то и дело потряхивала пышной рыжей гривой. Беседуя, Геннадий вни-

мательно оглядывал вокзальную площадь — участок за участком.

— Пойдем к Сулейману, — предложил Зачерий. — Говори, сколько нужно, приготовлю, завтра принесу.

— Когда принесешь, тогда и пойдем, — возразил Федя. — А сколько? Сколько принесешь, столько и ладно.

— И на том спасибо, — съязвил Зачерий. — Что, разве когда у нас трения возникали?

— Раньше не возникали, — спокойно ответил Федя,— а сейчас могут и возникнуть. Я так думаю, лавочка ваша сворачивается — сегодня ты тут, а завтра, гляди, в Стамбуле объявишься. А то и в ЧК. В честности твоей не сомневаюсь, а вот обстоятельства бывают разные. Да ты не спеши, раньше ночи такие барышни на свидания не приходят.

Условились встретиться на том же месте, когда стемнеет. Федя ушел, а Зачерий затесался среди людей, продававших с рук всякое барахлишко. Прицениваясь то к потертым солдатским штанам, то к изрядно поношенным сапогам, он наблюдал за Геннадием. Тот, видно договорившись о чем-то с проституткой, двинулся к центру. На всякий случай Зачерий повернулся к нему спиной.

Домой добирался с чрезвычайной предосторожностью, чувствовал, что Федя прав, — наступает последний акт кровавой драмы, в которой он играл не последнюю роль. Подумал: если бы не слово, которое дал Улагаю, сегодня же пошел бы с повинной к Сергею Александровичу. «Бери, допрашивай, ничего не скрою...» Не верил, что отпустят на свободу, а все же пошел бы. Только бы Магомета с Аннушкой не трогали. Но выхода нет, надо узнать, что заготовил для последнего акта Улагай.

Увидел жену и ребенка, и стало на душе так сиротливо и мрачно, как не бывало никогда в жизни. Но постарался взять себя в руки. Сказал им, будто в самом деле что-то узнал, что события на исходе, несколько отлучек — и он последует их совету. Добавил, что сдаваться пойдет с семьей и там же оформит брак; не расти же Магомету байстрюком. И вскоре отправился на свидание.

В этот вечерний час людей на площади у вокзала было куда меньше, чем днем. Федя вышел навстречу, взял под руку.

— Только-только тот парнишечка смотался отсюда. Может, кого и оставил, всех не узнаешь, поэтому мах-

нем через путя. Ежели кто нами интересуется, заманим за пакгауз, расскажем сказочку про попа и собаку.

Петляя между вагонами, они убедились, что никто за ними не увязался. Обошли закопченное депо и оказались на тихой пустынной улочке. Зачерий передал Феде золотые десятки, предупредил:

— Приведешь Сулеймана — и уходи. В случае чего встретимся там же.

Федя исчез во мраке. И тут же, словно возникнув из ничего, подал голос Сулейман:

— Нашелся? — Чувствовалось, что встрече он рад, и это вселило в Зачерия какие-то смутные надежды. Сулейман никогда ничему не радовался, все воспринимал с показным равнодушием или нескрываемой озлобленностью. — Надлежит тебе явиться туда, где вы встречались перед твоим провалом. Срок — послезавтра утром. Боялся, что не успею передать. Думаю, лучше быть завтра вечером, успеешь осмотреться.

— Буду.

Место встречи несколько успокоило Зачерия. Если запасный лагерь еще цел, положение не столь трагично, как оно представляется Феде. Во всяком случае, поезд еще не летит под откос, будет время выбрать перегон потише — надо ведь и о ребрах позаботиться.

— Посидеть бы нам не мешало, — заметил Сулейман. — Да времени в обрез, надо проверить место свидания с Аскером.

— Надеюсь, не в городе? — спросил Зачерий. — Город закрыт — Геннадий за вокзальной площадью наблюдает.

— Прикуривал у него, — проронил Сулейман. — Руки так чесались, чуть сознание не потерял. Почувствовал он, думаю. Напрягся, вот-вот наган выхватит. Мне нельзя с этими гадами лицом к лицу встречаться — по глазам узнают. Встретимся с Аскером в Адыгехабле.

— У муллы?

— За его домом наблюдают, постороннего сразу сцапают. Рядом с домом Ильяса опустело жилье Лю. Биба в город отправилась, мать за ней. Скрытый подступ со степи, дом вне подозрений. Сейчас безопаснее всего использовать заброшенные постройки.

— Ибрагим подсказал? — заинтересовался Зачерий. Его всегда занимала не сама конспирация, не ее цель, а техника. Одурачить противника, держать явку под самым его носом, нахально забираться туда, где наиболее

опасно, ходить по кромке минарета на головокружительной высоте, словно уличный канатоходец, — это занятие для мужчины. Ибрагим в этом отношении мог потягаться с ним. Сейчас многие в бегах, тысячи вдов переехали к родителям, пустующих домиков в каждом ауле хватает. Идея превосходная.

— Ибрагима давно не видел, — ответил Сулейман.— Теперь у нас на связи Аскер.

— Введи меня в курс, — попросил Зачерий. — Я ведь все это время носа не высовывал.

— Ничего особенного не произошло. Вот разве что Максима освободил Ильяс. Знать бы, что Алхасу взбредет мысль отправить его в штаб Улагая, живым бы не выпустил. А теперь рядом с его усадьбой игры затеваем.

— Тебе не страшно, — пошутил Зачерий, — вы с ним вроде как кумовья, он же обещал принять тебя по всем правилам.

— Учитываю, — заверил Сулейман. — Потому и стал носить с собой лимонку. Специально для него.

Расстались как обычно — суховато, не предполагали, что это их последняя встреча.

Ночью, попрощавшись с семьей, Зачерий двинулся в горы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Раньше Ибрагим свободно шастал не только по аулам, но и по городу, который с недавних пор получил новое имя: Краснодар. Достаточно было сунуть патрулю какую-нибудь бумажку с печатью, и тот добродушно кивал: «Проходи, товарищ». Теперь не то. По дороге в Краснодар их чуть было не перехватили в таком месте, где неделю назад, кроме бандитов, никто и появляться не рисковал. В аулах чуть ли не ежедневно возникали новые отряды самообороны, их называли ЧОНами. ЧОН! Часть особого назначения.

Но самое страшное, по мнению Ибрагима, произошло с его невооруженными, нейтральными земляками. Раньше все было ясно. Одна часть стояла за Советы, другая почти открыто поддерживала контрреволюцию, а основная масса народа колебалась, выжидала. На них и была вся надежда. И вдруг почти все эти люди, отрешившись от своей выжидательной позиции, резко качнулись в сторону красных.

Что же случилось? Этого Ибрагим не знал, он лишь констатировал факты. А факты таковы. Улагай доказывает, будто красные не доверяют черкесам, распространяет слухи, будто жизнь каждого адыга в опасности. Если б так, красные ни за что не вручили бы черкесам оружие, это ясно и младенцу.

Но, может быть, сами адыги не желают иметь дела с Советами? Человек, получивший оружие, поворачивает его против своих врагов. Как же поступили его земляки? Они повернули оружие против банд, помогают вылавливать улагаевскую агентуру. Да, теперь не заявишься днем в аул, не пройдешь, как бывало, на собрание. Скрутят в два счета, пикнуть не успеешь. А может, людям, как и ему, до омерзения надоело кровопролитие? Просто хотят поставить точку. Где-нибудь, лишь бы точку? Нет, не то... Они что-то поняли. Что?

Быть может, и он понял бы, если бы жил в ауле да занимался своим хозяйством? Если бы знал, что тревожит отца и мать, их соседей. Одно несомненно — его мечты о блестящей карьере при Улагае, о торжественном въезде в родной аул теперь не ближе, чем были в начале их кровавого пути. Они как зарницы на горизонте — вечно будут оставаться недосягаемыми. Даже добившись успеха, Улагай не простит ему провала с Максимом и Ильясом, он вышел из доверия навсегда. После победы его наверняка оттеснят на задний план. Или попросту утопят, как Астру... Забывшись, Ибрагим громко вздыхает: уж лучше не думать...

— Ты не спишь? — Это Аслан.

— Не спится, — нехотя отзывается Ибрагим.

— Здорово ты ему подпустил насчет Максима!

Час назад их группе удалось избежать ареста только благодаря самообладанию и находчивости Ибрагима. Отозвал начальника патруля в сторонку и стал шептать что-то о Максиме Перегудове — дескать, спешат с донесением. Командир даже козырнул ему.

Аслану жарко, он сбрасывает с себя бурку. Вот и соображай, кто за кем следить должен. Улагай поручил ему присматривать за Ибрагимом, а парень только что всех их от верной гибели уберег.

— Ты молодец, Ибрагим, — шепчет он и еще тише добавляет: — А Кучук тебе больше не доверяет. «Чуть что заметишь, — говорит, — пулю в глотку».

Хорошо, что в сарае темно, и Аслан не видит жалкой улыбки на лице Ибрагима. Да, он проявил в пути

выдержку и находчивость, но меньше всего при этом думал о спасении своих спутников. Такие, как Аслан, по его мнению, стоят за гранью товарищества, в них ничего человеческого не осталось. Спасал Ибрагим себя, свою последнюю надежду. Покинув лагерь, он выработал определенную линию поведения в городе: решил во что бы то ни стало предотвратить резню. Но больше всего его волновала возможность встречи с Бибой. Решил повидаться с ней обязательно. Пусть это будет стоить ему жизни, но с Бибой поговорит с глазу на глаз, откроет ей душу. А что, собственно, открывать? Она и так прекрасно знает, что в душе у него одна грязь. Лакей убийцы — что может быть хуже? Он вспоминает ночь, когда они оказались наедине у родственников Аслана. Что бы ему сказать ей о своей любви, поговорить, как это делают нормальные парни... Но прошлое, как дым, — назад в трубу не загонишь. Ибрагим скрипит зубами. Сколько ошибок! В первый же раз ему нужно было явиться к Бибе, пусть арестовывают на ее глазах, пожалуйста, все лучше, чем вот так томиться. Он обдумывает различные варианты встречи с Бибой, старается подыскать убедительные слова...

Но Аслан, напуганный дорожными происшествиями, настроен решительно. Утром заявил, что засиживаться в городе не намерен — того и гляди, схватят. И большой группой разгуливать опасно. Лучше всего им вдвоем с Ибрагимом отправиться на выполнение задания. А ночью убраться подобру-поздорову. Что ж, Ибрагим согласен, вдвоем еще лучше. Что произойдет, он не знает. Но одно ему известно — семью Махмуда в обиду не даст.

Сапоги вязнут в густой смеси земли с талым снегом. Февраль смеется в лужах, играет с повеселевшими воробьями. Идут молча. Ибрагим в бешмете и папахе, стройный, решительный. Аслан в бурке, наглухо запахнутой на груди, рука на нагане: готов стрелять в любой момент.

На них никто не обращает внимания, они спокойно доходят до центра. Домик, в котором снимал квартиру Махмуд, скрыт от людских глаз высоким забором, под которым солнце сотворило из снега огромную лужу. Двое малышей, пыхтя и толкая друг дружку, пускают по ней щепки.

— Ай как красиво! — восторгается Аслан.

Ребятишки поднимают головы. Гм, это вовсе не дети Махмуда. И вообще не черкесы. Это русские синеглазые

карапузы, ни слова не понявшие из того, что сказал чужой дядя.

— Мальчик, позови из дома дядю Махмуда, — обращается Ибрагим к старшему.

— Они уже тут не живут, — отвечает мальчик. — Теперь мы занимаем эту квартиру.

— А он где живет? — вступает в разговор Аслан.

Мальчик подозрительно оглядывает Ибрагима и Аслана, дергает за рукав обшарпанного пальто братишку и тащит его к калитке.

— Мам, черкесы пришли! — доносится из-за забора его испуганный вопль. — Мама!..

С необычной поспешностью Ибрагим и Аслан возвращаются на явочную квартиру. Улица пустынна, но они не сразу заходят во двор. У сарая возится Зуля — жена агента, она глядит на незваных гостей, не скрывая неприязни. После короткого совещания решают: хозяин отправится на розыски Махмуда, а они расположатся в отдаленном сарае, задняя стена которого выходит на чужой двор. Доски в стене свободно отходят, в случае чего можно незаметно ускользнуть.

Приходит хозяин лишь под вечер, заметно выпивший.

— Зачем пил? — набрасывается на него Ибрагим.

— Иначе ничего не узнал бы. Живет Махмуд в большом доме на четвертом этаже, кругом одни военные. К дому не подступиться — вход с улицы закрыт, во двор заходить опасно.

Аслану не по себе — такое простое дело вдруг начало усложняться. Большой дом... Наверное, командирское общежитие.

— Вдвоем явимся — задержат, — замечает он. — Как поступим?

— Иди один, — предлагает Ибрагим. — Свои глаза — не чужие. Документы в порядке, и Махмуд тебя не знает, и Кучук тебе верит.

— Наблюдение — не по моей части, — признается Аслан. — Иди в разведку сам, может, что придумаешь.

Ибрагим спит крепко, без сновидений. Просыпается поздно. Пьет чай с молоком, к мясу и лепешкам не притрагивается. Зачем-то разбирает и снова собирает наган. Гранаты оставляет Аслану. Перечитывает потрепанную справку.

Наконец Ибрагим закрывает за собой калитку. Над забором проплывает черная папаха. Летят из-под сапог сочные брызги — Ибрагим, как всегда, шагает напрямик.

Куда? Ему безразлично. Хорошо вот так шагать, не разбирая дороги, никуда не торопясь, не думая ни о чем. Будто ты глава добропорядочной семьи, идешь на службу, к товарищам, которые тебе верят, за которых готов горой стоять и которые ради тебя готовы на все.

Нет у него такой службы. Нет таких товарищей. И семьи нет...

Да, пора подводить черту. Первое: с Улагаем все кончено! Все, бесповоротно. Что бы ни произошло, он в лагерь не вернется. Пулю в глотку он и здесь получить может. Решение это, неожиданное для него самого, вдруг облегчает душу. Итак, первое: с Улагаем все кончено. Неужели это так просто? Решил, и все? О аллах, значит, он сейчас сам по себе? Не белый и не красный?

А второе? Красные обещают свободу всем, кто явится добровольно. Значит, явиться? Явиться! Явиться! Эти слова бьют по голове, как выстрелы. Явиться... Явиться... Зайти к Максиму, положить на стол оружие...

«Но тогда придется выдать товарищей», — вспоминает Ибрагим. Правда, он уже давно не считает их своими товарищами, но они ему верят, это его подчиненные. Выдавать он никого не хочет. Пусть лакей, но не предатель. Значит: явиться и молчать? А Аслан тем временем вырежет семью Махмуда?

Он оказывается на улице, где теперь живет Махмуд. Дом четырехэтажный, парадный ход заколочен, во двор ведут литые железные ворота. В глубине чернеет грузовик, расхаживают военные.

«Нет, не случайно сменил квартиру Махмуд, — решает Ибрагим. — Планы Улагая стали известны красным».

Проблуждав до вечера, никого не встретив и ни на что не решившись, возвратился домой. Стал жадно пить чай с молоком — чашка за чашкой.

— Что делать будем? — не выдержал Аслан.

— Завтра на месте будем решать. Попасть к нему без боя невозможно, во дворе много военных. А вступать в бой — верная гибель.

Аслан сникает: Ибрагим зря говорить не станет, это человек, для которого до сего времени невыполнимых заданий не существовало. Возвратиться ни с чем — значит навлечь на себя гнев командующего. Впрочем, он должен понимать — обстановка изменилась.

— Завтра посмотрим вместе, а ночью отправимся домой.

Ибрагима такое решение устраивает. Пусть уходят, это избавит его от необходимости выдавать их.

Явка! Явиться!

Сколько раз в последнее время приходилось Ибрагиму слышать эти слова из уст рядовых бандитов. Теперь они стали понятны и ему. Явиться! Рассчитаться с прошлым, а там — будь что будет.

— Аслан, — пристает один из бандитов. — Последний же вечер...

— Вот жеребец, — отмахивается Аслан, — не до баб, пойми ты. Сцапают.

— Да кому от этого вред будет? — настаивает бандит. — Не пустишь — к Зуле полезу.

Аслан сует ему под нос грязный кулак, а сам ухмыляется: хозяйка, если приглядеться, совсем недурна. Ему уже не раз приходила мысль отправить по срочному делу хозяина, а тем временем... И опасности никакой — женщина ни за что мужу не признается.

Аслан шепчет что-то Ибрагиму.

— Тьфу, — плюется тот. — Что вы за люди? Замужнюю женщину, жену своего товарища!..

— Ну и что, — не сдается Аслан. — Подумаешь, чистоплюй. Сам-то Бибу в трауре взял. Девку... А с Зулей что сделается?

— Не будет этого! — кричит Ибрагим. — Запрещаю!

— Не будет и не надо, — соглашается Аслан.

Ибрагим уснуть не может. Раньше намерения Аслана в отношении Зули рассмешили бы его, теперь взбудоражили, возмутили. «Надо утром предупредить хозяина, чтоб не отлучался, а помощничков запереть, а то и с хозяином не посчитаются».

Глаза привыкают к темноте. Ибрагим различает разбросанные на сене фигуры. И содрогается, поняв вдруг, что они и он — одно целое. «Что их жалеть? — думает он. — В любой момент на любое преступление готовы. Может, сейчас скрутить? По одному? Или Максима вызвать? Хозяин поможет, он уже давно тяготится связями с бандитами». Страх удерживает его, только страх. А цепь из такого непрочного материала большой нагрузки не выдержит. Нет, вязать — не его забота. Завтра отобьется от них и явится. Прямо к Максиму. Сдаст оружие, попросит перед отправкой в тюрьму разрешения переговорить с Бибой. Простит — Ибрагим на все пойдет. Пусть только простит — тогда самого Улагая в ЧК живьем доставит. Пусть только простит...

Простодушный малый, он даже начинает верить в свое счастье. Что ж, это его последняя надежда. Последний шанс.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вот уже третью ночь Бибе снится один и тот же сон. Ложится будто она спать, укрывается, но вдруг чья-то невидимая рука срывает одеяло, хватает ее за волосы, толкает в спину. Она летит, пока не ударяется о ствол дерева. Руки цепляются за ветви, она повисает над землей. Откуда-то доносится собачий лай. Он становится все громче, яростнее, огромная свора тощих псов вырывается на полянку. Они скачут, скаля пасти и подвывая, норовя ухватить ее за ноги. Биба пытается поджать колени к животу, но ноги не гнутся — они словно одеревенели, стали чужими. Вдруг ветка обламывается, и Биба летит вниз, на оскаленные клыки. Вся свора налетает на нее, клыки вонзаются в живот. Становится тихо-тихо. И пусто — ни дерева, ни собак, ни ночи. И живот ее уже не живот, а ящик, и из него выползает какое-то ужасное существо — лицо человечье, но с козлиными ушами и рогами, туловище лохматое, четыре ноги... Существо раскрывает рот, словно намереваясь сказать что-то Бибе,— и в этот момент она просыпается. Страшно. Хочется разбудить Сомову, но нет сил пошевелиться. Лежит, тяжело дыша, с ненавистью прислушиваясь к глухим толчкам.

Пять месяцев прошло с того страшного, трагического дня, но ненависть ее не угасла. Поначалу она притаилась, замаскировалась, уползла под личину равнодушия. Но вдруг пробудилась к жизни... Биба сказала себе: до марта не отомстит, тогда жить больше незачем. Что ей, опозоренной и неотомщенной, делать на свете? Пока жив Ибрагим, она и прикоснуться не сможет к своему ребенку. Дитя выродка, бандита, насильника...

Ненависть научила ее хитрости, она старалась скрывать свои чувства. В обществе Фатимет и Мерем даже улыбалась. Странная это была улыбка, какая-то напряженная, вымученная. А глаза горели, в них светилась жажда мести. Чтобы подбодрить себя, шептала мысленно: «Встречу, выпущу в него три пули и засмеюсь: палач наказан!» От этих слов ей действительно становилось чуть легче, даже мысль о ребенке не вызывала припадка бешенства.

Но чем меньше оставалось дней до марта, тем большая тревога охватывала ее. На занятиях в школе задумывалась, часами без дела расхаживала по коридору неподалеку от кабинета начальника, где был телефон: вдруг опять позвонит? Не упустить бы. Ходила по городу медленно, заглядывая в глаза каждому встречному черкесу: вдруг Ибрагим попадется на улице. Пусть схватят его!

Но Ибрагим не звонил и не попадался на глаза. Близился час, когда нужно будет платить по счету, который сама себе предъявила. Умереть неотомщенной — от этой мысли холодело тело.

В последние дни она все больше отходила от друзей, все вечера просиживала дома. Как-то прибежала Мерем — вся в слезах, захлебываясь, рассказала о своем несчастье. Не хватило сил пожалеть хоть для виду.

«Дура! — вдруг раскричалась Биба. — Нашла что требовать от мужа — измены делу, за которое он готов отдать жизнь. Дурак, что не пристрелил тебя заодно с папашей. Видно, что любит».

Мерем слушала, будто удары принимала, съежившись, уставившись в одну точку. Бибе даже стало жаль ее. Вдруг захотелось, обнявшись с ней, поплакать. Прикрикнула на себя: «Отомсти сперва!» И, недовольная этой минутной слабостью, добавила вслух: «Нельзя одновременно быть и белой и красной... Выбирай что-нибудь одно».

Бибе казалось, что Мерем навеки обидится. Но она вдруг сказала: «Какая же ты, Биба, рассудительная. Ну спасибо. Конечно, я дура: вздумала увидеть на небе одновременно и луну, и солнце». Чмокнув Бибу в лоб, уставилась в ее глаза. «Мы ведь все одинаковые — бабы... Пришла к тебе — и легче стало. И ты приходи ко мне, может, и я слова найду... Приходи...»

Не пошла к ней Биба, побоялась. Скажет ей Мерем что-нибудь такое, от чего расплачется, пожалеет себя, изменит отношение к тому комочку, что растет под сердцем, все чаще напоминая о себе. Ледяной комок ненависти, лелеемый ею столь тщательно, растает в слезах, и станет Биба такой, как все, смирится со своей бедой. А она не может смириться, она обязана отомстить. Отомстить или умереть!

Сомова не лезет к ней с нравоучениями, понимает, что все они способны лишь растравить незаживающую рану. Бибу надо понять. Есть же, в конце концов, преступления, которые может смыть только кровь. Настоя-

щий человек своей честью дорожит больше, чем жизнью. Значит, Биба — настоящий человек, и она обязана помочь ей.

— Не забыла револьвер? — осведомляется Биба, когда они выходят «на поиск». Она напоминает об этом каждое утро.

— Взяла, доченька, — успокаивает ее Сомова. — В муфте он.

Биба даже приостанавливается — улавливает в голосе Сомовой какую-то новую нотку. Сейчас она не просто потакает капризу, прихоти девчонки, как это было раньше, а сочувствует. И это согревает. Ледяной комок ненависти в груди становится легче нести.

— Знаешь, тетя Катя, — говорит она, — я уверена — мы его скоро встретим. А вдруг сегодня? Надо быть очень внимательной.

Сомова берет Бибу под руку, когда они переходят улицу. Это возмущает Бибу: еще чего, что она, маленькая...

Они поворачивают за угол. Впереди шагают двое мужчин. Определенно, черкесы. Один — в бурке, другой — в бешмете. Огромные папахи. Человек в бешмете как будто знаком. Биба прибавляет шагу, забыв, что резкие движения Сомовой вредны. Поспевая за ней, Сомова тяжело дышит, лицо ее залито потом.

Еще один перекресток. Навстречу черкесам идут красноармейцы. Черкесы подходят к ним, что-то спрашивают. Человек в бурке оборачивается на торопливые женские шаги. Биба сразу узнает его: тот самый, длинномордый... Конечно, с ним — Ибрагим!

Сердце колотится, дыхание прерывается.

— Он! — чуть слышно выговаривает Биба. — В бешмете. С ним Аслан...

Черкесы отходят от красноармейцев. В этот момент Сомова освобождает от муфты правую руку. В ней зажат небольшой браунинг. Она вскидывает руку на уровень глаз. Рука дрожит.

— Товарищи бойцы! — кричит Сомова. — Задержите обоих, это бандиты.

— Стреляй! — чуть не плачет Биба. — Уйдут...

— Стой! — орет один из бойцов. — Стой, стрелять буду!

Черкесы бегут по улице, за ними бойцы, Сомова, Биба. Сомова на ходу стреляет, еще раз. Мимо. Человек в

бурке поворачивается к преследователям. Звучит выстрел. Биба, словно споткнувшись, падает.

И тут происходит невообразимое: человек в бешмете налетает на своего товарища в бурке, сбивает его с ног, хватает за горло. Красноармейцы и набежавшие прохожие с трудом растаскивают их. Обезоруженные, со связанными руками, Ибрагим и Аслан все еще пытаются ринуться друг на друга. Сомовой не до них. Она расстегивает па Бибе пальто, рвет кофточку, рубашку. Небольшая ранка на животе. Кровь почти не идет. Сердце бьется.

— Доктора... Вызовите карету «скорой помощи»...

Рядом с Сомовой склоняется другая женщина. Она разглядывает спокойное, словно уснувшее лицо Бибы, достает из кармана пальто флакончик, вливает несколько капель Бибе в рот. Распространяется резкий запах камфарного масла. Биба издает слабый стон.

Красноармейцы останавливают появившуюся из-за поворота извозчичью пролетку, высаживают седока, устраивают Бибу. По бокам садятся Сомова и женщина, давшая Бибе камфару.

Извозчик пускает вскачь свою кобыленку. Далеко позади остается странная процессия: связанные бандиты, конвоируемые красноармейцами, и зеваки, обсуждающие происшествие.

Арестованных доставили в ЧК. И вот они в кабинете Перегудова. Оба. Те самые, которые так недавно заарканили в самом буквальном смысле его, Максима. Этот, длинномордый, был с ним не очень вежлив, он и сейчас глядит зверем. А Ибрагим подавлен. Видно, произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Этого — в камеру, — указал Максим на Аслана.— Коротко докладывай, что случилось, — обратился он к Ибрагиму, когда конвоиры ушли.

— Аслан стрелял в Бибу. Попал! — Губы его судорожно дергаются, из груди вырывается нечто похожее на стон. Максим дает ему воду, он пьет, стуча зубами о железную кружку. Проводит рукой по лбу, словно вспоминая что-то, как-то равнодушно произносит: — Скорее пиши адрес, там мои люди. Как бы не натворили беды. Сидят в сарае, есть выход в переулок... Пошли туда черкеса, я пароль назову.

Максим отправляет по адресу группу чекистов и звонит в больницу. Дежурный медик докладывает:

— Беременную оперируют, ей все же повезло. Ребе-

нок мертв, а ей серьезная опасность не грозит. А вот женщину, которая была с ней, спасти не удалось.

— Кого? Кого это?! — вскрикивает Максим. — Кто с ней был?!

— По документам — Сомова, Екатерина Сомова. Сердце, понимаете ли, а хватились не сразу, никто не подумал, что ей плохо — сама все хлопотала около раненой. И вдруг упала...

Максим закрывает лицо руками. Да, вот он, Ибрагим, сидит в ЧК, сейчас все расскажет, быть может, и самого Улагая поможет изловить. Но нет Сомовой, нет Мурата, нет десятков и сотен других людей, павших от рук бандитов. Какой дорогой ценой достается каждый шаг вперед!

— Что с Бибой? — нарушает тишину Ибрагим.

— Что с Бибой? — Максиму нелегко держать себя в руках. Впрочем, кажется, и Ибрагим по-настоящему потрясен случившимся. — Выживет Биба, ребенка спасти не удалось. И Сомову, — добавляет он, хотя понимает — Сомова Ибрагима не интересует.

И вдруг глухое, надо думать, нелегкое признание:

— Ты прав был, Максим, лакей я, и только. Мог всех живьем сдать, всю банду. Прозрел, когда поздно.

— Не время раскисать, Ибрагим, — строго заметил Максим. — Минуты дороги, не часы. Где сейчас Улагай?

— В последнее время я не знал, где он скрывается. А зимний лагерь в предгорьях. Давай бумагу...

Ибрагим со знанием дела рисует лагерь, подступы к нему, посты, размещение людей по землянкам.

— Могу поехать туда, — вдруг предлагает он.

— Обойдемся. Вот бумага, записывай агентуру. За тобой она?

— Почти вся. Несколько человек прямо с Улагаем связаны — Зачерий, Сулейман... Закордонные связи у Адиль-Гирея.

Пока Ибрагим пишет, Геннадий снаряжает отряд для разгрома лагеря. Главное в этой операции — захватить всех живьем, особенно Шеретлукова. Через несколько часов группы чекистов рассыпались по краю за улагаевской агентурой. Предстояла кропотливая работа — ведь многие из них успели обзавестись помощниками, почти все были хорошо вооружены, связаны с еще не разгромленными бандами.

Глубокой ночью Максиму доложили, что его хочет видеть Ибрагим.

— Я подумал, — неуверенно проговорил он, когда его привели, — что тебе будет интересно узнать о судьбе Османа. Что тебе известно?

Этот паскудный старикашка! Воспоминание о нем приводит Максима в уныние. Фатимет, выйдя из больницы, поселилась с Казбеком у Мерем, работала по соседству, в госпитале. Они изредка встречались. Короткими были их беседы. На все доводы Максима Фатимет твердила одно: «Как я могу выходить замуж, если судьба мужа мне неизвестна? Видно, Максим, не быть нам вместе, ищи себе другую жену». А сама едва сдерживала слезы: жаль было Казбека, рвалось сердце из-за Максима, самой хотелось увидеть хоть один счастливый денек. Но не может черкешенка выйти замуж при живом муже.

— Поджег Осман свой дом и махнул куда-то. Видимо, в Турцию. У него, говорят, много золота было, — ответил он Ибрагиму.

— Откуда эти сведения? — Ибрагим оживился.

— Анзаур сообщил.

— Попроси Анзаура расковырять пепелище и заглянуть в подпол под кабинетом Османа. Там он найдет то, что осталось от старика, если крысы не растащили.

— Твоя работа? — удивился Максим. — Ты и на такое способен?

— Улагай с Аскером постарались, я отвлекал на себя самооборону. У Османа хранилась валюта Улагая. В тот раз я за деньгами приезжал. Помнишь, на собрание вместе ходили...

Но Максим уже не слушает Ибрагима, он думает о том, как сообщить эту весть Фатимет. Просто так бухнуть, что Осман сгорел вместе с домом, — не поверит. Отправить с сыном в аул — без них, мол, нельзя навести порядок в усадьбе? Не поедет, скажет, что и видеть это подворье не желает. Надо сказать, что имеется предположение, будто Осман сгорел вместе с домом, требуется ее присутствие. Вот так будет лучше... И пусть этим займется не он, а Анзаур. Приедет за ней, установит факт, а потом отвезет в город.

«Неужели, — сомневается Максим, — неужели эта история так хорошо закончится? Ну конечно, разве мог Улагай оставить такого свидетеля? Как я сразу не догадался?»

Докладывая Сергею Александровичу о показаниях Ибрагима и неожиданно разговорившегося Аслана, Максим упомянул и о причинах пожара в доме Османа. На-

чальник ЧК заметил, что дело тут вовсе не в личной заинтересованности Максима, а в подходе бандитских главарей к своим пособникам. Не нужен — получай пулю, гори, лети в пропасть — вот это и есть самое важное. Он решил вместе со специальным следователем направить в аул и сотрудника местной газеты: о преступлениях Улагая должны знать все!

На следующий день — похороны Сомовой. Максим подошел к гробу, ком подкатил к горлу: впервые видел он Екатерину не в гимнастерке, не в сапогах. Легкая блузочка, новая юбка, туфли... Она ли это?..

После похорон подошла к нему худенькая, бледная женщина.

— Хочу попросить вас, Максим: если будет оказия в сторону того аула, подбросьте, пожалуйста, установлю надпись на могиле.

— Оказия на днях как раз и случится, Ядвига Адамовна. — Максим был рад хоть чем-нибудь помочь этой хлебнувшей горя женщине. — Мы проскочим дальше, вас высадим, а на обратном пути заберем.

И вот отряд в пути. Исход февраля. На смену оттепели пришли заморозки, тачанки весело несутся по заледеневшей дороге. На одной из них — Ядвига Адамовна. Красноармейцы накинули на нее тулуп, поддерживают на ухабах, стараются как-то развеселить. Помощник Максима Петро заставляет ее съесть кусок хлеба с салом. Дорога приближается к лесу.

— Вот тут, — вскрикивает Ценская, — мы их заметили! Все в форме, со звездами. А они как налетели...

— Зато и мы им дали потом по всей форме, — говорит Петро. — Ни одного в лесу не оставили. И Алхасу пулю в брюхо всадили.

Максим, на своем коне вырывается вперед, скачет к сельсовету. Умар, предупрежденный вездесущим и нестареющим Магометом, успевает выскочить на крыльцо.

— Тороплюсь, никаких советов давать не буду, — говорит Максим. — Сам понимаешь, какая это женщина.

— Понимаю, — подтверждает Умар. — Дорогой Магомет, объяви, пожалуйста, всем — пусть завтра ребятишки в школу с утра придут. Учительница приехала, смотреть их будет.

Он помогает Ядвиге Адамовне спуститься с тачанки, ведет к кладбищу. Маленький холмик рядом с другими.

— Мулла было возражать начал, — рассказывает Умар, — гяура с правоверными хоронить нельзя. Но лю-

ди заволновались, и он разрешил. Только — без креста. Но на покойнике его и не было.

К дубовому столбику прибит щиток с надписью:

ЦЕНСКИЙ
ФАБИАН СТАНИСЛАВОВИЧ

Учитель-герой
1864—1920

Над щитком — фанерная пятиконечная звездочка.

Ядвига Адамовна глядит на щиток, на звездочку, на укутанный снегом холмик, и перед глазами проплывают картины их долгой и трудной совместной жизни. Учитель-герой... Эти люди хорошо все сделали. И смерть его уже не кажется Ядвиге Адамовне такой нелепой и бессмысленной. Час прошел или два? Кто-то осторожно берет ее за руку.

— Пойдем, Ядвига, замерзнуть можно.— Это Умар.— Идем, тебя приглашает вдова Мурата, Клара. Мурат приезжал за тобой, помнишь?

Как не помнить — рослый красавец, смельчак! Пытался прикрыть собой учителя. Обливаясь кровью, кричал: «Не трогайте стариков, аллах вас покарает...» У него осталась семья? Ой, сколько детей! Ядвига Адамовна помогает Кларе управляться по дому. Горе чужой семьи входит в сердце, оттесняет свое. О господи, как сельсовет ни помогает, а все они голодные. А попробуй эту ораву одеть.

Ей приготовлена «ее» квартира в школе, но она остается ночевать у Клары. На ужин ее кормят жареной индейкой. «Ешь, — говорит Клара. — Аллах милостив, он принес нам Советскую власть. Если б не она, мы б уже...»

Утром за ней является Умар.

— Посмотрим школу, — приглашает он. — Ту самую, в которой вы с мужем собирались учить наших ребят.

Мертвая школа. Школа, в которую они не успели войти... Умар открывает двери, вводит ее в чистый коридор. Пол как будто только что вымыт. Свежо, приятно. Эх, не довелось...

Ядвига Адамовна открывает двери класса, переступает через порог. И замирает, потрясенная: в классе полно ребятни. При виде учительницы они вскакивают со своих мест и, не дожидаясь приветствия, орут выученное:

— Здравствуйте!

Ядвига Адамовна подходит к доске, но не выдерживает — из глаз брызжут слезы, ноги отказываются служить. Она опускается на стул. Тишина. Вдруг до ее ушей доносятся всхлипывания. Она открывает глаза — многие дети плачут вместе с ней.

— Зачем вы пришли в школу? — спрашивает она.

— Хотим учиться, — отвечает рослый мальчуган.

— Матка боска, — вздыхает Ядвига Адамовна. — Что же это? Что вы терзаете меня?

— Поучи их, Ядвига, хоть три дня,— просит Умар.— В других комнатах тоже дети сидят. Посмотришь?

Но детвора, не дождавшись гостей, сама вваливается в класс. Не успевает Ядвига Адамовна ответить на приветствие, как дверь снова открывается — входит Ильяс. За ним гуськом втягиваются четыре девочки. Пятая дома, на руках у жены.

— Здра... — едва слышно лепечут девочки.

Ильяс, смущаясь не меньше дочерей, козыряет учительнице, потом неловко стаскивает с головы буденовку.

— Говорят, тоже хотим в школу, — оправдывается он. — И жена сегодня не возражала... гм... не особенно возражала, — поправляется он из любви к точности. — Я и привел...

— Ну что ж... позанимаемся три дня, ребятки. Но так у нас ничего не получится. А ну-ка, давайте разберемся. Самые маленькие и девочки — влево, кто постарше — направо.

Малышей она оставляет, старшим велит явиться после обеда: всех сразу не выучишь. Умар и Ильяс уходят вместе со старшими детьми.

Три дня пролетают как одна минута. И когда в конце третьего дня на пороге класса появляется Максим, Ядвига Адамовна смотрит на него укоризненно, даже зло. У Максима перевязана правая рука, он подает учительнице левую.

— Сейчас на площади будет небольшое собрание, я хочу поговорить с людьми насчет хлеба, — докладывает он. — Приходите, после митинга поедем. Бойцы достали вам новый тулуп.

— Петро позаботился? — Глаза учительницы теплеют.

— Не... — Максим мнется. — Петро там остался... Глаза Ядвиги Адамовны округляются.

— Мы ведь ездили на банду, — оправдывается Максим. — Уничтожили. Почти без потерь. Банда смешан-

ная, остатки разных разбитых отрядов, сопротивлялась здорово.

«Почти без потерь... Только Петро остался...»

Когда она появляется на площади, собрание уже идет. Выступает Умар. Заметив учительницу, быстро сбегает ей навстречу. Папахи, словно перезревшие подсолнухи, поворачиваются за Умаром. Он берет учительницу за руку, помогает подняться. И тут справа, у бревен, где почетные старики, словно ветер пронесся — седобородые люди, приложив руки к груди, поклонились женщине.

Секунда... Или минута? Или вечность? Аул отдает дань ее мужу, ее горю. Ядвига Адамовна видит людей словно в тумане. Предательски подкашиваются ноги...

— Я закончу свою речь, — доносится до нее тихий голос Умара. — Максим нам объяснил, что многие люди из-за засухи теперь голодают. Мы продразверстку выполнили, и от нас ничего не требуется. Но если кто имеет лишнее, хорошо бы помочь голодающим. Кто хочет помочь, пускай привезет зерно в караулку. Или принесет: даже пуд хлеба поможет кому-нибудь пережить голод. Наша семья выделяет для голодающих два мешка пшеницы.

— Принесем! — гудит толпа. — Поделимся.

Люди расходятся. Ядвига Адамовна последний раз машет рукой Кларе, та уходит со слезами на глазах. Максим достает из полевой сумки пакет, протягивает его Ильясу.

— Помнишь, ты мне один вопрос задавал в кабинете Сергея Александровича, когда он благодарил тебя за помощь. В этом пакете — наш общий ответ. Начальник нарочным прислал, дома прочитаешь. Давай руку, брат, теперь, наверное, не скоро увидимся.

Ильяс прячет конверт в карман френча, протягивает Максиму руку и вдруг обнимает его на глазах у всех. У обоих напряженно стиснуты челюсти, оба сейчас удивительно похожи друг на друга — по крайней мере, так кажется Ядвиге Адамовне. Сходство это усиливают одинаковые головные уборы — поношенные, видавшие виды буденовки. Картина прощания кажется ей символичной.

— Нам пора, Ядвига Адамовна, — произносит Максим.

Ценская что-то медлит. Умар разглядывает новую вывеску сельсовета.

— Я подумала... — Ядвига Адамовна колеблется. — Завтра они придут в школу, а там... опять никого...

Ядвига Адамовна чувствует, что выражается не совсем ясно. Она вдруг подтягивается, хмурится еще больше, твердо и четко произносит:

— В ауле задержусь, пока не подыщут другого учителя. До свидания. И большое спасибо.

Максим почтительно жмет руку Ценской — маленькую морщинистую руку. Руку солдата.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Шеретлуков едва не столкнулся с отрядом, захватившим штаб. Не спалось. Одев меховую куртку, сунул в карман браунинг, повесил на плечо карабин и вышел. Ярко светили звезды, воздух был сух и свеж. Шаги часового звучали равномерно и методично, будто удары маятника в пустой комнате. Он вспомнил о прогулках, которые совершал Улагай в полном одиночестве, и в который раз подумал, что практичный Кучук проделывал их не только ради моциона. Шеретлукову как-то вздумалось издали понаблюдать за шефом. Улагай долго петлял, но все же вышел на тропинку, ведущую к отгонным пастбищам. Тропа терялась среди молодого кустарника.

«Видимо, — решил Шеретлуков, — Кучук запасся аварийным убежищем». Ему и пришло на ум разгадать тайну Улагая — просто так, как шараду. Он возвратился к себе, перебросил через плечо сумку с неприкосновенным запасом.

— Поохотиться хочу, — предупредил часового. — К утру буду.

В лагере кроме обслуживающего персонала оставалось двенадцать человек, в основном люди из взвода разведки дикой дивизии, служившие с Улагаем не один год. Их, по мнению Шеретлукова, давно следовало отпустить по домам — в своих аулах они оказались бы куда полезнее. Но Улагай не соглашался. Он хотел иметь под рукой группку головорезов, готовых на все, без них его тактика террора осталась бы пустым звуком. «Как только вернется Ибрагим, — сказал он, прощаясь, — сформируем четыре подвижные фаланги. Они будут наносить удары поочередно в самых неожиданных местах. Фаланги со смертоносным жалом».

Неторопливо пробираясь среди валунов, Шеретлуков взвешивал все «за» и «против». «За» оставалось очень

мало. Конечно, в аулах имелись люди, которым новый строй причинил огромные убытки, и не только материальные: он низверг их с высоты, уравнял с плебсом. При благоприятных условиях эти люди могли бы снова занять прежнее положение. Благоприятные условия могла создать только победоносная контрреволюционная армия — белая, зеленая, черная, все равно какая, хоть иностранная. Но такой армии в наличии не имелось. Разгром Врангеля рассеял последние надежды. Итак, «за» включало в себя лишь один фактор: террор. Запугать, затравить, схватить за горло, заставить служить под угрозой истребления. Но не слишком ли уповал Улагай на террор? Не каждого запугаешь.

А «против»? Для перечисления всех «против» у Шеретлукова не хватило бы пальцев. Сначала он полагал, что все дело только в переделе земли. Он даже начал разрабатывать собственный проект черкесской земельной реформы, при которой интересы каждого были бы как-то учтены. Бросил, поняв, что затея безнадежна: волков и овец за один стол не усадишь. Зато в ходе раздумий, прощупывания настроений, наблюдений за земляками заметил у них нечто более важное, чем простой интерес к земле. Традиционное почитание богатых, знатных, которое, как он полагал, было у черкесов в крови, исчезало мгновенно, словно вспышка спички под шквальным ветром, как только знать теряла свою власть. Собственное достоинство, самоуважение, стремление к равенству, даже совершенствованию — вот что крылось под маской покорности. Революция сказала черкесу: блага жизни — для всех, и для тебя тоже. Пользуйся ими, оберегай их. Меньшинству этот порядок не нравится, оно пытается опрокинуть его кинжалами.

Забыв о своей цели, Шеретлуков автоматически повернул к лагерю. Его внимание привлек шум, долетавший с нижней дороги. Укрывшись за гранитной глыбой, прислушался. Сомнений не оставалось: к лагерю приближался какой-то отряд. Сперва он решил, что это возвращаются Ибрагим и Аслан, и двинулся навстречу всадникам, как вдруг вспомнил, что в группе было всего пятеро и двоих Ибрагим должен отправить по домам: эти члены будущих фаланг, по замыслу Улагая, должны явиться с повинной, чтобы базироваться на свои аулы. А во встреченной группе не менее двадцати человек.

Он укрылся за валуном. Если это враг, часовой поднимет тревогу и завяжется бой, тогда он и решит, как

быть дальше. По характерным звукам догадался, что конники проникли в лагерь. Но почему ни одного выстрела? Шеретлуков спустился еще ниже, туда, где у самой тропы громоздился огромный валун. Укрывшись за ним, стал ждать. Вскоре продрог, начал топтаться на месте.

Шум со стороны лагеря донесся лишь на рассвете. Шеретлуков снова залег за своим могучим укрытием. Давно уже отряда и след простыл, а Шеретлуков все лежал за валуном. Мокрая папаха отброшена, по лицу струится пот. Конечно, они назвали пароль — часовой не мог уснуть, зная, что вот-вот вернется командир. Да, они знали пароль. Раз красные знали пароль, значит, что-то случилось с Ибрагимом.

Вдруг вспомнил о пощечине. Вот он, ее отзвук. Другой бы на месте Ибрагима уже давно переметнулся к противнику, ждать милостей от Улагая ему уже не приходилось. Значит, Ибрагим у красных. Но тогда летит к чертям собачьим вся хитросплетенная агентурная сеть, а это все равно, что остаться в чужом городе с завязанными глазами.

В лагере тишина. И вокруг тишина. Поднимается розоватое горное солнце, подернутое снизу тонкой пеленой сизых облаков. Будто желток в разбитом яйце. Шеретлуков вдруг почувствовал облегчение, какого не испытывал никогда. Все просто до ужаса: приехали, взяли и уехали. Будто хозяйка, управившись с делами поважнее, махнула метлой по темному углу чулана. И нет ни паутины, ни пауков.

«Поброжу в одиночестве, — решает Шеретлуков. — Поищу запасное логово Кучука». Ему никого не жаль. Он даже рад, что не взбрело в голову поднять тревогу: ненужные жертвы. А так все обошлось. Он с улыбкой представляет себе лицемерно-скорбную физиономию Кучука, слушающего рассказ о ликвидации штаба. И Кучуку никого не жаль, даже Шеретлукова. Досадно — и только: не успел вырастить фаланги, как их отсекли.

Пойти, что ли, в лагерь позавтракать? Впрочем, это можно сделать и здесь. Он бросает взгляд на пустой лагерь и берется за сумку. Что-то заставляет его еще раз повернуться к постройкам. Он вздрагивает: из трубы над поварской хибаркой ровным тонким столбиком, словно ртуть в термометре, тянется вверх и тает в вышине дымок.

Засада! Шеретлуков представляет себе ее: трое или четверо красноармейцев, проклиная сволочного мятежно-

го князя, притаились в домике, по очереди таращатся в окно, а один, самый пожилой и домовитый, готовит чаек. Сколько же они будут ждать его?

Сидеть весь день за валуном Шеретлукову не улыбается. Подхватив карабин и сумку, короткими перебежками выбрался из зоны обзора. Сделав основательный крюк, оказался наконец на «тропе Улагая». Лагерь внизу. Люди возле построек не появляются, уже и дымок не тянется из трубы. Догадались, верно.

Там, где многие тропки сливаются в одну, слышится тихое журчание родника. Шеретлуков завтракает, потом вырезает себе толстую дубовую палку: торопиться-то некуда.

Отдохнув, начинает подъем. Вскоре замечает прижавшийся к скале крошечный домик-сруб. На дверях — замок. Если это сезам Улагая, где-то обязательно должен быть и ключ. Шеретлуков шарит пальцами по крыше и нащупывает его. В клетушке без окон ему нравится: обильный запас продуктов, оружия, боеприпасов; имеется свеча; на полочке — спички, на гвозде, как положено, — бурка. Даже короткий топчан с войлочным свертком в изголовье.

«Быть может, — приходит ему мысль, — у нас дело пошло бы куда лучше, если бы восстание готовил другой, а Улагай ведал бы делами хозяйственными». Запершись изнутри на крючок, укладывается. И тут же засыпает.

Проснувшись, открыл дверь — темно. Решил: надо идти к Улагаю. Этой же ночью. Он может сейчас быть только в одном месте — у главного муллы одного большого аула, глуповатого и жадного муллы, мечтающего стать кадием, судьей.

Ночь в пути, дневка у сдобной вдовушки, от которой сладко пахнет лепешками и лавандой. К Улагаю попал на завтрак. Как и положено, вместе с ними угощается и хозяин. По этой причине деловая часть откладывается. Шеретлукова это нисколько не огорчает: слишком уж сочна баранина. В индюках мулла тоже, говорят, знает толк, но лучшей баранины Шеретлукову пробовать не приходилось. Такая баранина настраивает на лирический лад, впору потребовать шампанское. Он забавляет друзей веселыми историями, и вдруг на ум ему приходит догадка: Улагаю уже все известно.

— От таких поворотов, Кучук, голова кругом пошла, — признается Шеретлуков, когда их покинул мулла. — Что же дальше?

— Вопрос мужчины, — улыбается Улагай. — Ты что думаешь?

— Надо уйти в подполье, затаиться, сохранить силы.

— Боюсь, — ответил Улагай, — что ты переоцениваешь противника. У них успех, да. Но — временный. Значит — ударом на удар. Всем ушедшим из отрядов на зиму будет приказано вернуться в строй. Достаточно двух-трех налетов казачьих банд на аулы, чтобы восстановить прежнее отношение горцев к русским.

Он выпаливает это без передышки — давно выношенное, желанное, но... совершенно не реальное. Быть может, это и было осуществимо в прошлом году, в момент высадки десанта, но теперь обстановка изменилась, главные силы, противоборствовавшие Советской власти, разгромлены. Отлично понимая все это, исходя из создавшихся условий, Улагай наметил иной план действий. Но перед Шеретлуковым он не желает раскрываться — кто знает, где еще придется с ним встретиться, кому он будет докладывать о последних днях их совместной деятельности. И странно, эта демагогическая болтовня подействовала, кипящий чайник князь принял за паровой котел. Ладно, пусть Улагай продолжает, если желает ходить по клинку, с него же вполне достаточно.

— Кучук, — вспоминает Шеретлуков, — ты, очевидно, знаешь, что с недавних пор горской секцией заведует один из тех, кого мы когда-то не успели прикончить, — Шахан-Гирей Хакурате. Личность сильная, хорошо известная в аулах. Правая его рука — Рамазан, которого ты брал на себя. Позиция Рамазана тоже определилась: уж если он набрался духу пустить пулю в тестя, тут уж всякие сомнения отпадают. Разве что, — не удержался от шпильки Шеретлуков, — он палил в него с целью маскировки. Горская секция в нынешнем составе для нас потеряна окончательно.

— Ты прав, Крым, — кивает Улагай. — Хакурате — мишень номер один. Рамазан тоже свое получит. Новые люди, надеюсь, учтут, что не считаться с нами — значит не жить. А там и до соглашения недалеко. А ты лично что предпочитаешь делать? — Час назад он бы не задал этого вопроса. Но, оказывается, Шеретлуков верит в то, что Улагай еще способен действовать. Самое время расстаться по-хорошему.

— Хочу податься в Абхазию, — признался Крым, — там у меня надежные друзья. На всякий случай запомни адрес. Пробраться туда легко, там тебя знают в лицо,

выполнят все твои желания. В худшем случае снабдят деньгами и переправят в Турцию.

— Спасибо, Крым. — Улагай искренне тронут: в иных обстоятельствах такой адрес может равняться жизни. — Но я все же попытаюсь использовать последний шанс. А если и погибну, что ж, такие, как ты, не дадут опорочить мое имя.

— Кучук! — Шеретлуков, обрадованный, что проблема его ухода решилась так благополучно и быстро, готов обнять Улагая. — Скажу правду: на твоем месте любой принял бы решение уйти. Уйти, чтобы сохранить самое ценное, что есть у человека, — жизнь. Ты продолжаешь дело. Слава тебе и честь! Об этом будет известно!

«Если тебя, дружок, не зацапают по дороге в Абхазию, — подумал Улагай. — А если схватят, еще лучше: твои показания совпадут с показаниями некоторых других господ и из них будут сделаны определенные выводы». Вслух же проговорил:

— Поспи, путь предстоит неблизкий. Когда стемнеет, мулла попросит кого-нибудь подкинуть тебя верст за сорок — пятьдесят, там тебя передадут надежным людям. Глядишь, и доберешься.

В сумерки мулла увел Шеретлукова к своему человеку. Улагай бросил взгляд на часы: встречи ждать недолго. Он стал расхаживать по двору, разумеется, в снаряжении муллы. Но под черным бешметом — два крупнокалиберных револьвера, браунинг номер два, подаренный как-то генералом Шкуро, несколько гранат. Кажется, все продумано. Два дня назад, когда ему неожиданно передали коротенькую записку Сулеймана, показалось, будто кольцо вокруг него сомкнулось. «Ибрагим у Максима, жду указаний. С.» — значилось в записке. Потом успокоился: ведь Ибрагиму его местонахождение неизвестно. Агентуру, конечно, выдаст, запасный лагерь возьмут, а до него не дотянутся. Будут бродить вокруг, будут запах его чувствовать, а за воротник не схватят: укрытия у него надежные.

И тогда Улагай принялся обдумывать свой ход. Исходил из того, что самые засекреченные явки будут в конце концов обнаружены. Как поступить? К концу дня план вчерне был готов. Достал переданный ему Энвером порошок от головной боли, нацарапал на обертке одно слово — «Сурет» и вручил мулле.

— Доставить немедленно, любой ценой, — не приказал, а попросил. — Он ждет!

Мулла пожевал губами, потоптался на месте, вглядываясь в Улагая. Он словно пытался уяснить, насколько важно его хозяину завладеть этим жалким порошком.

— От этого зависит его жизнь, — добавил Улагай, правильно расценив медлительность муллы.

Видимо, поверил. С лица слетело, словно плохо приклеенная маска, выражение тупости и самодовольства, мулла подтянулся, стал похож на офицера, получившего трудновыполнимое задание. Улагай был поражен этой невероятной переменой.

— Доставят! — проговорил мулла и вдруг стал точно таким, каким являлся всегда, — сонным, вялым, туповатым.

Потом состоялась встреча с Сулейманом. Оказалось, что он случайно находился неподалеку от Ибрагима и Аслана, видел все, что произошло на улице. Поняв, как поведет себя Ибрагим, собрался было поскакать в лагерь, чтобы предупредить Шеретлукова и людей об опасности, но своевременно сообразил, что такая же реальная угроза нависла и над Улагаем. И вот он здесь.

— Ты готов к действиям или раскис? — осведомился Улагай.

— Я всегда готов к действиям, зиусхан, — грубовато заметил Сулейман. — И всегда ждал, что мне поручат что-то по моим силам.

— Не обижайся, — примирительно ответил Улагай. — Таких, как ты, у меня мало. Почти нет таких, как ты, и ты это знаешь сам. Теперь настал твой черед. Да, Сулейман, твой и мой, будем до конца вместе. Если ты, конечно, готов ко всему.

— Господин полковник! — Сулейман вытянулся, голос его зазвенел. — Спасибо!

— Уверен, Сулейман, поэтому не будем терять времени. Найди Зачерия, передай ему то, что я просил. После этого встретишься с Аскером там, где было намечено.

— Так точно, господин полковник!

Помедлив, словно раздумывая, Улагай тихо добавил:

— Обычно я не посвящаю подчиненных в детали своих замыслов, да и нужды в этом особой нет. Но сейчас иная обстановка. Ты будешь играть в выполнении нового плана особую роль. Поэтому слушай. Мы понесли большие потери, нас предал даже Ибрагим. Большевики уверены, что мы разгромлены и располземся кто куда, что нас, как боевой силы, больше не существует.

— Так точно, господин полковник!

— А теперь давай посмотрим, что произойдет в действительности. Я дал приказ создать подвижные боевые фаланги. Их задача — террор! Убирать комиссаров и чекистов, тех, кто продался красным, кто им способствует. Удары наносить поочередно всеми группами. Сегодня в одном конце, завтра — в другом, послезавтра — еще где-нибудь. Удар нанесен, и группа перебирается в места, где красные чувствуют себя особенно привольно. Как?

— Хорошо, — вздохнул Сулейман. — С этого надо было начинать. Извините, зиусхан, за откровенность.

— Ты, дорогой, оказался прав. Потому я и назначаю теперь тебя своим начальником штаба. Будешь заниматься дислокацией фаланг, намечать объекты для ударов, составишь списки людей, которых надо убрать в первую очередь. Все это будет на тебе.

— Спасибо, зиусхан. Я присмотрелся к ним в городе, знаю, куда направить удар.

— А теперь о деталях. Деньков через шесть-семь надо будет в Большом лесу, если против этого пункта не возражаешь, собрать всех руководителей фаланг. Инструктировать буду лично я, ты договоришься о порядке действий. Когда все будет подготовлено, пришлешь человека к адыгехабльскому мулле, он будет поддерживать связь со мной. Список руководителей фаланг, которых надо пригласить, у Аскера. Ты знаешь, где с ним встретиться. Полагаюсь на вас обоих.

Вспоминая о встрече с Сулейманом, Улагай мысленно улыбается. Как тот ухватился за идею физически расправиться с красными! Теперь Сулейман с Аскером обеспечивают сбор людей. Улагай уверен: в назначенный час все будут в лесу. И тогда кто-то явится к адыгехабльскому мулле. Тому самому, за домом которого ведется круглосуточное наблюдение...

Когда стемнело, мулла ушел. Возвратился с Зачерием. Пока гость умывался и приводил себя в порядок, Улагай высказал мулле пожелание: нынешней ночью перебросить их куда-нибудь поближе к морю. В такое местечко, откуда можно было бы в случае нужды совершить бросок и на побережье, и в город. Там он будет ждать ответа. Мулла лишь кивнул.

— Если у Сулеймана сдадут нервы, — сказал Улагай, — к тебе могут заглянуть большие начальники. Они не станут церемониться.

— Станут, — возразил мулла. — И вообще слухи о пытках в ЧК сильно преувеличены: мне не приходи-

лось видеть ни одного человека, который бы мог показать пальцы без ногтей. Так что, господин полковник, тебе нечего опасаться моего языка. Но, думаю, Сулейман-то как раз и не разговорится. Другое дело — Аскер.

После ужина мулла снова исчез. Улагай изложил Зачерию часть плана, ту самую, которую поведал Сулейману. Зачерий слушал, изредка бросая на Улагая пытливые взгляды. Не верил он в террористические группы. После первого же налета их переловят вместе с пособниками. Впрочем, он не верил и в то, что Улагай лично примчится наставлять этих самураев-самоубийц. Человек, хорошо изучивший Улагая, он полагал, что наступает последний акт. Никакие слова сейчас значения уже не имеют, что бы ни говорил Улагай, у него на уме совсем иное. Но уж если действительно заварится каша с убийствами, Зачерию останется одно: явиться в ЧК. «Лучше бы обойтись без этой крайней меры», — подумалось ему.

Разговор иссяк, оба задремали. Ночью их разбудил мулла. Быстро оделись, взяли оружие, саквояж с едой. Шел снег, быть может, последний снег зимы двадцатого — двадцать первого года. Он валил крупными хлопьями, веселыми и обнадеживающими.

— Снег — это к счастью, — сказал Зачерий, подставляя руку под снежинки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«Что там, в пакете?» Ильяс готов завернуть в Совет, чтобы хоть одним глазом поглядеть на бумаги, но сдерживается. Было сказано «дома» — значит, дома. Но Умар вовсе не склонен толковать эту фразу буквально. Как только отряд исчез из виду и Ядвига Адамовна пошла к школе, он кивнул Ильясу, указывая на пакет.

Ильяс протянул ему большой незапечатанный конверт из оберточной бумаги. Умар извлек оттуда несколько исписанных листков. Первый — характеристика, подписанная начальником ЧК. Она отпечатана на машинке и читать ее легко. Там описывается весь путь Ильяса: как он два года в Конной армии Буденного служил, как ранен был, как в банду попал, как бежал оттуда с Максимом, как Алхаса громил... И в конце вывод: полностью предан Советской власти, трудовому народу, достоин быть коммунистом.

— Дай, я посмотрю...

Ильяс сам перечитывает печатный текст, долго разглядывает четкую подпись начальника ЧК и круглую печать. Остальные листки — рекомендации Ильясу для вступления в партию, подписанные председателем комиссии по борьбе с бандитизмом, начальником ЧК, Максимом, Рамазаном и Петром — за несколько дней до смерти составил. Увидев подпись Петра, оба вздыхают.

— Максим сказал, — поясняет Умар, — что рекомендация Петра действительна: это его последняя воля, завещание.

— Значит, ты знал, что в пакете? — поражается Ильяс.

— А как же! Между коммунистами секретов нет. Теперь напиши заявление и биографию: когда родился и все прочее про себя.

— А как биографию писать? И заявление?

Умар, имеющий опыт, втолковывает Ильясу, что ничего сложного в этом нет. Но предстоящая работа пугает Ильяса. Он берет у Умара слово, что тот заглянет к нему, поможет.

Дома Ильяс усаживается за стол, просит у Мариет карандаши. Дарихан достает из сундука пачку бумаги, невесть когда приобретенную еще отцом Ильяса по случаю земельной тяжбы. Детям разрешено разговаривать только шепотом.

Первая строка ложится на бумагу почти мгновенно: «Заявление».

Дальше — хуже. Что ни напишет, кажется корявым, нескладным, он перечеркивает и снова пишет. Дарихан зовет ужинать. Может, после ужина дело лучше пойдет? Садится за стол вместе с женой, дочерьми. Не сам додумался — у Умара научился. Вслед за ним купил жене пальто, одел на зиму и девчонок.

За ужином царит веселье. Младшие беспричинно хохочут, необычно серьезна лишь Мариет. Наверное, решает Ильяс, уже завелись какие-нибудь тайны. Так и есть. Когда все выходят из-за стола, Мариет остается.

— Должна тебе что-то сказать, — бормочет она.

— Говори. — Ильяс немного смущен: обычно дочери более откровенны с матерями.

— Умар несколько дней назад сказал, что Биба с матерью скоро возвратятся, фельдшером она у нас будет.

— Славная девчонка, — кивает Ильяс, все еще занятый своим заявлением. — Молодец! — И вдруг спохва-

тывается: ведь неспроста же затеяла этот разговор Мариет! — Продолжай. Я слушаю.

— Я решила прибрать в их доме, чтоб сразу себя хорошо почувствовали. Вчера все сделала, занавески сняла, постирала, сегодня повесить хотела... Да не стала — мне показалось, будто в доме после меня кто-то побывал. Постель Бибы примята, в печке — бумажка с куриными костями, у входа — грязь... И воздух какой-то тяжелый...

Ильяс призадумался. Бойцы его отряда, да и он сам вместе с Умаром охраняют аул неплохо. Но после ликвидации банды Алхаса количество патрулей сильно сократилось. По сути, просматривается въезд в аул только с двух концов поселка. Напрямик, с поля, можно пройти к любому дому. Сам покойный Лю протоптал тропинку через огород прямо к наделу. Очень многие таким образом сокращали путь, появление человека между аулом и лесом никого удивить не может. И, конечно, могло статься, что кто-то, пользуясь этим, решил укрываться в пустующей сакле. Очень умно! Не ставит под удар сообщников, но всегда может связаться с кем нужно, незаметно уйти. Остановись у знакомого, и соседи, хочешь не хочешь, заметят чужого. А пустующим домом кто заинтересуется?..

— Ты больше туда не ходи, — попросил он Мариет. — А чуть стемнеет, пойди в наш сарай. Там одной доски нет. Стой, слушай, смотри. Не испугаешься? Посидишь, потом я тебя сменю. Сиди, что бы ни случилось. Пройдет кто, не беги ко мне, сиди.

— А ты скоро придешь? — Мариет страшновато, да разве скажешь.

— Скоро, дочка, не бойся. И не выходи, пока я не приду. Выдержишь?

— Выдержу! — Мариет даже приосанилась — поручение отца поднимает ее мнение о себе.

Быть может, стоит посоветоваться с Умаром, устроить засаду? А если за домом наблюдают? Впрочем, о засаде и без того сразу узнают соседи, а значит — весь аул. Может статься, что незваные гости, прежде чем идти туда, получают условный сигнал. В последнее время как будто петухи стали просыпаться в неурочное время.

Он садится за заявление. В муках творчества незаметно приходит ночь.

Ильяс набрасывает бурку, проверяет наган, сует в карман гранату. Проходит в сарай.

— Никого! — шепчет Мариет. — Может, мне показалось?

— Посиди, пока мои глаза не привыкнут. Ел же кто-то курицу, раз кости остались.

С каждой минутой меняется картина перед глазами Ильяса. Сначала они не различают ничего, будто на них повязка. Потом мрак, словно бы высвечиваясь изнутри, начинает распадаться на крупные детали: верхушка плетня, крона яблони, слева — силуэт дома Лю. Еще через некоторое время крона распадается на множество черных закорючек, выделяется ствол яблони, на стенах дома начинают поблескивать стекла окон. И вот уже за плетнем можно свободно различить тропинку, которую протоптал покойный Лю.

— Беги домой, доченька. Молодец ты у меня, как сын!

Ильяс мысленно перебирает аульчан, дом за домом. Кто бы мог навести врага на это убежище? Ни на ком остановиться не может. И все же Ильяс уже не сомневается, что кто-то додумался использовать в качестве явок и укрытий брошенные хозяевами дома. В каждом ауле их теперь множество. Если бы он разыскивал кого-нибудь, то, верно, и не заглянул бы в дом Лю: как-то принято думать, будто врага кто-то прячет. А он сам прячется. Проскочит в темноте и отсиживается. Или встречу устраивает. Или письмецо куда-нибудь прячет, а потом забирает ответ.

Мысль Ильяса возвращается к будничным тревогам. Он начинает думать о погоде. Соседний мулла уверяет, будто весна будет засушливой. Не дай аллах, зерна на посев оставлено в обрез, в случае пересева — крышка.

Вспоминается последний разговор с Сергеем Александровичем, когда он после участия в разгроме ряда банд собирался домой.

— Хочу, — сказал начальник ЧК, — отправить тебя в Москву, на курсы чекистов. Подучишься, и дальше вместе работать будем, семью в город перевезешь.

Отвечать, что думаешь, трудно — как бы не обиделся человек. Но Ильяс хитрить не научился.

— Если очень нужно, тогда что ж, — произносит он. — Но я там, с землей. Хлебороб я...

Сергей Александрович и виду не показывает, как расстроил его такой ответ.

— Тебе виднее, Ильяс, — вздыхает он, — Корми нас,

хлеборобская душа. А если все же очень понадобишься, вызовем. Идет?

Вот тогда-то и задал Ильяс свой вопрос:

— Как думаете, в партию примут меня? Только правду.

— Умные люди, безусловно, примут, — ответил Максим.

— Тогда прошу у тебя рекомендацию.

— А у меня что не просишь? — с некоторой обидой заметил Сергей Александрович. — Я ведь тоже тебя хорошо знаю.

— Боюсь, — признался Ильяс. — Думал, обиделся. Дашь?

— Дам! Не обижайся, ты верно определил свое место.

Лицо Ильяса светлеет при воспоминании об этих словах.

На дворе начинает светать. Ильяс приходит к выводу, что в эту ночь в пустующую саклю никто не заглянет, но досиживает в засаде до восхода. Из дому выходит Дарихан, за ней Мариет. Встретившись взглядом с отцом, виновато опускает глаза.

— Смотри, никому ни слова, — шепчет он дочери.

Поспать, однако, не удается — приходит Умар. Ильяс протягивает ему пачку черновиков, Умар внимательно перечитывает их.

— Послушай, — говорит он задумчиво. — Представь: стоишь перед коммунистами, собираешься сказать им о вступлении в партию. Что бы сказал?

— А что! И сказал бы. — Ильяс раздумывает недолго. — Сказал бы так: товарищи, примите меня к себе, в большевики, за народ, за Ленина не жалел и жалеть не буду своей жизни.

— Здорово! — одобряет Умар. — Вот так и напиши.

Дарихан приносит завтрак. За чаем Ильяс сообщает о подозрениях Мариет, о засаде. Решают в следующую ночь караулить вдвоем: один дремлет, другой смотрит. Вечером Умар сообщает жене, что задержится до утра в караулке — пусть всех направляет туда. Гучипсу в караулке приказывает: кто бы ни пришел ко мне или к Ильясу, говори, что мы нездоровы. Решай все сам.

Ильяс прихватывает в сарай лепешек, луку — все веселее будет. Сидят, молчат.

— Может, зря? — шепчет Ильяс.

— Молчи, — еще тише отвечает Умар. — Выспаться успеем.

Примерно в полночь оба сразу вскочили на ноги — со стороны огорода отчетливо донеслись звуки шагов, затем показалась фигура в бурке. Человек уверенно, не сбиваясь с узкой тропы, проследовал к дому. Оба расслышали и щелканье щеколды.

— Пошли, — дернулся Умар.

Ильяс, получивший чекистскую закалку, остановил его.

— Никуда не денется. Если отдохнуть пришел, пусть ложится. А вдруг у него свидание?

— А вдруг записочку куда-нибудь ткнет и смоется? — в свою очередь предположил Умар.

— Будет выходить — схватим. А потом возьмем и того, кто за записочкой явится.

Умар посмеивается: вот тебе и Мариет. Проходит около часа, вдруг раздается кукареканье. Среди ночи...

— У, паршивец, — ругается Умар. — Перепугать может.

— Тише, — шепчет Ильяс. Раннему петуху вторит другой — совсем рядом. Проходит минута — и на огороде снова звучат шаги. Человек, пригибаясь к земле, не разбирая тропки, семенит к дому. Снова кашляет щеколда.

— К утру, гляди, полная хата набьется, — шутит Умар.

— У тебя аппетит неплохой, — смеется Ильяс. — Надо этих брать. Но обязательно живьем.

Уславливаются потихоньку переползти к входу в дом. Слушать. Если будут выходить вдвоем, первого оглушить ударом по голове, второго схватить за руки и связать. Если по одному — обоих вязать.

Как ужи, ползут к завалинке Лю. У дверей на редкость удачное место для засады — глухой уголок, в котором можно спрятаться вдвоем. Здесь и замирают. У Умара в руках наган, более крепкий физически Ильяс рассчитывает на свои руки. Из дома доносятся приглушенные голоса. Раздаются шаги. Один уже как будто в сенях, другой в комнате.

— Завтра ночью жди, — говорит тот, что в сенях.

— Как бы не так, — бормочет Ильяс. — Завтра ночью ты совсем о другом думать будешь.

Человек в сенях останавливается, очевидно прислушиваясь. Что-то испугало его? Нет. Еще шаг. Щелканье щеколды — и дверь открывается. Выйдя на крыльцо, человек закрывает дверь, щеколда на месте. В это мгновение рука Ильяса закрывает ему рот.

— Тише, — шепчет Ильяс. — Застрелю. Один звук...

Умар вяжет пленнику руки, шарит по карманам. Он хорошо вооружен: два револьвера, граната, какие-то бумаги, деньги.

Ильяс постукивает рукоятью нагана по лбу пленника.

— Тихо отвечай: как зовут?

— Аскер, — чуть заикаясь, бормочет пленник.

— А того, что в комнате? Только не ври.

— Сулейман.

Ильяс хмыкает: крупные пташки. С Аскером ему приходилось встречаться у Улагая не раз. А Сулейман? Неужели тот самый, который отправил его к бандитам? Ему не терпится поглядеть на него.

— Открой дверь и позови, — приказывает он Аскеру.— Только не заикайся.

Опять щеколда. И прерывистый голос:

— Сулейман, сюда!

Почти тотчас раздаются шаги, видимо, Сулейман прилег.

— Что случилось?

— Давай сюда! — теперь уже в голосе Аскера не дрожь, а злорадство: «Сейчас, мол, узнаешь, что случилось».

Сулейман выглядывает из двери.

— Руки вверх, быстро! — командует Ильяс. — Ни одного движения. Застрелю!

Вот и второй обезоружен и связан. Их вталкивают в сени. Умар чиркает колесиком зажигалки, слабый огонек озаряет бледные лица.

— Тот самый Аскер, — радуется Ильяс. — Голосистая птичка.

Он переводит взгляд на второго и замирает от ненависти:

— Пришел в гости, гад? Что же в окошко не постучал?

Рука с наганом сама собой поднимается. Сулейман следит за ней с ужасом, голова его вжимается в плечи. Ильяс судорожно сует наган за пояс.

— Твое счастье, что у нас не расплачиваются той же монетой...

На всякий случай обоим затыкают рты. Приводят в караулку. Там помещают в разные чуланы, ставят часовых.

— Надо бы их немедленно в город доставить, — рассуждает Ильяс. — Но мало ли что в пути может случиться. Отбить не отобьют, а пристрелить вполне могут.

В город снаряжается верховой отряд во главе с Ильясом.

В то утро Максим пришел на работу немного позже обычного: Сергей Александрович приказал отоспаться. Не успел усесться, как в кабинет ввалился Ильяс. Сияющий, хитроватый взгляд. После приветствия — пауза. Вопрос:

— Улагай нужен?

— Поймали? — Максим уставился на друга.

— Не его. Аскера, адъютанта. А у них встреча назначена. Мы его дома спрятали, везти побоялись. С ним взят связной. Кстати, тот самый, которого я искал. Сулейман.

— Это какой же? Неужели твой благодетель? Ребра хоть ты оставил ему? — подзуживает Максим. — Ладно, не обижайся, это я от хорошего настроения: Казбек отлично учится. Смекалистый парнюга. Что же вы у них изъяли?

— Ничего особенного — оружие, деньги, золота немного... Главное — у них встреча с Улагаем назначена.

— Пошли к начальнику, доложишь лично.

Сергей Александрович, расхаживавший во время доклада по комнате, обнимает Ильяса за плечи.

— Не ошибся ли ты в своем хлеборобстве, Ильяс? — Он пытливо заглядывает ему в глаза. — Ведь ты — чекист по призванию.

— Тогда, выходит, — отшучивается Ильяс, глубоко тронутый этой похвалой, — что и Мариет, дочка моя, тоже по призванию чекистка. А Умар — тот уж наверняка.

Совещание. Итог подводит Сергей Александрович.

— Главное вы сделали, Ильяс и Умар. Задержали подручных Улагая и не разгласили сам факт их ареста. Теперь к вам поедут Максим и другие товарищи, еще раз опросят бандитов и будут соответственно действовать. Помните, если понадобится засада, устраивайте ее так, чтобы ни одна душа об этом не проведала, иначе все сорвется. Пусть командует ею Ильяс, уж он это сумеет обеспечить.

Помолчав, Сергей Александрович спросил:

— А не слишком ли все гладко получается, а, товарищи?

— Надо послушать задержанных,—говорит Максим.— Тогда, быть может, кое-что прояснится.

— Голова! — со смехом вскрикивает Сергей Александрович. — Подкузьмил, нечего сказать. Собирай отряд, и я

с вами прокачусь, погляжу на этих молодчиков. Там и закончим совещание.

И вот у подъезда пофыркивает обшарпанный грузовичок. Ильяс немало видел таких машин, но ездить на них не приходилось. Сергей Александрович усаживается рядом с шофером, бойцы и Максим устраиваются наверху. Ильяс направляется во двор.

— Ты куда? — удивляется Максим. — Залезай в кузов.

— С конем не помещусь, — на полном серьезе возражает Ильяс.

— Ну хватил, — смеется Максим. — Коня твои люди пригонят.

Отдав приказание бойцам, Ильяс залезает в кузов. Садится рядом с Максимом и пулеметчиком. Грузовик, попрыгав по городским ухабам, выскакивает за город, мчится по степной дороге. Ильясу интересно, как машина догоняет и перегоняет подводы, как взбрыкивают и норовят вырваться из постромок казацкие кони, как мечутся, завидев машину, куры. Вдруг грузовик остановился. Чекистскому шоферу такие казусы не в новинку. Он выскакивает из кабины, открывает капот и начинает копаться в двигателе. Ильяс тоже лезет вниз — ему охота заглянуть в зубы этой громадине. С некоторым сомнением поглядывает на бурлящий радиатор: что там такое побулькивает? Оглянувшись, не смотрит ли кто, протягивает указательный палец к мотору и отдергивает его, едва сдержав крик: палец обожжен. «Лошадь все же лучше», — рассуждает Ильяс сам с собой, залезая в кузов.

Между тем шофер взялся за заводную ручку. Но машина и не думает трогаться с места.

— Толкнем, товарищи! — кричит шофер.

— Ей нужен хороший кнут, — смеется Ильяс, подталкивая вместе со всеми грузовик. Ему не верится, что таким несложным способом можно перехитрить эту заупрямившуюся колымагу.

Под напором бойцов грузовик трогается. Слышится какое-то урчание — начинает работать мотор. Люди снова забираются в кузов, грузовик лихо мчит вперед.

«Все же машина лучше, — признает свой промах Ильяс. И вдруг прикидывает: — А если плуг сзади прицепить, как получится?»

В ауле машину обступают не только дети и мужчины, но и женщины: такой «гость» здесь впервые. Сергей Александрович, Максим и Ильяс скрываются за воротами едыговского особняка, а Умар, воспользовавшись момен-

том, решил провести митинг. Он забрался в кузов машины и произнес речь.

— В газете было написано, что наступит время — и всяких машин будет сколько угодно, а приводить их в движение будет невидимая штука, спрятанная в проволоке, электричеством называется. Кто был в городе, тот своими глазами видел лампочки, которые загораются от проводов. Скоро и в аулы потянут столбы с проводами, и в каждом доме станет светло как днем.

— Ты говоришь, как слепой, которому все равно, что ночь, что день, — перебил оратора Исхак. — Что будет, если ночью станет светло как днем? Подумай, дорогой, и не заговаривайся.

Умара такими рассуждениями с толку не собьешь. Зачем ночью свет? А хотя бы книжку почитать. Или смастерить что-нибудь. Тут уж многие не выдерживают: какие книжки, если все неграмотные?

— Э, глупые, — начинает сердиться Умар, — никак понять не хотите. Это вы неграмотные. А ваши дети? Они ведь учатся.

— По-твоему выходит, что учитель важнее муллы? — задирается кто-то.

— Как сказать, — принимает вызов Умар. — Сколько лет мы живем с муллой, а толку?

— Тьфу на тебя, гяур!..

Но и им от факта не уйти: дети учатся, машина стоит посреди аула, а безбожник Умар выкрикивает с нее разные странные слова.

Тем временем в караулке идет допрос Аскера. Он охотно отвечает на все вопросы. В доме Лю дважды встречался с Сулейманом, в последний раз узнал, что в Большом лесу собираются руководители карательных фаланг, инструктировать их будет сам Улагай. Когда люди соберутся, Сулейман отнесет неизвестному человеку записочку, тот передаст ее полковнику. Улагай прибудет ночью к лесу. Пароль у Сулеймана.

Но Сулейман упорно молчит.

— Где вы видели Улагая в последний раз?

Сулейман отворачивается.

— Кому вы должны передать записку для Улагая?

Сулейман бросает на задающего эти вопросы Сергея Александровича презрительный взгляд.

— Напрасно тратите время, — высокомерно произносит он. — Это мои последние слова.

Сергей Александрович приказывает увести арестованного.

— Сейчас,—продолжает он, когда Сулеймана уводят,— мы отправимся в город. Бандитов увезем. Их закутать в бурки, положить на дно машины. Ильяс с отрядом должен ночью скрытно устроить засаду. Его отряд мы возьмем с собой, высадим верстах в десяти от аула. Запастись продуктами и боеприпасами, условиться с Максимом о связи. Задача: захватить руководителей фаланг, ожидать связного от Максима или от меня с дальнейшими приказаниями. Вопросы есть?

— А как же с Улагаем? — не выдержал Максим.

— Неужели ты поверил, что он явится в лес? — удивился Сергей Александрович. — Убежден — это отвлекающий маневр. Сейчас волк уносит ноги. Хочет оказаться в нетях и бросает нам приманку — своих костоломов. Сулейман, конечно, заговорит, но толку от его показаний будет мало: Улагай перехитрил их всех. Впрочем, как и нас. Взял подлостью. Скорее всего, он уже за кордоном...

Максим в ярости сжал зубы, лицо его побелело.

— Выполняйте! — приказал Сергей Александрович.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ночь. Огромный вал, гигантский черный вал, перекатывающийся по земному шару.

Ночь. Долог ее путь по нашей стране. Она плывет от Уэллена к Владивостоку, окутывает мраком Яблоновый хребет, наплывает на Урал, затягивает пересохшие, жаждущие влаги, дождей поля Центральной России.

Ночь. Тишина и грохот шрапнельных разрывов. Радости, тревоги, безудержный разгул, тихие раздумья. Мучительные, словно родовые схватки, творческие терзания.

Ночь. Пора сна, который, подобно обмороку, наваливается на человека, изнуренного трудом, заботами и печалями. Пора дел, не подлежащих оглашению. И пора мучительных, трудных решений.

Зачерий расхаживает от дерева к дереву, то и дело тоскливо вглядываясь в сторону петляющей по опушке дороги. Перед глазами Магомет: мальчишка что-то прихворнул. При появлении отца сияет, оживляется. «Ты у него как лекарство», — радуется Аннушка. Куда девалась его былая жизнерадостность. Тревога за семью не покидает ни на минуту, среди людей чувствует себя оди-

ноким. И определение этому одиночеству нашел: одинок, словно нищий на кладбище. Бросает взгляд на светящиеся стрелки часов: десять. Истекают последние минуты...

Почти два месяца промелькнуло с тех пор, как покинули они с Улагаем дом расторопного и не такого уж туповатого, каким он желал казаться, муллы. Немало поколесили по горным аулам, прежде чем получили известие: кажется, облава на Улагая прекратилась. Не верилось. Решили, что красные лишь притаились, что наблюдение усилено еще больше. Тут-то и проявилась находчивость муллы. С каждым днем к нему стало приходить все больше посетителей, почти все они что-то уносили — кто священную книгу, кто ничего не значащую записку, кто кусок материи, банку керосина, кулек крупы. И почти каждый что-то приносил. Один и принес то, что с нетерпением ожидали и мулла, и Улагай: привет от Энвера. Расшифровав нехитрое послание, мулла узнал, в каком месяце и какого числа, куда и в какое время суток за Улагаем явится «Сурет». Ни Улагай, ни даже сам мулла и представить не могли, какой долгий и кружной путь проделала пилюля с нацарапанным на ней словом «Сурет», прежде чем попала в руки адресата. Мулла со своим доверенным лицом переслал ее известному краснодарскому адвокату. Тот, повертев и понюхав, тяжко вздохнул и, уложив в объемистый портфель пачку жалоб и прошений, отправился в Москву. Прямо с вокзала на извозчике добрался до Тверской. По пути неоднократно оглядывался — не увязался ли кто за ним. Затем зашел в аптеку. Встретившись взглядом с провизором, нахмурился. «Я вчера просил порошки от головной боли, а вы мне подсунули черт знает что...» И достал из жилетного кармана порошок. Провизор взял его и вышел. Через минуту возвратился. Подавая пакетик с порошками, сказал: «Извините, теперь-то вы избавитесь от головной боли».

Адвокат сунул пакетик в карман и, не попрощавшись, вышел. Вечером порошок перекочевал в руки человека, уезжавшего за границу. В одной из европейских стран он передал его дипломату. Джентльмен, оставив все свои дела, отправился к начальству. Прошло еще несколько дней, и сигнал тревоги, поданный Улагаем, дошел до Энвера. Вскоре пришел и ответ.

Начиналась весна, и в ожидании катера Улагай надумал провести остаток дней там, где собирался строить загородное имение, — в секретной избушке. О новом пристанище никто не знал. Для связи были назначены услов-

ные дни и места. Это могло произойти лишь в случае, если Энвер менял место встречи. Ничего больше теперь Улагая не интересовало.

Они бродили по горам, каждый думал о своем. Улагай — о том, с кем теперь придется иметь дело, Зачерий — о семье. Сколько раз собирался он признаться Улагаю, что бежать за границу не намерен, что обзавелся тут семьей, что дороже жены и ребенка у него никого на свете нет. Боялся насмешек, боялся, что толстокожий Кучук, любивший лишь себя, коснется его тайны своими хамскими шуточками. И потому решил преподнести сюрприз перед отходом катера. «Счастливого пути, друзья, я остаюсь, адью. Желаю счастья».

И вдруг подумал: а не взбеленится ли Улагай? Ведь ему там, за границей, нужен хоть один живой свидетель его доблести и геройства. Ему, наконец, необходим сам Зачерий как помощник. Быть может, стоит, пользуясь ночным мраком, засесть за ближайшей скалой и помалкивать, пока катер не отчалит. А тогда разыскать брошенных ими же лошадей и податься в город? Пожалуй, это лучшее решение вопроса. Не нужно объясняться, выслушивать попреки в слабохарактерности или даже предательстве, не нужно унижаться перед человеком, с которым уже давно хотел и должен был порвать.

— Зачерий, — раздался приглушенный голос Улагая.

Зачерий промолчал. «Вот здесь тропинка... — лихорадочно соображал он. — Еще не поздно...»

— Ты что, онемел?! — закричал Улагай встревоженно, и Зачерий понял — теперь не затаишься.

— Здесь я. Кажется, пора сигналить.

Решил: «Объявлю, когда сядет в катер. Проглотит...»

Они стали спускаться к берегу. Впереди — Улагай.

Раскинув полы плаща, Улагай прижал к животу карманный фонарик и включил его. Еще раз, еще. Точка-тире-тире-тире-точка. Не успел выключить фонарик, как с моря откликнулись. Тонкий лучик, направленный на них, отстукал: тире-точка-точка-точка-тире. Почти тотчас донесся ровный стук движка.

Улагай достал из-за борта черкески шкуровский браунинг № 2 — так называемый «дамский револьвер».

— На всякий случай, — проговорил он. — А вдруг Энвера перехватили и заставили сигналить?

«Вот бы счастье», — подумал Зачерий. Но вслух не сказал ничего. Еще несколько минут, и катер, резко и круто развернувшись, закачался у берега.

— Придется, Кучук, на этот раз промочить ноги, — раздался веселый голос Энвера. — Впрочем, я не прочь прогуляться по берегу. Дневное наблюдение показало, что вокруг никого нет. — Соскочив в воду — она доходила ему до колен, — он зашлепал к берегу. Пожав руку Улагаю, всмотрелся в его спутника.

— Зачерий, — обрадовался он. — Значит, к нам!

— К сожалению, нет. Я остаюсь.

— Как? — Улагаю показалось, что он недослышал.

Энвер, сделав шаг назад, сунул руку за борт плаща.

— Я остаюсь! — громко и решительно повторил Зачерий. — Я решил остаться. Прощайте, друзья.

— Не понимаю, — недоуменно проговорил Улагай. — Ты шутишь? Сейчас не время.

— Я не шучу, Кучук, — возразил Зачерий.

— Почему ты не хочешь ехать с нами? — вмешался Энвер.

— Сын заболел, — с трудом выговорил Зачерий.

— Что ты мелешь? — угрожающе пророкотал Улагай. — Откуда у тебя сын?

— Я еще при Деникине женился. Сын Магомет. Ему недавно год исполнился...

Ночь становилась все глуше. Тихий прибой подгонял под ноги клочья белой пены.

— До свидания. — Зачерий протянул Улагаю руку. — Я сделал для тебя все, что мог. Буду ждать с десантом.

— Это окончательно? — Улагай не торопился прощаться.

— Окончательно, — подтвердил уже успокоившийся Зачерий. — Я верен нашим идеям. А пока у меня остается только семья.

— Но ведь ты у них начнешь болтать?

— Верь, Кучук, буду нем как рыба.

— А где гарантия? — раздался иронический голос Энвера. — В таких делах требуются твердые гарантии.

Улагай сделал какое-то движение, и вдруг один за другим прозвучали выстрелы. Три или четыре? Зачерий повалился на песок. Тело его, могучее, полное жизни, содрогнулось и затихло.

— Единственная надежная гарантия, — бросил Улагай. Голос его дрожал. Он наклонился над убитым, стал шарить по карманам: нет ли чего компрометирующего? Энвер присвечивал фонариком. В вырванном из ночи ярко озаренном кругу возникло лицо Зачерия, выражающее крайнее недоумение.

Ночь. Все крепче ее позиции, все меньше в городе освещенных окон, все реже нарушают тишину шаги запоздалых прохожих. Один из последних нарушителей — Кемаль. Он выходит из подъезда, некоторое время стоит у дверей, потом нехотя плетется своей дорогой.

— Упрямая, — бормочет он. — Но и я не отступлюсь...

— Упрямая, — это же слово повторяет мать Бибы. — Это твоя судьба, не гони ее.

— Моя судьба — лечить людей, мама. Завтра будем дома, нас ждут больные.

— Биба, не губи себя, ведь тебе уже семнадцать.

Биба молчит.

— Такой славный парень, — вздыхает мать.

— Славный. Но я его не люблю. Понимаешь — не люблю.

— Эх, Бибочка, думаешь, я любила твоего отца? Думаешь, какая-нибудь женщина могла бы полюбить его?

— То было другое время, мама.

Биба не спеша укладывает их нехитрый скарб в сундучок, потом останавливается перед маленькой фотографией Сомовой.

— Еду, Катя, — шепчет она. — Буду лечить.

Фотографию прячет в удостоверение об окончании курсов.

Щелкает выключатель.

Ночь. Не всюду она хозяйка. Словно бездомная кошка, нерешительно крадется ночь по пустым, полутемным коридорам учреждений. Рамазан гасит свет в комнате горской секции, сдвигает столы, бросает на них шинель. Под головой один из томов сочинения «Триста лет дома Романовых», тяжелый и твердый, как кирпич. Рамазан неумело крутит козью ножку, затягивается. Его поташнивает. То ли с непривычки, то ли от голода — сегодня отдал свою пайку хлеба какому-то беспризорнику.

«Зря перевожу табак», — догадывается Рамазан. Он трет самокрутку о каблук сапога, разувается и ложится. Вытягивает ноги, закрывает глаза. И сразу же в воображении возникает Мерем. Так всегда: повернешь выключатель — и комната озарится светом. Закроешь глаза — и появляется Мерем. Так всегда. Будто сидит где-то рядышком, только и ждет сигнала. Гневная, непреклонная. Не желает понять, что в этом мире нет места слабости. Да, слабость в этом мире порой равна предательству. Но твердость нелегко дается. Нервы напряжены так, будто кто-то только и делает, что тянет их, не зря Рамазан исхудал,

как схимник в ските, отрешившийся от всего земного. Увидит вечером парочку и улыбнется; как старик, у которого все в прошлом.

Одно счастье — дела. Рамазан наваливает на себя столько, что даже Хакурате, новый руководитель секции, удивляется.

— Изведешь себя, дорогой, — сокрушается он.

Но Рамазану и отдыхать негде. В ночь после ареста Адиль-Гирея захотелось побыть одному, он заночевал в секции. С тех пор и прижился к этим столам. Товарищи пытались силком затащить его к себе — не пошел. Рамазан поворачивается на бок. Костлявая лопатка упирается в доску стола, вызывая ноющую боль. Под бок можно было бы положить рукав шинели, но Рамазан делает вид, будто и так — лучше некуда. Ему кажется, что не только он видит Мерем, но и она его. По этой причине старается не замечать трудностей.

Но не думать о Мерем он не может. Думается само. И думается без злости, без ожесточения. Сколько радостных минут пережил, когда узнал, что ее взяли в отдел народного образования. Однажды они чуть было не столкнулись в коридоре. Мерем заметила Рамазана и шмыгнула в первые попавшиеся двери. Ненавидит. Ничего не поделаешь, жизнь сложна. В общем — плохо.

Понимает: надо спать. «Спать! Спать! Спать!»

А это кто еще там? Дверь нерешительно отворяется, в проеме застывает чья-то тень.

— Ты тут? — доносится слабый голос.

Мерем! Ему бы вскочить, затащить ее в комнату. А он лежит, будто прирос к этому проклятому столу.

— Тут я...— Голос, как у придурковатого, чужой голос.

Дверь закрывается. Легкие, осторожные шаги. Они замирают возле стола. Интересно, что она скажет?

— Я глупая, — говорит Мерем. — Ты меня простишь?

Он находит ее руку. В голове шумит.

— Мерем!

— В этот день я хотела, чтобы ты узнал, что я всегда с тобой. Только с тобой. Я счастлива, что ты такой, какой есть...

— Мерем!

— Подвинься же...

Ночь тихо перекатывается на запад. На пятки ей наступает розовощекий младенец — рассвет. В ненасытном

своем любопытстве он останавливается у каждого окошка, заглядывает во все закоулки, звонко покрикивает над ухом спящих: «Торопитесь, люди, новый день пришел!»

Младенец останавливается у дома Ильяса и с удивлением оглядывает его пустую кровать: кто это успел обогнать его, такого вездесущего? Где хозяин? Они здороваются в поле. День-ребенок на миг замирает, любуясь статной фигурой хлебороба. Ильяс бос, гимнастерка на груди распахнута, на шее тесемка, а на ней — лукошко.

Ильяс захватывает из него зерно обеими руками и равномерно разбрасывает по пашне. Земля, сдобренная накануне дождем, лоснится. Долго его ждали, этого дождя. А вчера почувствовал Ильяс рези в побитой осколками ноге. И понял: будет дождь! Он стоял в своем саду с Дарихан и первым заметил на юго-востоке темное облачко. Глянул и усмехнулся — и формой своей, и величиной оно напоминало буденовку. Облачко будто кто-то раздувал изнутри — оно росло на глазах.

— Смотри, смотри, — тронул Ильяс жену за руку.

Вдвоем они наблюдали за тучкой. А она все росла и вот уже захватила почти половину неба и неудержимо неслась на них. Скрылось полуденное солнце, стало по-осеннему мрачновато и холодно. Дарихан глянула на двери: не принести ли Ильясу шинельку? Он приложил палец к губам — стой, мол, на месте, спугнешь...

Зря осторожничал Ильяс. Еще больше насупилось небо и вдруг с грохотом прорвалось. Крупные, полновесные, как виноградины, капли затокали по крыше дома, по их головам.

Рванул гром. Дарихан потянула Ильяса к сеням, но он уперся.

— Ты иди, а я подышу...

Дождь все нарастал, креп. Уже не струями шел, а сплошной стеной. Будто поднялось вверх и низринулось оттуда Черное море. Только пресное, вкусное, хлебородное. Ильяс огляделся вокруг. Удивительно: видно было, как земля пьет. Она как бы вздымалась навстречу потоку, шевелила губами-трещинами, рассекавшими двор вдоль и поперек. И вот уже трещины, заполненные до краев, начали затягиваться, словно заживающие раны.

А как пили деревья! Жадно, захлебываясь, будто младенец, припавший к материнской груди. Пили, норовя всосать в себя сразу все, что требуется для жизни. И оживали сразу. Листва распрямлялась, зеленела, становилась

изумрудной, и деревья стояли, будто подбоченясь. С соседних дворов доносился радостный смех: теперь все, теперь-то уж будем с хлебом!..

Босые ноги Ильяса вязнут в пашне, но шагает он ровно и ровно разбрасывает зерно. Да, на Ильяса стоит поглядеть. Голова его гордо приподнята, ее венчает остроконечный шлем со звездой. Шлем, изрядно поношенный, покрытый бурыми пятнами, но все еще внушительный, похожий на горный пик, на неприступную вершину. Шлем, прозванный в народе буденовкой.

Ничего Ильясу не нужно, только бы вот так шагать да шагать, да кормить землю зерном. Чтобы проросло оно, заколосилось. Чтобы пошел хлеб на радость человеку.

Ильяс шагает. Земля, проступавшая поначалу меж пальцев, добирается до щиколотки, закрывает темно-багровый рубец на голени. И шагал бы так Ильяс сколько угодно, но впереди — межа.

Ильяс удовлетворенно оглядывается. И вдруг замечает у своей подводы людей. Их двое. Один, как и он, в буденовке, другой в видавшей виды солдатской фуражке.

— Максим! — озорно выкрикивает Ильяс. Он весел, как молодой день. Ветер доносит его голос до самого леса, и эхо прокатывается по изумруду листвы.

А кто же с Максимом?

— Ермил, едреный лапоть! — Ильяс выговаривает эти слова точь-в-точь как когда-то сам Ермил.

Он подходит к подводе, трясет своих гостей, словно собираясь столкнуть их лбами.

— Здорово, здорово, — бормочет смущенный Ермил.— Не забыл?

— Зверь тебя знает, такое выдумает! — хохочет Ильяс.

— Мы помочь пришли, — вмешался Максим, — а ты отсеялся.

— Все в порядке, поехали. — Ильяс полез на подводу.

— Постой, — вспомнил о чем-то Максим. — Вещь твоя у меня залежалась одна, когда-то Магомет передал. Все собирался вернуть и вот вчера прихватил. Получай. — Достав из кармана пакет, отдал Ильясу. Ильяс разворачивает изрядно потрепанный газетный лист, попорченный бурыми разводами. Через всю полосу огромные буквы: «Декрет о земле». Лицо Ильяса розовеет, лист «Известий» шевелится в его руках. Шуршит бумага, тяжело дышит Ильяс. Сколько крови пролилось, пока ленинская мечта стала явью! Он сворачивает газету, прячет в карман.

— Поехали! — Ильяс намеревается занять место впереди.

— Э, братка, — отталкивает его Ермил, — не обижай. Уж раз я ездовой, то и сидеть должон на передке.

Ермил забрасывает на телегу костыль и забирается сам, неуклюже гремя деревяшкой.

— Н-но, — командует Ермил, — н-но, едреный лапоть.

Кони степенно трогаются. Двое в буденовках вытягиваются рядышком во весь рост на соломе. Максим хлопает Ильяса по плечу. Ильяс тычет Максима кулаком в живот. Веселая возня вспугивает лошадей, они припускают быстрее. Ермил то и дело оглядывается.

— Знаю, сам-то ты никогда не спросишь, какого черта мы сюда нагрянули, — замечает Максим. — Поэтому сразу предупреждаю: готовься к отъезду, тебя ждут в городе друзья. Во-первых, мы с Фатимет приглашаем тебя на свадьбу. — Глаза Максима лучатся, как солнечные блики.

— Слава аллаху! — восклицает Ильяс. — Камень с сердца свалился. Поздравляю! С меня барашка...

— Это не все, — перебивает Максим, — есть новости и поважнее.

Он извлекает из кармана френча отпечатанный на машинке листок. Читает:

«Товарищу Теучежу Ильясу. Вам, как члену комиссии по подготовке к провозглашению автономии Адыгейской области в рамках Российской Федеративной Советской Республики, надлежит прибыть на заседание комиссии в четверг...»

Тихо становится на подводе, необычно тихо. И вдруг Ильяс снова наваливается на Максима, и снова начинается веселая возня.

— Зверь его знает, — пряча в рыжей щетине улыбку, добродушно бурчит Ермил, — и чего вы такие... такие...

Не найдя подходящего определения, он достает кисет и сворачивает козью ножку.

«Тук-тук-тук», — постукивают колеса.

«Жур-жур-жур», — откликаются жаворонки.

И уж совсем издалека долетает: «Ку-ку... Ку-ку...»

Две пары глаз уставились в небо. Тихое-тихое. Синее-синее. И родное-родное.

Майкоп — Москва.





